

Российский
Межрегиональный
Союз
писателей

Академия русской
словесности
и изящных искусств
им. Г. Е. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

17-й

ВЫПУСК

*По благословению
Патриарха всея Руси
Кирилла*

Санкт-Петербург
"ГАММА"
2018

3 79

*Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза писателей
при участии
Академии русской словесности и
изящных искусств им. Г.Р. Державина*

Под общей редакцией Е.П. РАЕВСКОГО

Шеф-редактор: Н.А. ВЕСЕЛОВА

Редактор отдела поэзии: Е.П. РАЕВСКИЙ

**Редколлегия: Л.А. Горянин, Н.Е. Кострицына, Л.П. Кизик,
Т.Л. Беляева, Г.Н. Тарасова, Е.В. Сакс, Ю.В. Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального Союза писателей:
www.rmsp.biz

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Официальный сайт Е.П. Раевского
www.evgeniyraevskiy.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2017 года*

**На первой странице обложки:
Дом-музей семьи Цветаевых в Тарусе
Фото из Интернета**

ISBN 978-5-4334-0381-9

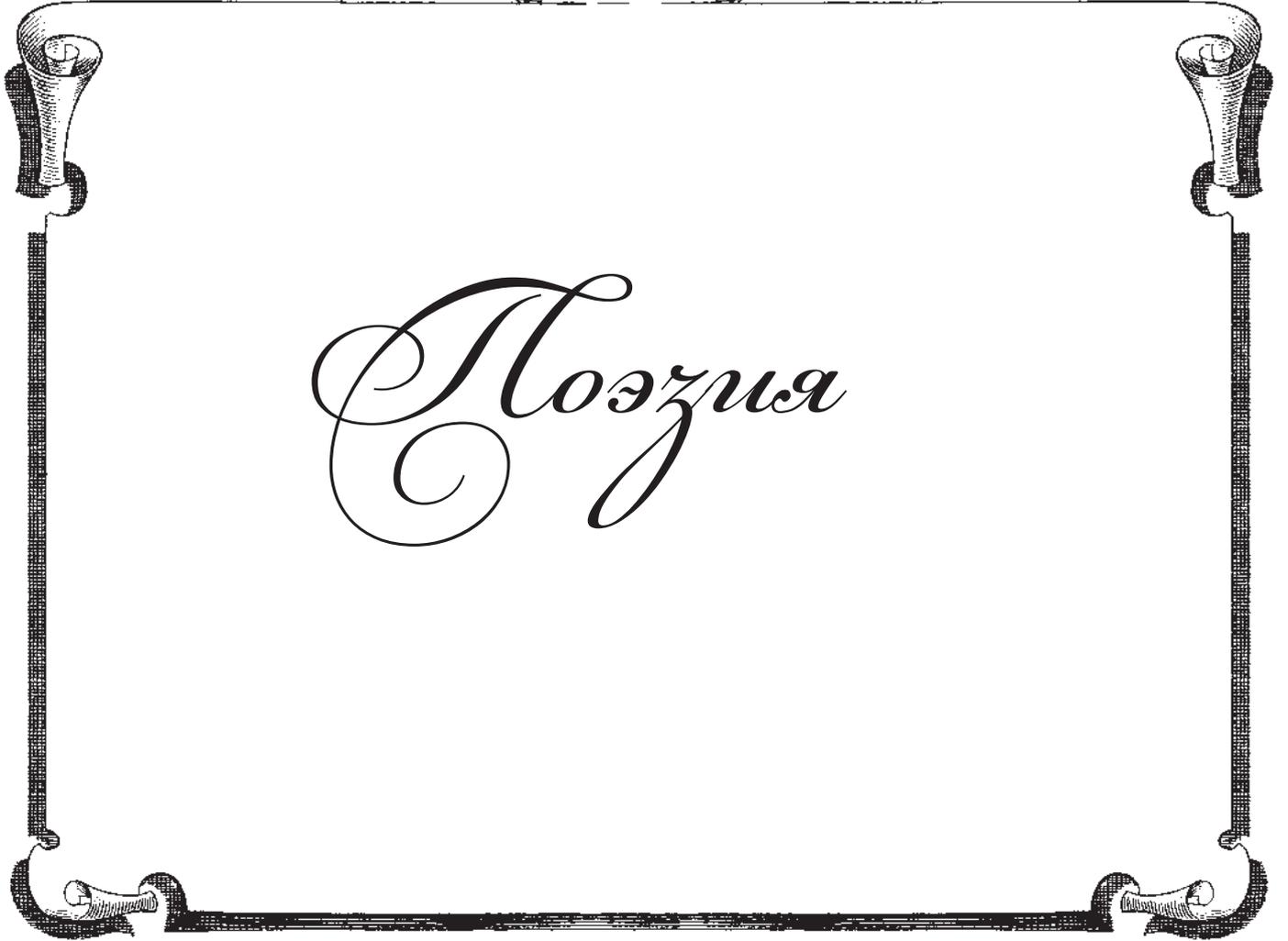
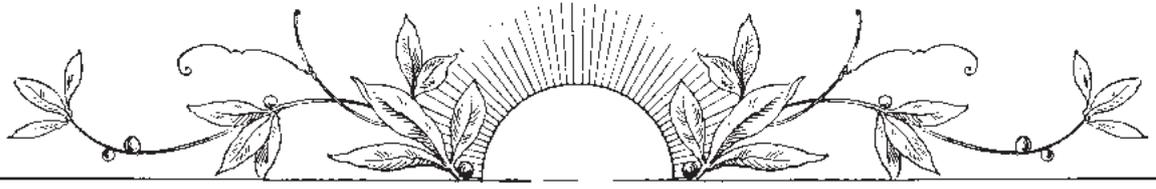
© Коллектив авторов, текст, 2018
© Н.А. Веселова, оригинал-макет
и обложка, 2018

*Академия русской словесности
и изящных искусств
им. Г.Р. Державина*

**Портрет работы Владимира ТИХОНОВА,
действительного члена Академии русской словесности
и изящных искусств им. Г.Р. Державина**

2018

Поэзия

ЕВГЕНИЙ РАЕВСКИЙ

Ожерелье вольных биографических сонетов

Каждый из нас предан кому-то или кем-то.
Ф. М. Достоевский

И муравей может быть вестником.
Китайская мудрость

I
Ты знаешь, что есть - побеждать?!
Владеть неистовством и верой.
Поправ терпением благодать,
Принять боль истины за меру?

Воспламенять в надежде страсть,
Вершить любовью свет сердечный,
Признанья пить легко и власть
И добрым слыть, и безупречным.

Излито честностью моей
Желанье - золото в строке,
Я не живу в смешной тоске,
Вкушайте, пейте мой елей,

С пера нектаром на цветке
Мой ямб, мой искренний хорей.

II
Мой ямб, мой солнечный хорей,
Возвеселились в строках звуки.
Рад капитан волшебный - Грей,
Бдят на штурвале его руки.

На крыльях алых парусов
Любовь, Поэзия и Тайна,
Вояж мечты, путь величальный
По бесконечьям полюсов.

В господней ласке жить легко,
Я рею знаменем сюжета,
При солнце, звёздах иль луне
Я рыцарь короля-сонета,

Я лью в бокал из хрусталя
Свет слов для чудо-короля.

III
Свет дивных слов для короля?
Нет! Для любви благословенной.
Святым талантом полон я,
Поэт - сверхчувственник Вселенной...

Был предан я и много раз
Друзьями, женщинами, властью...
Но вновь Господь дарил мне счастье,
Я снова знал, на что горазд!

Предавшим не швырну морали,
Я здравый смысл нёс всегда!
А вы себя обворовали -
Не слышит глупости звезда.

Страдать в плену своей вины -
Клевретом быть у сатаны.

IV
Клевретом быть у сатаны -
Удел бездарных и убогих,
В ком зависть требует войны -
Тому нет в Творчество дороги.

Нельзя заставить соловья
Проквакать голосом лягушки!
Орла - захрюкать как свинья,
Иль превратить себя в игрушку.

Невежество губительно для всех,
Безумной гидрой мечется по миру,
Так сделай так, чтоб воссияла лира,
А падший ангел не направил в грех.

Я истинник, я мистик, но не лъстец -
Меня учил быть искренним отец.

V

Меня учил быть искренним отец,
Я откровенник, болью изъясняюсь.
Ущербных злю, но за стихи не каюсь,
Для всех открыт мой радужный ларец.

Поэзия - созвездье красоты,
Мечты и ритма, счастья и удачи,
Коснутся сердца тёплые листы,
И я опять от радости заплачу...

В меня никто не верил, не читал -
Я шёл один к искусству всех искусств,
Но пробил час, и перьевой металл
Привёл к победе вдохновенных чувств.

Свет не наносит Творчеству вреда -
Для Зависти он вечная беда.

VI

Для Зависти Свет - вечная беда,
А я - светострелок, светоявленец.
Рождённый мной из-под пера младенец
Становится волшебным иногда.

Фуги печали, скерцо флажолета,
То модерато в звуках, то дуэт.
Мой нотоносец смел, пассаж поэта,
Темпо рубато... Свет, горящий свет.

Прекрасней фантазии Души,
Святых переживаний, огорчений.
Попробуй безлюбостью напиши
Рапсодию желаний и влечений.

Я ж Нежностью весную много лет,
Любезникам Поэзии - привет!

VII

Любезникам Поэзии - привет!
Я в том же пламени живу и обжигаю,
Сонетом я в загадки забегаю,
Но любящим понятен мой сонет.

Извлечь из пальца чувства для листа?!
Крысятничать иль гибнуть в плагиате?
Не для меня такая маята.
К Любви меня призвала Божья Матерь!

Янтарный кубок, лунное вино,
Воспоминанья познанных волнений,
С бессонницей в романе я давно,
И вот опять со мной господний гений.

Жгут, окрыляясь, нужные слова -
От счастья так кружится голова...

VIII

От счастья так кружится голова,
Так слёзы пламенны, что боль не ощутима.
Злость, хитрость, зависть - всё стреляет мимо.
Мне всё равно, что в мир несёт молва.

Я при Любви, при Творчестве, при Чести,
Я стал недосыгаем для врагов,
Я с Верой, вне политики, без лести,
Нет на пути моём пред совестью долгов.

Погрязшие в Невежестве, уймись,
Я лизоблюдов бил и буду бить,
Господь со мной, я избран им, как витязь,
Несущий говорящую финифть.

Нескромнен я, знать, звёздами ведом,
Они ко мне заглядывают в дом.

IX

Звезда ко мне заглядывает в дом
Великою возлюбленной и музыкой,
Я в песни был любовью так влеком,
Что Богу не кажусь смешной обузой.

Аплодисментами пылал концертный зал,
В оркестрах улучшалось настроение.
Андрей Петров однажды мне сказал:
«В поэзии ты - редкое явление».

Мы были оба членами жюри,
Я без стеснения принял похвалы -
Романс был признан лучшим на балу.
Но, нет! Не присудили мне Гран-При.

Сказали вновь, что я большой поэт,
Но жаль, что у поэтов денег нет.

X

Да! Денег нет и званий нет,
Но я вкусил признание без вложений,
Новейший мой, испытанный завет
Заложен в гордом имени Евгений.

Не Истина, Любовь меня ведёт,
Божественный талант святой печали,
Во мне он сохранился в изначали,
Вот он-то Песни песней и поёт.

В потоках кавалькадности словесной
Фантазий озорные кружева
И вновь любовь несёт слова,
Слова, с которыми мне спорить неуместно.

Ловлю я мысли света на лету.
Я знаю, кто мне шепчет красоту...

XI

Я знаю, что мне дарит красоту,
И Благодарен Господу вдвойне
За то, что с болью лет наедине
Пишу своей, а не чужой жене.

Меня склоняли к всяческим порокам,
Я мог бы жить иначе без труда,
Но все пороки для меня уроки,
Продажным не был я нигде и никогда.

В местах присутственных я потрясал задором,
Предсказывал губительность идей,
Смеялся над номенклатурным вором -
Безбожник для меня - никчёмник и злодей.

С невежеством содружен атеист -
Он зол умом и на сердце не чист.

XII

Кто зол умом, тот на сердце не чист,
С душой идите в православный храм,
В святой среде не приживётся хам,
Бездушник, мракобес и нигилист.

Был в море я, в горах и под землёй,
Закладывал шурфы и в мокрых мёрз палатках,
Учился в школах юности былой.
Я знал, что путь к Гармонии негладкий.

Всех ненавидящих меня - благодарю,
Без них бы не добился я успеха.
Враги мои - бесплатная потеха,
Шутов иметь престижно королю!

Опять вы на завистливой орбите?..
Ну, что ж, пишите пасквилы, пишите...

XIII

Пишите чаще пасквилы, пишите.
Какая прелесть в семьдесят узнать,
Что ты в таком сияющем зените,
Где бесполезна тьмы смешная рать!

Но мира вам, бездарности лакеи,
Шинкуйте премии - подачки сатаны.
Как дешёвы дырявые ливреи,
Так вы несёте крест чужой вины.

А я с кричащей вечностью в дороге,
С любовью женщин, в дарственных цветах,
С пером и лирой шествую при Боге,
Весь в нотах дерзких нежусь на листах...

Со мной не по пути? Вам будет горько
Безвествовать на творческой помойке!

XIV

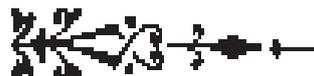
Безвествовать на творческой помойке?
Быть в холуях у бездарей? О нет!
Читать стихи в подвалах на попойках,
Не будет так позориться поэт!..

Я ж выхожу на сцены лучших залов
В компании великих мастеров.
Однажды мне Цветаева* сказала,
Что я мечтатель из других миров.

Сам Юрий Бондарев воскликнул громогласно:
«Не трогайте Раевского - он чист,
Поэзия его светла, прекрасна,
Художник слова он и признанный артист...»

В ключах хрустальных чистая вода,
И путь к ней доброволен, господа!

** Сестра Марины Цветаевой - Анастасия - неоднократно бывала на концертах Е. Раевского (прим. ред.)*

XV.

Путь к храму доброволен, господа!
Но что есть храм искусств - судите сами,
А если вас прельщает ерунда,
Идите к ней с закрытыми глазами...

Остерегайтесь мира и тепла,
Любви, мечтания, счастья и совета,
А я же там, где бьют в колокола,
Где вечная гармония рассвета,

Там, где весна, где вечная борьба,
Где ценят слёзы, где таланту рады.
Где к Богу долетающей мольба
Приносит долгожданную награду.

Где творчество - святая благодать.
Пойдём со мной, чтоб вместе побеждать!..

2018 г.

Санкт-Петербург

Выступление поэта Евгения Раевского в концертном зале «Россия» города Пятигорска

Виктор ОРЕШКИН

Букет моих признаний

* * *

Солнечный ветер морозного марта
Гонит печальную зимнюю стужу...
Те, кто в гармонии, знают, что нужен
Этот попутчик: лаванда, лаванда!

Хочешь – от моли, а хочешь – для ванны,
Хочешь – в платочек, а хочешь – в салаты.
Станешь сильней, позабудешь утраты,
Верной останется только лаванда!

Пусть у начальства одежда от «Прада» -
Нам не известны заботы Миранды...
Вас ожидает удача и радость,
И вдохновение цвета лаванды!

* * *

Еще далеко до июля –
До отпуска, солнечной плазмы...
Но вдруг повстречавшись с маразмом,
Скажите тихонько: «Пачули!»

Коль в сторону планы свернули –
Начальство работает прытко! –
В ответ с философской улыбкой
Махните рукою: «Пачули!»

Удобней усевшись на стуле,
Вдохните неспешно пачули...
И жизнь по закону Бернулли
Покажется раем... Пачули!

* * *

Кто-то слишком нервный,
Кое-кто бездельник,
Кто сопряжение учит
Долгие года...
Знаешь, в этой жизни
Только можжевельник
Помогает точно
Раз и навсегда!

* * *

Лютики-цветочки, розы да мимозы...
А у этой дамы непростые позы!
Нам бы разбежаться, нам бы подтянуться,

Может, наклониться, после – разогнуться...
Быть в отличной форме, как императрице,
Вам всегда поможет аромат корицы.

* * *

Когда не в радость будет утро раннее,
А зоркий глаз едва-едва открылся,
Всегда поможет запах кипариса
Оперативно прояснить сознание.

Вас ожидают, затаив дыхание,
Желая видеть вас и насладиться
Историей, что снова повторится...
И вам опять простится опоздание.

* * *

Художника срочно оставьте в покое!
Он занят делами, смотря в потолок,
И может быть, нам приоткроет такое,
Что вздрогнет Малевич, заплачет Ван Гог...

Непросто собрать утомленные силы
Непросто работать с утра захотеть...
Придется вдохнуть аромат апельсина
И смело опять на людей посмотреть.

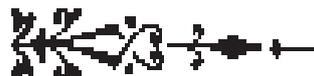
* * *

Суровы жизненные ветры,
А может, все-таки ветра?
Даруя разные предметы,
Судьба бывает к нам добра.

Прими без колебаний их ты,
Любовь с улыбкой выдыхай –
И стойкости сибирской пихты
Враги завидуют пускай.

* * *

Не стоит беспокоиться,
Переживать не надо –
Все в жизни обустроится,
И станет все как надо.

Восточные мелодии,
Восточный аромат –
И праздник на работе
Хоть каждый день подряд!

* * *

«На севере диком стоит одиноко...»
Бегут облака, снегопады, дожди,
И хлещут и хлещут ветра диалогов,
Диктанты, спряжения и аудит...

Нелегко подъем и достаточно шишек,
При доброй поддержке упорной руки
За мудрым учителем выше и выше
Вослед поднимаются ученики.

* * *

Будущее честно и открыто,
Я ж его не ведаю совсем.
Слава богу, прошлое разбито,
Да и мне уже не тридцать семь.

Ни аксессуары, ни наряды,
Ни шелка, и даже ни меха –
Только лишь цветы и ароматы
Вдохновляют музыку стиха.

Эти ноты так неуловимы,
Как сильна воспоминаний власть:
Прошлое врывается незримо,
И бурлит разбуженная страсть.

Будет жизни свежее дыханье –
Новый открывается флакон...
Но остался шлейф-воспоминанье,
Разноцветный ароматный сон.

* * *

Одними губами улыбку рисуя,
Вы руки мои безнадежно пожали,
Ничем не тревожась, ничем не рискуя,
Но странно вздохнули... И вдруг задрожали
Незримые цепи чужих поцелуев –
Как будто браслеты и кольца с камнями.
А камни глядят и мерцаньем ревнуют,
Не в силах с моими сравниться слезами.
С гармонией нотной сливается пенье,
Уносятся прочь драгоценные звуки,
И я добавляю прекрасные звенья,
Целуя восторженно дивные руки!

* * *

Время – не лекарь, все это для отвода
Полных слезами полуослепших глаз.
И на душе странное время года,
Так неспроста приворожившее нас.

То не зима – сплошь ручейки да лужи,
Да и не лето – только одни дожди...
Разве весна?.. но леденеет стужа,
Ветер не в мыслях, а по дворам чудит.

Видимо, время – странный такой садовник:
Память посадит – больше всего шипов.
Колет на сердце... И поцелуй – крыжовник,
Ягоды зелень – взгляд из далеких снов.

* * *

Крадется месяц сквозь цветы герани –
Ему-то что бессонница моя!
С тобою разговаривать стихами
Вчерашнего мне не хватило дня.

Так не хватает моря для заката,
И музыки, и времени забыть,
И слов, что не досказаны когда-то...
Так не хватает жизни долюбить.

* * *

«Пейзаж ее лица, исполненный так живо...»
И. Северянин

Читая по губам, с особенным стараньем
Перевожу морщин загадочную вязь...
Несказанное вслух теряется в дыханье
И оживает вновь, улыбкою лучась.

Так откровенно лгут тирады и наряды,
Старается не зря умелец-куафер...
И пудрениц метель, и прелести помады
Вовсю слагают миф изысканных манер.

А время – камнетес и терпеливый пахарь –
На незабвенный лик наносит письмена.
Слагается судьба, ее читает знахарь,
И мне когда-нибудь откроется она.

Мне будет этот день наградой за терпенье,
И каждый твой изгиб, и каждый твой нюанс
Прочитан будет мной твоим стихотвореньем,
А ты в ночной тиши услышишь мой романс.

Андрей МАНИЧЕВ

* * *

Тот мальчик с пластмассовой клюшкой
не знает, что будет со мной –
умоюсь ли собственной юшкой,
чужой заболею виной;
убью сизаря иль синицу,
с дороги на тропку сверну...
Я – мальчик, которому снится,
что он не пойдёт на войну;
что он на кириллице пишет
такие простые слова,
что только Господь и услышит...
Тот мальчик, которому два.

* * *

В стог, как в детстве, забиться, уснуть –
потерять этот мир ненадолго.
Но сквозь сон – теплоходы, и Волга;
выхожу – и так терпко и волгло...
И корова идёт как-нибудь,
через травы и звёзды; вернуть
никого не получится, вдосталь
накормили печеньем сухим...

* * *

...собака смотрит, как Господь
на заболевшего Иуду –
жалая плоть,
стремящуюся к чуду;
вот так и я, мой господин,
кровь подменяя мелом,
быть не могу один,
и с телом...

* * *

а всё окажется не так,
как в странных книгах Царств,
и не такой уж ты мастак;

на лестнице мытарств
избегнешь, если сможешь, всех –
простых, как дважды пять
(но маломальский вроде грех
потянет вниз опять),

и всё окажется, как встарь,
читаешь книги Царств;
ты переписчик, пономарь,
перед глазами киноварь –
до будущих мытарств...

* * *

За первый снег проставиться кому
не знаю, день вчерашний без оттенка;
ну а сегодня я как в терему,
и жизнь идёт не в дымке, не в дыму;
а яблоком, наверно, симиренко,
антоновкой пахнуло, воздух весь
напитан белой ртутью отглагольной...
Снежки летят, в крови тугая взвесь
всё безусловней – тише и безбольней;
ещё, пока я жив, пока я здесь!..

* * *

Сергею Псарёву

«Петербург – это остров и остров», –
мне поведал престранный грифон...
Где-то здесь, лет назад девяносто,
напивался Блок под граммофон.

...На дощатом, пустом полустанке
ни гранита, ни чёрной воды;
и я снова иду по Фонтанке
до Семёновской слободы.

* * *

Сыроежка блеснёт среди мха,
зайчик солнечный прыгает выше;
и в пожарном сарае труха
шелестя осыпается с крыши.

Ты по чёрной тропинке пойдёшь,
нож карманный откроешь со смехом;
дождь грибной, световой тихий дождь
полнит рощицу медленным эхом...

Игроки

Александр Матвееву

Всё между кошек и собак,
где человек один дурак,
в серьёзной жизни без причин
для женщин и мужчин...
Где ты сыграл не так.

Где авансцена ждёт плевков,
где под костюмом воки-ток;
полусухое или брют
пьют, говорят, поют...
Где шепчут между строк.

Где все достойны лишь строки
в программке, люди – игроки;
где из кулис торчат усы
из средней полосы...
Где все мы дураки.

Поэзия

...Бросаю слово в алфавит,
лети, мой лепесток.
Лети от рампы под софит,
и пусть он, красненький, кровит
опилки и песок.

Бросая камень в водопад,
ужели слышишь смех
паденья паданца во ад, –
сей безучастный камнепад,
сей бесполезный грех.

Невозможность

...и Господа видеть не может никто.
Так сам посмотри мне в глаза,
скажи, что Ты – Бог, а не лошадь в пальто,
не бинт, не фрактал, не кирза, не лото,
не лотос, не дождь, не гроза,
не время, не горе, не мать, не отец,
не пламя, не страх и не боль.
Скажи, что Ты – Вечность и Сердце Сердец,
Все Вешние Силы, Единый Творец.
Услышать и видеть позволь.
...Но вижу зарницы и слышу грозу,
и с древа спадающий лист
мне метит в лицо, вышибая слезу.
И сплюнул усталый флейтист.

* * *

Кончается просто дорога
на станции прожитых лет;
в подкладке и денег немного –
в буфете стакан, и билет
до станции нового страха,
где ты пригодишься едва...
Но всё пригодится рубаха,
её ты разделишь на два.
...И к новому телу привычка
позволит за час матереть –
поскольку и жизнь не отмычка,
и смерть не замок, просто смерть.

Юлий ТАРЕР

Прости меня за всю мою вину

Когда мы друг от друга далеки,
И нет надежд твоим согреться взглядом,
Вдали объятье дружеской руки,
И нет твоей души с моею рядом.

Прости меня за всю мою вину,
За то, что я тебе совсем не пара,
За то, что не берёг твоих минут,
Года свои, увы, теряя даром.

Быть может, я теперь тебе чужой,
И ближе нам не стать, но всё же верю —
Не может быть мечта совсем пустой,
Души родство не может быть потеряей.

Друг в друге чтобы нам не знать потерь -
И ты мне, заклинаю, тоже верь.

7 марта 2018 г.

В ночной тиши

В ночной тиши не спит мой дух,
И шепуршится мыслью ворох,
И утомлённый чуткий слух
Уловит самый тихий шорох.

И кошка дремлет у тепла,
Зелёный глаз лениво щуря,
А за окном ненастья мгла
Во тьме ночи погоду хмурит.

Из крана капли — тук, тук, тук,
В углу сквозь сон бурчит собака,
Шагов каких-то быстрый стук
Доносит тишь ночного мрака.

И я уже который раз,
Стремясь тоску свою развеять,
Рифмую жизни пересказ —
Желая в смысл её поверить.

21 февраля 1998 г.

Если жив

Проходит день, за ним другой,
Одна любовь, за ней другая,
И заметён тоски пургой
Дорожный семафор мигает.

Мигнёт одним, потом другим
Далёким разным глазом,
Дорожный воспевая гимн
Для всех идущих сразу.

И сквозь тоскливую метель,
И дождь холодный и косой
Проходит жизни канитель,
Мигнув пути любви красой.

Но путь, податлив красоте,
И лишь идущий впереди,
Что тоже полюбить хотел,
Ответит — если жив, иди.

2 июля 1998 г.

Утро

Светает. Над горизонтом
Звезда побледнела и сникла,
Петух с неотъемлемым понтом
Опять кукарекает хрипло.
В тенистой и влажной прохладе
Неспешно черты проступают —
Кустарника тающей глади,
И тропки, что в сад убегает,
Вот стали почти различимы
Все доски крыльца и ступеней,
Ночная тоска излечима
Заутреней — Сказкой Сирени.

13 апреля 1995 г.

* * *

Не говорите сердцу — да,
Когда любовью вновь беда,
И если можете забыть —
Забудьте чтобы просто быть...

Не говорите сердцу — да,
Любви боитесь Вы когда,
Когда была стрела Амура
Совсем не Вашей синекурой.

Но если жить не в силах Вы
Один, средь трав и синевы,
Средь слёз и музыки планет —
Не говорите сердцу — нет.

10 мая 1998 г.

Два часа

К тебе хоть изредка приехать,
Прожить счастливых два часа —
Любовь опора и помеха,
И дрожь на злых судьбы весах.

К тебе приехать издалёка,
И снова раствориться вдаль,
Как жаль, что Лета так глубока,
Как глубока́ моя печаль.

К тебе хоть изредка приехать,
Прожить счастливых два часа —
И в платонической утехе
Быть может, верить в чудеса.

10 мая 1998 г.

* * *

В каком-то таянье снегов —
В каком-то далеке,
От серебристых облаков,
Летящих налегке,
Сквозь необъятный свод небес
Прозрачно голубой,
И сквозь душистый хвойный лес,
И сквозь морской прибор
Я слышу эхо красоты,
И я его ловлю —
Со мною любящая ты,
И я тебя люблю.

20 марта 1998 г.

Летний день

Какой покой, какая благодать —
Июль, и лето потеплело,
Согретый Солнцем ветер в радость,
И сердце сладостно запело,

Жасмин расщедрился цветами,
И травы пряные волнами
Под летним ветром в перекаты
Играют, клевером богаты.

Шиповник розами качает,
Они раскрыты, источают
Свой нежный, чудный аромат,
И счастлив шмель, красой объят.

Как мне его завидно счастье —
В трудах он любит и любим,
Всем существом природы власти
Я тоже счастлив дням таким.

Когда б я был цветок иль шмель
Любил бы я свою купель —
Но я трудясь всё скитаюсь,
И с долей этой лишь смиряюсь.

И этот летний день прекрасный —
Награда мне в трудах моих,
Коль труд мой будет не напрасный,
То счастья хватит на двоих.

2 июля 2003 г.

Какое лето

Какое лето,
Какие грёзы,
Здесь места нету
Седым морозам,

Я снова ожил,
Надеясь выжить,
Мороз по коже
Закатом рыжим,

Здесь места нету
Глухим угрозам,
Какое лето,
Какие грозы!

Я снова вышел
За жизнь походом,
Какие тиши
В заре восхода,

Какое лето,
Какие грёзы,
Я сын планеты —
Где рдеют розы!

15 июня 1998 г.

Счастье

Я видел счастье — в твоих глазах
Сияло Солнце и цвели цветы,
Прекрасных крыльев снова взмах —
Влюблённых двое — я и ты.

Наперекор несчастьям и испугам
На этот раз мы влюблены друг в друга,
И третий лишний нам не в новь —
Уходит он. Пришла любовь.

Прекрасных крыльев снова взмах —
Не будет туч на небесах,
И нет границ у красоты —
Друг друга любим — я и ты.

29 августа 2001 г.

Александр КЧДБВ

Жизнь учителя

На работу - спозаранку,
Лишь слегка забрезжит свет!
Не держу я деньги в банке!
В кошельке их тоже нет!

Здесь судьба не виновата -
Та, что знак для корабля!
Виновата тут зарплата -
Нету лишнего рубля!

Снова должен я отчизне!
Вспоминаю я опять:
Ждут меня «цветочки жизни»
В школе номер двести пять!

Там они растут чудесно
В классах светлых и больших,
Но в стенах бывает тесно
Юным ярким душам их!

Им - сливаться бы с природой
В поле, в речке иль в лесах.
Им бы спорить с непогодой
Без зонтов, утратив страх!

Им бы буйствовать на воле,
Без барьеров и преград,
Но они сегодня в школе -
Вновь за партами сидят...

Каждый - так красив и молод;
В их глазах - познания свет,
И в стенах с названьем «школа»
Их родней и ближе нет!

Выбираю смысл старый,
Всё ж в душе его кляня!
Ведь Мальдивы и Канары
Не дождутся вновь меня...

На работу - спозаранку!
Мне будильник - враг, похоже...
Не держу я деньги в банке!
И в бутылке, кстати, тоже!

Лошадь-ученица

(подражание Владимиру Маяковскому)

Чтоб это видеть - не надо на площадь,
Не будет от этого прока!
Вдруг в школе взгрустнула, заплакала лошадь -
Не выучила урока!

Лошадь, не плачьте! Лошадь, слушайте:
Вы думаете, Вы их плоше?
Ведь даже Ваш любимый учитель -
Процентов на семьдесят лошадь!
Эй вы, заграничные львы, учтите -
Задачи сложнее и круче,
Но в нашей школе - такой учитель,
Который и лошадь научит!

Подумаешь, двойка! Не грустите о том!
И лошадь отправилась в стойло,
Широко улыбнулась, взмахнула хвостом...
И в школу ходить, и учиться - стоило!

Нюансы чувств

Вновь, в полутьме мелькая платьем,
Бежала девушка навстречу,
А парень распростер объятья!
Они уж вместе каждый вечер!

Они ведь всё преодолели?
Иль обстоятельства погубят
То чувство, что сейчас лелеют?
Уж влюблены? А может - любят?

Любовь не дружит с «первым взглядом»,
И не бывает «с первой ноты»!
Она дается как награда!
Она - итог души работы!

Влюбленность же - другое дело!
Она - костер, готовый вспыхнуть!
Она дрожать заставит тело,
И к дрожи той нельзя привыкнуть!

Пройдет влюблённость, без сомнений,-
Ведь срок её совсем недолог!
От «лучезарных отношений»,
Увы, останется осколок...

Уже бескрылая влюблённость,
Ничем в душе не заменившись,
Вдруг обозначит обреченность,
О мир реальности разбившись...

Любовь - всегда другому служба.
Влюбленность - сладкая напасть!
Любви основой будет дружба,
Влюбленностью же правит страсть!

Шаг судьбоносный нынче сделать,
Кипя от чувства, не спеши!
Влюблённость ведь - томленье тела,
Любовь же - преданность души!

Моя книга

Лежала книга на столе
Лицом-обложкою ко мне.
Она к себе людей манила,
Но вслух о том не говорила...

Здесь мама вновь для малыша
Прочтет о кошке не спеша.
Стихотворенье про слона
Найдет, наверное, она.

Всему настанут в жизни сроки.
Миг романтичности лови!
Для «жертв» Амура – стрелы-строки
О яркой и большой любви...

Извечный истины искатель -
О смысле творчества поэта -
Узнает нынче мой читатель,
И мне весьма приятно это.

Героев здесь мелькают лица.
Не скрою – я сегодня рад!
Ведь эти книжные страницы
Моими мыслями шуршат...

О лекарстве от печали

Снова все мои печали
Запыхтели, заворчали -
Недовольство выражают,
Поглотить меня желают,
Омрачают мои дни!
Ох, нелегкие они!

Ведь зарплата маловата,
Не дана «ума палата»,
Очень мало отдыхаю,
По ночам уж не мечтаю,
Вместо творчества рутина -
Вот невзрачная картина!

А еще на склоне лет
Прежней прыти больше нет,
И не радуется весна -
Лишь порой лишает сна...

Слышу дивный голос внучки:
«Дед, возьми меня на ручки!».
В этот миг мои печали,
Устыдившись, замолчали...

Вновь открыты все пути,
Радостно по ним идти,
Потому что голос звонкий
Малолетнего ребенка –
Ариадны словно нить!
С ним легко дышать и жить!
Пусть ему лишь пара лет -
Он несет любовь и свет!

* * *

Сближаются мужчины в трудный час!
Поддержит пусть опять собрат собрата!
Во всем, что так мучительно для нас,
Вы, женщины, конечно, виноваты!

Смеетесь? Издеваетесь опять?
Ни в чем не убедить вас, хоть убей!
Кто заставляет деньги получать
И тратить их не только на друзей?!

А бриться как отвратно по утрам!
На эту пытку кто же нас обрек?
А выносить из дома старый хлам?
Его бы мы сложили в уголок!

О, дама! Ничего не стоит ей
В момент, когда по телику футбол, -
Прекрасною фигурою своей
Бесстыдно заслонить победный гол!

Вы, безусловно, виноваты в том,
Что мы без вас, увы, в душевной муке;
Не забываем, что у нас есть дом,
И к вам стремимся в любящие руки!

Чтоб быть достойным вас - приходится потеть...
Да, трудно, но спасибо вам за это!
Вы не даете киснуть и толстеть
У телевизора или в углу с газетой!

* * *

«Опустите, пожалуйста, синие шторы»,
Чтобы солнечный луч, пробиваясь сквозь них,
Заиграл бы на грифе гитары и скоро
С мелодичными звуками в душу проник...

Согреть бы несмелой струною хотел я
Сердце женское - бездну таинственных сил.
А оно ведь давно в себе песню носило,
Но запеть его громко - никто не просил...

Тихо трону я струны, и в самом начале
Звуки мягко польются, стараясь успеть,
И стремясь не спугнуть эту птицу печали -
Эту женскую душу, начавшую петь...

И тогда единение в мире настанет,
И тогда - наяву вы увидите сон,
И тогда вдруг сольются звучащие сами
Звуки музыки, нежность, любовь - в унисон!

* * *

Год пролетел, не взмахнув и крылом.
Будут метель и ветра за окном...
Снова друзья собрались в этот дом -
Праздник нельзя отложить «на потом»!

С друзьями своими сегодня мы рядом.
Мы встретимся с ними сердцами и взглядом...
Как ярко украшен наш праздничный дом!
И вовсе не страшен мороз за окном.

Декабрь помогает собраться нам вместе,
И мы вспоминаем о дружбе и чести...
Звучит здесь негромко бокалов стекло.
Пусть будет в том доме тепло и светло.

Застольный оратор с речей не собьется,
Над шуткой собрата собрат посмеется.
И все мы, конечно, к успеху придем!
Спокойно, ребята! Нормально живем!

* * *

Вас с Днем рожденья поздравляем!
Пусть этот день прибавит сил,
И мы сегодня пожелаем,
Чтоб он Вам радость приносил!

Желаем Вам всегда, во всем
Везенья и успеха,
Чтоб полон был Ваш добрый дом
Веселья, шуток, смеха!

Пусть дарит каждый день тепло,
Удача улыбается,
Пусть будет ясно и светло,
И все мечты сбываются!

* * *

Вас обаянием природа наградила,
И этим самым возвела на трон!
Вы - женственности чудный эталон,
И в этом - Ваша слабость, Ваша сила...

Коль были, Вам Творец простит грехи,
И защитит от горя, иль от боли.
Поэт подарит Вам свои стихи,
А друг, как водится, всего полпуда соли!

Хочу, чтоб Ваша тонкая душа
Для грусти оснований не имела,
И чтоб она негромко, не спеша
Гитарною струною нежно пела...

Серая ворона

Она в народе нелюбима!
Признаем, есть тому причина!
Берет от жизни «не поooo чину»,
Не пропустив удачу мимо!

Не безупречна эта «птичка»!
Ведь всем известно - вор она,
И эта гнусная привычка
В ее названье включена!

Дроздов потомки, коль случится,
Едва остались без отца, -
Ворона из гнезда птенца
Утащит, стоит отлучиться!

Будь осторожен, воробей!
Не пощадит она крысенка,
Новорожденного котенка, -
Любого, кто её слабей!

Преодолев позор и страх,
Не заслужив себе прощенья,
Она живет и в городах,
Вновь получая угощенье!

Здесь королевою помоек
Себя ворона ощущает,
Опять «в себе души не чаёт»
Хозяйка наших новостроек!

К себе врагов не подпускает
И не подвластна никому!
Она прекрасно понимает,
Что в этом мире и к чему!

Она нахальна и умна,
Коль нужно - до семи считает,
Птенцов отважно защищает,
И в этом мире не одна!

Её обманчив серый цвет!
Ведь личность так незаурядна,
И ни к чему ей быть нарядной -
Средь птиц её смысленей нет!

Вороны снова с нами рядом.
Опять я вижу среди домов
Мудрейших птиц-«профессоров»,
Меня «сверлящих» острым взглядом...

Сапсан

Его стремительный полет
На голубей наводит страх,
И крыльев свист его в ушах
Забиться птицам не дает!

Он появляется мгновенно
И атакует! Ну, держись!
Ведь в гонке под названьем «жизнь»
Найдет свой шанс он непременно!

По скорости он чемпион,
Чужую жизнь жестоко губит,
Но нападать на жертву любит
Лишь в воздухе, в полете он...

И подозрение старо,
Что с каждым может все случиться.
А с неба к нам летит перо -
«Письмо» о смерти бедной птицы...

Кабан

Я стал матерым, не назло природе!
И почему-то - вспылчивым притом...
За острые клыки на мощной морде
Меня назвали люди секачом.

Никто со мною не хотел сразиться -
Видать, солидным стал уж облик мой.
Взлетала из-под ног в испуге птица,
И звери обходили стороной!

Но как-то, скрыв почти себя в бурьяне,
В какой сезон - не помню уж теперь,
На не видавшей ужаса поляне
Засел в засаде очень крупный зверь...

Напал внезапно, молнии подобно!
Я в шоке был. Ну как себя спасти?!
Терзать мое он тело начал злобно,
Не оставляя шансов мне почти!

Но я - секач! От трусости не плачу!
Я стал могучим - видно, дело в том!
Теряя силы, развернувшись, начал
Неистово орудовать клыком...

Тигр отступил, испуганный отпором
И рану получив на голове.
Он уходил, смилив свой гордый норов,
След крови оставляя на траве!

С тех пор уже прошли неспешно годы -
Они текут, как и в реке вода,
Но бешеный оскал тигриной морды
Я не смогу забыть уж никогда!

Евгений СМОЛЯКОВ

Творчество

Слова ржавеют, как жестянки,
Тускнеют,

выпавши в тираж.

Поэт берёт для их огранки
Стило,

перо

иль карандаш.

Но и в порыве вдохновенья
Не всякий раз ему дано
Промолвить слово утешенья
Иль правды

горькой, как вино.

Но что-то около витает,
Держа творца настороже.
Проходит ночь без сна,

светает

И в атмосфере, и в душе ...

И вот свершается, как чудо:
На лист ложатся покрова!
А он не ведаёт,

откуда

Приходят вещие слова.

Несение креста

Тому не страшен мрака гнёт,
Кто душу вкладывает в строки:
И свет над теменью встаёт,
И отступают лжепророки.

И пусть неволи и сумы
Он обречён влачить за слово, –
Сегодня он потряс умы,
А завтра рушится основа.

Иным – не весь в окошке свет,
А для кого-то небожитель, –
За всё отвечает поэт,
Когда он душ и дум властитель.

Пусть кровью запеклись уста,
Каменьями ложатся строфы,
Он длит несение креста
До уготованной Голгофы.

Оттепель

Вновь пришлось доставать из баулов
Телогрейки, что стали тесны.
Ах, как оттепель нас обманула, –
Мы ведь ждали прихода весны!

В доме та же завеса глухая,
А за окнами ажиотаж.
Снег,

водой изнутри набухая,

В серый колер окрасил пейзаж.

Всё, что было стройнее и строже,
Вдруг утратило прежнюю связь.
Снова оттепель –

хлябь,

бездорожье,

Чистоту победившая грязь.

Пусть обрушится – что обветшало,
Что нежизненно – пусть отомрёт!
Подморозить бы всё ж не мешало,
Чтобы двигаться дальше – вперёд.

Возвращение

Художник зря мараёт лист,
Когда колеблется треножник:
Творцом задуман атеист,
А получается безбожник.

Мы,

как бы ни был мир наш строг,

Росли без розог и гороха.

И от религиозных догм

Освобождала нас эпоха.

Я с догмой вёл негласный спор,
На лики с нимбами глаза,
А златокупольный собор
Воспринимал как род музея.

Хватая воздух жадным ртом,
Стремясь в душе развеять темень,
Я делал дело,
 да не то,
И верховодил,
 да не теми.

И гордо рея, как орёл,
Над нивой равенства и братства,
Я смелость странную обрёл
И посягнул на святотатство.

И вот,
 когда мы все должны
Ответствовать на вызов эры,
Пришли сознание вины
И благо дарственное веры.

Ни дел, ни мыслей не таю
И воплям страждущих внимаю.
За дерзость давнюю мою
Господь простил меня,
 я знаю.

Уйду от мира не во зле,
Смирив норы атаманский.
И предадут родной земле
Мой бранный прах по-христиански.

И будет пасмурным рассвет,
Придавит гроб земля сырая,
Когда,
 оплакан и отпет,
Предстану пред вратами рая –

Свободный от земных забот
И в лоно церкви возвращённый,
Прощённый Господом,
 да вот
Самим собою не прощённый.

* * *

Как скорбь светла на тихой тризне
Того, над кем померкнул свет,
Кто,
 уходя из бранный жизни,
Оставил памятный свой след.

Не избежать живущим тленья –
Я эту истину постиг.
И если нам дано прозреньё,
Оно придёт в последний миг.

О, как во всю гнедую прыть
Мы молодыми скакунами
Копытим грунт,
 что под ногами,
Стараясь гуще наследить!

Гарцуем лихо в годы роста
И затихаем у погоста.

Перед расплатой

Осенний мрак.
 Поля в стерне,
А полоса моя не сжата.
За всё,
 что было не во сне,
Грядёт,
 как должное,
 расплата.

И дождь пролившая гроза,
И стынь,
 что блага не дарует,
И долгий взгляд глаза в глаза –
Всё мне о том же повествует.

В ненастье памятных годин,
Дыша дурманящим угаром,
Я оступался не один
Меж наводнением и пожаром.

Полымя жизни обожгло,
И на душе осталась мета.
За всё,
 что было и прошло,
Куда укрыться от ответа?
Не зовом всяческих пролаз,
А только собственным недугом
Мы приближаем судный час,
Всем воздающий по заслугам.

* * *

Всегда выходит боком
Замена вех в пути.
И то, что видел оком,
Сегодня не найти.

Без веры в искру Божью
Взывая к небесам,
Бреду по бездорожью,
Куда – не знаю сам.

Потеряно начало
И не видать конца ...
А осень величаво
Одела деревца.

Узор багряный вышит
На зарослях раки.
Но небеса не слышат,
О чём душа молчит.

Какая тронет неждаль,
Чтоб зазвучала вновь!?
Утрачена надежда,
Растрочена любовь.

Когда-то многозвонно
Стремилась за мечтой,
Теперь опустошённо
Не верит ни во что.

Где к правде путь тернистый
И где прозрачный свет?
Вокруг одни туристы –
Аборигенов нет.

Душа в чужом вояже
Стенает и свербит,
Но никому не скажет,
О чём она болит.

Во мгле продажности и лжи

След не простыл ещё, а, глядь
Уже грызёт тоска по дому.
Я вышел – нет, не погулять,
А – головою в жизни омут.

Под безымянную звездою,
Не ведая, что впереди,

Я вышел раннею порою
В начале долгого пути.

В дали, куда тянулись стёжки,
Теряясь в хмари иль в дыму,
Меня встречали по одежке,
А провожали по уму.

Я не играл с судьбою в прятки
И был в готовности не раз
На дерзкий вызов без оглядки
Истратить свой боезапас.

Срываясь влёт на междометья,
Я шёл вперед что было сил
И за три четверти столетья
Ни в чём себе не изменил.

Но, как ни мчатся годы-кони,
Всё от начала не вдали
Я – как ребёнок на ладони
Великой матери-земли

В дефолтах жёстких новой эры
Себя по крохоткам собрав,
Я не утратил прежней веры
Во благо Правды и Добра.

И, не забывший святость детства,
Во мгле продажности и лжи
Ищу врачующее средство
От оскудения души.

Затерянный родник

Моя поэзия – ненайденный исток
И в знойный день непознанное благо.
Поодаль от протоптанных дорог
Таится в нём живительная влага.

Но жаждою познания влеком,
Преодолев невспаханное поле,
Потомок мой отыщет водоём
И перед ним склонится поневоле.

* * *

Слово – выбитый в памяти след,
Средство верное от забвения.
Я в России последний поэт
Уходящего поколения.

Ирина КОВШЕВНАЯ

Мессия

Часть первая

В пещере, на краю пустыни,
Родился мальчик. В те далекие года,
На небе в знак рожденья Сына
сияла вифлеемская звезда.

Во сне Иосифу явился ангел
И волю Бога возвестил:
«Иисусом нареки младенца,
Он послан этот мир спасти».

Кров посетили три волхва -
три старца,
Держа в руках священные дары.
Молитвою во здравие младенца,
Приход Мессии миру вознесли.

Один из них, с тревогой в сердце,
Марии-Деве прошептал:
«Беги в Египет и спасай младенца,
Час испытания настал».

Над Вифлеемом стонут души.
Избиты мальчишки-младенцы,
Ирод злой
Средь них послал искать Иисуса,
Рыдания, вопли над землей.

Младенца вывезли. Страна чужая
Их приняла в то время. И тогда
Борясь с нуждой, не редко голодая
Молитвой жили долгие года.

И снова вещий сон. Иосиф видит
Посланца-ангела, кой возвещал:
«Ступай с семьей на землю Израиля.
Нет тех, кто душу отрока искал».

Скончался Ирод. И лежит дорога
На землю предков. Выполнен завет.

После мытарств, скитаний долгих,
Их принял город Назарет.

Иисус из Назарета, Боже правый,
Во истину с небес сошел.
Во имя Господа, во славу
Путь праведника выбрал,
в мир пришел.

Мессия, Бога сын явился,
Слышны все чаще голоса.
Спаситель в Иордане покрестился.
Идет в народ. О, слава небесам!

Часть вторая

Сын Божий к нам сошел на землю,
Чтоб души к вере привести.
И Господа заветам внимля,
Пришел в наш мир - его спасти.

Приход был предначертан свыше.
Печальный взор в отчаянье застыл.
Весь облик этот, сам Всевышний
Великим состраданием одарил.

Перед глазами муки и терзанья.
И боль, что испытал народ.
Помочь несчастным – вот его желанье.
Спасти забытый Богом род.

Но по началу мир сопротивлялся.
Смятенье было в душах и умах.
Коварный дух упорно не сдавался
И сеял смуту в непокорных головах.

Ученьем праведным Спаситель
Сумел согреть холодные сердца.
Он исцелял больных. И его речи
Все чаще доходили до дворца.

Вокруг сгущаться стали тучи.
Скопились ненависть и зло.
Первосвященники, народ измучив,
Травили веру и добро.

Часть третья

Святая пасха. В настроении гнетущем,
Спаситель в окружении своем:
«Вино есть кровь моя, хлеб – тело.

Предающий
Вкушает с вами за моим столом».

«Предатель кто? Мы за тобой, Учитель,
Прошли скитанья, веру сохраняя».
«Не надо, лишь скажу сегодня,
Ты, Петр, трижды отречешься от меня».

Так завершилась тайная вечеря.
И выйдя в Гефсиманский сад,
Иисус взглянул на небо и бледнея,
Изображенье видит в небесах.

«О, Боже, Отче, пронеси ту чашу» -
Молился. И, страдая, Он
Вдруг понял, послушанье свыше,
Есть заповедь Отца – Его закон.

Смирился с неизбежным. Видно надо
Пройти сей путь по замыслу Творца.
И поцелуй предательский Иуды,
Началом стал жестокого конца.

Христа схватила стража. Фарисеи
Готовы были, травля началась.
И ко дворцу Пилата, словно зверя,
Его вели безжалостно глумясь.

Пилат смотрел в глаза Иисуса,
Пытаясь истину понять.
За что терзают плоть и душу?
Как быть? Теперь ему решать.

Помиловать решил. Но слышен ропот
И крики необузданной толпы.
Шипенье фарисеев, топот.
«Решайте сами, умываю руки. Вы

Судите и решайте, вам виднее.
Мой приговор – помиловать его».
Распни, кричали злее, злее.
Распни, крест приготовлен для него.

И суд решил: распять, виновен.
Жестокий, страшный приговор.
Венец терновый сжал до крови,
Рубцы сочились, покорился он.

Процесс закончен. Впереди Голгофа.
Он чувствовал, что рядом смерть.
И был готов. Во имя Бога
Теперь он должен умереть.

Как тяжек груз. Сочились раны.
Нет сил, но надо крест нести.
Во имя истины. Жестокая охрана
Терзала плоть и душу на пути.

От жажды пересохли губы.
От боли исказилось лицо.
Он все терпел, смирясь с насильем грубым.
И плоть сжимало подлости кольцо.

Распят. Но жизнь еще струится.
Последний раз взглянул на небеса.
И мысль Его умчалась вещей птицей
Туда, где ангелов Он слышал голоса.

Кровь струями текла по коже.
Застыл Его смиренный взгляд.
«Прости, - шептал, - прости их, Боже,
Не ведают они, чего творят».

Свершилось. Небо потемнело,
Земля тряслась, и грянул гром.
Обрушил гнев Отец за Сына
Кровавым огненным дождем.

Эпилог

Но Он воскрес, воскрес из мертвых.
И смертию своею смерть поправ
Живет в нас ради помыслов Господних,
Раскрепощенья душ, лишенных всяких прав.

Наталия ЖУРАВЛЕВА

Двое

Поэма

(Окончание. Начало в №№ 14,15,16)

Глава 7

Пора уже мне рассказать о нём,
Влюблённом и покинутом внезапно.
Он ночью тосковал по ней и днём,
Но уходило время безвозвратно,
А от неё всё не было звонка.
И сердце раздирал разлуки коготь,
Наваливалась чёрная тоска,
Гасила свет зари сомнений копоть.
Нетерпеливо сам тревожил он
Пустой эфир бесплодными звонками,
А равнодушный серый телефон,
Захлёбываясь длинными гудками,
Молчал, как на допросе партизан,
Прикинувшись глухим и бессловесным.
И обжигали слёзы вдруг глаза...
О, как хотел бы стать он бестелесным!
Взметнуться птицей в облачную высь,
Чтоб отыскать утраченное счастье,
Потерянным наполнить смыслом жизнь,
Занять у Бога звёзд или украсть их
И постелить под ноги Млечный путь
Единственной своей, неповторимой!
Он был готов на всё, чтобы вернуть
Сиянье глаз и тихий смех любимой.
Печаль переливалась через край
Его души, отчаяньем налитой.
«Господь, убей меня Ты, покарай!» -
Шептал с тоской крамольные молитвы.
Он что-то ел, а что - не замечал,
Ходил курить на лестничную клетку.
На пятый день с утра он повстречал
На лестнице усталую соседку.
Она была бледна, утомлена,
Но радостью лицо её светилось.
«Как изменилась к лучшему она!»
И пошутил: «Цветёшь! Ты что, влюбилась?»
Она кивнула весело в ответ,
Но голос дрогнул от воспоминанья:
«У нас в больнице новый пациент.

Три дня провёл он в коме, без сознания.
История житейская вполне:
По пьянке угодил он под машину.
То ль на машине, то ли на стене
Увидел вдруг с женой своей картину.
Ну, и рванулся к ней на красный свет...
Весь в переломах, а жена в горячке.
Конечно же, такой картины нет,
Привиделось от водки, не иначе.
Он был тогда от горя во хмелю:
Узнал вдруг, что жена нашла другого!
А я его, наверное, люблю...
Мне жаль его, несчастного такого.»
«А что жена?» - закрыв рукой глаза,
Спросил соседку, страх во взгляде пряча.
«А про неё не знаю, что сказать...
Сломал ей нос, три дня была в горячке.
Теперь очнулась, но не ест, не пьёт,
Лежит пластом и тупо смотрит в стену.
Конечно, от него она уйдёт.
И я б ушла... Но он же – за измену!
А он хороший, добрый, юморной:
Весь в переломах, а просил конфетку!
Ну, вот не повезло ему с женой!»
Но он уже не замечал соседку.
Тяжёлым громом - пульс в седых висках:
«Избил! Подонок! Ну, получит сдачу!
Её носить я буду на руках!
Сниму все деньги... Увезу... И спрячу!
Родная, потерпи ещё чуть-чуть!
Я идиот – не обзвонил больницы...
Родная моя девочка! Лечу!»
И он с соседкой поспешил проститься,
Себя заставив ей тепло сказать
И по щеке зардевшейся погладить:
«Хочу тебе я счастья пожелать!
И береги себя ты, Бога ради!»
Но не утихли гнев его и боль:
«Убью мерзавца!» И дрожали руки,
Когда он пистолет свой брал с собой.
«Убью! Не жить на свете этой суке!»

И ходуном ходили желваки
На побледневших напряжённых скулах,
И яростно сжимались кулаки,
Зрачки смотрели, как два чёрных дула.
И в голове выстраивался план:
«Сначала в банк. Сниму все деньги сразу.
И в камеру хранения чемодан.
Её – домой. И в ночь убью заразу.
А Бог не выдаст – и свинья не съест,
Летают самолёты ежечасно.
На свете много симпатичных мест,
Где с долларами можно жить прекрасно».

А наверху затих горячий спор,
И потрясённо Двое вниз глядели.
И не казался больше уговор
Таким забавным им на самом деле.
«Ах, Ты же мой! Вот и доверься им,
Оставь без надлежащего надзора!
Ведь как дурак с оружием своим:
Наделает несчастий и позора!
Решил он укрепить её любовь,
Убив едва очнувшегося мужа?
Клянусь рогами, наломает дров!
По-моему, уже вмешаться нужно!»
«Вмешаться и сорвать эксперимент?
Судьбу решает ЧЕЛОВЕК впервые!
Картины общей крошечный сегмент
Откроет нам возможности иные!
Или тебе неинтересно знать,
Что могут люди, если дать им волю,
Способны ли решение принять,
Не думая о гневе и о боли?
Я их люблю – больших и малых сих,
И, как Отец, за каждого в ответе.
Но на примере этих чад своих
Понять хочу Я, как взрослеют дети.
Как набивают шишки без меня,
Как душу применяют, ум и сердце!»
«Ну-ну, давай! От адского огня
Сыночку Твоему не отвертеться.
Набьёт себе он шишку – будь здоров,
Ребёночек седой и непослушный!
И я заткну за пояс докторов:
Лечить возьмусь ушибленную душу!» -
Захохотал невесело Один
И спрятал взгляд сочувствия за веки.
«А ты прогнозы строить погоди,
Не так уж безнадежны человеки!

Подчас глупы, зато душой мудры,
Порой их разум верх берёт над злобой.
Нет, не меняем правила игры:
Мы терпеливыми должны быть оба!»
Другой вздохнул, волнение тая,
Сморгнув слезинку, улучив минутку...
А беспокойства скользкая змея
Свои сжимала кольца не на шутку.

Не знаю, что сказать, друг верный мой...
Тебе в смущенье правду я открою:
Что дальше – неизвестно мне самой,
Отбились от пера мои герои!

Глава 8

Больница... Место скорби и надежд,
Возврата из-за грани к свету жизни,
Смыкания навек усталых вежд
И мыслей о рождении и тризне...

Взгляд безразличный в стену устремив,
Она лежала молча на кровати.
Апатией сменился сил прилив,
Когда, увидев мужа в той палате,
Она не удержала горьких слёз,
Прорвавшегося громкого рыдания...
Истерику муж стойко перенёс,
В его глазах светилось состраданье.
Хоть собственная боль была свежа,
И на судьбу была жива обида,
Жену он нежно за руку держал
И утешал, не подавая вида.
Он понимал: расстаться им пора
И убеждал её, душой болея.
И плакала за дверью медсестра,
Их и себя отчаянно жалея.
Потом ворвался разъярённый врач,
Ругал за нарушение режима.
Перепугался он, услышав плач:
Спокойствие больным необходимо.

С душой опустошённой и без сил
Она лежала тихо на кровати
И думала, что муж её простил,
Но дальше жить ей мужества не хватит.
Лишилась мужа, упустила дочь,
Сломала жизнь любимому... Всё гадко!
И разом наступила в жизни ночь,

А чем же это лучше смерти сладкой?
И в мозг впивался раскалённый гвоздь...
Она, дрожа, из тумбочки достала
Украденных таблеток сонных горсть
И снова имя дочки прошептала.

... Лежат в больнице и отец, и мать,
А ей сейчас необходимы силы:
Ребёнок о себе давал ей знать,
Толкался; по утрам её тошнило.
Скучала по родителям своим,
И не хотела выбирать меж ними:
Она принадлежала им двоим,
Дочерняя любовь неразделима.
Но, повзрослев намного в эти дни,
Она смогла принять своей душою:
«Не будут вместе больше жить они,
А плохо это будет, хорошо ли –
Никто не угадает наперёд.
Ведь жизнь – она покруче сериала,
Такое вдруг коленце завернёт –
Всем хватит, никому не будет мало.
А мамины стихи издать пора -
Как только все опомнимся от стресса...
Её стихи – не в буриме игра,
Не рифмоплёт она, а поэтесса!»
Она несла свой выпуклый живот
И наслаждалась солнцем и прохладой.
Догнал её мужчина у ворот,
Окинул странным, напряжённым взглядом,
Замедлил и опять ускорил шаг,
И заспешил, оглядываясь часто.
«Какой он странный! Что-то в нём не так...
Хотя... больница... здесь живёт несчастье.»

Он к ней спешил. Его точила мысль
О том, как одиноко ей и плохо.
Жизнь обрела опять заветный смысл,
Ушла тоска, и в сердце боль заглохла.
И вдруг его пронзил горячий ток:
Взглянули на него с лица другого
Её глаза. Упрямый завиток
Её волос прильнул к щеке знакомо.
«Девчоночка... Беременная... Дочь?!
Её глаза, одно лицо... О, Боже!»
Он заспешил, не в силах превозмочь
Желание своё смотреть в лицо,
дороже

Которого и не было, и нет
И никогда теперь уже не будет...
Так в космосе средь множества планет
Одна Земля нужна для жизни людям.
«Беременная... Внук её родной!
И внук его... Его... Убью подонка!
Убью!.. Она останется со мной,
Мы заберём и дочку, и ребёнка.»
Но внук уже смятенье в душу внёс,
Поколебал незыблемость решенья.
«Убью! За всё: за муки... и за нос...» -
Старался он прогнать свои сомненья.

И вот - больничный длинный коридор.
Он шёл бесшумно, словно был в разведке,
И вдруг услышал чей-то разговор,
Заливистый, счастливый смех соседки.
Была в палату приоткрыта дверь,
И заглянул туда он осторожно.
В груди зашевелился злобы зверь,
Но ненавидеть было очень сложно:
Его заклятый, ненавистный враг
Беспомощно лежал в броне из гипса,
И багровел во всё лицо синяк,
Одна нога на вытяжке повисла.
Но уцелела правая рука,
И через боль старался он смеяться,
Поглаживая ласково слегка
Своей подруги тоненькие пальцы...
Соседка не сводила нежных глаз
С его врага! О да, она любила!
Пусть раздаётся с неба трубный глас -
Такой любви он помешать не в силах!
Его источник злобы вдруг иссяк,
И он спокойно отошёл от двери:
Поверженный, пред ним лежал не враг...
И в ненависть свою он сам не верил.
Он понял вдруг, что страшен его план:
«Как мог убить кого-то я решиться?!
И для чего мне Богом разум дан –
Чтоб, слепо ненавидя, стать убийцей?
Безмозглый дурень, старый идиот!
Бен Ладен недоделанный, куда там!
Моя родная девочка! Не ждёт...»
И распахнул поспешно дверь палаты...

В сердечном ритме вдруг случился сбой,
И сердце в бездну ужаса упало:

Она, держа в руке стакан с водой,
Другой рукой таблетки в рот ссыпала.
Метнулся с криком: «Нет, родная! Нет!»,
Пиджак ненужный на ходу срывая.
С тяжёлым стуком выпал пистолет -
Он отшвырнул ногой, не поднимая.
В дверях палаты тут же врач возник
И в руку ей вонзил иголки жало.
Услышав из палаты громкий крик,
По коридору дочь с трудом бежала...
Сведя умело панику на нет,
Безжалостно их выгнав из палаты,
Врач подобрал поспешно пистолет,
И сунул – от греха! – в карман халата.

Она спала. Утих переполох.
Сердито врач шагал по кабинету,
Ругаясь на чём свет, что приволок
Один дурак в больницу пистолеты!
А он сидел, кивая головой,
Уставившись в одну бездумно точку:
Он от волнения был едва живой!
А медсестра отпаивала дочку...

Оставив их в решающий момент,
Я думаю: закончить не пора ли?
Хотя вполне возможен happy end,
Навряд ли мы дождёмся пасторали...

Но кто же нам придумать не даёт
Истории той НАШЕ продолженье?
Жена и муж... Произошёл развод.
Он дал им, наконец, освобожденье
От многолетней и привычной лжи -
Не шла с ней жизнь, а мимо проходила -
И научил их счастьем дорожить,
А правда в них надежду возродила.

Конечно, у него родился сын,
И горе-муж заботливым стал мужем,
Не одинок теперь, и не один –
Нужна ему семья, и он ей нужен.
А годом раньше появился внук,
В нём бабушка счастливая не чаёт
души
И не спускает внука с рук,
А дочь смеётся - внучку обещает!

Он и Она... Непросто всё у них.
Казалось бы, исчезли все преграды,
И жизнь преобразилась для двоих,
И смогут быть они навечно рядом...
Но он хотел её от всех украсть
И наслаждаться с нею тихим счастьем,
А в ней кипела жизненная страсть,
Она творить хотела с той же страстью.
И ярко расцветал её талант,
А их любовь цвела ещё пышнее -
Их счастья долгожданного гарант!
И разве можно выбрать – что важнее?!
Она хотела стать его женой,
Но, не боясь остаться безработной,
Боялась, что за «каменной стеной»
Она не будет внутренне свободной.
А он любил и терпеливо ждал.
Он без неё не умер бы, конечно,
Но просто умерла б его душа.
А он бы выжил. Правда, только внешне...
Её дневник решил издать он сам:
Пусть истинному делу деньги служат!
Рисунки сделал он к её стихам –
Банкир, он был художником не хуже!

Примерно, так... А может быть, и нет.
Я шанс оставлю судьбам изменяться.
Мой друг, придумай собственный сюжет,
Чтоб на меня потом не обижаться.

А Двое наверху – фантазий плод?
А может быть, то свыше откровенье,
Нам показать: всё то, что в жизни ждёт,
Зависит лишь от НАШЕГО решенья!

Так иль иначе, но сдаётся мне:
Мои герои будут вместе всё же...
А я, мой друг, останусь в стороне,
Спокойствие их взглядом не тревожа.

Софья ДУВОВСКАЯ

Катались мы за счёт войны

Детей все чаще отправляют в путь.
И мы когда-то в путь пускались...
Мы проезжали бывшие деревни,
торчали трубы сразу из фундамента.
Мы проходили бывший город,
дома лежали поперёк проспектов.
А люди – в степь,
там Балку смерти
Братским кладбищем назвать.
Цветами землю устилают
и никнут женщины.
Плач, вопли, эхо поминальное –
слагались в песню.
Катались мы за счёт войны.

Начальная пора

дружно славят наш город поэты
чтоб не спорить с маститым
уведу-ка стихи свои первые
я подальше от берегов Невы
да не скроешь в мешке иглы
сквозь туман блеснёт она
то стрелой золотой над крепостью
то с корабликом над курантами
иногда По волнам Бегущую
или – памятником Стережущему

Отражение

из-под музейного стекла
глаза глядят решительно
решительно и скорбно
мы отражаемся
стекло свело нас вместе
и нас – с портретом
стекло загромоздили двойники
а что рисунок – уйдет?
откуда вызван был?
нет! – зримая очнулась
твоя – его – моя душа

* * *

Наклонные деревья
над городской рекой
защита от безверья
сомнение – покой
канал не Чёрно-море
здесь не отступит горе
зато не дует ветер
не пробирает страх
гуляет юный сеттер
и зайчики в волнах

* * *

День в дороге
отмеченный встречей
или – из ряда будней сюжет
всё достойно хотя бы страницы
любезного внимания читателя
но ненасытный автор
по пути заденет...
каких только подробностей –
и десять лет назад
и до сотворения мира!
изначальная деликатность
обрастает как сталактит
сверкая гранями
разлитой вездесущности

* * *

Кораблик уплыл вдаль
сплыл изразец-мозаика
Магеллановой посуды
моя отрада
квадратик в деревянной рамке
он приплыл тоже издалека
да вот не ужился
ко мне – на срок
от меня навек
так и подобает мореплавателю
осталась книга
про испанский бриг и его хозяина

* * *

Стоп!
сказало мне время
устав от моего нетерпения
Оно – загустело!
Или я спутала зачин и финал
а действие с паузой?

* * *

Цветок ландыша
увеличенный в сто раз
заменял мне белую пиалу
с фруктовой сердцевинкой

* * *

Ветви кряжистой старой сосны
балансируют словно весы
ветер кинет на гибкие иглы
плеск воды холод гор
и лесной разговор
взвесит юга и севера спор

* * *

Голос монолита
с горькой думой поколенья
жестковат словарь
он спросил для банка данных
кто я – и откуда
радуясь – ровесница!
тайна есть определенно
в этих узлах
книга ваша на столе

Ракурс

Кто начертал для меня устав:
не более одного перекрёстка
для побратима
Так в детстве из царства цветов
один предпочла – незабудка!
Ребячество работа,
родство душ или кровное –
единственная сыгранная партия!
Один лишь цвет
все остальные – невидимки...

Встреча

Там где Малая Нева дышит в окна
в доме с круглыми углами
где студентами робели
звуки нежного вокала
предваряли чашку чая
 посреди античных слепков
Где хранил наш мэтр
 дух двадцатых годов –
зададим вечеринку!

Присмирели
 облачко не узнаванья
мемуары за столом
 праздник верности Альма-матер

Строки

Строки мои – дело ясное –
не каждый читатель возлюбит
Но и любой книгочей
не подойдёт для меня
Что от рук отлетает –
да подхватят руки другие
Не стало б оно вслепую
вброшено в атмосферу
чтоб не зависло
надо мной как дамоклов меч

Идеальный праздник

круг друзей
хвойный хмель
чувство невесомости
в мыслях облететь шар земной
побрататься на секунду
с незнакомцами

Восьмистишие

На всём вокруг так много света,
Как будто лето не прошло.
Запоминая облик лета
Беру глубинное тепло.

По правилу контраста надо
Открыть боязнь перед зимой.
Не знаю, чем зима чревата,
Но страх не волен надо мной.

Татьяна НИКОЛАЕВА

* * *

Печальная Зима играла с ветром,
И люди прятались в воротники пальто,
А дни всё больше наполнялись светом,
Но этого не замечал никто...

Мороз покалывал иглой прохожим пальцы,
А холод красил щёки в алый цвет.
Зима сердилась, не желая сдаться –
Ей так не нравился слепяще-тёплый свет!

А трон Зимы уже всюду шатался,
С сосулек капала прозрачная вода,
И хоть мороз неистово старался,
Но мягче, мягче становились холода.

Летели стайки облаков в высоком небе,
А солнце грело землю всё сильнее,
Всё Царство Снега превращая в небыль,
Освобождая путь красавице Весне!

* * *

Как птичьи голоса звучат неповторимо
Под солнцем днём, а ночью под луной.
Весна идёт, идёт неотвратимо,
Даря живущим свет любви земной!

Услышь Мелодию под вешними ветрами,
Резвящимися между белых облаков,
Услышь Поэзию, что говорит стихами
И заменяет фантастичность снов.

Почувствуй каждой клеточкой своею
Аккорды счастья и сплетенье рифм,
И, от всепроникающего восхищенья млея,
Всем сердцем впитывай слова и ритм.

Услышь!

Почувствуй!

Это интересно –

Как-будто бы из ничего родится Песня!

Май

Сирени грозди в солнечных лучах
Благоухают ароматом дивным,
Каштан принарядился – весь в свечах,
Как канделябр изысканно-старинный,
И яблоня цветки раскрыть спешит –
Вся в бело-розовых стоит бутонах.
Май – это просто праздник для души
И, безусловно, время всех влюблённых!

Стихия чувства

В туманных бликах стихотворных строк,
В помпезности своих ночных полётов
Среди меридианов звёздных троп
Блуждают души и мечты поэтов.

Опять экскурсии на Солнце и Луну,
Скитанья меж созвездий Зодиака,
Нырянья в синюю морскую глубину
И сказочные сны среди поля маков...

Среди тиши лесных озёр уединенья,
Из луговых душистых трав венков,
Зимой снежинкой лёгкою паденье...
Поэт – романтик никогда не одинок.

Душе мятежной стены – не преграда,
Мечты незримо устремятся прочь...
Поэзия – проклятье или награда?
Стихия чувства, улетающая в ночь!..

* * *

Когда-то всем нам было двадцать лет,
Кровь молодая наполняла вены,
Пред нами расстилался белый свет,
И не страшили никакие перемены.
Мы думали, что создан мир для нас,
Что он расстелется широкою дорогой,
Но жизнь учила и порою била нас,
К нам относясь то ласково, то строго.

Не все нашли на свой вопрос ответ.
В своих профессиях мы добивались роста...
Тогда, когда нам было двадцать лет,
Нам всё казалось так легко и просто...

Танец душ

*«Самые важные встречи
устраивают души – ещё прежде, чем
встретятся телесные оболочки...»*

Пауло Коэльо

Я поняла – не следует спешить,
Ведь в спешке каждый может ошибаться.
Мне снился раньше сон, как две Души
Кружились среди звёзд в счастливом танце.

Бок о бок в недоступной вышине
Между созвездий радостно скользили,
Друг другом любовались в тишине,
Божественно и сказочно любили...

Им утро расставанье принесло:
К домам различным вниз они летели –
Чтоб человеческое ощутить тепло,
К рассвету надо оказаться в теле.

*

Шли дни за днями среди зноя, стуж,
А время так безумно скоротечно.
Мужчина с Женщиной забыли Танец Душ,
Как забываются все наши сны беспечно.

Но не забыл Господь! Божественной рукой
Он на Земле соединил те Души снова,
Вложив в сердца людей огонь большой –
Их звёздный танец был Любви основой!

Мужчина с Женщиною вспомнят тот полёт –
В иной реальности свершившееся Чудо,
То притяжение что друг к другу их влечёт
И будут счастливы вдвоём.

Конечно, будут!

Мы многого с тобой не понимали –
Про Танец Душ, наверно, вспоминали...

А жаль...

Так люди говорят не зря –
День, словно лист календаря,
Боль или счастье нам даря,
Летит...

Кого-то гложет грусть-печаль,
А кто-то холоден, как сталь,
Другой, с улыбкой глядя вдаль,
Молчит...

Кто безразличен, кто устал,
Кто лезет вверх на пьедестал,
Кто-то кого-то целовал
В ночи...

Кто-то влюблён, в мечтах паря,
Кого-то радует заря,
А кто-то, всех вокруг коря,
Ворчит...

Всё перечислю я едва ль:
Апрель, июль, октябрь, февраль...
Летят года в слепую даль,
А жаль...

Демни КАРЗОВА-ГОЛОВИНА

Небо просила с плачем

Небо просила
 с плачем.
Кончились силы,
 значит –
Ветром гонимой
 стану
Мчаться, но мимо.
 Странно.
Мимо мечты и
 цели.
Горы крутые,
 мели
Были сначала –
 в прошлом.
Давит печалей
 ноша.
Жребий – иначе
 доля?
Как много значит
 воля!
Мне б ещё силы
 может?!
Боже, помилуй,
 Боже!

Замёрзшая льдинка

Плыву вдали замёрзшей льдинкой.
Несёт течение в никуда.
В потоке стану невидимкой.
Повсюду холод и вода.

Родимый край остался сзади.
Вокруг чужие берега.
– Проплыть осталось, сколько за день? –
Ответ бурлящая река.

Пролиться б каплями на сушу,
Прекрасной розой расцвести,
На солнце птичье пенье слушать,
А не в воде пловцом грести.

Северный край на скалах

Северный край на скалах,
В зелени камни – строгость.
Жизнь с ним свою связала,
Часть из неё – в дорогах.

В Финском заливе волны
Бьются в гранитный берег.
Вспомнились мне невольно
Невских просторов двери.

Чайки крылами машут,
Птицы мне прокричали.
Может в сторонку нашу
Путь их лежит, к причалу?

В утомительном ожидании

В утомительном ожидании
Сколько маяться нам осталось?
Не предчувствие, не гадание
Не поведали даже малость.

Что начертано, то неведомо.
Жизнь планируем, метим даты.
Но изменит план быстро небо нам.
Всё намечено там когда-то.

Утомительно ожидание.
Остаётся лишь – только верить,
Что придёт тот час, и желание
Постучится вдруг в наши двери.

Плачет декабрь дождями

Плачет декабрь дождями.
Серый свод неба низок.
Грустно такими днями.
Праздник желанный близок.

Белый покров и иней
Нам к Рождеству бы надо.
Тучи, откройте сини
И солнца свет на радость.

Способен ли мужчина на любовь

Способен ли мужчина на любовь,
На настоящую, божественно-святую?
Казалось бы, всё пройдено – не новь.
Быть может, любит лишь себя, в любви ликуя?

Оружие – амурные слова.
Летят стихи и серенады, словно стрелы,
Вонзаются, и кругом голова.
О, как напорист и настойчив! Очень смелый.

Купается он в озере любви,
Пьянён чарующей красотой, взволнован страстью.
Счастливые мгновенья с ним лови!
Не разобьётся ли любовь в часы ненастья?

Способен ли мужчина до конца
Любить тебя, когда красую не богата,
Когда зима коснётся до лица,
Пока не скроется твой лик в лучах заката?

Способен ли мужчина на любовь...

Бегонии

На полу капли розовых слёз.
На балконе так плачут бегонии.
Видно был этой ночью мороз,
И остались следы их агонии...

Не пылают бутоны. Мне жаль,
Не мечтать под лучами закатными.
Пусть осеннюю грусть и печаль
Снег накроет сугробами ватными.

Белый цвет, чистота до весны.
Лишь в камине пылает огонь. И я
Вижу тёплые, яркие сны:
Вновь сажаю весною бегонии.

Огня былого пепел

Из искры возгорится пламя...
Александр Одоевский

Глаза искрились счастьем, страстью.
От искры возгорелось пламя.
Пленённые стихии властью,
Казалось, что сгораем сами.

Огонь пылал, но он не вечен,
И буйство стихло постепенно.
Тепло углей согреет вечер,
Не избегаешь если плена.

Но если ты в порыве дерзком
Уйдёшь от теплого удела,
Угли потухнут без поддержки
И станут просто пеплом серым.

Зажечь не сможешь снова пламя.
Огня былого пепел – память.

Люди! Вы слышите голос весны

Люди! Вы слышите голос весны!
Радость, восторг, оживление!
Птичьи напевы прелестны, ясны.
Ветра игра, дуновение.

Люди! Глаза поднимите вверх.
Ширь голубая и чистая!
И не заметить прекрасное – грех.
Солнце сияет лучистое.

Люди! Сумейте всё это сберечь!
Наша планета особая.
Люди! Услышьте разумную речь!
Землю не портите злобою!

Александр ИСАЕВ

Бес потерянного духа

Я по рождению – пилигрим.
Мне Родиной – планета наша.
Мне мир её необходим.
Во всей Вселенной нету краше!
Я не пытаюсь отсосать
Её нутро себе во благо,
Как ненасытный к благам тать.
Нет, я – Ей преданный бродяга.
Люблю степей Её разливы
И к небу гор застывший крик.
Люблю леса, где зверь пугливый
В кустах видением возник.
Но... спотыкаюсь о границы,
Как о могильные ограды,
Где полно моченные лица
Мечту прикончили и рады.
Мы там учились помирать,
Где торжествует власти строй,
Где в муках нас рожала мать,
Но Бог сказал: «Глаза открой!»
И с болью я смотрю на мир,
Где с ленью правит управленье,
Сверля награды на мундир,
Как индульгенции прощенья.
Не выношу империй звон,
Сундучный запах капитала,
Кандальный стон, застойный сон
И рык оскальный криминала!
Из жизни вырвана мечта,
Затоптана весёлой хренью,
Став бездуховна и пуста,
И не подвержена горенью.
Во все концы оплоты власти,
Как метастазы, расползлись.
Законов двойственные пасти
Роняют ненависти слизь.
Склонились люди безутешно
И не глядят на небосвод.
Грешно нам жить сегодня честно,
А воровать – наоборот.
Война и голод, смерть, разруха
И ожиданье лучших лет,
Но без потерянного Духа
И душ живых на свете нет!

Крик чайки в торговом центре

В продажном вертепе прогресса,
в коробке лживой рекламы
гудит торговая месса,
и эхо под купол, под самый.
А в центре воздушный колодец,
как помпа для блага дохода.
Течёт оголтелый народец
в силки, что расставила мода.
Внизу, где фильтруются люди
в потоки пустых интересов,
стоит, а вокруг всё «бермудит»,
Упрямая Поэтесса.
Кидает рифмы цветами
в пустые, слепые глазницы.
Их ловят открытыми ртами
всеядные гусеницы.
Она открывает сердце,
свою выжимая душу
и нерв, что давно истерзан,
но всё же Хозяйке служит.
Вокзально фонит динамик,
бездарно дополнив картину.
А люд течёт меж рядами,
стихам подставляя спину...
Поэт всё отдаст без утайки,
как парус, с ветрами споря.
Но голос его, криком чайки,
Вновь тонет в шуме прибора.
О, нет ничего человечней
в невыгодном этом споре!
Пиши, если Богом отмечен!
Пиши, про счастье и горе!
А тот, потратив свой рубль
на Богу ненужный пустяк,
вдруг словом помянет грубым
себя, что он был дурак.

* * *

Жизни моей река
верный взяла исток.
Мудро её берега
правят стремлений поток.
Вёсны, считая года,
льдины уносят вдаль.
Лёд – это тоже вода.
Что пережил – не жаль.
Страсть и любовь всем даря,
Бог нас учил прощать,
чтобы, мечту творя,
веру в душе не терять.
Трудных уроков сталь,
разных ошибок боль...
Ты – и любовь, и печаль,
дальше мне жить позволь.
Жизни уж тонкая нить
посеребрила меня.
Я продолжаю любить,
Господи, верить в тебя!
Время торопит века,
мчит облаков табун.
Что-то играет река,
влажных касаясь струн.

Мой оптимизм

Переживу вождей надменных
И глупых, жадных главарей,
Но доживу я НЕПРЕМЕННО
До лет, что тороплю скорей,
Где ты, Россия, для народов,
Что русскость обрели любя,
И разноцветным хороводом,
Как дети, славят все тебя,
Поднимешь к небесам десницу
И Богу скажешь: «Прилетай!
Есть на Земле чему дивиться -
Здесь мы построили свой Рай!».

Пусть вслед судачат злые люди,
Что я – наивный оптимист.
Поверьте, так оно и будет
Для тех, кто помыслами чист.

Мартовские встречи

Басня

С Кошкой милой Кот дружил,
Он в селе соседнем жил,
Но ходил в Её село:
Что-то там внутри звало.
Особливо каждый март
Поднимал его азарт.
Состоялось чтоб свидание,
Кот спешит туда заранее.
Вдруг срывается затея -
Поперёк легла траншея!
Безответственные души
Их любовь хотят разрушить,
Олэську с Васькой разлучить.
Как же им в разлуке жить?
Глядь, вдоль ям идёт Остап,
От «горилки трошки слаб».
Видит за траншеей Кот.
Васька милую зовёт.
«Ты чего вопишь, кацап?
Не видать вам наших баб!
И чтоб рядом здесь не топал:
Мы просватались в Европу».
Тут пришла на зов Олэська.
Как ей к Ваське перелесть-то?
Мечется по бережку -
Видно, хочется к дружку,
Да попала под Остапа...
Тот её чуть-чуть не сцапал,
Но споткнулся и упал
В то, что давеча копал.

Кто нарыл кому-то ям,
Чаще падает в них сам,
А копатели траншеи
Сами в ней ломают шеи.
Вот, Остап, себя убил -
Потому, что не любил!
Ну, а кошки чуть вдали
Эту яму обошли...

Ушёл сентябрь

Оставив жёлтые следы,
Ушёл, страдая непогодой,
Сентябрь грусти молодых,
Осенний первенец Природы.

Ушёл в поникшие кусты,
Где над примятою травой
Сто первой сказкой снилась ты,
Свой чуткий сон, деля со мною.

Душа, уставшая в любви
Искать, надеяться, терять,
Была со мною визави,
Как ты, откинув чёлки прядь.

А я, травинку беребя,
Опять боялся полюбить тебя.

* * *

Под солнцем в снежную метель
Весенних мыслей карусель
Несёт усталому народу
Надежды лучик в непогоду.
Как Феникс-птица, как весна,
Встаёт Россия после сна.
О, дай нам Бог и кто при нём,
С Россией пережить подъём,
К стране без лозунгов и лент,
Где совесть – лучший президент.

Живая музыка ночи

Сияет месяц в небе нов,
Звезда горит мигая,
И ветер не находит слов,
Как музыкант играет,
Под переливный звон цикад
Чуть шевелит листвою.
А я душою слиться рад
С той музыкой живою.
Вот ноткой свежести река
Добавилась к оркестру.
Вокал тревожный тростника
Звучал, как хор воскресный.
К воде спустились небеса
И отразились смело.
Я кинулся в прохладу сам
И плавал а капелла...

* * *

Уснула ночь, но шторы дышат,
Её дыханием ловя,
И что-то шепчут еле слышно,
Грустят, как я, что нет тебя.

На окнах высохли слезинки
От причитаний дождевых,
И только мысли жгут картинки
В камине памяти живых.

Уходит время суетою,
Справляя пир «за упокой»,
Но я чего-то, видно, стою,
Насквозь провяленный тоской...

А утром нежные рассветы
В туман спугнут ночную мглу,
И ты в лучах пришлешь приветы,
И я пожить ещё смогу.

Твой на стекле рисую профиль,
Своим дыханьем оживлю,
И мы потом напьёмся кофе,
А я скажу: «Тебя люблю!»

Кто?

Кто подарил нам этот Мир,
Где облака на синем ситце,
Где шепчет лес под пенье птицы,
Где слух ласкающий клавир
Волшебной музыкой приснится,
И песни позовут на пир?

Кто теплотою нежных рук,
Любовью сердца и заботой
Оберегал нас от чего-то,
Ловя тревожно каждый звук,
И подготавливал к полёту
В мир к неизбежности разлук?

Ищу в себе, ищу вокруг...
Кто Ты, единственный наш Друг?

Дмитрий ЧДОВКИН

Серьги с бриллиантами

Подарил своей любимой
Серьги с бриллиантами
В золотой оправе стильной
С нежными стандартами

Ах, сережки: день, да день
В ушках золоченых
В глазах радость от росин
В серьгах излученных

Мы на лодочке качались
Поднимаясь высоко
Обнимались, целовались
И в любви клялись легко

Ах, сережки: день, да день
В ушках золоченых
В глазах радость от росин
В серьгах излученных

Глаза радость излучали
И сиял свет голубой
В унисон сердца стучали
Нас сближая меж собой

Ах, сережки: день, да день
В ушках золоченых
В глазах радость от росин
В серьгах излученных

Все ж родители узнали
В чувствах наших весь серьез
День помолвки подобрали
В благость радуясь до слез

Ах, сережки: день, да день
В ушках золоченых
В глазах радость от росин
В серьгах излученных

В храме Божьем обвенчали
Свадьбу ладно справили
Много счастья нам желали
В тостах нас прославили ...

.....
Ах, сережки: день, да день
В ушках золоченых
Завтра будет день крестин
Ждем всех приглашенных

Хризантемы

На поляне хризантемы
Плещут белою волной
Не ведая, что перемены
Затаились пред зимой

Хризантемы, хризантемы
Лепесточки снежные
Красота флорной системы
Сердцу вечно нежные

Хризантемы словно чувства
Радуют счастливый взор
В них позитивное искусство
Волшебно-сотканный узор...

Но в небе бурно бесновались
Уж тучи белоснежные
Одна в другую проникали
Плывя в края безбрежные

В облаках как расплескались
Волны хризантемные
С каждой тучки к земле мчались
Лепесточки снежные

Хризантемы, хризантемы
Предзимний сыпется снежок
Природа создает проблемы
Но как спасти чудо - цветок?

Тут поле ветром всколыхнуло
Молочная прошла волна
Пушистый снег с цветов встряхнуло
Плывет наитий пелена...

Смешная поляна

Смешная поляна
На опушке леса
Смешная поляна
Душевного стресса

Здесь гомон пернатых
Луна, как застыла
А кротик щербатый
Смеется так мило

Глухарь пред тетеркой
Лезгинку танцует
А во взгляде зорком
Миг любви ликует

Там Лани вразвалку
Бредут по поляне
Зайчишки вприсядку
Танцуют у грани

Поляна смеется
Празднично токует
Радостями льется
Страстями бушует...

Очумела

Ох, очумела, да очумела
Платье красное надела
И по Невскому пошла

Чувства нежные играли
Нити счастья оживали
Пропадала жизни мгла

Ох, очумела, да очумела
По проспекту шла так смело
Кровь играла от винца

Вблизи площади Казанской
Встретила в среде цыганской
Черноглазого юнца

Ох, очумела, да очумела
Под гитару песни пела
В настроении была

Платье красное влияло
Кровь цыгана заиграла
Молодца я увела

Ох, очумела, да очумела
Но случилось это дело
Чакра сердца бурная

А над площадью Казанской
Витал звук песни цыганской
Длилась ночь гламурная...

Птица сизокрылая

Птица сизокрылая
В розовом саду
Приди ко мне милая
Только тебя жду

Где ты мое солнышко
Где мой ясный свет
Судьба моя, долюшка
Встретимся иль нет?

Как заря волшебная
Радуеть весну
Какая ж ты нежная
В сад твой загляну

Крылышки расправлю
Обниму, прильну
Небеса прославлю
Сердца боль уйму

Виват, Виктория!

Виктория – это Победа
Виктория – триумф удач
Летит, пылит конница шведа
Не дрогнет русский меч-секач

Виват, Виктория, кричали
Виват, виват, виват, виват
Так эхо, право, отвечало
Безумству храбрых, шедших в ад

В крошечный бой, где ядра рвались
Пули жужжали, как рой пчел
Сабли, мечи огнем сверкали
Штык делал точечный прокол

Виват кричали полководцам
Солдат ведущим на реду
Виват бойцам-первопроходцам
Прорвавшим вражеский реду

Виват царю Петру кричали
Пред боем под Полтавою
К Виктории всюду зывали
И Шипку брали с славою

Швед был разгромлен при Полтаве
Пали: Очаков, Измаил ...
Виват, виват солдатской славе
Кто честь России защитил

Уголек счастья

Где-то, где-то тлеет счастья уголек
Он в золе невидим, но явно недалек.
Мысли мои томные чувственно твердят
С уголька в камине искры вне летят

Уголечек счастья, тлеет на золе
На поде как лучик, мерцает во мгле
Уголечек тлеет, он вовсе не горит
Искрой ярко вспыхнет, снова затаит

Уголечек счастья, пошли свет мечты
Ждать буду отраднo, символ красоты
Уголечек счастья, долгожданный миг
Лучом своим ярким мысль мою б настиг

Желанье загадал я, глядя на камин
Если вспыхнет искорка – буду не один
Лучиком скользнула с уголька она
Встретил ненаглядную, юна как весна

Нареченной Свыше, угольком судьбы
Свиданье назначил, у речной вербы
Уголечек счастья, жар тепла в избе
Озари тропинку, избранной судьбе

Где-то, где-то тлеет счастья уголек
Он в золе невидим, но явно недалек
Освети дорогу, освети наш путь
Уголечек счастья, нам тепла дай чуть...

Снег над Питером

Снег валил ночью и утром
В саване площади, мосты
Дворцовый блещет перламутром
В лучах Ростральные столпы

И Петр Первый как бывало
Сидит на вороном коне
Масштабно смотрит – места мало
В заботе о большой стране

Адмиралтейский шпиль сверкает
Кораблик по ветру плывет
Александрийский столп сияет
В веках стоять не устает

Проток Лебяжий приоделся
Лебяжий пух окутал лед
От снега Летний сад зарделся
Лучится снежный хоровод

Весь город скрылся в снежной массе
Она в пространстве, на домах
Кому-то в тягость, кто-то в счастье
Но сколько радости в сердцах!

Сумрачные дни

Осень. Темень. Жутко
Дождь. Слякоть. Промозгло
Завяла трава незабудка
Местами земля промерзла

Тучи с дождем. Тучи со снегом
Листья опали: с деревьев, кустов
Голые ветви, нет роста побегам
Укрылись букашки в кучах листов

Ветры осенние так воют надрывно
Душу бередают: мрачность, тоска

Стонут деревья. На сердце противно
Было ль такое в прошлых веках?

Слякоть промозглая давит как горе
Тяжкие мысли чувства гнетут
А Солнце покажется, радости море
Думы печальные тотчас пройдут

Тучи бескрайние ветер разгонит
Орбиту б земную приблизить к лучам...
Брызгами яркими Солнце наполнит
Чудным рассветом душевный бальзам

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Кошачья мадонна

Знакомы в округе все кошки бездомные
Блаженной старушке – они ей друзья.
В осеннюю слякоть и зимы холодные
Её не одна ждет кошачья семья.

Покормит, погладит и слово заветное
Найдется для каждой лохматой души.
Зажжется сиянье чудесное, светлое
В глубинах жестокой крошечной глуши...

А утром, читая молитву Всевышнему,
Попросит дать сил и еще Доброты,
Стремленья приблизиться к Чистому, Высшему,
Терпенья, защиты, счастливой звезды...

Пианистка

Никто не писал о любви ей записки,
Не ждал подарить у подъезда цветы.
Портфель не носил ей, стесняясь, мальчишка,
Амур не зажёт в ней огонь суеты.

Ходила, мечтая, не видя орущих
Ребят, прям по лужам гоняющих мяч,
Влекли её звуки мелодий цветущих
И грустных романсов таинственный плач.

Арпеджио, фуги, этюды, сонаты
Вели в красоте дивной, звездной мечты.
И мир открывался волненьем объятий,
Построенный Музыкой среди пустоты.

Прошло тридцать лет. Все подружки из детства
Давно вышли замуж, родили детей.
Любовь и измены, искусство кокетства
Рождались безумством высоких страстей.

Она – виртуоз – пианистка оркестра:
Гастроли, аншлаги, ре́в публики «Бис»,
Муштра репетиций, капризы маэстро,
Нимб славы, сверкая, над нею повис.

Звезда Одиночества светит сквозь Вечность,
Интимная близость алеет в золе.
Полет пианистки в красот Бесконечность
Прекрасен, но Счастье живёт на земле.

Мандельштам

Став погасшею звездой,
Между Счастьем и Бедой,
Вёл вслепую страшный бой
С невидимкою судьбой.
Утопив Печаль в снегу,
Тлея чуть в своём кругу.

Неизведанная мгла
Мир иной открыть смогла –
Новых красок, мутных лиц
В дебрях каменных ресниц,
Тот, что в прежние года,
Он не видел никогда...

Мудрец

Не в богатстве счастье сказал царю мудрец
В мир потусторонний не взять с собой ларец
Полный бриллиантов, рубинов, жемчугов,
Сердца стук любимой и взгляды васильков.
Как гласит легенда сквозь многие века
О волшебных замках стоящих из песка.
Чудеса живут в них – у каждого свой мир
Там звезда Удачи, Случайность, звуки лир
Миг прикосновенья когда вскипает кровь,
Тайна сладкой боли по имени Любовь...
Не в богатстве Счастье сказал царю мудрец
Счастлив тот, кто видит Прекрасного венец...

Деревянная Любовь

Дуб влюбленный в рыженькую липу,
Ей роняя жёлуди-грибки,
Видел в ней прелестную Лолиту,
Ждал касанья веточки-руки.

Он красив, ветвист был, но не молод,
Чувств ответных не дождался, нет.
В нём расцвёл тоски осенний холод,
С ним стоит он мёртвый много лет...

Мамочка

Будешь, куколка, самой красивой –
Ворковала девчоночка-мать,
Слушай мамочку - станешь счастливой,
Этой маме лет шесть или пять.
Мы подкрасим реснички и губки,
Привыкай восхищать всех, терпи,
Улыбаясь, показывай зубки,
Женихов сразу всех не люби.
Посмотри на Петрушку и Мишку,
Покорила ты их красотой,
Если сделать французскую стрижку,
Прослывёшь золотою мечтой.
Каждый день выпадали реснички,
И теперь - нет у куклы трусов,
Губки стёрлись, исчезли косички,
И не стало ни бус, ни часов.
Боже, сколько страданий о моде!
То прекрасна она, то смешна,
Удивляет весь мир год от года.
Жаль, что куколка очень грустна...

Моцарт

На заре день был крохой-младенцем
Став к закату седым стариком,
Всех деяний людских был владельцем,
Но отдаст ночи власть целиком.
И наступят часы откровений,
Диалогов, сомнений в себе,
Сердца холода, дыма сирени
И характеров вечной борьбе...
Ухмыльнется раздор – злой разлучник –
Не спасут никакие слова!
Не прощай! Или ты подкаблучник,
Не мужчина, селёдка, халва?
Может быть просто черная кошка
Пробежала меж любящих душ -
Для неё то была лишь дорожка
Между двух ей мешающих луж.
Тишина. На упрёки ни слова
Не слетело, не всплыла мораль,
Не порвались наветов оковы,
Обвиняемый сел за рояль...
Расцвели тайны красок аккордов,
Приоткрыв мир подземных царей,
Говоря об извилистых фьордах
И сухих водах лунных морей.

Улыбнулись небесные розы
Тем, кто видит их в сказках Мечты.
Предсказания шлюют людям грозы,
И целуются робко цветы...

Объяснение

Целовала разбитые губы,
Синяки, раны ссадин, глаза.
Он лежал на аллее у клумбы,
Начинала ворчанье гроза.

Разбежались как зайцы подонки,
Было пятеро на одного.
Он за честь встал любимой девчонки,
Был избит, но Победа его.

Восхищенья и жалости слезы
Слились с кровью мальчишеских ран,
А в душе её ссорились грёзы,
Идеалов потрескался храм.

Не считала достойным парнишку,
Просто льстило когда он при всех
Ей дарил в школе модную книжку,
Как намек на амурный успех.

Закричала девчонка, ликуя -
У парнишки открылись глаза.
Он воскрес от её поцелуев
Хлынул дождь, громынула гроза...

А сейчас неизвестное что-то
Рвет на части душевный покой,
Отступает сомнений болото,
И не нужен ей мальчик другой...

Вера КЧДЕМИНА

Любовь – Санкт-Петербург

Воспетый пушкинской строкой,
Верща судьбу рукой побед,
Неповторимый силуэт
Хранит торжественный покой,
Величье дивных очертаний
Твоих роскошных, строгих зданий.

Летящим ангелом среди мраморных колонн,
Плывет соборов перезвон.
Кропит с высот благословением,
С небес сошедшее видение.

Омыт таинственной Невою,
Прозрачный свод раскинул сети.
Склонясь над темною водою
Мосты – ладьёю на рассвете
Спешат соединить влюбленных,
Тая восторг уединенных.

Скользящей ночью, светлой тенью,
В саду у Спаса на Крови,
Пленяя, ворожит сиренью
В извечном таинстве любви.

Пора бессонницы

Взойдёт заря туманной ранью
И в дымке розовый восход
Окрасит даль в лучах, за гранью,
Туман исчезнет в лоне вод.

Скользя в тиши, над темной гладью,
Белеет лилий лепесток.
Всё покрывая зыбкой рябью,
Прохладой веет ветерок.

Трепещет дымкою рассвета,
Ласкает в сказочной тиши,
Красою северного лета,
Прося прощенья у души.

Спешит надеждой окрылённой,
Пора бессонницы влюблённой.

Парус

Над бескрайней звездной далью,
Средь бушующих морей,
Луна светится печалью
И неиствует борей.

Белой чайкой над волною
Парус борется с судьбой,
Заглушив призыв с мольбою,
Его выбросит прибой.

Свежий ветер

Я люблю, раскинув руки
Стать и мокнуть под дождем –
Смоет он пустые звуки,
Накопившиеся днем.
Рассекая еле слышно,
Бьют дождинки в пузыри.
Из-за тучи солнце вышло
Алым маревом зари.

Как легко дышать грозою!
Свежий ветер дуй сильнее!
И мне нравится, не скрою,
По дороге вдоль полей
Босиком бежать по лужам
В развидневшуюся даль.
Жить в мечтах куда как лучше,
А в быту привычной... Жаль!

Волшебна музыка звучала

Притихший зал неторопливо
Заполнил звуками рояль.
Он то печально, то игриво
Нас уносил беспечно вдаль.
Кружились мысли и желанья,
И под осенний листопад
В мечтах на первое свиданье
Спешу, как много лет назад.
Слетают нежные признанья,
В цветущей пене тонет сад.
С губами – губ соприкосанье,
Безмолвно взгляды говорят.
Волшебна музыка звучала
И пальцы, медленно скользя,
Неторопливо возвращали
Все то, о чем забыть нельзя.

ОЛЬГА ДАНКОВА-КОВЛОВСКАЯ

Марине

Ты приедешь ко мне в Ленинград,
На звенящем весеннем трамвае?
Мы катались на нём и не знали,
Что уже не вернуться назад,

Что не сможем мы больше вскочить
На подножку, крича: «Опоздаем!»,
Что собаки бездомные лаем
Оборвут с этим временем нить.

Ты приедешь ко мне отдохнуть?
От реклам, заслонивших фасады,
От туристов, подобных торнадо
И от пробок, терзающих путь.

Там опрятны дворы, а цветы
На газонах не вспороты шиной.
Наша молодость мило грешила,
Откликаясь на зов красоты.

Ты приедешь ко мне поболтать -
Не писать сообщения вяло,
Лёжа молча, вдвоём с одеялом?
... И с собой захвати ту тетрадь!

Ту, в которой наш дом невредим,
Ту, в которой не всё записали
И дописывать станем едва ли...
Вновь весна... Приезжай... Посидим.

К ночи...

Будет ночь и будет тишина,
Будет страх в постель ко мне проситься,
Будет ночь предлинная, без сна -
В сумрак мчится время-колесница...

За окном заноеет гул ветров,
Прослезится свод дождём привычно,
Будет дом мой к встрече не готов -
Нежеланна ночь... непоэтична...

Мне понятен замысел её,
Прирастёт предчувствием тревога,

Соберётся в стаи вороньё...
Дай пожить... пожить ещё немного...

Не зову такую, не хвалю,
Как упрямый, трепетный язычник,
Вознесу рассвету я хвалу,
Призывая утро фанатично...

Постоим...

Появись наконец, неизвестный мне друг,
И визитом своим напугай, разрешаю.
Пусть я вздрогну тогда от касания рук,
То пустяк - не беда и напасть небольшая.

Теплоту твоих рук получу я сполна
И уткнусь в них лицом, как сейчас в одеяло.
Похвала небесам мной уже воздана
За сюжет и за то, что мне нужно так мало.

Не дыша, затаюсь в предвкушеньи чудес -
Вот теперь я смогу не болеть ожиданьем,
Что опять пустота сквозь защитный эфес
Проберётся мне в душу холодным молчаньем.

Постоим. В Петербурге осенняя блажь -
Разоденется город в цветные лохмотья.
Ветер чинно уступит нам свой экипаж
И любви передаст судьбоносно поводья..

Петербургу

Мой город многими воспет,
Да... полон он очарований,
Слагает волнами сонет,
Поют его фасады зданий.

И полон грусти и добра
Его бесцветной ночи танец,
Устал, прилёт фигурой льва,
Лежит, вздыхает будто «агнец».

Моя обитель, мой причал,
Он совести забытой рупор,
Ведь здесь Создатель целовал,
Любя, в «макушку» каждый купол.

Николай ДИМЧЕВСКИЙ

Часы весны

Пружины трав заведены
тревожно и упруго.
Спешат вперёд
часы весны,
часы полей и плуга,
часы зачатий и начал
людей, зверей и злаков...
Часы, где я не отличал
полдневный свет от мрака.
Где жизнь вбирала целый век,
вмещааясь в одночасье.
и лес качало как ковчег
весеннее ненастье.
Тревожный сумрак наставал,
и в поросли смятенной
меня
дорогою начал
влачило по вселенной.

1972

* * *

Стал снег зернист,
петух орёт из клетки.
За ветками – сырая вышина.
И капля с крыши
прямо в сердце метит.
Весна.

* * *

Весенний грохот лыж о наст
и смоляная свежесть ёлок,
и нестерпимо в снежный пласт
впился луча цветной осколок.

И птица первая дудит
с полудня в ледяную дудку,
и почки у седых раки
уже не спят, а дремлют чутко.

Стал снег, как бусы из стекла.
Ручей, как ржавая подкова.
Зима почти что истекла,
и всё потечь давно готово.

Последний раз о снег гремят
набрякшие водою лыжи.

И твой сквозной весенний взгляд
проталину на сердце выжжет.

* * *

Разве что-нибудь значит,
о чем говорить?
Лишь бы голос услышать,
один только голос...
Дрогнул голос, как волос,
как тонкая нить –
и стекло расстояний тотчас расколосось.

Будто губы коснулись,
как будто ладонь...
И не провод,
а просто вот здесь, где-то рядом...
Теплый воздух призывно и трепетно тронь –
и пронизжет
пронзительно-нежным разрядом.

...А о чём говорили,
не помню, забыл.
От рассеянных слов и не ждут урожая.
Только голос
знакомыми взмахами крыл,
расстоянья сломав,
нас с тобою сближает.

Мера счастья

Витьё подёнок,
перевить вечерняя
лучей и сучьев, и ручьёв, и рук...

У праздничного этого сплетения
перенимай весеннюю игру:
вот сердце,
это птица,
это дерево –
с лучами и с подёнками их свей.

И если меряют счастье,
ты измерь его
весенней мерой соков и ветвей.

* * *

Как мы хохотали!
Ни с чего, ни над чем.
Как избушка смеялась,
как печку смешило,

как улыбки и отсветы бились у стен –
все кружилось и пело от праздничной силы.

Волосами, как пламенем, взгляд, заслоня,
в землянике лесной,
в горьком духе полынном
ты вставала сплетеньем теней и огня
и сквозь пальцы текла терпким дымом.

Головешки стреляли навывлет сквозь нас –
мы легки и прозрачны, как запахи луга.

И по искре сырой загорелось у глаз.
Вот и всё.
Завтра мы потеряем друг друга.

Черёмуховый парус

Безветрием надут черёмуховый парус.
На речках и ручьях
сто кораблей.
И волны горечи бесшумно расплескались,
и брызги звёзд висят между ветвей.

Весенней силой мачты ломит.
Цепи
листвы и трав не сдержат якоря –
все корабли сорвутся
и сквозь крепи
уйдут в черёмуховые моря.

Тишайшая, невидимая буря.
Ни шороха –
ни с леса,
ни с полей.
И только сердце слышит,
как срывает
сквозные паруса у кораблей!

* * *

Чем весной мне тебя улещить?
У лещины сережки стащить?
Волчье лыко у лешего выкрасть?
Погоди. На судьбу не ропщи.
По оврагам пошарю: грачи
и скворцы мне поведают хитрость:
под черёмухой в тёплой глуши
у крапивы листы хороши...
Вот подарок лесной. Не взыщи —
пир весенний: крапивные щи.

1983

Вешняя талость

Старинным ключом отперла этот город,
вошла и впустила весеннюю сырость.
Вздыхнула – и лёд на реке перемолот,
и пар, как подснежник, над площадью вырос.

Всю копоть и накипь сгоревших столетий
скользящей улыбкою с города смыла,
омыла капелью меня на рассвете
и пылкость мою сберегла от распыла.

Сберегся у губ запах талости вешней,
у волглых волос привкус ветра и дыма.
И не было наших объятий безгрешней,
и нету любви, что как наша ранима.

... Тот город остался давно и далёко,
но в чудо твоё не могу я не верить.
Я знаю: ты ждёшь невозможного срока –
опять отпереть его древние двери.

* * *

На пашне – яблонь лепестки,
на перевозанных комьях – чудо.
Прощальный взмах твоей руки –
весны последняя причуда.

Всё возвращается к земле,
к её пластам животворящим.
От давних вёсен разомлев,
мы лепестки по пашне тащим.

Отставший от костра огонь,
отходит к теплоте вчерашней.
И вот уже твоя ладонь –
как лепесток за свежей пашней.

* * *

Водорослей принесу и листьев,
окна занавешу старой сетью.
Ломкий гул волны,
как дальний выстрел,
будет в дом входить
лишь раз в столетье.

Раз в сто лет –
чтоб не забыть про время...
А между ударами волны
пусть в печи сосновые коренья
нам поют из гулкой тишины.

Их тепло не может быть теплее
наших рук,
и наших губ,
и глаз.
Мы хотим, чтоб огненные змеи
дымным взглядом
холодили нас.

Чтобы ёлок смоляные плети
шишками стучали в нашу дверь
и волна,
как выстрел,
раз в столетье
отделяла «было» от «теперь».

1965

* * *

Я прилечу в серебряном апреле,
когда проклёвыш первого листа
леса зелёным выстрелом прострелит,
и ясен день,
и истина проста.

Весной всегда –
как будто всё сначала
и за спиной не горбятся года,
и дудка птичья
только прозвучала
чтоб не умолкнуть больше никогда.

И травы
первый раз пахнули соком,
в дожде
впервые
тополь растворён,
и на берёзах,
в мареве высоком –
грачиный голос
радостных времён.

И налегке,
в апрельский дым одетый,
иду,
вдыхая пряный пар и прель, –
купить себе зелёные билеты
на самолёт,
летающий
сквозь
апрель.

1971

Апрель

Хрустит листва
в ладонях ломких почек,
скрипят ростки,
просаживая дёрн.
И каждый стебель
в май
пробиться хочет
и этим от апреля отрешён.

А надо ли?
Не замечать сегодня,
спешить сквозь дни,
не различая дней?
Ведь каждый миг –
исходный
и несходный
в неповторимой радости своей.

Невозвратимость
каждого мгновенья!
Всё только раз.
Путь Времени жесток.
И никогда
весенние коренья
не гонят сквозь апрель
свой прошлогодний сок.

1967

* * *

Был хворост
и запах весенней земли,
и прозелень веток над нами...

Тот хворост
в тугие плетни заплели
и нас разделили плетнями.

А хворост был мягок...
И ярок был день,
Шмелями, гудящий упруго.

Как мог этот хворост завиться в плетень
и нас отделить друг от друга?

Зажечь бы его на прощанье костром,
спалить,
чтоб следа не осталось,
чтоб ломкие угли хрустели потом
и травы
сквозь них пробивались.

Пять капель

Весна скребется каплями в стекло –
пять коготков, как на кошачьей лапке.

Пять капель
с ветки по стеклу стекло;
и мокрый кот
бежит по мокрой лавке.

Ещё сугробы,
а проплешин вязь
едва намечена в полях заледенелых.
И всё ж
душа
надеяться взялась,
что у весны – без проигрыша дело.

* * *

Кто видел, как выходят из-под снега
прошлогодние, забытые следы:
колеи от колес телеги,
след сапог, полный вешней воды?

Сколько сил положили метели,
как отглаживали, как лизали наст,
но стереть следы не сумели,
напластовывая пласт на пласт!

Вся работа их весной насмарку –
снег становится тоньше слюды...

И шагают по припекам жарким
прошлогодние,
забытые
следы.

* * *

Стать дурочкой,
полнеющей от долгих поцелуев,
есть сладости,
пить легкое вино,
день путать с ночью,
радость кожей чувствовать
и видеть явь, как продолжение снов.
Проснуться в полдень,
скомкать одеяло
и яблоком, заев влюбленный взгляд,
подумать, что и многих взглядов мало,
когда глаза влюбленные глядят.

А в полночь
лунный луч поймать ладонью,
продрогнуть, утомленной и нагой,
и в волосы закутаться спросонья,
и узкий туфель отыскать ногой.
Жить радостно,
жить чувственно,
чтоб губы,
чтоб груди и глаза здоровьем зацвели...
Пусть это грубо.
Только, словом грубым
не называйте радости земли.

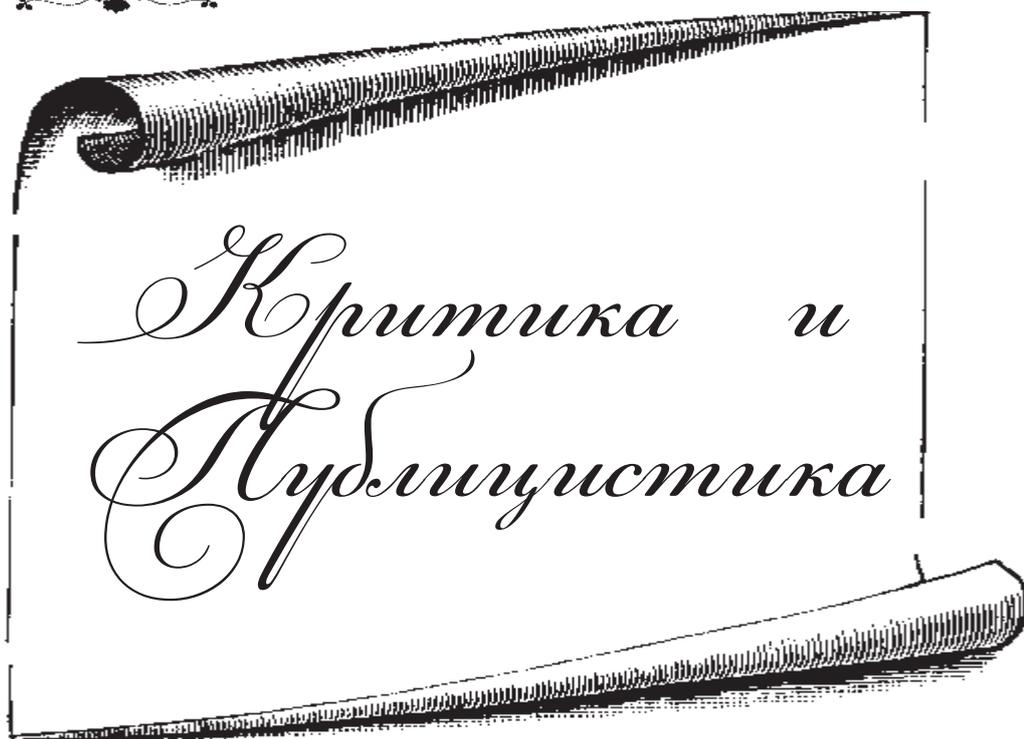
Последняя радость

Задышала душа —
вдруг в отдушину
чуть дохнуло давнишней весной.
Как отраден ей, полузадушенной,
тот намек на весенний настой...
Это все, что для радости надо нам:
лишь несчастья слегка приглуши.
Взгляд неожиданный
с улыбкой негаданной —
вот и праздник для бедной души.
Вы ее не жалейте, а жалуйте,
проливайте бальзам и елей,
потакайте, потворствуйте, балуйте,
помогайте, пекитесь о ней.
Режьте прорезь в судьбе и во времени,
чтоб душа надышалась сполна.
Ей последние годы отмерены
и последняя радость дана.

Скромница

Заботою исколота –
укол на каждый шаг –
достаточно ли золота
на пальцах и в ушах?
Ещё цепочку надо бы,
и – счастья гарант –
для полного парада бы –
приличный бриллиант...
Надеждой сердце полнится,
хоть планы не просты.

Ах, девушка, ах скромница!
О, девичьи мечты...

ЕВГЕНИЙ РАЕВСКИЙ

Рождественские чудеса в Петербурге

Где музыка, там нет зла.

М. Булгаков

Людмила Сенчина и Евгений Раевский

«Ах! - скажете вы. - Не может быть!» «Рождественские встречи» в Петербурге, да ещё какие! У великой Аллы Борисовны Пугачёвой появилась знатная соперница... Кто? А вот не угадаете! Нет-нет, не Мадонна, не Сандра и даже не Селин Дион, а непревзойдённо лирическая, с нежными певческими тайнами и природной русской чистотой певица, истинно любимая и любящая зрителей, заслуженная артистка России - Людмила Сенчина.

Да, именно она, «петербургская Золушка» в хрустальных туфельках пригласила 7 января 2001 года в концертный зал «Октябрьский» своих друзей - звёзд российской и питерской эстрады - на встречу Любви и Искренности, Счастья и Веселья - на свои «Рождественские встречи».

«Я только Вас всегда ждала» - именно так звучало название концерта. Величественная феерия свершилась.

Сейчас много пишут о Петербурге как о

духовном центре России, как о мире миров Добра и Света, как о столице-законодательнице чистого и святого. Пожалуй, вышеупомянутое действие впервые доказывает эти великорусские слова.

О, если была бы жива государыня Екатерина Великая, то она вновь приказала бы отчеканить памятную медаль «Дерзновению подобно» или даже - «Бесподобно».

Виват, Россия! Виват, Петербург! Виват артистам, организаторам, спонсорам и инвесторам. Северная Ассоль Людмила Сенчина на пике Торжества и Почитания.

Великому городу - великую музыку! Именно Санкт-Петербург в преддверии своего 300-летнего юбилея должен быть тем самым нравственно-духовным центром возрождённой России, и с блеском представленная в БКЗ «Октябрьский» программа - яркое тому подтверждение.

Я вглядывался в глаза артистов и сам, со-

гретый фейерверком их мастерства, чувствовал, какое искреннее удовольствие им доставляет работа с центром творческих программ «Петроград» и с его Президентом, поистине заслуженной артисткой Людмилой Сенчиной.

Людмила Гурченко, Лев Лещенко, Нани Брегвадзе, Эдуард Хиль, Виталий Коротчаев, Игорь Корнелюк, Семён Альтов, Сергей Зыков, Наталья Сорокина, Виталий Псарёв и другие не менее легендарные имена - вот неполный перечень звёзд, соединённых в единую звезду - Музыку, музыку чистую, светлую музыку.

Данный проект следует незамедлительно включить в городскую программу подготовки и празднования 300-летия Петербурга, более того, вышеупомянутое «Дерзновение» должно получить поддержку правительственную, политическую, что в будущем соединит настоящее, честное, глубокое творчество с промышленными слоями населения. Это и станет бесценным вкладом в будущее самой великой России - поборницы творчества нового тысячелетия, Веры, Надежды и Любви...

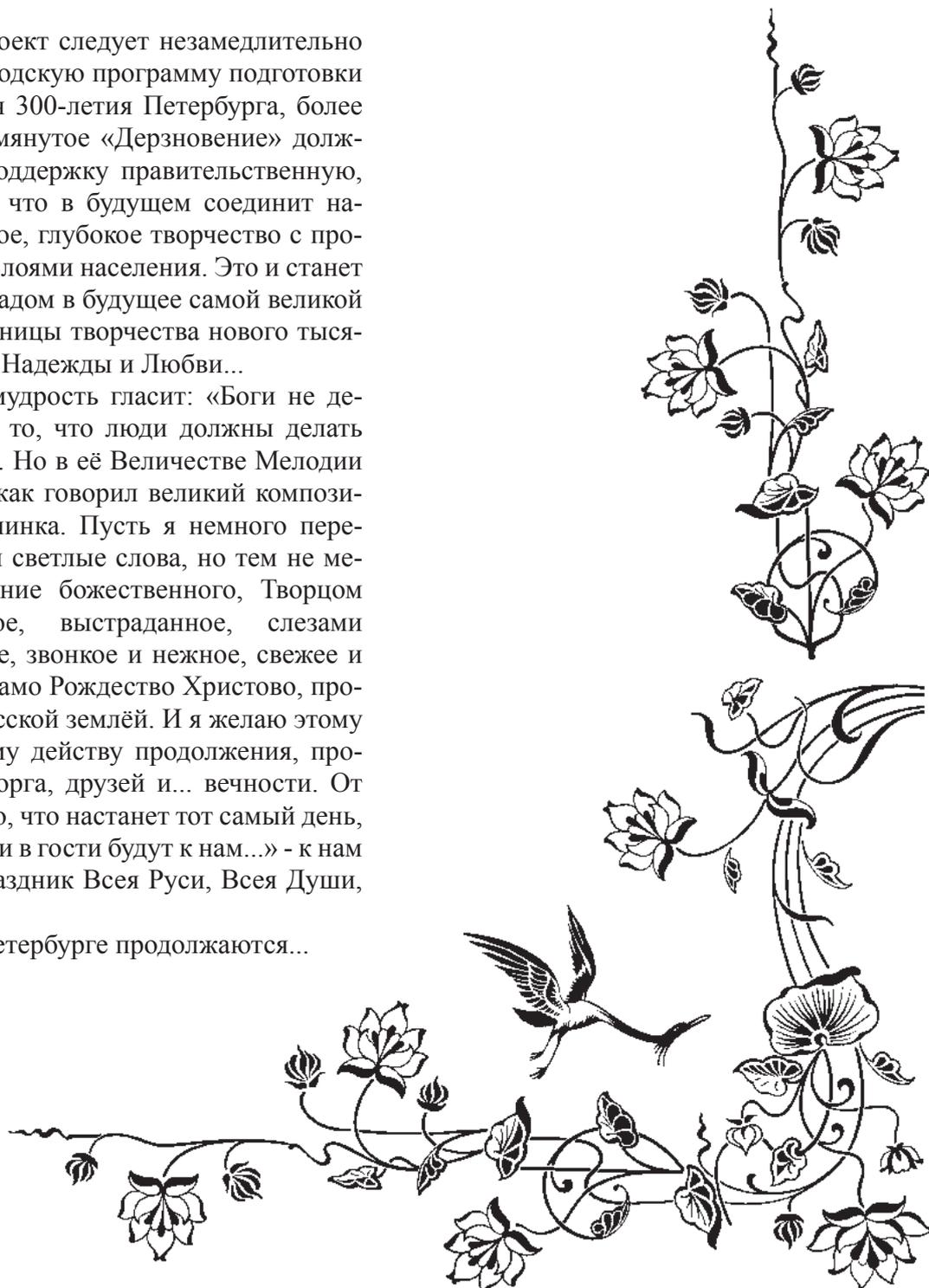
Народная мудрость гласит: «Боги не делают за людей то, что люди должны делать для себя сами». Но в её Величестве Мелодии душа музыки, как говорил великий композитор Михаил Глинка. Пусть я немного перефразировал эти светлые слова, но тем не менее то ощущение божественного, Творцом благословлённое, выстраданное, слезами радости омытое, звонкое и нежное, свежее и лучистое, как само Рождество Христово, прозвучало над Русской землёй. И я желаю этому неподражаемому действу продолжения, процветания, восторга, друзей и... вечности. От всей души верю, что настанет тот самый день, когда «все флаги в гости будут к нам...» - к нам в Питер, на праздник Всея Руси, Всея Души, Всея Музыки.

Чудеса в Петербурге продолжают...

* * *

*«Золушка» предстала королевой,
Завоевала тысячи сердец,
Звездой «а капельного» напева
Сиял её рождественский венец.*

*Она цвела красотой и совершенством -
В кругу друзей и муз приятно петь,
Но чтобы сделать Истину Блаженством,
Ей надо не мечтать, а просто сметь.*

Виктор ОРЕШКИН

Молодость академической традиции *О творчестве Инны Селезневой*

В заглавии скрыт некий оксюморон: традиция, тем более академическая, подразумевает каноничность, преемственность и строгость наследования, в то время как молодость открыта экспериментам и новизне. Личность и творческий путь Инны Анатольевны Селезневой заслуживают внимания не только для исторической фиксации музыкального процесса, но также для осмысления феномена исполнительского и педагогического мастерства выдающегося художника.

Инна Селезнева родилась в Ленинграде, где проходила служба отца, морского офицера, и петь начала раньше, чем говорить. Это и не удивительно: многодетные прабабушка и бабушка из подмосковного тогда села Митино пели, чтобы прокормить детей, в чайной, а мама хотела быть певицей и еще до войны поступила в Ленинградскую консерваторию, занимаясь здесь своим сильным контральто. Пели и другие родственницы – песня помогала русским людям преодолевать трудности повседневной жизни, создавала праздник, выручала в горе и лихолетьях. Однако отец не считал пение серьезным занятием, и девушка, окончив техникум легкой промышленности, пять лет проработала закройщицей в ателье.

Тщательность и аккуратность в работе маленькой Инны воспитывала мама: если штопка была кривовата, то большие ножницы делали свое дело, и приходилось начинать все с самого начала. Рукоделие шло рядом с пением, органично сплетая привычку работать настойчиво, отвечать за результат своей работы. Довольно быстро опытные мастера-портные стали доверять молоденькой девушке своих клиентов, и многие придирчивые заказчицы оставались довольны ее работой.

Однажды подруга из самодеятельности попросила поддержать ее на прослушивании

в музыкальное училище, а там предложили спеть и ей... Так судьба дала юной Инне шанс реализовать свои природные таланты.

Педагог Нина Александровна Серваль, солистка Мариинского театра, с первого года учебы давала Инне петь произведения, к которым другие подступались на последнем курсе, щедро делилась секретами работы в театре, оставаясь строгим и требовательным наставником.

Н. А. Серваль пришла в Театр имени Кирова в самое трудное для нашей страны время, в 1941 г., после окончания Ленинградской консерватории. Годы войны, напряженная работа в театре стали для артистки временем творческого формирования. После возвращения в родной город из эвакуации Серваль заняла место одной из ведущих солисток театра. Певица обладала голосом красивого серебристого тембра, прозрачным и сильным

лирико-драматическим сопрано, которым она владела с необычной легкостью и свободой. В каких бы партиях ни выступала Серваль, будь то Аида или Ярославна, Тамара в «Демоне» или Лиза в «Пиковой даме», донна Эльвира или Милитриса, она всегда покоряла слушателей большой музыкальностью, теплотой и искренностью исполнения. В 1951 г. Серваль было присвоено почетное звание заслуженной артистки республики.

Вольфсон С.М. «Мастера оперы», 1967 год.

Бытует мнение, что утром «голос спит», и многим артистам сложно проснуться, петь, репетировать... Но Инна приходила к девяти часам без опозданий, педагог уже был в тонусе и распахивал окна в любую погоду: «В театре везде сквозняки, - повторяла Нина Александровна, - и ты должна быть здоровой в любых условиях!» С тех пор привычка с раннего утра быть готовой к творчеству не раз выручала певицу, и закаливание голоса стало основой жизненного тонуса на долгие годы.

Нина Александровна Серваль всегда внушала: «Учись, если не поймешь у меня, ходи к другим преподавателям, бери все, что считаешь необходимым. А потом выберешь сама, что тебе нужно». С первого года учебы давала петь трудные произведения, которые другие начинали петь на последнем курсе. Приучила брать трудные барьеры с самого начала, давала толчок к самостоятельной работе.

К сожалению, многие артисты полагаются на закрепление найденных в молодости умений и пренебрегают выполнением монотонных распевок, этюдов. Вместо естественного способа звукоизвлечения напрягают связки, мышечное напряжение передается всему телу, создавая ощущение сценического зажима... Все эти явления Инна Анатольевна знает не отвлеченно, под строгим контролем педагога научилась профессиональной дисциплине сама, а сейчас учит этому своих учеников.

Основы вокального звучания, заложенные в период обучения у Н.А. Серваль, были

восприняты как материал для самообразования и самосовершенствования. Например, обычное дыхание – физиологическое – имеет своей целью адаптацию вдыхаемого воздуха к внутренней среде организма: воздух, проходя через носоглотку, согревается, очищается и увлажняется, чтобы далее в бронхах и легких совершился процесс газообмена. Поэтому обычно человек делает длинный вдох и короткий выдох. В актерской, преподавательской и тем более вокальной практике все наоборот: в паузу между словами или музыкальными фразами необходимо набрать максимальное количество воздуха, чтобы потом звучать на длинной фазе выдоха. Фонационное дыхание, таким образом, требует перестройки деятельности всего организма, а для поддержания рабочего тонуса требуются постоянные упражнения, тренаж, как говорил К. Станиславский.

После окончания музыкального училища Петербургской консерватории имени Римского-Корсакова молодая певица работала в Петербургской капелле им. Глинки, в хоре А.В. Свешникова, В.Н. Минина в Москве и знала все сольные партии репертуара. Выступала в самых лучших концертных залах нашей страны и за рубежом (Финляндия, Швеция, Франция, Германия, Голландия, Греция, Япония и др.). Под управлением выдающихся дирижеров - Ю. Темирканова, Г. Рождественского, А. Янсонса, Р. Матсова, В. Катаева - пела соло сопрано в «Сотворении мира» и «Временах года» Гайдна, Жанну Д'Арк Оннегера, «Мессу» Моцарта, «Мессу» Баха, «Реквием» Моцарта, 9-ю симфонию Бетховена... То, что было по силам большим мастерам, исполняла молодая, никому не известная певица.

В мемуарах многих звезд можно прочитать о неожиданных вводах, когда солистка вдруг не могла петь, и ее заменяла юная исполнительница. Такие случаи есть и в творческой биографии Инны Селезневой. Что помогло заменить, например, солистку в «Реквием» Моцарта на гастролях в Японии? Не только знание музыкального материала и хорошая физическая форма, но ответственность перед публикой, любовь к своему делу. И вот с ран-

него утра – повторение партии, днем репетиция, а вечером – концерт. Не удалось певице полюбоваться экзотическими красотами, зато коллектив выполнил заявленную программу и получил заслуженные оваии.

На равных она поет в квартете с прославленной М. Биешу «Мессу» Баха. Услышав ее голос на фестивале хоровой музыки, Селезневу приглашают выступить в Штутгарте... А у певицы даже нет денег на билет до Германии. Восьмидесятые-девяностые годы ушедшего века оказались не самыми лучшими условиями для таланта, набирающего силу, крепнущего в череде концертов, гастролей, репетиций. Сегодня можно с уверенностью ответить на вопрос, что же дало силы не просто выжить в те годы, а сохранить творческую форму? – Только любовь к искусству и постоянное самосовершенствование. Быть в голосе каждый день, знать не только свою партию, а практически весь репертуар коллектива, работать над оттенками – эти задачи были главными. Из ежедневных упражнений и репетиций шаг за шагом выстраивался путь служения искусству, а вопросы карьеры или материальных благ оказывались ничтожными по сравнению с желанием видеть глаза благодарных слушателей.

Желание быть ближе к публике, говорить музыкальным языком о том, что волнует и тревожит каждую душу, привело Инну Селезневу к идее создания концертных программ, составленных из произведений отечественных композиторов и русских народных песен. Из встреч со слушателями Селезнева вынесла убеждение, что нашим людям нужна мелодика, которой богата русская классика.

- Классическое искусство, - говорит певица, - глубоко народно. И как жаль, что в наши дни оно так трудно пробивает дорогу к людям! Особенно мне жалко молодых. Они ведь не знают Чайковского, Рахманинова, Алябьева, Булахова... Когда что-то знаешь, хочется знать еще больше, а вот когда не знаешь, то и потребности узнать не появляется.

«Певица сегодня в расцвете своего творческого дарования, - писала двадцать лет назад С. Биткина. – Воздействие этого голоса потрясающее, магическое. Кажется, душа

очищается от коросты и расправляется. Он совершает переворот в чувствах, который так нужен многим из нас». Несколько лет певица выступала с пианистом Владимиром Клюжевным. Камерный дуэт – а именно так воспринимались музыканты – отогревал сердца слушателей Москвы и городов московской области, Поволжья и центральной России. Проникновенно и доверительно Инна Селезнева делилась звуками романсов со слушателями, и словно входили в современные концертные залы Александр Александрович Алябьев (1787-1851) и Александр Егорович Варламов (1801-1848), Алексей Николаевич Верстовский (1799-1862) и Александр Львович Гурилев (1803-1858), Михаил Иванович Глинка (1804-1857) и Александр Сергеевич Даргомыжский (1813-1869), Петр Петрович Булахов (1822-1885) и Александр Порфирьевич Бородин (1833-1887), Модест Петрович Мусоргский (1839-1881) и Петр Ильич Чайковский (1840-1893), Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844-1908) и Сергей Васильевич Рахманинов (1873-1943)...

Естественным и органичным в творческом развитии Инны Селезневой стало обращение к русским народным песням. Важно отметить принципиальную установку на профессионально-академическую манеру исполнения: современные слушатели давно оторваны от традиционного уклада крестьянской жизни, «народность» выражается не в цветастых платках и кокошниках, изменился язык общения и эстрады... Но осталось неизменным душевное содержание и лирический пафос песенного высказывания. Классическое исполнение становится не просто «сообщением» фольклорного материала, но знаком глубокого уважения отечественных традиций и высокого профессионализма.

Сегодня Инна Анатольевна продолжает творческий поиск: составляет новые программы русских романсов, возрождает забытые лирические мелодии советских композиторов, бережно хранит в своем репертуаре жемчужины мировой классики. А еще ведет кропотливую педагогическую работу, помогая молодым исполнителям освоить азы вокального

мастерства и воспитать в себе творца. Ведь исполнитель не просто верно доносит ноты, он предлагает публике свою интерпретацию лирического высказывания, а для этого нужно вдумчивое погружение и в партитуру, и в поэтический текст.

Драматическое «взросление» вокалистов происходит медленно в силу того, что на первый план у молодых певцов выходит забота о своем голосе. Им необходимо выработать ряд специальных умений, довести их до уровня навыков и впоследствии поддерживать необходимую техническую форму. Тело же старается вернуться в «бытовое» состояние, звучать скромно и умеренно. Поэтому уроки вокала Инны Селезневой затрагивают вопросы диеты и образа жизни, одежды и климата, здоровья и жизненного пространства...

Также создание вокалистом художественного образа связано с освоением поэтического текста: создание образа Лирического героя, представление ситуации лирического высказывания, определение действенной задачи героя и своей исполнительской задачи, координация драматического действия и музыкально-интонационного рисунка и т.п. Для решения поставленных задач мало одного-двух уроков, порой недели и месяцы уходят на художественное исследование исполнительского материала и закрепление исполнительских находок. А ведь есть и другие участники творческого процесса – режиссер в оперном спектакле, дирижер оркестра и хора, концертмейстер, и с каждым необходимо найти общий язык, чтобы в итоге возник ансамбль.

«Служенье муз не терпит суеты...» - пушкинский завет в наши дни воспринимается безнадежным анахронизмом: возможность афиширования своей персоны в интернет-пространстве подстегивает артистов и не только артистов к получению быстрого результата. Это неизбежно сказывается на качестве работы. В поисках популярности музыканты идут на эксперименты, не связанные с музыкой...

- Одна известная певица, ныне заморская богачка, не устает повторять, что сегодня все равно добилась бы того, чего добилась десятилетия назад: обратила бы на себя внимание тем, что пела бы в подземных переходах,

в метро, – делится своими размышлениями И.Селезнева. – Но петь в переходе – это быть нищим, а в искусстве нищенствовать нельзя. Таланту, чтобы состояться, нужны хотя бы такие же условия, какие были у нас - бесплатное обучение, педагоги, а они платные, и платить надо немало. Сегодня, случись начать свою карьеру, я бы не поверила в свой голос.

И тем не менее, голос певицы, как и десятилетия назад, поражает чистотой, свежестью и полетностью. Нежное звучание бельканто омывает души слушателей, трогая струны добра и любви нежнейшим интонированием оттенков.

***Белькάνто** (итал. *bel canto* — «красивое пение») — техника виртуозного пения, которая характеризуется плавностью перехода от звука к звуку, непринуждённым звукоизвлечением, красивой и насыщенной окраской звука, выровненностью голоса во всех регистрах, лёгкостью звуковедения, которая сохраняется в технически подвижных и изощрённых местах мелодического рисунка.*

Драматизм романсов Б. Прозоровского и Б. Фомина в палитре концерта уступает место мягкой лирике С. Рахманинова, «Старые письма» (танго Е. Розенфельда) рождают воспоминания, итог которых – «Сожженное письмо» (Ц. Кюи на стихи А. Пушкина)... Лукавая «Мадам Люлю» (из репертуара И. Кремер) поигрывает «Черным веером» (П. Сарасате) и оказывается в сетях «Черного карлика» (А. Вергинский на стихи Н. Тэффи)... Словно отблески драгоценного опала, переливается виртуозное сопрано певицы, унося в мир прекрасного и чистого искусства, рождая высокий полет души и уверенность в том, что красота способна спасти мир.

Инна Анатольевна Селезнева – действительный член и профессор Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина, лауреат Международного пушкинского фестиваля, обладательница звания «Мисс Романс», кавалер ордена «Екатерина Великая» и медали «М. Булгаков. Мастеру своего дела». При этом самыми дорогими наградами

являются отзывы зрителей, их внимательные глаза, на которые порой набегает невольная слеза благодарности и душевного отклика.

Вышивала тонкими стежками
По рисунку жизненных событий,
Как неспешно проплывала лебедь,
Прошивая ткань воды зеркальной,
Оставляя ровную дорожку
И кругов причудливые петли.

А еще негромко пела песню,
Не заботясь об аплодисментах,
Лимузинах, прессе, гонорарах,
Как не думает в полете лебедь
Об оставленных когда-то водах
И своем на водах отраженье.

Падал снег лебяжей сединою,
По пути порой терялись перья,
Но полет еще не прекратился,
Как летит волнующая песня
Над потоком бурным и свободным,
И судьбы не оборвана нитка.

В. Орешкин – Инне Селезневой, 2015 г.

Литература:

1. Биткина Светлана. «Звучал мне долго голос нежный»... К сожалению, имеющие уши его не слышат // Рабочая трибуна, 14 сентября 1996, №171 (1532)

2. Биткина Светлана. Это твой голос, Россия! // Владимирские ведомости, 11 октября 1996. С.6

3. Люди земли Рыбацкой : Краеведческое издание. – СПб.: ОМ-Пресс, 2008. С.39-40.

4. Прищепенко Виктор. Мы видим образ ваш! // За СССР. №7 (32), 1997. С.4.

5. Баранова Светлана. ...Что просит душа // ? 17 июня 1998. С.4.

6. Перхальская Надежда. Той женщине, которая поет. // Рыбацкое сегодня, 2 декабря 2015. №23 (186). С.2.

Михаил УСАНОВ

С думой об отце

Возвращаясь к далёким временам крепостничества, наша память выхватывает фрагменты прошлой жизни лишь из программ, которые мы изучали на школьной или студенческой скамье.

Они готовились в основном по идеологическим требованиям советского времени. Альтернативную информацию можно было получить лишь со слов свидетелей, живущих в те времена, или их потомков.

Так, со слов моей тётушки Марии Фёдоровны Балашовой (в девичестве Усановой), с начала 50-х годов прошлого столетия, я порционно получал информацию о своём отце, дяде и о всех других родственниках по отцовской линии.

Некоторые факты из этих воспоминаний легли в основу данной публикации. По возможности буду ссылаться на сохранившиеся документы из архива своей семьи и семьи Балашовых.

На границе Саратовской и Тамбовской губерний проживал очень состоятельный господин «Н», на содержании которого находилось имение в виде усадьбы и прилежащих поселений. Среди знатных особ такого уровня, было обязательным иметь свой театр с труппой. Таковой был и у этого господина с актёрами разного уровня. Руководителем творческого коллектива был Фёдор Усанов – мой дед.

Репертуар спектаклей был разнообразным, включая и классику. Но в основном представления носили развлекательный характер, по сюжетам народных праздников и гуляний.

Щедрость хозяина была безграничной при одаривании актёров после спектаклей и праздников. Все подарки, а, в основном, это были гостинцы и угощения, приносились в семьи и подолгу радовали детишек.

Но реформами Александра II было отменено крепостное право. Крепостные получили вольную и труппа театра была распущена.

Фёдор, получив вольную, оставил поме-

стье и поступил на государственную службу на железной дороге. В его обязанности входил осмотр ж/д участка определённой протяжённости, проще говоря, был обходчиком. Имея служебное жильё в виде домика у разъезда с дворовыми постройками для мелкой домашней скотины и наделом земли, они со своей супругой Василисой Кузминичной, вели, как могли, своё нехитрое хозяйство.

Прирастала в то время и семья Фёдора. В 1887 г. Появилась девочка Маша, и в 1889 г. родился сын Стёпа. Они были не первыми и далеко не единственными. В семье Усановых в общей сложности детей было около дюжины. Однако жизнь на отшибе, при отсутствии медицинской помощи сказывалась на подобных семьях в виде нередкой детской смертности.

Более половины детей Усановых оставили эту землю, не прожив и 10 лет, не смотря на экологически чистую среду обитания и натуральную пищу.

Волею судьбы, семья Фёдора Усанова находилась неподалеку от имения состоятельного господина «Н». Отношения между ними были достаточно дружелюбными и доверительными. Периодически бывший хозяин обращался к Фёдору с просьбой продолжения развлекательных мероприятий по старой памяти. Собрав бывшую труппу, он не единожды выручал господина.

В один из таких праздников, под Рождество, Фёдор был приглашён на очередной гастроль, развлекать хозяйских гостей шуточными сценками в шкуре медведя.

Вывернув тулуп, приспособив маску медведя из подручных материалов, он весь вечер покорял зрителей своим актёрским мастерством. Дворовая публика была в восторге. Щедрый хозяин, по традиции, угостил артиста и одарил гостинцами для детишек. Поблагодарив и отказавшись от услуг кучера, Фёдор, крепко прижимая гостинцы к груди,

отправился домой.

Грело душу и радовало сердце ощущение собственной значимости и полезности для людей.

В костюме медведя, но без маски, он решил сократить дорогу через лес.

Подстёгивало радостное возбуждение от встречи с домашними. Спешно шагая по глубокому снегу с гостинцами после трудного дня, он не заметил, как усталость взяла над ним верх. Присев на снег, он прислонился к дереву отдышаться и набраться сил. Вскоре по телу Фёдора начало разливаться приятное тепло. Полуночное небо, усыпанное звёздами, равнодушно взирало на суетность земной жизни. «Скоро буду дома», - мелькнуло в сознании, и улыбка осветила его лицо.

Фёдора нашли на следующий день по следам. Какая-то детская счастливая улыбка на лице, резким контрастом подчёркивала всю нелепость ситуации произошедшей трагедии.

Вскоре семья Фёдора, оставив служебное жильё, переехала в Саратов к родственникам.

В купеческом Саратове жизнь неглупых и работающих людей, вполне могла состояться. Подрабатывая и получая небольшое пособие на детей от железнодорожного ведомства, Василиса Кузьминична, как могла, подымала ребятшек. Все они получили доступное минимальное образование в церковно-приходской школе. Если учесть, что в дореволюционной России 150 миллионов человек были неграмотными совсем, это был очень приличный уровень образования.

В возрасте 17-ти лет сын Фёдора Степан, в будущем мой отец, поступил на службу к купцу в качестве приказчика. К тому же, от своего отца он унаследовал хороший голос и слух. Бархатный баритон Степана дополнял проникновенный голос сестры отца - Марии Фёдоровны - моей тётушки, чем она очень гордилась. Распевались они на домашних вечеринках. Слухи о красивых голосах дошли до настоятеля Троицкого храма в Саратове, и их стали приглашать в качестве солистов на большие праздники.

Уже в 50-х, 60-х годах прошлого века, я стал периодически заходить в этот храм, что-

бы посмотреть на службы или обряды крещения. И так же как в детстве, при одержимости творчеством во всех проявлениях, будь то музыка или рисование, мне мечталось стать профессиональным музыкантом, или художником.

В церкви подолгу я разглядывал росписи на стенах и иконы, пытаюсь понять их глубокий смысл. А то, что в них был заложен глубокий смысл, в этом я был твёрдо убеждён. И были тому веские причины.

В возрасте 8-ми лет я был в состоянии клинической смерти, чему предшествовала сильная травма, которую я получил в результате своей бесшабашности.

Во время строительства военного аэродрома в городе Энгельсе на берегу реки Волги в районе улицы Рабочей, образовался речной порт для грузовых барж, которые привозили песок и цемент в мешках и россыпью. Песок из барж брали ковшом специального крана для дальнейшей погрузки его в машины и самосвалы и перевозки на стройку.

Ковш ударил меня по голове, когда я забрался на вершину песчаного террикона.

Далее, как у всех в такой ситуации - тёмный тоннель и яркий свет в конце тоннеля. Вокруг сонм то ли людей, то ли теней в белых одеждах. И необыкновенная лёгкость и проявление любви во всём – в запахах, звуках, цвете. Лица, окружающие меня, светились добром и любовью. Все были рады моему появлению, кроме одного персонажа с посохом и белой бородой.

Строго оглядев меня, он сказал: «Возвращайся туда, откуда пришёл, не время ещё быть здесь». И в подтверждение своих слов, пристукнул посохом. Слова Его передавались через мысли, и я снова оказался на земле, валяясь у основания песчаной горы.

Обливаясь кровью, шатаясь, я побрёл домой. Мои приятели сочувственно охали, но никто не помог мне дойти до дома.

Хотя это произошло со мной более 60-ти лет назад - всё помню, как сейчас. С этой памятью я живу всю свою жизнь и рассказываю о случившемся только близким мне людям. Во времена воинствующего атеизма это было не безопасно, да и мало кому интересно. Но ни-

чего не проходит бесследно. Очень возможно, что я приобрёл какое-то дополнительное качество, повлиявшее на мою будущую жизнь.

Нам не дано этого знать. Разглядывая украшение и убранство в храмах, где мне приходилось бывать, я искал в изображениях сакральные смыслы.

Многое нравилось, а главное – отсутствие повседневной суетности. Под этим понятием я понимал всякие мелочи и детали, окружающие нас. Цепляясь за бранные мелочи, мы упускали главное – уже философское понятие, не всеми, однако, принимаемое – что всё должно принадлежать Всевышнему и на все времена по закону справедливости.

В споре истина не рождается, а умирает. По окончании спора каждая из сторон становится ещё более убеждена в своей правоте.

Истина в вине – утверждали мудрецы. А что это значит? А значит – это то, что, приняв на «грудь», ты расслабляешься и становишься пофигистом, в том числе и к проблеме, из-за которой возник спор.

Мудрецы не спорят – они утверждают.

Если ты не разделяешь и не принимаешь точку зрения другого, считая её неверной, то будь готов к тому, что твоя точка зрения так же не будет принята другими, хотя она и будет верной. Лучше оставить спор совсем, то есть принципиально не участвовать в нём. Всё относительно, и у всех своя правда.

В детстве и юности, при посещении храмов, сказочно небывалая атмосфера вселяла в меня трепет и какую-то безысходность. В силу необъяснимых причин, мне было в тягость часто ходить туда.

В 1990 г. я вновь посетил Троицкий собор и вместе со своими родственниками принял крещение. Во время обряда я мысленно пообщался со своим отцом – в стенах, где звучал его голос.

Свою причастность к вечному я ощутил в Чернигове, где работал реставратором от Киевского реставрационного центра. В середине 80-х годов трогал Оранту с реставрационных лесов в Софии Киевской. В конце 80-х изготовил мозаичную икону в храме «Утоли мои печали» в Саратове.

В конце 90-х в Троицком храме города Эн-

гельс реставрировал настенные росписи вместе с дочерью Людмилой.

Перед первой мировой войной Степан Фёдорович женился на Катерине, девушке спокойной и рассудительной. Это была его первая жена. В 1912 г. у них родился сын Николай, о существовании которого, я узнал лишь в свои 14 лет от чужих людей. В нашей семье эта тема была закрытой. Знакомство с ним произошло в 1961 г., когда мне было 15 лет. Это был мой сводный брат. Отношения у нас были добрыми. Несмотря на то, что он просил меня обращаться к нему на ты, психологический барьер я преодолел не сразу, так как разница в возрасте у нас была 34 года.

Нужно отметить, что творческая составляющая не обошла и Николая. У него была потребность рисовать. В свободное время, в течение всей жизни он был хорошим рисовальщиком от природы. Много копировал графических работ других мастеров. Сохранился его автопортрет в технике масляной живописи очень неплохого качества. У меня было больше духовной связи с ним, чем с моим родным братом Геннадием.

По какой-то причине Степан Фёдорович оставил Катерину вместе с сыном. Эта причина была известна только им двоим.

В 1910 году отец познакомился с моей будущей мамой, Матрёной Антоновной в девичестве «Малейко», родом из заволжских украинских казаков. Разница в возрасте у них составляла 21 год. Она была лишь на два года старше его сына Николая. Так сложилась судьба, от которой не уйдёшь.

Но вернёмся к более ранней истории. В 1914 году мой отец оказался на полях сражений Первой Мировой войны.

Сестра его, Мария, была замужем за Иваном Балашовым, который так же воевал на той войне.

О том, как воевал мой отец, можно лишь предполагать. Но, если мне хотя бы частично, передался его характер, можно представить, каким воином он был. За пассивную службу не присваивали наград в виде Георгиевского креста.

Во время перехода империалистической войны в гражданскую, большевистские агита-

торы переманивали на свою сторону немало горячих и отважных голов. Отец сознательно сделал свой выбор и стал чекистом.

Трудно представить его судьбу в этом качестве. Со слов известно лишь, что он был активным бойцом в действующих отрядах продразвёрстки, действия которых нередко вызывали ответную реакцию со стороны сельхозпроизводителей, проще говоря – крестьянства. Бунты поднимались по всей центральной России. Организациями недовольных умело руководили белые офицеры не без помощи из-за рубежа. Это хорошо описал Шолохов в романе «Тихий Дон».

Одна из наиболее активных банд, так нам внушали большевики, членом партии, которой был и мой отец, располагалась к Юго-Западу от Саратова. Многочисленные отряды бандитов – повстанцев против Советской власти, руководимые Антоновым, совершали громные рейды по всему Поволжью, вплоть до Урала. Об этих зверствах тоже много написано, и не только в книгах. На картине известного художника Вебера «Под лёд» очень реально изображена сцена казни, в которой участвовали «антоновцы». В Саратове создавались отряды по уничтожению бандитов. В одном из таких отрядов был и мой отец.

В нескольких десятках километров от Саратова, на заснеженном поле встретились две силы.

Бандиты, почти все состоявшие из казаков, были на лошадях, в то время как красноармейцы-чекисты были пешими. В народе говорили, что казак на лошади стоил трёх, а то и четырёх пеших солдат. Начался бой, по сути похожий, на истребление. В ближнем бою винтовка была малоэффективным средством, против казацкой шашки. Один из казаков, остановившись около отца, замахнулся на него шашкой. В такой ситуации сложно принимать разумные решения. Однако интуиция и чувство самосохранения подсказали единственно верный выход. Выставив винтовку на вытянутых руках перед собой, в самый последний момент он спас себе жизнь. Шашка уже заканчивала свою разящую траекторию, когда на её пути возникло препятствие. От удара о ствол винтовки от шашки отломился

острый конец, не менее ладони в длину. Этим осколком отцу раздробило череп. Обливаясь кровью, он рухнул в снег. «Готов!» - подумал казак и оставил его.

Очнулся отец в больнице, куда его привезли с другими ранеными после боя.

Много чекистов порубили казаки в той сече.

Получив контузию в том бою и восстановившись после лечения, отец по состоянию здоровья был списан из рядов действующей армии, куда входили подразделения чекистов. Раздробленный череп затянулся, но кости в этом месте уже не было. Место ранения до конца дней пульсировало, как темя у младенца.

Выйдя из армии, он поступает на службу в единственный в г. Покровске коммерческий продуктовый магазин.

В моих руках был документ, который вместе с другими, я в 70-х годах передал на хранение, в дар в наш краеведческий музей. В нём было написано, что данный мандат позволял Усанову С.Ф. без суда и следствия расстреливать на месте за спекуляцию при закупках продовольствия у населения.

Дело в том, что числясь продавцом, отец выполнял функцию директора, экспедитора и продавца в одном лице. Здание этого магазина находится в центре города и сейчас, неподалеку от универсама Лазурного, и так же используется в качестве магазина.

Я, после знакомства с этим документом, как-то спрашивал у матери - воспользовался ли отец, хотя бы раз этим правом? Она отвечала отрицательно - он умел убеждать словами.

Далее он был избран депутатом Горсовета.

Его сестра, Мария, так же была избрана кандидатом в члены Горсовета в 1927 г.

В середине 30-х годов начались массовые репрессии. В это непростое время по ложному доносу многие светлые личности были превращены в лагерную пыль. По одному из таких наветов пострадал и мой отец. Но, учитывая его заслуги перед Родиной и полученное увечье, он пострадал лишь отчасти. Был лишён работы, исключён из партии, из состава депутатов Горсовета. И всё же однаж-

ды, кто-то поджег его дом, где он проживал вместе с мамой по ул. Самарской. В то время у них уже был совместный сын Геннадий, который родился в 1934 г. – мой брат.

Как рассказывали соседи, пытавшиеся потушить пожар вёдрами с водой, им не давали приближаться к пожарищу люди с мрачной внешностью. Дом сгорел дотла со всем нажитым имуществом. Слава Богу, что не случилось трагедии – не было жертв. Неподалеку, на ул. Московской 13, жила моя тётушка Мария Фёдоровна. Всё надо было начинать сначала, да ещё в таких непростых условиях, которые были созданы для отца. Жили где придётся - у друзей, на съёмных квартирах...

Не один год ушёл на накопление средств для приобретения своего дома.

За 9 месяцев до моего рождения, в январе 1946 г. мечта была осуществлена. Дом был куплен в г. Энгельс по ул. Чапаева, 89.

Работал отец завскладом в рыбколхозе «Путь рыбака». В середине 50-х годов я проживал у рыбаков, которые жили неподалеку и хорошо знали моего отца таким, каким он был.

Рыбаки были удивлены моим вопросам, отвечали немногословно, будто опасаясь чего. Но основная мысль была такая, что он был правильным человеком и настоящим мужчиной.

На Отечественной войне, по известным причинам, ему быть не случилось. Работая в рыбколхозе, он параллельно освоил профессию валяльщика валенок. В те времена это был очень востребованный товар и приносил приличный доход. Со временем он стал высококлассным специалистом, и чёсанки, из-под его рук, были очень популярны. Заказы принимались заранее, желающие записывались на очередь. Работы он проводил на дому. Мама показывала мне инструменты - колодки и специальные приспособления, необходимых для изготовления качественных валенок. Она всё старалась сохранить их на чёрный день. Так и жил мой отец, работая не жалея сил, чтобы содержать семью из пяти человек.

Однажды пришли работники из партий-

ного аппарата с уговорами - не держать обиды за деяния в его адрес. Обещали хорошую должность, восстановление в партии, если он напишет заявление. Отец указал на дверь (узкую характер!).

Отца я помню лишь по отрывочным фрагментам: то он просил меня принести ему папиросы, хранящиеся в портсигаре, то водички попить. Он большей частью времени лежал в кровати, когда бывал дома. Видимо здоровье было на исходе. В памяти всплыл эпизод, когда меня учили ходить.

Домашние садились на табуретах по кругу и подталкивали меня к кому-нибудь. Сделав несколько шагов, я утыкался в колени сидящих. Через несколько сеансов тренировки я научился устойчиво передвигаться. Мама позже говорила, что я научился ходить в 7 месяцев.

Отца не стало вдруг. Однажды, когда он вернулся с работы (а работал он тогда в лесопитомнике), в дверях его встретила мама. Глянув на его уставшее и измождённое лицо спросила - будет обедать, или водички сначала? Он попросил воды. Она сходила за водой, а вернувшись, увидела отца лежащим на полу с кровавой пеной у рта. Тело содрогалось в конвульсиях. Выронив кружку и сама едва не потеряв сознание, мама выбежала на улицу, к людям. Врачи констатировали инсульт. Так на 59-м году окончилась жизнь обыкновенного человека с очень необычной судьбой.

Похоронили отца на кладбище, что у переезда на Эльтонском тракте (ныне проспект Строителей). На могиле оставили знак в виде ржавой трубы.

Родственники хотели впоследствии поставить крест, да так и не изыскали возможности.

Позже трубу кто-то вытащил, и место захоронения было утеряно. Все мои попытки разыскать его были тщетны.

Поминаю отца на этом же кладбище, но на братской могиле.

Для нашей семьи началась очень непростая, полная лишений жизнь. Но это уже совсем другая история.

Алексей ВОРОНОВ

Императорское Православное Палестинское Общество: история и современность

3 июня (21 мая) 1882 года, в праздник святых царей Константина и Елены, во дворце Великого князя Николая Николаевича Старшего в присутствии членов императорской фамилии, русского и греческого духовенства, учёных и дипломатов состоялось торжественное открытие Православного Палестинского Общества, созданного для организации работы на святой Земле с паломническими, научными и просветительскими целями. В 1889 году, спустя семь лет после учреждения Общества, император Александр III дал ему наименование «Императорское» - в знак высочайшего признания заслуг этой организации перед российской державой.

На протяжении всего XIX века представители царствующего Дома Романовых принимали активное участие в создании Палестинского общества и приобретении земель на Святой Земле для русских священнослужителей и паломников. Ещё в 1818 году император Александр I создал Иерусалимское подворье в Москве, а его брат Николай Павлович в 1847 году учредил Русскую духовную миссию в Иерусалиме. Сын Николая Павловича, император Александр II, создавая в 1859 году Палестинский комитет, или по полному титулу «Комитет для принятия мер по устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных поклонников», сказал: «Это для меня вопрос сердца». Этими словами он выразил общее отношение семьи Романовых к Святой Земле, остававшееся неизменным с 1619 года, когда основатель династии царь Михаил Фёдорович пригласил в Москву Патриарха Иерусалимского Феофана.

Первым председателем Палестинского комитета стал брат императора, Великий князь Константин Николаевич. В апреле 1859 года он с супругой Александрой Иосифовной и первенцем Николаем на паровом фрегате «Палкан» прибыли в Палестину, где были

торжественно встречены Патриархом Иерусалимским Кириллом II «при громадном стечении народа» в храме Гроба Господня (Воскресения Христова). Одной из важнейших целей приезда в Иерусалим было решение вопросов, связанных с приобретением Россией участков земли для возведения собственного комплекса зданий, который объединил бы консульство, Духовную миссию с храмом, паломнические подворья и больницу. Великий князь осмотрел и одобрил первые российские земельные приобретения в Иерусалиме: участок недалеко от стен Старого города и участок близ храма Воскресения в Старом городе. На первом участке впоследствии были возведены так называемые Русские постройки, увенчанные величественным Троицким собором, на втором ныне расположено Александровское подворье с храмом Александра Невского.

В апреле 1860 года в дневниках Константина Николаевича появились записи о русских постройках и будущем Троицком соборе в Иерусалиме. К проектированию и строительству храма были привлечены несколько архитекторов, а руководителем проекта стал Михаил Иванович Эппингер. К 1864 году строительство было завершено, но отделка внутреннего убранства оттягивалась из-за недостатка средств. Это очень беспокоило Великого князя Константина Николаевича, считавшего, что «несовместимо с достоинством России и несогласно с волею Государя Императора оставлять недоконченным храм, построенный русским правительством на пожертвования всего православного русского народа». Наконец, работы по отделке собора были закончены, и 28 октября 1872 года Великий князь присутствовал при освящении Троицкого собора.

Впоследствии члены царской семьи также принимали деятельное участие и в приобретении новых земель в Иерусалиме и Палестине, и в возведении на них православных храмов и

монастырей. Так, в 1885 году в Гефсиманском саду на склоне горы Елеон был заложен храм святой Марии Магдалины, в память об императрице Марии Александровне. Храм был построен за три года, в его создании участвовала вся царская семья. Большую часть денег на строительство – 135.000 рублей – пожертвовал царь Александр III, по 15.000 выделил каждый из четырёх его братьев, ещё 5.000 – их сестра Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская. Освящение церкви состоялось в праздник Покрова, 1 октября 1888 года. Для участия в торжествах в Святую землю прибыли Великий князь Павел Александрович и его брат Сергей Александрович вместе с супругой Елизаветой Фёдоровной – будущей игуменьей Марфо-Мариинской обители, которой суждено было принять мученическую смерть в 1918 году и впоследствии быть причисленной к лику святых. Сегодня в храме Марии Магдалины по бокам от иконостаса находятся мраморные раки с мощами Великой княгини Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары, принявших мученическую смерть 18 июля 1918 года. Так постепенно складывался Русский Иерусалим. Его архитектурные особенности до сих пор во многом определяют исторический облик Святого города и позволяют говорить: это Иерусалим романовский не только по эпохе и архитектурным стилям, но и по той доброй памяти, которую оставили о себе на Святой Земле многие представители семьи Романовых.

* * *

Одним из главных инициатором создания Императорского Православного Палестинского Общества стал выдающийся подвижник русского православия XIX века архимандрит Антонин (Капустин). В 2017 году в России и в Иерусалиме прошли торжества по случаю знаменательной даты – 200-летия со дня рождения этого выдающегося церковного деятеля. На протяжении многих лет он был начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и многое сделал для развития русского паломничества в Святую Землю, соз-

дания феномена, который мы сегодня называем «Русская Палестина». Так, в 1873 году он купил участок земли в Иерихоне (по-арабски это библейское место называлось «Эр-Риха»), выстроив на нём невиданный для местных жителей двухэтажный каменный дворец, окружённый большим красивым садом. В нём обустроили приют для паломников, которые стали регулярно посещать Иерихон тысячами караванами. В мае 1881 года в «антониновском» приюте в Иерихоне по пути на Иордан останавливались с ночёвкой и августейшие паломники Великие князья Сергей и Павел Александровичи и их кузен Великий князь Константин Константинович. Буквально через год они стали участниками создания Императорского Православного Палестинского Общества, а Сергей Александрович – его Председателем.

В качестве основных идей, лежавших в основе деятельности ИППО, были выбраны такие сферы и ценности человеческого бытия, которые неподвластны времени и не зависят от прихотей отдельной личности. Это вера, наука, служение и, конечно же, культура. Основатели Палестинского Общества определили в уставе такие цели, как содействие паломничеству по святым местам для любого жителя Российской империи, поддержка учёных в научных исследованиях в области востоковедения и истории христианства, обеспечение доступности образования и лечения для населения библейского региона, а также поддержка православия на Святой Земле.

Для осуществления этих культурно-просветительских целей была создана эффективная структура управления ИППО. Обществу была дана возможность координировать взаимодействие государства, общественности и Церкви по всем аспектам паломничества на Святую Землю, включая обеспечение путешественников необходимыми документами и скидками, строительство инфраструктуры, способной принять тысячи русских паломников на святых местах, и духовное окормление паломников. В результате такого масштабного государственно-социального проекта, опирающегося на труд и энтузиазм множества

людей, сотни тысяч православных верующих Российской империи по паломнической книжке ИППО смогли прикоснуться к благодати Святой Земли.

К 1917 году отделения Общества были открыты в 52 епархиях Русской православной церкви, от Якутска до Варшавы. Тысячи православных людей по всей России – от губернаторов до крестьян – посещали просветительские палестинские чтения, на которых священники читали лекции о святых местах и раздавали бесплатные листки с видами Святой Земли.

Для детей православных арабов Палестины, Сирии, Ливана были построены более сотни школ и две учительские семинарии, где ученики были обеспечены учебниками, тетрадями, формой, а главное – смогли приобщиться к великой русской культуре. Важно то, что школы ИППО были открыты для всех, а не только для православных. Уже тогда Общество исповедовало принципы открытости и толерантности, хотя в ту пору это обозначалось другими понятиями – служение и милосердие. На Святой Земле строились новые православные храмы, украшались имеющиеся, финансово поддерживались Восточные Патриархаты. Тем самым укреплялось русское духовное и гуманитарное присутствие в ближневосточном регионе.

Все структурные ветви объединялись августейшим покровительством императорской семьи, председательством Великого князя Сергея Александровича, а позднее – его супруги Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. После того, как её муж был убит в Кремле террористами, Великая княгиня приняла монашеский сан и стала игуменьей основанного ею Марфо-Мариинского женского монастыря – «Обители труда и милосердия». 7 мая 1918 года она была арестована и увезена из Москвы под конвоем в Алапаевск. Там же под арестом находились члены царской семьи: Великий князь Сергей Михайлович, князь императорской крови Игорь Константинович, Константин Константинович и Иоанн Константинович, а также князь Владимир Палей – поэт, сын великого князя Павла Александровича,

расстрелянного в Петропавловской крепости через полгода после казни сына.

Вместе с Елизаветой Фёдоровной в застенках томилась её келейница, инокиня Варвара. Её пытались разлучить с игуменьей, пугали муками, которые предстоит вынести Елизавете Фёдоровне. Однако инокиня Варвара до конца осталась верной своей Великой Матушке и вместе с ней добровольно пошла на страдания и смерть, исполнив завет Христов: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

В ночь на 18 июля 1918 года Елизавету Фёдоровну с инокиней Варварой разбудили и повезли в направлении деревни Синячиха. За ними на нескольких подводах везли других членов императорской фамилии. Их привезли на заброшенный рудник, избili прикладами и сбросили в шахту, забросав ручными гранатами... В течение нескольких часов члены царской семьи мучительно умирали от тяжёлых ранений. Когда в сентябре 1918 года войска адмирала Колчака извлекли из шахты останки погибших, рядом с телом Великой княгини Елизаветы нашли князя Иоанна с перевязанной головой. В прошлом сестра милосердия, Великая княгиня Елизавета в крошечной темноте шахты сделала последнюю в своей жизни перевязку... В 1995 году на месте гибели Алапаевских мучеников был основан мужской монастырь во имя новомучеников и исповедников Российских.

Осенью 1918 года тела мучеников были погребены в Свято-Троицком соборе города Алапаевска. Летом 1919 года, в связи с приближением красноармейских отрядов, их перевезли в Читу, а ещё через год – в Пекин. Оттуда в ноябре 1920 года гробы с телами Великой княгини Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары были отправлены в Иерусалим, где были погребены на Елеонской горе, в храме святой Марии Магдалины. Ещё в 1888 году, присутствуя на освящении этого храма, Елизавета Фёдоровна сказала: «Как хорошо быть похороненной на этом святом месте!». И поныне святые мощи российских новомучениц Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары пребывают в иерусалимском храме святой Марии Магдалины.

* * *

После краха монархии в 1917 году ИППО потеряло августейший титул, и его название стало звучать иначе – Российское Палестинское Общество, а его деятельность приобрела сугубо научный характер. Благодаря поддержке государства в лице Академии наук СССР, учёные долгое время занимались востоковедением и анализом внешнеполитических проблем Ближнего Востока. В 1934 году, когда умер его председатель академик Н.Я. Марр, новый глава Палестинского Общества так и не был избран. Времена были таковы, что историческая наука находилась в кризисе, учёные, особенно востоковеды, византологи, историки Церкви, подвергались репрессиям, потом началась Великая Отечественная война...

Казалось бы, славное Палестинское Общество вряд ли возродится. Но в 1950 году государству опять понадобились специалисты по восточному вопросу. Новым председателем выбрали известного историка, академика С.П. Толстова. Через неделю после его избрания умер Игнатий Юлианович Крачковский – последний из дореволюционных членов Императорского Православного Палестинского Общества, ещё в 1915 году избранный пожизненным действительным членом ИППО, а в 1921 году – членом Совета. Вот так символично сохранилась живая преемственность. Через 110 лет со дня основания ИППО, оно вновь заслуженно обрело своё историческое имя. Произошло это 25 мая 1992 года, когда Президиум Верховного Совета Российской Федерации принял Постановление № 2835-1 «Об Императорском Православном Палестинском Обществе», подготовленное тогдашним Председателем Общества, известным российским дипломатом и востоковедом О.Г. Пересыпкинским. В нём была поддержана просьба Совета ИППО о переходе под юрисдикцию Российской Федерации в качестве международной общественной организации под своим историческим наименованием. Постановление также рекомендовало правительству «принять необходимые меры по практическому восстановлению и возвращению ИППО его

имущества (архивов, книжных фондов, культурных и других исторических ценностей)». Одним из непосредственных участников принятия этого знакового решения был Сергей Вадимович Степашин, в то время – Председатель Комитета по обороне и безопасности Верховного Совета Российской Федерации первого созыва, с июня 2007 года возглавляющий Императорское Православное Палестинское Общество.

В соответствии с принятым в 1992 году новым уставом в ИППО был восстановлен институт почётного членства. С 1992 года Комитет почётных членов возглавлял Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, а с 2009 года – Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Последние 25 лет нашей истории, ознаменовавшие собой возрождение новой России, стали также возрождением Императорского Православного Палестинского Общества, возвращением русского присутствия на Святой Земле, у Вифлеемских яслей и у Гроба Господня. И этот период времени уже отмечен новыми запоминающимися делами, достойными памяти наших предшественников.

Ещё в 1899 году Председатель ИППО Великий князь Сергей Александрович стал владельцем земельного участка в Иерихоне, который в 1996 году был возвращён Российской Федерации. В январе 2011 года на этом участке состоялось торжественное открытие построенного ИППО Российского музейно-паркового комплекса, ставшего настоящей жемчужиной Русской Палестины XXI века. На территории комплекса, помимо историко-археологических памятников древности, находится также великая христианская святыня – евангельское «древо Закхея», возраст которого превышает 2 тысячи лет. В торжественном открытии комплекса, приуроченном к 10.000-летию Иерихона, приняли участие Президент России Дмитрий Медведев и глава Палестинской Национальной Администрации Махмуд Аббас.

В Вифлееме, известном всему православному миру как родина Спасителя, в 2011-2012 гг. был построен Центр ИППО, в котором раз-

местился Российский центр науки и культуры (позднее, в 2014 году, рядом с центром была открыта русская общеобразовательная школа). Удобный современный центр с просторным конференц-залом, холлом и фонтаном, помещениями для работы кружков по изучению русского языка, студий изобразительного искусства и танцев, большой библиотекой с книгами на русском языке – всё это позволяет обучать детей, проводить встречи с общественностью, концерты, выставки, детские летние лагеря и даже костюмированные парады в День Победы. Люди, которые хотят прикоснуться к истории, культуре и современной жизни России, чувствуют себя в этих стенах в окружении настоящих друзей.

26 июня 2012 года для торжественного открытия Российского центра науки и культуры в Вифлеем прибыл Президент Российской Федерации Владимир Путин, перерезавший ленточку вместе с главой Палестины Махмудом Аббасом, который объявил, что с этого дня улица, на которой стоит русский центр, будет переименована в честь Владимира Путина.

18 июля 2017 года – день памяти святого преподобного Сергия Радонежского, небесного покровителя Великого князя Сергея Александровича, стал ещё одной знаменательной вехой в новейшей истории ИППО. В этот день в Иерусалиме состоялось торжественное открытие Сергиевского подворья, построенного Императорским Православным

Палестинским Обществом в 1889 году. До 1917 года оно было центром всех подворий и учреждений ИППО в Святой Земле. Во второй половине XX века Сергиевское подворье, как и многие другие принадлежавшие России исторические памятники на Святой Земле, стало израильской собственностью. Только в октябре 2008 года, после нескольких лет переговоров, правительство Израиля утвердило решение о передаче Сергиевского подворья России. К тому времени историческое здание подворья не только обветшало, но и серьёзно пострадало от пожара, случившегося в 2002 году. Масштабный ремонт и реставрация продолжались почти 10 лет – и, наконец, в год 135-летия Императорского Православного Палестинского общества историческое здание Сергиевского подворья вновь распахнуло свои двери.

Двадцать пять лет из 135 – это лишь небольшая часть общей истории Общества, но каждодневный труд активных продолжателей славного начинания позволил достичь результатов, которыми гордятся как в России, так и во многих странах ближневосточного региона, где ИППО успешно продолжает свою гуманитарную деятельность. 23 марта 2012 года Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» была объявлена благодарность Президента России Владимира Владимировича Путина.

В Правлении РМСП

Выписка из протокола заседания Правления РМСП от 08.02.2018 г. об исключении с позором из Союза писателей Д.Н. Киршина

Настоящим сообщаем, что решением Правления Российского Межрегионального Союза писателей от 07.02.2018г. с позором исключён из членов РМСП Киршин Дмитрий Николаевич за хулиганские выходки в сети Интернет, связанные с уничтожением официального сайта Российского Межрегионального Союза писателей, что оскорбило авторов нашей писательской организации, а также осквернило память умерших членов РМСП, информация о которых была размещена на сайте; за демонстративное невыполнение работ, связанных с выходом в свет справочника нашей писательской организации и присвоение денег, собранных для его издания; за систематический умышленный срыв издательских проектов, в том числе региональных, что нанесло непомерный моральный и материальный ущерб вышеуказанной организации, а также угрожало безопасности руководителя организации; самовольное навязывание писателям своей редакторской правки, не имея на это профильного образования, никакого имени в литературе (основание: письменные жалобы авторов) и ни одного признанного читателями произведения; за неуважительное отношение к писателям; за несостоятельность секции поэзии РМСП в последнее время, посещаемость которой падала с каждым днём из-за его личной неавторитетности (через секцию поэзии за двадцать лет в РМСП не вступило ни одного писателя); распространение ложных сведений о руководителе РМСП - человеке, который дал Киршину Д.Н. возможность более двадцати лет безбедно жить и популяризировать себя за счёт созданной титаническим трудом Е.П. Раевского авторитетной писательской организации, а также за злостную демонстративную неуплату членских взносов.

Все вышеуказанные нарушения Устава и противозаконные действия Киршин Д.Н. совершил, находясь на руководящей должности в РМСП.

Также принято решение Правления РМСП ходатайствовать перед соответствующими организациями о лишении Киршина Д.Н. всех научных степеней и званий как порочащего имя русского учёного и гражданина.

Голосовали единогласно.

*Король клеветы своего назначит генералом,
Но он не может никого назначить честным малым...*

Р. Бёрнс

Алексей АХМАТОВ

Дмитрий Николаевич Киршин

(XXII конференция молодых писателей Северо-Запада)

Здесь мы имеем дело с гладкописью. Автор умеет выдерживать правильно размер, он не забывает стопу, не пропускает слогов, что так характерно для молодых поэтов. Также он умеет выдержать изначально взятую строфу, чётко с первой и до последней строфы довести до конца то количество строк и то чередование рифмовки, какое было вначале. Он знает, что такое рифма, вернее, не употребляет далёких друг от друга так называемых «сомнительных» рифм, типа «палка–селёдка» или «пора–привстав», как это порой встречается у Богдановой или Сапогова (фамилии участников Конференции – Д.К.). И уверяю вас, что это уже немало. Всё зависит от того, сколько автору при этом лет. Если 16 – это великолепно, это гарантия, что перед нами стремительно развивающееся дарование. Если же 35 – то перед нами беспросветный графоман. У Дмитрия Николаевича всё на грани, на пределе, так сказать, – ему 29. С одной стороны, это не так уж и много, быть может, он стал писать недавно, а с другой стороны, в этом возрасте уже умер Лермонтов.

Итак, мы рассмотрели, что есть у Киршина, теперь же посмотрим, чего у него нет. Если делать серьёзный, аргументированный разбор по строчкам, то нет у него, прежде всего, чувства сопряжения слов между собой:

«Потомки сотворят гранитного кумира,
Послание добра в безмолвии сокрыв».

Что хотел сказать автор? Сокрыв – в смысле «вложив» или сокрыв в смысле «утратив»? Это же нужно ещё сказать!

«Не Свет закончится, но – тьма!
Спадёт извечная сума...»

Что значит «спадёт»? С кого, куда? Как не по-русски это всё звучит, как неуклюже выглядит:

«Патриций, вьющийся иглой».

Как автор представляет себе «вьющуюся»

иглу? Вероятно, он перенёс выражение «сколь верёвочка ни вейся» на нить, а там уж и до иглы недалече. А вот ещё:

«Ты наряжался палачом
Под пышным алым балахоном».

Понятно, что имел в виду автор, но ведь по логике языка, к которому так невнимателен Киршин, выходит, что герой наряжался под балахоном. То есть даже и видно не должно быть, как он под балахоном наряжается.

Теперь коснёмся рифм. Несмотря на то, что говорилось вначале, одно из самых слабых мест Дмитрия Николаевича – именно рифмы. Беру рифмы только из одного стихотворения и делаю это намеренно – я не собирал их по всему сборнику, это всё находится на площади одного стихотворения: «преддверия–безверия», «быстротечности–вечности», «страдания–молчания», мгновение–откровение», «послание–молчание», «недоговорённости–проторённости», «прекрасного–неясного».

Ничего не замечаете странного? За рифмы уже Пушкину приходилось оправдываться: «...Уж и так мы голы, отныне в рифмы буду брать глаголы». А что происходит здесь? Здесь, как мы видим, рифмуются, в основном, существительные, поставленные в одинаковом падеже, или однотипные прилагательные. Думаете, я предвзято подошёл к неудачному стихотворению? Отнюдь! Вот почти программное: «Властитель ночи пал на трон...». Читаем: «свинцовым–дворцовым», «старинным–длинном», «погрозил–вонзил», «судьбою–собою», «шарманщик–обманщик», «послами–кандалами», «дворянских–цыганских», «бесталаный–самозванный».

И так по всей книге. Даже там, где падежные окончания не полностью одинаковы, всё равно свежести рифм нет, всё угадывается и просчитывается заранее. А ведь ещё Маяковский чудесно писал об этом почти сто лет на-

зад в статье «Как делать стихи».

В бильярде существуют такие шары, которые близко к лузе стоят, их бить неэтично, а иногда просто запрещено. Ну, ударь разок, незаметно, а что уж всю игру-то по ним лупить?

Теперь подойдём к вещам более метафизическим и неуловимым, нежели ловля конкретных «блох», которые так и скачут по страницам книги «Пробуждение». Поговорим об эстетике. Ни одного конкретного образа, ни одной реалии современной жизни, ни одной детали, говорящей об авторе и о том времени, в котором он живёт. Эстетика конца XIX века. Я понимаю, когда поэт в своей эстетике находится в XXI веке, уходит вперёд, но когда он остаётся, простите, в прошлом столетии, это уже нехорошо. Посмотрим на лексику: не запах, а благоухание, не губы, а уста, не молодая, а младая, не музыка, а музыка, не мечты, а грёзы, не глаза, а очи. По тематике же это – чистейший символизм. Отвлечённые понятия, зыбкие рассуждения, беспредметные философствования, о которых автор имеет очень смутные понятия и которые по вышеозначенным причинам донести до читателя не может. Это и христианство, перемешанное почему-то с восточными идеями переселения душ, перевоплощения (цикл из «Вечной жизни»), и эллинским язычеством («Мне снится жизнь...»), и дьяволиада с бесконечными победами зла над добром и искренними детскими гореваниями по этому поводу, и путаница с Чёрными и Белыми ангелами из «Знамения». Возникает вопрос: во что верит автор? Самый простой и утилитарный вопрос – экуменист он, православный, буддист? Автор мо-

жет верить во что ему заблагорассудится, я же как читатель просто хочу конкретики. Я хочу знать, чем он дышит, что его заботит и волнует, а нахожу лишь пространные рассуждения на темы мирового зла, божественного провидения и других столь же невещественных дел. Хотелось бы дружески пожелать Дмитрию Киршину написать о том, что он действительно знает и чувствует. Хватит купаться в грёзах. Напишите о своей маме, о ссоре с любимой, о том, как вас не подвёл в трудную минуту друг, о грязном подъезде, наконец, куда вы ходите каждый день. Поэт живёт будущим, настоящим, в крайнем случае, но не прошлым. Поэт формирует язык, видоизменяет его, а не консервирует устаревшие формы.

Хотелось бы, чтобы Дмитрий Киршин обратил внимание и на собственные достижения, а таковые есть. Это работа со звукописью: «Журавлиный мираж покидает Россию...», интересные логические ходы: «...как просветлённы сумерки...», «как это страшно – быть детьми...», «Тяжёлый крест – дорога без креста...», а также просто сверкнувшие кое-где образы: «Я отплываю в мир иной – рубите струны!», «И мог бы жить, да жаждать не могу...», «Ночного мотылька сердцебие...» и др. К сожалению, их не так уж много. Внезапно, ещё раз перечитывая его книжку, нашёл такое откровение, почти подарок за долгое, беспросветное чтение:

«Неимущие... отдаются небесам на поруки».

Хотелось бы пожелать Дмитрию Николаевичу прийти в конце концов к таким пронзительным и ярким образам.

11 апреля 1997 года

P.S.

Что бы это значило?

«Склоняясь над листом пустой бумаги,
Я не прошу ни тем, ни вдохновенья...
Лишь слов прошу и сил,
Терпенья, как отваги...»

(Евгений Раевский, 1992 г.)

«Чтобы духом во тьме укрепиться
И стези миновать передраги,
Я себя собирал по крупичкам
Благодетства, терпенья, отваги».

(Дмитрий Киршин, 2017 г.)

Татьяна СОРЕНСЕН

А что мы знаем о войне и что мы знаем о семье...

*Моему отцу Льву Сергеевичу Фирсову
посвящается.*

Лев Фирсов, 16 лет

*Мой отец, он вернулся с войны,
Но вернулся с ней без ноги.
Навсегда был отмечен войной.
И всю жизнь прошагал на одной.
Татьяна Соренсен*

Через Неву наведены понтоны.
На левый берег с правого мосты.
Склонили в траурном поклоне кроны
Деревья - пожелтевшие листья....

Вот оторвались от земли солдаты.
Как труден, сложен этот миг броска!
Ур-ра-ааа.... В ходу штыки, гранаты...
И вся надежда на тебя, рука.

Кромешный мрак. Вокруг осколки стали.
Да, кто был там, тот не забудет до конца,
Как шли вперёд, безвестно умирали,
Недавно жить начавшие сердца.

*Лев Фирсов
Боец 5-го отделения истребительного
батальона войск НКВД*

Мой отец родился 7 августа 1924 года. Через Петроградский РК ВЛКСМ из 10 класса добровольно отправился на Ленинградский фронт в народное ополчение.

Через Неву наведены понтоны

От Петроградского райкома комсомола,
Стесняясь от безусости своей,
Ушёл на фронт... Прощай родная школа,
Не надо плакать, мама. Не жалеи!

Путь начат был под Невскою Дубровкой -
Тяжёлый путь солдата на войне,
С лимонкою, с российской винтовкой
Да с финкою в футляре на ремне...

Озлобленные ветры над Невую,
Дрожит земля от взрывов бомбовых.
Снаряды, мины, пули свищут, воют,
Всё прячется в дымах пороховых.

«16-летним юношей ушёл на Ленинградский фронт. После взятия Красного села в ночь с 18 на 19.01.44 был тяжело ранен, потерял ногу. По профессии – юрист, по призванию - преподаватель, по натуре - поэт».

Так он написал о себе в одной из газет, где были опубликованы эти стихи.

Мне повезло, что остался папин дневник 1943 г. и его стихи. Я благодарна моему сыну, который перепечатал этот дневник, несмотря на трудности почерка.

Дневник - это практически ежедневные записи моего отца о том, что происходило, о своём отношении к войне и миру вокруг. Это записки девятнадцатилетнего юноши, ведь первая запись относится к 6 августа 1943 г. Через день ему исполнилось 19!

Последняя запись относится к 28 декабря 1943 г. В ночь с 18 на 19 января 1944 года в штыковой атаке он был тяжело ранен, но остался, по его словам, единственным, уцелевшим из всей роты. В 19 лет ему ампутировали ногу. За его плечами было уже 3 года войны и 3 ранения.

После первых двух, полученных при участии в пехотных штыковых атаках 18.09.1941 и 15.01.1943, он снова возвращался на фронт.

Первый раз он был ранен в ходе 1-й Синявинской операции в сентябре 1941 года, предпринятой через несколько дней после установления блокады, что стало первой попыткой восстановить сухопутную связь Ленинграда с остальной страной. Согласно статистическому исследованию «Россия и СССР в войнах XX века» потери Ленинградского фронта (54-я армия, «Невская оперативная группа») в ходе Синявинской наступательной операции с 10 сентября по 28 октября 1941 года потери составили 54 979 человек, из них 22 211 — безвозвратно. Отцу только исполнилось 17 лет! Вот одно из первых его стихотворений:

Под Невскою Дубровкой
В сорок первый год,
С гранатой, винтовкой,
Пехота в бой идёт.

Ребята добровольцы
Впервые на войне,
Лихие комсомольцы,
В дыму, свинце, огне.

Под бомбовой, снарядной,
Осколочной пургой,
Под пулей кровожадно
Скрутилась жизнь дугой.

Во что бы то ни стало
Мы победим врагов,
Не потускнеет слава,
За Родину борцов.

Сентябрь 1941 г.

Представьте, что в бой были брошены необученные мальчишки, бойцы народного ополчения. Против регулярной профессиональной армии!!

Второй раз он был ранен 15.01.1943 в ходе

операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда в январе-феврале 1943 года.

Отец с 1941 г. воевал на Невской Дубровке¹, которая полита кровью наших солдат. Количество погибших и раненых советских воинов в боях за Невский «пяточок» в разных источниках значительно отличается, но, согласно абсолютно всем оценкам, потери в боях за плацдарм были огромными.

В 1960-е годы в газете «Правда» были впервые обнародованы цифры - 200000 солдат, погибших на Невском «пяточке», которые на длительное время утвердились в отечественной военно-исторической литературе. В последние годы появились другие оценки. Зачастую указывается число убитых на квадратный метр плацдарма. При этом и здесь оценки значительно отличаются — от 2 до 17 погибших солдат!(согласно Википедии)

Мы даже сегодня не знаем сколько погибло наших солдат в войну. Сталин говорил – 7 млн, после разоблачения культа личности – 20 млн. Сейчас называют цифру – 27 млн!! Про блокаду также называют цифры от 700 тыс до 1,5 млн.

Это о войне. Об отношении к своему народу. Именно это нужно помнить. Мы потеряли в 10 раз больше солдат, чем немцы! В 10 раз!!

А ещё помнить, что не на настоящей войне, а войне политической погибло более 20 миллионов собственного народа. До сих пор никто не знает точных цифр. Это страшная история нашей страны.

Об этом я думаю очень часто, особенно, когда пишу статьи и окунаюсь в историю: историю революции, войн, репрессий, в историю своей собственной семьи, ибо именно по

¹ Невский пяточок — условное обозначение плацдарма на левом (восточном) берегу Невы напротив Невской Дубровки, захваченного и удерживаемого советскими войсками Ленинградского фронта (с 19.09.1941 по 29.04.1942 и с 26.09.1942 по 17.02.1943) в ходе битвы за Ленинград. С этого плацдарма советские войска неоднократно пытались начать наступление на Мгу и Синявино навстречу войскам, наносившим удар с востока, и тем самым прорвать блокаду Ленинграда. Несмотря на то, что все попытки расширить плацдарм и развить наступление закончились неудачно, Невский «пяточок» стал одним из символов мужества, героизма и самопожертвования советских воинов. (Википедия)

этой истории можно понять и прочувствовать историю времени.

Тема «война и блокада» прошла через всю мою жизнь, т.к. не просто коснулась, но оставила огромный незаживающий след в жизни моей семьи, моих родных и близких. Я часто думаю, а что такое героизм и что такое подвиг? Для меня – это когда моя еле живая бабушка зимой 43-го везла через весь город с Петроградской на Охту свою умершую от голода маму, чтобы похоронить. Моя прабабушка лежала в шкафу – единственной уцелевшей в эту холодную зиму мебели. Я не знаю, кто помог откопать в промёрзшей земле яму, чтобы опустить туда шкаф с телом. Говорят, что у каждого есть «свой скелет в шкафу». А у меня есть реальный скелет моей прабабушки, лежащий в шкафу на Среднеохтинском кладбище. И каждый год я стараюсь навестить их – мою прабабушку, умершую в блокаду, мою бабушку, её пережившую, и её сына, моего отца, потерявшего ногу в тот день, который назовут прорывом блокады Ленинграда. Так и лежат они там все вместе. И это моя семья.

Погибло столько их в блокаду
Родных и близких. Я не знаю,
О том, где все они лежат.
Их место смерти - Ленинград.

*

Мы не были блокадными детьми.
Мы родились чуть-чуть после войны.
Но отпечаток тех блокадных дней
Оставил след у каждой из семей.

А на другом кладбище – Богословском – лежит другая часть моей семьи. Мой дед, мама и тётя. Мой дед Юрий Константинович фон Копшталъ, о судьбе которого я написала предыдущие статьи, прошедший Первую мировую, ушедший на неё в 16, ставший врачом после революции, скрывавший долгие годы своё прошлое, а в 34 арестованный, осуждённый по статье 58-10 и прошедший Гулаг. Он не воевал в ту войну, как не воевали тысячи других арестованных по этой статье, и не мог оказаться в блокаде по той же причине.

И был ведь ещё один мой дед – по отцу. Где похоронен он, не знает никто. Между моими дедушками разница была всего 6 лет. О нём мне никто никогда не рассказывал и ни-

кто не поминал его добрым словом. Из этой семьи я знала только его младшую сестру и её двух сыновей. Но и от них я ничего о нём не слышала. Не уверена даже, что они точно знали его судьбу. О ней я узнала недавно, прочитав протоколы допросов и массу различных документов из НКВД, а также из партийного архива, благодаря огромной работе по поиску этих документов, проделанной моим сыном и братом. Этот мой дед также не воевал на второй мировой войне, а умер 24.09.1941 «в местах лишения свободы» в возрасте 39 лет(!), отбывая наказание по статье 58-10¹. Как «троцкист» он был осуждён 27.10.1937 на 10 лет лагерей. А за неделю до его смерти сын был первый раз ранен. Но они не знали о судьбах друг друга.

Наша семья, воспитание, наши корни, состояние и взгляды общества имеют решающее значение в нашем мировосприятии и нашей жизни. У моих дедов на момент революции было не только разное происхождение, воспитание, образование, но, безусловно, и мировосприятие. Да и я никогда не появилась бы на свет, если бы не революция, смешавшая людей разных сословий и происхождений. Мои бабушки и дедушки не могли ни встретиться, ни пожениться. Они жили в разных мирах. Конечно, нам всем хочется иметь замечательных предков, которыми мы могли бы гордиться, но жизнь распоряжается по-своему.

И несмотря на то, что никто в семье так и не любит вспоминать о моём деду со стороны отца, я всё же напишу о нём, так как эта история, на мой взгляд, не менее поучительна. Я не судья этому моему деду, он заплатил, как мне кажется, сполна за свою жизнь и ошибки.

Итак, Сергей Поликарпович Шобырев родился 14.07.1902 в Череповце Новгородской губернии. Отец из крестьян, с 1904 по 1906 служил в армии рядовым, с 1906 по 1914 работал на пароходе. Умер в 1914 г., оставив пятерых детей – 4 сыновей и дочь², родившуюся в 1913 г.! Дед был старшим в семье. С 12 лет он уже работал, в 13 был кочегаром на парохо-

¹ Ст. 58-10: Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений.

² Младшие братья Иван, Михаил, Александр, младшая сестра – Валентина Поликарповна Шобырева (р.16.01.1913г), в замужестве Корчевая.

де, пом. машиниста, а получив стипендию от одного инженера, даже учился в низшем техническом училище, став чертёжником.

Наступила революция. В 17 лет в октябре 1919 г. он вступил в Красную Армию. Воевал на гражданской войне, «вёл борьбу с бандами» и работал на различных должностях, был в ЧК, воевал под Петроградом, участвовал в продотрядах по продразвёрстке¹. Методы, применявшиеся при заготовках в период продовольственной диктатуры, были жестоки и переходили часто в вооружённые выступления крестьян. Думаю, что именно период гражданской войны, когда врагами были соотечественники, когда мир был разделён по классовому принципу на своих и чужих, заложил в нём те черты, которые отразились на всей его последующей жизни. Этот юноша без образования, получивший оружие и власть над людьми, превратился в человека, не уважающего других, а признающего только власть над ними. Советская власть дала ему многое. В 1919 г. вступил в ВКПБ (партию большевиков), воевал до 1921 г. Затем рабфак и сельскохозяйственный институт. Стал агрономом. Будучи студентом, женился на студентке того же института, моей бабушке Вере Васильевне Фирсовой (1905-1966)², и в 1924 г. у них родился сын Лев. Ему было 22 года, а ей всего 19 лет! Они получили жилую площадь в квар-

¹ Продразвёрстка (сокращение от словосочетания продовольственная развёрстка) — в России система государственных мероприятий, осуществлённая в периоды военного и экономического кризисов, направленная на выполнение заготовок продовольствия, в первую очередь, зерна. Принцип продразвёрстки заключался в обязательной сдаче производителями государству установленной («развёрстанной») нормы продуктов по установленным государством ценам. «Хлебная монополия» была подтверждена Декретом Совета народных комиссаров от 9 мая 1918 года. Продразвёрстка стала частью комплекса мероприятий, известных как политика «военного коммунизма». В заготовительную кампанию 1919—20 хозяйственного года продразвёрстка распространилась также на картофель и мясо, а к концу 1920 года — почти на все сельхозпродукты. 21 марта 1921 года продразвёрстка была заменена продналогом, что было основной мерой перехода к политике НЭПа.

² Вера Васильевна Фирсова (по первому браку Шобырева, по второму - Зоркина) (1904-1966), всю блокаду прожила в Ленинграде.

тире³ рядом с квартирой моей прабабушки - врача Ю.А. Колыш⁴, у которой была частная практика. В этой квартире родилась через 2 года моя мама, там же родилась и я.

Дед, закончив институт, работал на различных должностях, в том числе научным сотрудником, аспирантом, директором разных совхозов в Ленинградской области. Ещё в 1923 г. за неблаговидный поступок был исключён из партии, но это скрывал и вновь вступил в партию в 1930 г. Одно из последних мест работы — директор совхоза «Снабженец» в Кронштадтском районе, откуда он был уволен в начале 1934 г., а решение об исключении из партии заменили на строгий выговор. За что же? Список обвинений очень большой, в том числе «за отсутствие должного большевистского руководства, неоказание должной помощи партийной организации в развёртывании марксистско-ленинской учёбы», за нерадивое ведение хозяйства, в результате чего «план уборочной компании совхозом не выполнен и сдача овощей недовыполнена на 43%, ... было испорчено 363 шт. кроличьих шкурок на сумму 260 р. 40 к.», но главное - за «неоднократные компанейские выпивки» с партгором и профгором совхоза, «за грубые и подчас хулиганские выражения по отношению своих подчинённых, ... не большевистское признание своих ошибок». Вместе с ним получили выговоры и парторг, и профорг. Замечательное руководство совхоза! Это не помешало ему продолжить работу директором в совхозе «Балтиец», но, видимо, он часто бывал в Ленинграде, в квартире, где был прописан вместе с женой и сыном, несмотря на то, что они уже развелись. Он продолжал пьянствовать и начал терроризировать бывшую жену и сына, избивая их. В результате, был осуждён на 2 года ст. 74-2 УК РСФСР (хулиганские действия в общественных местах, совершённые в буйстве или повторно), опять исключён из партии и отправлен в исправительные лагеря. Отбыв наказание и освободившись 4.05.1937,

³ По адресу 1-я улица Деревенской бедноты (ныне ул Куйбышева) д. 36 кв. 31. до 1918 года носила название Большая Дворянская улица, в октябре 1918 г. переименовали в пикку предыдущему названию в 1-я улицу Деревенской бедноты. В 1935 году стала Куйбышевской, затем Куйбышева.

⁴ По адресу 1-я улица Деревенской бедноты (ныне ул Куйбышева) д. 36 кв. 32.

устроился на работу агрономом в Долматовский овощесовхоз Челябинской (ныне Курганской) области 30.06.1937. А уже через два месяца 30.08.1937 был арестован по подозрению в антисоветской агитации, ст. 58-10 и решением Тройки УНКВД Челябинской области от 27.10.1937 г. приговорён к 10 годам исправительно-трудового лагеря. За что? Как следует из документов, он «вёл контрреволюционную троцкистскую агитацию, высказывал поразительные тенденции, восхвалял Троцкого», которого знал лично. «25.08.1937 г. в помещении конторы он говорил, что в гражданскую войну был освобождён из-под стражи Троцким и что Троцкий в гражданскую войну умел увлекать за собой войска и, благодаря его инициативам, были одержаны победы в защите советской власти, а сейчас Троцкого не считают за человека, но он себя покажет, когда потребуется, и на его стороне будут многие. Нас сейчас, добровольцев из Красной Армии, не считают за людей, и советская власть о нас не заботится, но пройдёт время, и мы воспрянем». Говорил, «что Троцкий раньше был видным полководцем и первым защитником Советской власти, а сейчас коммунисты называют его врагом народа, но это неверно, т.к. большинство народа, кто участвовал в гражданской войне сейчас сочувствуют Троцкому и в любой момент будут на его стороне». «22 августа среди рабочих Шобырев говорил, что придётся сделаться алкоголиком. У меня посажены два брата, один из них за троцкизм, и, пока жив Сталин, мой брат находится в тюрьме, т.к. он не хочет жить гражданином, пока жив Сталин». В первых числах августа он говорил, что «у меня Советский Союз и партия посадили братьев за троцкизм, они не освободятся, пока советская власть будет существовать, я всё равно за братьев отомщу, их арест так не пройдёт, я всё равно исключён из партии, и меня преследуют, говорят, что Троцкий враг народа, но это одни увёртки коммунистов. Троцкий был идейным человеком, борющимся за свободу народа и сейчас остаётся преданным народу и ведёт борьбу за освобождение народа. Троцкизм должен по своим убеждениям победить». (Из показаний свидетелей. Стилистика сохранена). Оказывается, малознакомые люди, с которыми он разговаривал и выпивал, донесли на него.

Также «в общежитии Курганской коло-

нии, где он отбывал наказание, распространял к/р анекдоты о вождях партии ВКП(б)».

Сам он на допросах обвинения отрицал, а про братьев говорил, что они осуждены не по политическим статьям, а по уголовным - хулиганство и воровство¹. В Советской стране лучше и безопаснее было быть уголовником, чем политическим заключённым! Дед виновным себя не признал, но, получив 10 лет лагерей, умер там через 4 года. У него был взрывной характер, часто не думал, что говорил, и, безусловно, это было одной из причин его смерти. Впрочем, этого не знает никто, так же как и места смерти. Страшная судьба, но её разделили миллионы наших сограждан! Такие были времена.

17 ноября 1956 г. по постановлению Президиума Курганского областного суда приговор был отменён, а дело прекращено «за отсутствием в его действиях состава преступления»! Курганский областной суд установил, что «из материалов дела усматривается, что у органов следствия не имелось никаких данных о его контрреволюционной деятельности. Обвинение построено на показаниях свидетелей. Передпрошенные в 1956 г. указанные свидетели показали, что Шобырев в овощесовхозе работал мало и они его плохо знали, что действительно высказывал недовольство советской властью, пьянствовал, но высказывания не носили характера преступления, предусмотренного ст. 58-10. При таких обстоятельствах не было оснований признавать Шобырева виновным по ст. 58-10».

Что больше всего потрясло меня в этой истории. Его долго не исключали из партии, и он оставался на высоких должностях, несмотря на то, что он был плохим руководителем, груб с подчинёнными, пьянствовал. А за избиение жены и сына получил всего 2 года и только тогда исключён из партии. А вот за анекдоты, слова в защиту Троцкого и против Сталина, ничем не доказанные, просто на основании доноса, получил 10 лет! Ведь доноительство было неотъемлемой частью систе-

1 На допросах, которым верить трудно, он говорил, что Иван – неоднократно привлекался за кражи, начиная с 1928 г., находится в лагерях. Михаил - живёт в Хабаровске, работает шофёром, судим. Младший брат Александр – на 1937г., работал в Ленинграде начальником студенческих общежитий, член ВКПБ.

мы. Как сказал С. Довлатов: «А кто написал 40000 доносов?» Был такой анекдот в советское время: «Ты за что сидишь? За лень. Вчера выпивали и рассказывали анекдоты. Думал пойти донести, но отложил на утро. А они не поленились». Свидетели, которые написали, были передопрошены через 20 лет. Наверно им сказали, что он умер в лагере, и мне интересно, что они чувствовали. Думаю, что ничего. Какая трагическая судьба! Он был плоть от плоти революции, того, что она принесла, и заплатил за это сполна. Да, Советская власть дала ему многое, но ценой стала его жизнь.

Что касается моей бабушки Веры Васильевны Зоркиной, то это была на редкость образованная и воспитанная женщина, знавшая немецкий и французский языки, красивая и очень сдержанная, с великолепной осанкой. Родилась в 1905 г., в возрасте 1 года осталась без отца на попечении матери Пелагеи Никифоровны Фирсовой 1875 г.р. О ней не рассказывали много - в основном, что она умерла от голода в блокаду. Слышала, что отец был управляющим доходных домов в Петербурге. И думаю, что семья была состоятельная, т.к. в семейном архиве имеются два очень интересных документа. Один - сохранившаяся сберегательная книжка на имя П.Н. Фирсовой с 1902, куда было внесено 270 р. Это большие по тем временам деньги. Ведь 1908 году месячное жалованье повара было 14 руб., прислуги - 12 руб., полицейского - 40 руб., городского председателя - 200 руб., а зарплата учителя колебалась от 200 до 300 рублей в год. Почти каждый год она вносила от 40 до 170 р. и к 1916 г. накопила 1145 р.!! А в 1916 г. внесла на имя дочери, которой было 11 лет, 285 р.!! И ещё один любопытный документ. Купчая от 1913 г. на 3 участка земли с постройками в деревне Сиса¹, за которые она заплатила всего 50 р.!! Правда, мне непонятно, зачем она купила эти 3 участка земли в деревне.

Бабушка рассказывала мне, что училась в гимназии, где воспитание было очень строгим. И хотя в личном листке по учёту кадров она указала, что училась в 1-м педагогическом по-

литехникуме по адресу 10-я Красноармейская ул., д.22 с 1915 г., выяснилось, что по этому адресу находилось училище с рукодельными классами, приравненное к гимназии, преобразованное в 1914 г. из женской рукодельной школы, которая входила в состав Дома призрения и ремесленного образования бедных детей, основанного в 1860, первой покровительницей которого являлась Императрица Мария Александровна². В школу принимали девочек 8–15 лет, главным образом, из столичных приютов, готовя из них мастериц и учительниц рукоделия. Но к 1914 г. статус заведения изменился. Видимо, там и начала учиться бабушка, хотя о происхождении своём никогда не рассказывала, наученная послереволюционной жизнью. Видимо, после революции заведение было преобразовано в Педагогический политехникум, который она закончила в 1922 г. И сразу же поступила в Сельскохозяйственный институт, закончив его по специальности агроном-зоотехник. 15.12.1923 восемнадцатилетней, вышла замуж за С.П. Шобырева, а в 19 лет родила единственного сына Льва. Как она говорила, имя это выбрала в честь Льва Толстого, произведения которого любила. Но мне кажется, что это могло быть и в честь Льва Троцкого, которого знал и ценил муж, как это следует из следственного дела. Тогда в моде были имена руководителей ВКПб, или производные от них, например Владлен (Владимир Ленин) или Виллен и Виль — сокращение от Владимир Ильич Ленин. Она работала агрономом, иногда в совхозах совместно с мужем, но с 1933 г. постоянно в Ленинграде. Именно в это время развелась с мужем. Сына воспитала хорошо, и он её очень любил, как видно из его дневника. Во время войны и бло-

² Императрица Мария Александровна, жена императора Александра II, была покровительницей женского образования и в 1858 г. было образовано Ведомство учреждений императрицы Марии. Тогда же была открыта первая женская гимназия. До этого времени девушки из семей, которые не принадлежали к высшим слоям общества, практически не имели возможности получить хорошее образование. Существовали закрытые учебные заведения, подобные Смольному институту, куда принимали только дворянок, а также частные женские пансионы, которые давали более серьёзное образование, но обучение в них стоило очень дорого. Поэтому к середине 19 века назрела необходимость в таких учебных заведениях, где могли бы учиться девочки всех сословий.

¹ Сиса — деревня в Фалилеевском сельском поселении Кингисеппского района Ленинградской области. В XIX — начале XX века деревня административно относилась к Ратчинской волости 2-го стана Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. Именно этот адрес указан в купчей.

кады работала в эвакогоспитале № 1447. Трудовую деятельность закончила помощником заместителя председателя Леноблисполкома в Смольном. Отвечала за сельское хозяйство. Работала до последнего дня. Умерла внезапно и скоропостижно из-за неправильного диагноза и отсутствия лечения. Разорвалась киста и закупорила вены. Ей было 62 года. Главные её слова, что нужно «быть благодарной девочкой», я запомнила с детства на всю жизнь.

Когда началась война, ей было 36 лет, и единственный сын сразу же ушёл на фронт.

Моя публикация - не только дневник и стихи отца, но рассказ о его жизни, о том, как сложилась его судьба и судьба нашей семьи, и что герои этой войны получили в благодарность от Родины. Это судьба поколения моих родителей, которых на сегодняшний день, уверена, можно пересчитать по пальцам. Мы так много говорим о нашей победе, но давайте вспомним как она далась нашим семьям, что им принесла. Нет ни одной семьи, которую война обошла.

А что мы знали о войне,
А что мы знали о блокаде?
Слова писали мы в тетради,
На ученическом листе.

Нет, мы не видели войны.
Под пулями мы не лежали,
От голода не умирали,
Нам о войне не снились сны.

Но с детства знали те слова,
Хоть на войне не воевали,
Блокаду не переживали.
Их боль сквозь нашу жизнь прошла.

Нет, мы не знали той войны,
Ведь мы на ней не побывали,
Бомбёжек мы не испытали,
Мы не теряли там родных.

Мы родились после войны.
И мы родных своих не знали,
Что на войне мы потеряли.
Мы не застали их в живых.

Их знали деды и отцы,
И наши матери их знали.
Но память с молоком впитали.
Мы видели войны рубцы.

Мы родились после войны.
Нет, мы не знали тех сражений.
Но память прошлых поколений
И через нашу жизнь прошла.

Мы были дети тех, кто был
И на войне, в кольце блокады,
В эвакуации и на Гулаге,
Всех тех, кто это пережил.

Война сквозь жизнь их пролегла,
И судьбы их переломала,
И эта память заживала
Всю жизнь, и так не зажила.

Да, не коснулась нас война.
Да, мы её не пережили,
Но мы с родителями жили,
Что испытали всё сполна.

Я рада возможности поместить на страницах нашего журнала отрывки из дневника отца. Весь дневник занимает почти 30 печатных листов и в дальнейшем я надеюсь издать его отдельной книгой с комментариями. Здесь же я помещаю только отдельные страницы дневника, и вы можете его почитать. Меня поразила грамотность этого юноши. Публикуется впервые.

6 августа 1943 года (пятница).

Живу все там же. Делаю все то же. Дежурю на Н.П. (наблюдательном пункте). Вначале работа, как и всегда, казалась интересной, но теперь, когда я ее познал и освоил, вовсе нет, а временами бывает так скучно, что после трудно себе представить. Вчера к нам приходили арт.наблюдатели. Тут я встретил одного сержанта, с которым учился в Токсово. Он на огневика, я на радиста. Смотря на рацию, которая у них с собою для связи, я не произвольно вспоминаю минувшие времена моей жизни, когда мне предоставлялась полная возможность работать на ней. Да, именно так, что имеем не ценим, потерявши плачем. Хотя насколько первое выражение точно, настолько второе неправдоподобно. Солдат не плачет, не горюет, а смиряется со своим настоящим положением. А я – солдат, следовательно, должен поступать только так, а не иначе. Люди русские ко всему могут привыкнуть, кроме рабства, привык и я. Ведь должен же

кто-нибудь истинно защищать свою Родину, своей грудью, даже своей жизнью? Должен. А почему бы и не я? Ведь я русский, ведь я не боюсь смерти. Ведь для меня честь, свобода и равенство так же святы, как и для любого истинно русского человека. А на сегодняшний день, что мы имеем от русского солдата? Победу, очередную победу! А именно, захват у неприятеля двух русских городов Белгорода и Орла. Каково? Летом наступление русских и отступление немцев! Что Вы на это скажете, если Вы не русский? А я скажу, что русские побеждали, побеждают и победят всех врагов своих, несмотря ни на какие лишения и трудности. Из дому писем все нет и нет. Начинаю беспокоиться. Уж не случилось ли там чего недоброго? Вот война, когда солдат на передовой, защищая свой дом, не уверен за своих домашних близких. Одним словом – техника. Но ничего, наша техника крепче немецкой, и победа над ними будет крепче, чем та, которую они одержали над нами.

7 августа 1943 года (суббота).

Получил утром два письма. Одно из редакции газеты «На страже родины», другое от Розы Терентьевой. О первом скажу одно, шаблон и только. Стих отказали напечатать в газете. Из-за чего? Технически слабовато. Интересно! Им в тылу легче всего критиковать стихи, написанные на переднем крае, в небольшие промежутки между отдыхом, работой и обстрелами. Я не обижаюсь, мне даже несколько ни обидно за то, что они без внимания относятся к моему писанию. Может, они и правы? Конечно, недостатки в писаниях можно встретить у большинства, даже писателей или поэтов с именем и большой практикой, а у такого новичка в этом деле, как правило. «Гений не рождается сам, его делает трудолюбие и, конечно, хотя бы незначительный, но талант». «99% потения и 1% гения» - говорил Николай Сергеевич Зоркин¹. Я, не смотря ни на что, не упал духом и думаю продолжить писать, правда, учителей и контроля над моими стихами нет, а это очень нехорошо.... Утром ходил в штаб батальона. Вызвали. Я предполагал по дороге, когда шел

туда с младшим лейтенантом Поповым, что это по поводу моего ухода с Н.П. Оказалось, нет. Начальник штаба батальона, капитан, интересовался наблюдением за 5 и 6 число с. г. Оказалось, что наблюдатели, которым видна фрицевская дорога, не заметили идущий по ней полк немцев и не вызвали артиллерийского огня. Кое-кто за это пострадает. На фронте дела пошли хорошо. На Брянском направлении началось наступление. Вероятно, скоро на фронтах произойдут крупные изменения и перемены. Только бы союзники не подкачали и вовремя открыли бы второй фронт в Европе. Правда, они больше болтают, сложа руки и наблюдая за происходящими событиями в качестве простых созерцателей. Скорей бы они отрешились от этого и начали активные действия. Меньше крови, больше толку - скорее приблизится день окончательной победы.

8 августа 1943 года (воскресенье).

На фронте началось наступление наших войск в широком масштабе. Появились два новых направления: Харьковское и Брянское. Ходят слухи, что Харьков окружен нашими войсками и что со дня на день можно ожидать известия, что Харьков снова наш – русский, снова свободен. В солдатах наших дух наступательный сильно поднят. Все разговоры вращаются только вокруг происходящих событий, как на наших фронтах, так и на международной арене. Кстати, Информбюро сообщило, что для наших союзников настала самая пора вести активные действия и в ближайшее время открыть второй фронт в Европе. Этим, последним пунктом они бы ускорили, приблизили час победы и значительно уменьшили количество людских жертв. Неужели они так тупы и толстокожи, что не могут понять или почувствовать, что открытие второго фронта в Европе нужно не только нам, но и им самим. Да что об этом говорить, проживем-увидим, я – не кудесник, не маг, не могу предсказывать, а что-то случится впереди. Из дому писем не получаю. Очень волнуясь, т. к. Вася, снайпер, после пятидневного перерыва снова приходил сегодня утром к нам. Он был в г. Ленинграде в течение 5 дней. Говорит, что немцы изливают свою злобу на город, сильно обстреливая его. Поэтому-то я и беспокоюсь очень за мою дорогую, мною любимую мамочку. Погода ночью, во время моего дежурства на Н.П.,

¹ Николай Сергеевич Зоркин - отчим отца, муж В.В. Зоркиной. Поженились в 1937 г., развелись в 1952 г. Я его не помню и ничего о нём не знаю, но, видимо, он был дружен с сыном жены.

стояла плохая, пасмурная, но несмотря на это, наши самолеты сбрасывали над противоположным (немецким) берегом осветительные ракеты на парашютах и здорово бомбили скопление немцев, их техники, склады и крупные опорные пункты. Вчера вечером, да и сегодня утром, фриц стрелял из минометов (50 мм и 81 мм) по нашему переднему краю. Ничего – это становится привычно. Думаю, что, в конце концов, бывает хуже, а солдат, настоящий боевой русский солдат, должен пройти сквозь все лишения и испытания и только тогда может заявить, что он действительно с полным правом является русским солдатом.

9 августа (понедельник).

С вчерашнего вечера начал вести отшельничью жизнь – иначе одинокую, т. к. рота, кроме взвода автоматчиков, которые уже ходили на ученье и отдых, пошли в «Озерки» на три дня. Нашу оборону заняла другая рота во главе с нашим старым, вернее, бывшим командиром роты, старшим лейтенантом Тихомировым. Я и еще двое – старший сержант Иванов и его солдат, остались. Теперь у нас будет новый командир роты, а не тот, старший лейтенант Данилов, от которого я перенес столько неприятностей в виде лекций и морали, как ни от кого не переносил и не слышал. Временно его замещает младший лейтенант Порыгин. Это хороший, серьезный, деловой при работе, при выполнении своих служебных обязанностей, человек. В свободное время это веселый и задушевный товарищ, с которым можно повозиться (побороться), посмеяться и поговорить. Я еще не совсем уверен, что пока, в эти три дня отсутствия моей роты, я не буду дежурить на Н.П. А это было бы неплохо, т.к. я смог бы неплохо отдохнуть, а то на передовой с этим вопросом, с этой проблемой трудно разобраться. В тылу уверен, что 8 часов в сутки должны идти на сон, остальное на работу и учебу. Здесь же, хотя имеется график (расписание), нету никакой систематики в работе, учебе и во сне. Ночью – работа, днем учеба. А когда сон? Сон урывками, поэтому все время сильно хочется спать. Получил наконец-то письмо из дому от мамы. Пишет, что обстреливают улицы города сильно и каждый день, что была на волосок от смерти. Вот тебе и тыл. Там иногда бывает не лучше, чем у нас здесь. Ну, мы-то знаем на что идем,

а причем же мирное, гражданское население. Немцы этим самым еще раз показывают и доказывают всему народу, что они неумолимые, беспощадные варвары и убийцы.

10 августа 1943 года (вторник).

Сегодня ночь провел в землянке. Спал. Спал, что называется, не за страх, а за совесть. Отсыпался за прошедшее и будущее время. Погода стояла вчера, особенно днем, плохая, но к вечеру улучшилась, а сегодня с утра стоит и совсем тепло... Приходил Михайлыч и рассказал мне, что он, якобы, слышал о дне окончания войны, о том, что война кончится 22 августа в воскресенье, ибо не доля имела свое начало 22 числа и в воскресенье. Интересно, очень интересно! Я начинаю верить во всякие неожиданности. Он, например, сказал, что Гитлера убьет молодая девушка, как Марата убила некогда Шарлотта Кордэ. На фронтах наступление наших войск продолжается, но сегодня газет нету, т. к. в понедельник редакция выходная. На нашем участке все, как и прежде. Теперь два раза в день, утром и вечером, мне приходится ходить на кухню. Кухня батальонная и находится от меня в 2 км. Туда два да обратно два, это уже четыре. Прогулка солидная, но неинтересная. Лес, лесная дорога, довольно широкая, воронки от бомб, снарядов и мины. Утром идешь, воздух чист и нежен. Дышится легко, как будто и войны нет, если затишье, если гром и шум, тогда особенно хочется жить и наслаждаться тем, что дает человеку природа. Сейчас лето. Все покрыто зеленью. Природа в особенно хорошем состоянии. Зимой другое дело, да и то, зима тоже имеет, как и всё, абсолютно всё на земле, свои привлекательные стороны – снег, багровое солнце, яркая луна, прозрачное небо. Я этим летом не купался. В прошлом году я купался, когда уже находился в армии в Токсово, на озере. Да, как хорошо там было. Там совсем не чувствовалось войны, жили и учились, словно в мирное время.

11 августа 1943 года (среда).

День вчера прошел сравнительно тихо и незаметно. До полудня спал. В первом часу ходил в лес за ягодами. Кстати, брусника уже созрела, особенно та, которая растет на кочках. Ягода крупная, красная, твердая, но оскомину набиваешь ею очень и очень быстро, поэто-

му долго ее не собирали. Черники и голубицы почти что нет, либо опала, либо сорвана была еще до нас. Малины тоже мало, но уж зато если найдешь кустик с ягодой, то уж эти ягоды еще те, т. е. крупные, сладкие, в общем вкусные. Все хорошо было - и прогулка, и искание ягод, и выпорхнувший из под ног рябчик, но одно плохо. Ходили мы по болоту, ну, значит, вода кругом. Но я ног не вымочил до самого конца, хотя мой спутник и жаловался на мокрые ноги. Но вот тогда, когда мы шли домой, я нечаянным образом правой ногой вступил в яму с водой, да и по самое колено промок. Вот где неприятно-то было. Остаток дня провел у себя дома. ... Сейчас утро. День пасмурный. Только что позавтракал. ... На фронтах, кроме нашего, наступление продолжается. От мамы известий не имею. Сегодня должна обратно прийти наша рота.

12 августа 1943 года (четверг).

Вчерашний день провел с Михайлычем. Вот прекрасный малый. С ним можно поговорить умно и содержательно, можно пошутить и позабавляться, как с малым ребенком. В нем, как и во мне, еще много и много ребячества. Он, как и я, может после смеха и шутки сразу же перейти на серьезный содержательный разговор. Он не тщеславен. Когда я ему сказал, почему ты не имеешь медали «За оборону», он начал отшучиваться вроде того, что мол одну ее получать не хочет, а ордена Ленина или Красной звезды еще не заработал. Мы уж получим, так получим сразу орден Александра Невского. Он прямодушен и чистосердечен. У него, что в голове, то на языке. Он не скрывает ни своих убеждений, ни своих мыслей и дум по тому или иному поводу. Он труженик и готов работать с утра до вечера. Его нельзя назвать смелым, но он и не трус. Вчера он забрался (вечером, но было еще светло) на бруствер и топором начал рубить березу. А было тихо, даже ружейной перестрелки не было. Вполне понятно, что на том берегу (у немцев) был ясно слышен стук топора и при их желании они могли заметить человека, который занимался срубкой дерева. Срубив его, он засунул в рот четыре пальца и свистнул. Показав фигу в сторону немцев он спрыгнул в траншею. Вот другой случай. Обстрел только что начался, с немецкого берега послышался только выстрел миномета. Неиз-

вестно, где еще разорвется немецкая мина, а он уже бежит в укрытие и зовет меня с собой. Это не смело, но и не глупо. Ночевал у него. Волков землянку натопил до того, что в ней стало, как в бане, жарко. Ходил за завтраком сам. Писем нет. Газета была. Читал. Ничего нового. Наши наступают. 2-го фронта нет.

13 августа 1943 года (пятница).

Сегодня пришли наши ребята с отдыха, вернее с работ и учений, т. к. они больше работали и занимались, чем отдыхали. Старики, правда, отдыхали намного больше, чем молодежь. Жолудев, например, отдыхал очень и очень мало, все время тратил на девушек, а их там было немало. Получил письмо из Ленинграда от мамочки. Опять, что и прежде, интенсивные арт. обстрелы. Ее чуть-чуть не убило. Человек, рядом с ней находившийся, был убит, а она у меня не получила ни единой царапины. Пишет, что тут уже невольно станешь фаталистом. И она права. Пишет, что получила медаль «За оборону Ленинграда». Правильно. Заслужила, да и все ленинградцы, пережившие и переживающие эти трудности, которым они подвергались и подвергаются по настоящее время, заслужили еще больших наград и поощрения. Ведь не каждый может вынести то, что выносят они. У меня пока что ничего нового. Погода стоит скверная. Сегодня Михайлыч впервые за существование моей девственной бородки (две волосины и обе густы) побрил меня и, в частности, сбрил мою бороду. Жаль, но что поделать. Настроение паршивое, болит голова. Вчера вечером приходили ко мне Вася и Федя. Они все так же веселы, как и прежде. Много говорят о девушках, о своих похождениях. Ну что ж, я в свое время точно так же, как и они мог пользоваться благами жизни, когда служил в бригаде. Возможности были. Да что вспоминать о том, что было и что прошло. «После драки кулаками не машут». Если представляется какая-либо возможность, надо ее использовать и впредь, в будущем ...

14 августа 1943 года (суббота).

Вчера вечером был у разведчиков. Туда, нежданно-негаданно пришел капитан Протасов. Ребята, которые там находились, начали просить, чтобы я почитал свои стихи. Я согласился, начал читать. Стихи мои, кажется,

произвели на него, т. е. на Протасова, некоторое впечатление, результат узнаю сегодня, кто в 12 ч. дня должен придти в штаб батальона к нему. Интересно, чем это все кончится. Впрочем, надежда – неплохая вещь! Понадеемся на русское авось, а больше на свою голову, т. к. одним «ура» не возьмешь. Пока все по-старому. Погода пасмурная. Сейчас 10 утра. Позавтракал. ... На фронтах особо выдающегося ничего нет. Наступление продолжается, взяты города Чучуев (Хар.) и Дмитровск-Орловский. Сицилия еще не пала. Союзники не торопятся, как видно, ее брать.

17 августа 1943 года (вторник).

Сейчас час дня. С утра погода стояла не важная, но сейчас постепенно начинает разгуживаться. Хотя верить в нашу Ленинградскую погоду нельзя: сейчас солнечный день, через минуту дождливое, пасмурное небо, и грязь со слякотью затрудняют ходьбу по траншеям. Уже три дня, как я лично абсолютно ничего не записывал в свой дневник. Может быть, это результат недостатка времени или же просто лень. Скорее, это второе, т. е. лень, самая обыкновенная, ничем не прикрытая. 15 числа к 12-00 дня ходил к капитану Протасову. Почитав ему стихи и получив от него большое задание, направился домой. Придется много и много работать, как над собой в первую очередь, так и над своими произведениями в частности. Но я со своей стороны работы не боюсь – она, т. е. работа, облагораживает человека. Писем из дому, да и ни от кого вообще не получил. Очень волнуюсь за мамочку. Бедная она, переносит такие лишения и испытания, а ей ничем помочь не могу. Хотя бы скорей в наступление. Отогнать бы поганых немцев от нашего любимого, многострадального, родного, русского города. Протасов вчера поехал в командировку в г. Ленинград на 5 дней. Бывает же так, кому не нужно или необязательно куда, и посылают обязательно туда. Я это пишу, так сказать, между прочим, ибо я никогда не завидовал по-настоящему, а я и не собираюсь завидовать кому бы то ни было. У каждого свое счастье в жизни, и каждый должен отыскать и сберечь его. В лично моей жизни произошли небольшие перемены. Дежурю теперь на Н.П. не как раньше, ночью, а днем, и в этом есть некоторое преимущество, т. к. днем можно почитать, пописать и вообще ве-

селее проходит время при дневном свете, чем во тьме наступающей осенней ночи. Мои друзья – снайперы Вася Андреев, Гоша Макаров и Федя с Тимофеем поехали от нас на другой участок нашего фронта. Жалко. Такие хорошие, душевные ребята были, так это мы с ними дружили, и вдруг разлука. Поехали они через город, где пробудут дней пять-семь. Васе я дал адрес маминого госпиталя, указав фамилии Нины Ильиной, Ляли Шу¹ и Зины Беспаловой. Пусть, если это удастся ему, познакомится с ними. Переписку с ними я буду держать, и они напишут мне, как только прибудут на новое место и узнают новый адрес. Дивизионные разведчики переходят от нас на новый Н.П., который находится на левом фланге (2 батальон). Да, тут невольно вспомнишь – «наш круг час от часу редет». В нашей роте находится человек, с которым я был ранен в Колпино при одном обстреле, был в госпитале, затем в распреде и, наконец, попал сюда и даже в одну роту. А говорят нет чудес! Разве это совпадение не чудо. Михайлыч, единственный человек, который заменяет мне здесь всех моих родных, сказал, что наша судьба должна быть одинаковой. Я думаю, что мы с ним останемся живы до конца войны и немало еще проживем в наставшее мирное время. В газете читал статью «Немцы гадают». Один немецкий обер в своем дневнике вычислил, что они, немцы, вернее, Гитлер, войну эту проиграют и именно в 1943 г. Я верю в подобные чудеса, нет жизни без чудес и чудес без жизни. Может быть и верно, хотя смешно, что война кончится в 1943 году. На фронтах наступления наших войск продолжается. Дивизии, взявшие город Карачёв, переименовали как Орловские с Белгородскими по имени названия города, захваченного ими, а именно «карачёвские» дивизии, и впредь называться будут только так. 15 числа был день авиации (перенесен с 18 на 15, т. к. 15.8.43 г. - воскресенье) нам обещали дать по 50 гр. спирту (98 процентов), но до сих пор еще не дали. Вчера ходил в баню. Намылся хорошо так, как давно этого не делал. Новый старшина – еврей из Ленинграда – малый, по крайней мере мне так

¹ Ляля Шу - подруга детства моей мамы, провела всю блокаду в Ленинграде, работала в госпитале, где познакомилась с отцом. Именно от неё моя мама получила его адрес и они начали переписываться.

показалось, хороший, даже в одном районе Петроградском со мной прожил 6 лет. Что будет в дальнейшем, не знаю. Он мне предлагал стать командиром отделения вместо Иванова, либо Курача, но я не согласился, ибо мне и здесь неплохо. Я не стремлюсь теперь никуда, ибо знаю, там хорошо, где нас нет. А раз так, то к чему же стремиться к повышению или даже славе. Я честный русский солдат и останусь таковым до конца моей службы. У Михайлова подорвался боец на пехотной мине. Но удачно. Однако это неприятность и т. п., а здесь, да и вообще вблизи переднего края, их столько набросало, что, бродяжничая, можно невольно стать калекой – потеряв ногу. **А в наши молодые годы это увечье равносильно смерти.** Сейчас пойду опять на Н.П. Отправлю донесение. Попробую что-нибудь написать, хотя настроения нет. Приходила сегодня к нам снайперша, но со спутником. А давненько я не видел девушек! Но ничего, это все впереди - и встречи, и беседы, и ласки. А сейчас война, необходимо забыть о своих личных интересах. Все для Родины и победы. И лишь победив, мы можем заняться личными делами и личной жизнью с полным правом на это, ибо мы взяли, мы захватили это счастье в боях трудных и тяжелых.

18 августа 1943 года (среда).

Вечер прошел беспокойно. Наши начали бить прямой наводкой по немецким землянкам, а немец, в свою очередь, тоже начал давать ответ нам из минометов. А в общем, ерунда. Сейчас утро, позавтракал и думаю идти на Н.П. - дежурить. Погода стоит плохая. Небо пасмурное, но дождя нет. Утром, вот недавно, написал три открытки, ... одну мамочке. Что-то от нее я совсем перестал получать письма. Как-то она живет, что-то делает, в этой открытке я ей написал много, много упреков и все сводится к одному – ты меня позабыла. ... На фронтах наступление продолжается, наши войска 16.8.43 г. взяли на Брянском направлении г. Жиздра. На Спас-Деменском направлении продвинулись вперед от 8 до 12 км. На Харьковском отбивают контратаки противника. У нас с утра часов с 5 и до 7 часов вела огонь, и довольно интенсивный, наша дальнебойная артиллерия. Разрывов не слышно. Вероятно, поддерживали начавшееся наступление наших войск на другом участке нашего фронта.

Наш передний край фриц держит под минометным огнем. Так что очень трудно ходить.

19 августа 1943 года (четверг).

Сижу на Н.П. и дежурю. Время 4-й час дня. Погода стоит переменная, но больше плохая – дождливая и пасмурная, чем теплая и солнечная. Утром получил два письма. Одно от мамочки, написанное 15.8.43 года, другое от Розы 14.8.43 г. Мамочка пишет, что живет, как прежде, занимается уборкой квартиры (в воскресенье, в выходной день). Роза живет, что надо. Кому строй, а ей приволье. Целыми днями бродит по улицам города, ходит в кино, в общем, по ее словам, не жизнь, а масленица. Смотрела новую кинокартину «Раскинулось море широко». Да что о ней писать-то. Ни ума, ни сердца. Пишет, чтобы я с ней вел переписку, что ж, я согласен. Написать письмо – небольшой труд, но получить, да особенно здесь – это да. На нашем участке пока спокойно, но на левом фланге «гром и молния». Там все заволочло густым черным и, в некоторых местах, белым дымом. Анненское взяли вчера и перерезали дорогу Анненское – Мистолово¹. На других фронтах наступление продолжается. Наши продвинулись на Харьковском на 7-10 км. Взяли г. Миллерово и г. Жиздру. В Сицилии союзники вышли в Мессину. В Милане демонстранты после очередного налета английской авиации требуют у своего правительства немедленного прекращения войны и военных действий в частности, иначе капитуляция. Наша авиация на нашем участке ведет активизированные действия, так что фрицам от нее достается в полной мере, как нам в 1941 году, в начале войны. (...) Стихи некоторые, более подходящие для громогласного чтения,

¹ Село Анненское основано в 1800 г. известным дипломатом, путешественником и предпринимателем Николаем Петровичем Резановым. Названо по имени его жены Анны Петровны Шелеховой. В июле-августе 1943 г. в ходе Мгинской операции советских войск на территории, где когда-то существовало село, вновь развернулись бои. Части советской 63-й гвардейской стрелковой дивизии стремились выйти к важному оперативному рубежу — р. Мойке. Деревня была полностью разрушена: «...домов нет — сгорели, торчат одни кирпичные трубы; руины церкви и школы». <http://памяти-сожженных-деревень-ленинградской-области.рф>. Этот участок размером примерно 2,5×2 км, являлся летом-осенью 1943 году полем ожесточенного сражения.

изобрел. Их оказалось всего девять штук. Однако это слишком мало. И нужно будет... да я уже и взялся за это дело по-настоящему.

20 августа 1943 года (пятница).

Утром, позавтракав, заступил дежурить на Н.П. С утра погода стояла ничего, но в течение дня была переменной, то хорошей, то плохой. Чувствуется наступающая осень. Видел нового командира роты вблизи и при дневном свете. Это молодой совсем еще человек, года 23-го, простоватый и непридирчивый, так кажется с первого взгляда. Я в течение целого дня очень и очень много балагурил, т.е. просто-напросто без толку болтал и порол всякую чушь, в общем был в очень приподнятом состоянии духа. Почему? Из-за чего? Где причина скрывается? Не знаю. С Захаренковым отношение мое обострилось, т.к. он начал вести себя возмутительно по отношению ко мне, а раз так, то и я, в свою очередь, даю и буду давать почувствовать ему свое превосходство над ним. А впрочем, к чему? Пускай он думает и чувствует свое превосходство. Пусть глупец воздаст или произведет себя в число умников – мыслящих людей. Мне от этого никакого вреда не будет. В Жолудеве окончательно разочаровался – это пустой болтун и сплетник, а не мужчина. Больше говорит про тебя за глаза, чем тебе в глаза, а это низко и мерзостно. Курачу написал 19.8.43 г. письмо его девушке в Семерку, из-за которой он пробыл в самоволке 24 часа. Порыгин ушел в Семерку на повышение. Будет заниматься в течение 10 дней, после чего ему присвоят звание лейтенанта. Он очень рад этому десятидневному отдыху, т.к. девушек там много, а здесь их совсем нет, исключения составляют редкие девушки-снайперы, которые показываются раз в год по обещанию. На фронтах ничего нового пока что нет. Союзники закончили операции на острове Сицилия. И больше ни гу-гу, ни слова о дальнейших операциях и об открытии второго фронта в Европе. А сейчас, надо сказать, самый благоприятный момент. Сейчас или никогда. Ибо будет поздно, и будет гораздо больше жертв, что крайне неутешительно. В Норвегии немцы расстреляли одного начальника отделения полиции в Осло за то, что он отказался дать немцам своих солдат для ареста норвежских девушек и женщин, не желающих работать на немцев. В Норвегии все

норвежские офицеры сосланы гитлеровцами в концлагеря. Норвегия не сдается, а борется, как подобает свободолюбивым норманнам. В Италии в основных и крупных ее городах происходят демонстрации. Демонстранты требуют немедленного выхода Италии из войны, но правительство Бадольо пока что и в ус не дуёт. Англичане по-прежнему бомбят как германские, так и итальянские города и промышленные объекты.

21 августа 1943 года (суббота).

За завтраком Жолудев, разговорившись, сообщил мне, что командир роты недоволен тем, что я дежурю 12 часов и такое же количество времени отдыхаю. Слишком много времени для отдыха! Нужно, чтобы он, т.е. я еще 6 часов в день работал на обороне. Ну и что же? Вот по этому вопросу он как раз и хотел с тобой поговорить. Я мол в свою очередь за тебя вступился, говоря, что ты от работ освобожден. После завтрака я пошел на К.П. Командир роты спал. Я подождал примерно ½ часа. Его начал будить старшина, но ничего, он спит. Тогда его денщик Зайцев начал толкать его, говоря, что к нему пришел по его вызову сержант. «Не мешай спать!» - был ответ. Ну и я, несолоно хлебавши, побрел домой, вернее на Н.П., т.к. должен был целый день дежурить. Днем у нас было сравнительно тихо, если не считать двух-трех мин 122 мм, разорвавшихся поблизости, и одна из них чуть не угробила Михайлыча. Погода стояла скверная, особенно к вечеру, поэтому действиям нашей авиации не сопутствовала. Михайлыч вечером перед ужином вытащил ручной пулемет в дождь и стал стрелять по появившимся 2-м «Мессерам». Все хочет сбить и отличиться. Отойдя от него, я зашел к урвцам в их ДЗОТ. ... Только это я съел кусок хлеба, как начался минометный обстрел. Да из тяжелых, да, причем, беглый. Да все это пустяки, короче говоря, урвца бойца, у которого я был, к которому всегда ходил прикуривать, когда не было спичек, сильно ранило. Два осколка в него, один в пах и один в руку. Жалко. Вот не везет же людям, а впрочем, как знать? На фронтах нового нет ничего. За границей также. Ночь всю проспал спокойно. Сейчас утро. Корреспонденций нет. Ни газет, ни писем. Читать нечего. Буду писать балладу о Париже.

22 августа 1943 года (воскресенье).

До 12 часов дня дежурил на Н.П. К этому времени пришел ротный писарь и сказал, чтобы я немедленно сдал свое дежурство Жолудеву, а сам шел бы на К.П. роты, откуда затем вместе с собравшимся там народом пошел бы в полк за получением медали «За оборону Ленинграда». И вот я, сдав дежурство Жолудеву, вернее, сказав ему об этом, сняв с себя маскировочные брюки, пошел на К.П. роты. Там уже без меня было 2 человека, одного из них я хорошо знаю, т.к. я с ним в одной роте нахожусь, правда, в различных взводах, да это не так еще и существенно. С другим мы тоже прибыли из распреда в одно время, но т.к. партия была большая, всех не запомнишь. И так мы втроем отправились на К.П. батальона, где находился один только человек, который опередил нас. Писарь зарегистрировал нас, и мы, закутив, начали ожидать, когда же, наконец, придет народ из других рот. Но вот показались трое из пулеметной роты, затем еще трое из нашей. И так быстро и незаметно собралась партия в 12 человек. Писарь назначил меня ответственным за этих людей, и мы зашагали в полк по тропинке через место, где живут автоматчики, затем минометчики. Шли быстро. Погода стояла хорошая, солнечная, а при ходьбе, да особенно быстрой, даже бежали, т.к. стало очень жарко. Вот вышли на шоссе, я-то лично дороги не знал, т.к. в полк мне ходить не приходилось, не считая, конечно, того момента, когда я только что прибыл сюда в батальон из полка, а в полк из дивизии. На самом том месте, где тропинка, идущая по болоту, отходит от сухой шоссе, зашел спор между идущими, одни решили идти напрямик через болото, другие окольным путем, по шоссе. Большинство пошло по тропинке, и только четыре человека отправились по шоссе. Это были, так сказать, старички, люди, не любящие сильных ощущений, таких, например, как выкупаться в болоте и вымазаться в торфяной грязи. Я пошел с большинством... Что я еще мог сделать? В таких случаях приказывать не стоит – не поможешь, а только ожесточишь против себя людей. Ну и вот, мы наконец-то добрались до полка. Пришли первые. В военторге ничего, кроме (...) и пудры нет. Торгаш, сами понимаете, ибо торгует во время того, как другие воюют. Девушек, сколько там девушек. Боль-

шинство, по правде сказать, шваль, но есть и ничего. Все здоровущие – настоящие бабы. И чего это только их держат. Впрочем, для меня лично ясно – для развлечения. А то в лесу все-таки скучновато жить одним мужчинам без женщин. Встретил здесь пришедших тоже за медалями двух знакомых.... Один, радист по специальности, работает на Н.П. роты 2-го батальона телефонистом - некий Ковалевский, другой - старший сержант Кинг в 3 батальоне. Живут ничего, но на питание, а это основное, обижаются. Медали вручил подполковник Вайтулевич, кавалер ордена отечественной войны 1 степени и Красной звезды. Пожал руку и пожелал новых успехов в будущем. Домой пришли в 5 ч. 30 м.

23 августа 1943 года (понедельник).

С утра погода была замечательной, и весь день была такой. Просто удивительно. Целый день провел на Н.П. Как позавтракал, пришел, так к ужину только справился и отправился домой, обратно. Из дому получил письмо. Мамочка живет ничего. Второе письмо в это же утро получил от Миши Шуркина. Он занимается, как прежде, и пишет, что нового у него ничего нет. Наши войска взяли Харьков. 22.8.43 г. наперекор всем моим ожиданиям, война не кончилась, и окончания не видно. Сегодня утром получил письмо от Николая Сергеевича Зоркина. Жив, здоров, того и мне желает, а я-то уже потерял всякую надежду получения от него хотя бы небольшой весточки. Вспомнилась Нина Ильина. Почему? Не знаю. Что-то она не пишет мне, наверное забыла. Ну что ж? Жалко, да немного. А я, надо признаться, все реже и реже вспоминаю о ней. Если бы были где-то карточки девушек, которых я любил и которые меня любили, это была бы интересная коллекция, и я бы очень ее ценил и хранил бы, как старую, но добрую реликвию моей любовной жизни. Вот они, последние девушки, к которым я не был равнодушен. Тося (... госпиталь), Валя Смирнова, Нина Ильина, Зина Беспалова, Ляля Шу. Да, все течет, и все изменяется. Незаметно для себя и я сам изменился. А вон они, мои школьные симпатии. Валя Афанасьева, где-то она сейчас моя голубка, как сильно она меня любила своей первой, чистой, девичьей душой. А я? Я ей первое время платил тем же. А потом? Потом забыл. Время, события, жизнь

и новые люди - вот они, основные факторы и виновники моего забвения. А Лида Егорова!.. Да что там говорить, мало ли их там было, и Линовская Нина, и другие, ведь их всех очень трудно упомянуть. Вспоминаю своего лучшего, ... любимого друга и товарища Алексея Иванова. Где-то он сейчас? Ведь после того, как я с ним расстался, прошло 2 года. Ни слуху ни духу, только первые письма, присланные им из Владивостокского училища, радовали меня. Но я, к сожалению, не отвечал на них, и теперь связи меж мною и им нет никакой. Но ничего, я питаю надежду, что в недалеком, а если и далеком будущем, это неважно, времени, мы с ним встретимся, потолкуем о прошлом, настоящем и будущем житье-бытье, чтобы снова расстаться до следующей встречи. Я встречу с ним, обязательно встречу. ... мой добрый, умный дружок, и знай, что на этой земле есть человек, который о тебе, как и о матери своей, никогда не забудет. Да, что-то воспоминания роятся в моей голове. Пора кончать. Напишу ответное Николаю Сергеевичу, напишу стихи, а там и ужин с отдыхом.

24 августа 1943 года (вторник).

С утра дежурил на Н.П. Писал письма Николаю Сергеевичу Зоркину, записал дневник, написал стих «Призыв к Французам», прочел две брошюры «Летчик Торинько» Шалесбурга(?) и академика Тарле «Нашествие Наполеона и отечественная война 1941 года». В 6 ч. 30 м. ко мне пришел мой бывший наблюдатель младший сержант Бикетов, который сказал мне, чтобы я шел в полк на курсы. Я, признаться, и обрадовался и нет. Если б это случилось 1-1,5 месяца тому назад, то я несомненным образом, конечно, обрадовался. Но я сейчас привык и примирился с окружающей меня обстановкой, и мне передний край стал родным домом. Ну, что ж! Собрался, одел шинель, вещмешок, противогаз и пошел ужинать. Поужинав, пошел на К.П. роты к командиру роты узнать, что это за курсы и один ли я пойду туда (я заходил к нему и до ужина по дороге, но его не застал). Оказалось, что это вовсе не курсы, а сбор. Какой? Неизвестно. Я и еще один связной роты, ефрейтор, пошли в штаб батальона, где, дождавшись еще 6 человек из разных рот, пошли на кухню за сухим пайком. Было 11 часов вечера, темно. В двух шагах трудно было увидеть своего товарища,

идущего впереди. Получив паек, мы направились в полк. Шли окольными тропинками напрямик, чтобы скорее достичь цели, придти в полк, хотя дорога шоссейная, вернее, бревенчатая, шла туда, и по ней было бы идти гораздо легче, но там обстреливали. Особенно тяжело было идти по болоту. В тот день, когда я ходил в полк за медалью и обратно, я тоже шел по болоту, но там был ясный, светлый день, я и то сильно промочил ноги, а тут в полной темноте, идя на ощупь, волей-неволей пришлось изрядно вымочить ноги, которые еще и сегодня сырые. Ночь была хороша, звездная, но место, где должна была бы показаться луна, было закрыто темными тучами, а отсюда и та крошечная тьма, которая нас окружила. Часа через 1,5-2 мы пришли в полк и заняли одну из хибарок, ибо это строение нельзя назвать ни домом, ни землянкой, т.к. землянка в земле, а это на ее поверхности в лесу, да тут их много. Сегодня утром варили сухой паек и покушали, что надо. Скоро придется идти на занятия. Что это будут за занятия – не знаю. Но народ, собравшийся тут из 3-х батальонов полка, по преимуществу своему, из ячеек управления К.П. рот и штабов батальонов. Поживем – увидим. Читал вчерашнюю газету. Дивизии, занявшие Харьков, будут теперь называться «Харьковскими». На Донбассе наши за 3 дня продвинулись на 30-35 км. За границей ничего интересного нет. Писем здесь из дому получать не буду. Зато потом сразу получу за 5 дней.

25 августа 1943 года (среда).

Итак, первый день отзанимался. День прошел быстро и незаметно. Первое занятие проводил лейтенант, командир взвода полковой связи по взаимодействию авиации с пехотой. ... Нового мало, толку от этого сбора тоже немного, а, в общем, отдохнуть не мешали. Целый день варили сухой паек. Занятия будут производиться регулярно каждый день в течение 10 часов и проходить ... будем в течение 5 дней. Вечером получил табак на 6 дней. Вот хорошо, а то нет табаку, так чего-то не хватает. Видно, сильно я привык. Карточки будут стоить 5 рублей. Денег у меня нет ни копейки, т.к. последние 20 рублей я отдал Михайлову. Думаю поговорить с начальником связи полка, старшим лейтенантом. Не знаю, каких результатов я достигну при этом разговоре.

Думаю попытка – не убыток. С каждым днем становится все холоднее и холодней. Чувствуется приближение осени. Солнце появляется из-за туч все реже и реже, но на солнце даже не тепло, а жарко, так пригревает. На фронте ничего нового нет. Наступление продолжается. Да, вчера я здесь познакомился с одним сержантом, радистом-кадровиком, т. к. он еще в мирное время работал в армии – радистом. А сейчас находится здесь, в роте полковой связи, и работает телефонистом. А мало ли есть еще других людей, которые используются как и я, как и он, не по специальности. Вечером Перевозчиков пошел варить кашу. А я еще с одним младшим сержантом в компании пошел за клюквой, но ее мы не нашли, хотя места – клюквенные, болотистые. Смотрел на остатки разбившегося нашего самолета. Одни что ни на есть щепки. Весьма печальная картина. Здесь есть лейтенант Скибинский. Это, надо по чести сказать, не старый, но и не свежий молодой субъект. С первого взгляда кажется, что он весьма содержательный, строгий и умный человек. Опровергать это пока что рано. Поживем – увидим. Наружность – дикарь. Фигура тощая и сутулая, клинообразная рыжая голова уходит в плечи. Глаза его напоминают глаза метиса. Старший сержант Соколов - рыжий, деревенский парень. Много о себе думающий, о чем человеку подобному ему, думать совсем не стоит. Ставит себя в своих глазах высоко, но хорошо то, что других или перед другими этого не выставляет.

26 августа 1943 года (четверг).

Второй день провел на занятиях. Вернее, не все время я на них присутствовал. После утренней политинформации нас всех направили на носку бревен для землянки начальника штаба полка. Я бревен не носил, т. к. плечо мое к физической работе непригодно. Работали до 12 часов. Затем занимались 2 часа до 14 часов, после чего пили чай (обедали) до 16 часов. Затем занимались по телефонии до 18 часов и до 20 часов радио. Время, надо сказать, прошло сравнительно быстро, если не считать последних полутора-двух часов, которые ужасно тянулись. Погода была хорошая, солнечная. Сильно пригревало, а посему многие раскисали, как молоко, и засыпали на занятиях. Занимающийся народ, по преимуществу, пожилой, и многие меченые, как и все в

нашем подразделении. Зато молодежь прямо-таки дает жизнь. Смех, шум и гам не смолкают. Утром я чуть не остался без завтрака, но затем все же получил по моему настоянию. Телефонию нам преподает старший сержант Евдокимов. Это хороший, добрый товарищ, с которым можно говорить просто и ясно. Вечером, перед ужином, ходил за клюквой на болото. Клюквы море, но и воды точно в море. Опять промочил ноги. ... Писем из дому и вообще ниоткуда не получаю, и нет надежды здесь получать, но зато, как только приду в роту, думаю получить сразу целую пачку. С начальником связи полка не разговаривал, но буду. Питаюсь хорошо. Лучше, чем в батальоне, хотя продукты одни и те же. Суп – щи здесь делают очень и очень вкусными. Кухня рядом. Военторг под боком, но, к сожалению, нет ни копейки денег, а они нужны. Даже морсу не на что купить. Поужинав, сразу ложимся спать, ... не раздеваясь, если не считать снятия пилотки и ремня. ... С фронтов ничего нового не слышно. За границей только болтают об оказании помощи. Но это только слова, слова и слова.

27 августа 1943 года (пятница).

Разбудили позднее обычного. Связисты проспали «всё на свете», в том числе и время. Сходив за хлебом на 8 человек и сахарным песком (на людей из нашего 1-го батальона), стал ждать котелка. Первые, поевшие суп, дали мне два котелка из-под щей, и я отправился на кухню за завтраком. Там никаких инцидентов, вроде вчерашних, не произошло. Быстро покушав, пошел на занятия. Была полит. информация, т. е. читка газет. На фронтах, как и за границей ничего особенного, существенного не произошло. Начались занятия. Их проводил начальник сборов лейтенант Харламов. Это молодой человек 19-го года рождения, т. е. имеющий от роду 24 года. Он, как видно, из тех небольших наблюдений, которые я вел за ним, - хороший, добрый боевой командир, полнейшая антитеза лейтенанту Скибинскому. Он ветеран этого полка. Участник финской компании, где был ранен. Дома давно не был, с 38 года, своей девушке, находящейся далеко от него, он, имеющий связь с ней только через переписку, чистосердечно написал в 40 году: «Дорогая, мы с тобой 2 года не виделись, нет надежды на будущую

встречу, я знаю и уверен, что ты гуляешь с другим, поэтому не стоит туманить друг другу головы, давай кончим эту ненужную переписку». С тех пор от нее, что вполне понятно, ни слуху, ни духу. Он в этом полку прошел большую солдатскую школу, начиная от бойца и кончая офицером. В 2 часа дня пили чай, иначе, обедали. До 2-х часов, примерно с 10, я с младшим сержантом спал в кустах, когда люди занимались линейным делом, ибо мне это старо и известно, как то, что наступающей зимой будет снег белого цвета. Над болотом пролетали и сели невдалеке от нас три журавля. Но, пока сбегали за оружием, их не стало, как и не было до их прилета сюда. Опять ходил, пообедав, как вчера, за клюквой. Она, правда, не совсем созрела, и поэтому ей быстро набиваешь оскомину, но зато витамины! Девушек много! Ну, а какой толк, какая польза, если с ними нельзя иметь ничего общего. Почему? Да это весьма понятно. Во-первых, увидев одну из них, сержанта по имени Ольга, которая не просто не притягивает к себе своей женственностью и красотой, а отталкивает от себя, начиная от наружности и кончая характером. Это настоящая «проститутка» в армии. Я удивляюсь, хотя, впрочем, нет. Это просто-напросто развлечение, но не для солдат, а для офицеров. Главное, хорошо то, что их часто возят на медицинский осмотр, так что людям, использующим блага жизни, можно не опасаться.

28 августа 1943 года (суббота).

День был отвратный. Чистого неба на протяжении всего дня видно не было. Но в этот день погода не влияла на настроение. Настроение было хорошее: веселое и бодрое. Утром лейтенант Харламов проводил полит. информацию, т. е. читку свежих газет. За границей, в Дании, проходят редкие забастовки и демонстрации ввиду недовольства немецкими оккупационными войсками. Черчилль с Рузвельтом вели переговоры в Квебеке. Но на чем они решили? Загадка. В общем, как видно из печати, они, т. е. англичане и американцы хотят скорее помочь Китаю, чем нам. М. М. Литвинов снят с поста Чрезвычайного полномочного в США из СССР, а назначен другой. Он же остается зам. ин. делами. После полит. читки шел сильный дождь, поэтому пришлось идти к нам в землянку для продолжения занятий по

расписанию. Часов в 12 дня я видел старшего лейтенанта Орлова (начальника связи полка), обратился к нему. Но как ни странно, не с просьбой, а с фактами, которые вкратце я изложил по тому поводу, что являюсь радистом, используюсь не по специальности, что меня используют там, где нужен народ, которого мало. После этого, вполне понятно, что он пообещал кое-что сделать, но это даже не надежда, ибо он даже не записал моей фамилии. Забрался я на полковую вышку наблюдения. Три высоких дерева, стоящие в метре друг от друга (две елки, одна береза) устланные лестницами с широкими ступенями-перекладинами и площадками в 4 этажа. В общем, обзор с нее неплохой с биноклем и, конечно, в хорошую погоду. 29.8.43 г. – последний день занятий. Вечером пойду обратно в роту.

29 августа 1943 года (воскресенье).

Итак, занимался в полку последний день, последние часы. Утром, как всегда, позавтракали и пошли на занятия. Политинформацию провел Соколов, ничего особенного в газетах нет. Наступление продолжается. Генералов, командующих наступающими войсками, наградили орденами Кутузова 1 степени. После читки пришел Евдокимов (старший сержант), который провел опрос по пройденному материалу, по телефонии. С ним время проходит быстро. Хороший мальчик. Затем лейтенант Харламов производил опрос по сигнализации. Я тоже отвечал и, нужно сказать, неплохо. В 2 часа, как всегда, пили чай. У Раскина пропал хлеб. Вора не нашли, хотя одного заподозрили. Какой стыд! У своего и так только-только немного сытого товарища тащить последний кусок хлеба, зная, что он получает точно такую же пайку и что больше нигде ничего достать нельзя. Вечером нас построили (после ужина часов в 8-9) и, разбив по группам (учитывая батальоны), назначили старших и сказали, что можно расходиться по батальонам, а там доложить «старшим» начальникам штабов батальонов. Я во главе 8 человек из нашего 1-го батальона. Шли через болота. Ноги промочил, но незначительно, ибо они у меня уже до этого были мокрыми, когда я ходил с младшим сержантом Максимовым на болото за клюквой. Пришли в батальон часов в 9. Я доложил капитану, и он разрешил разойтись по ротам. По дороге к дому зашел на

К.П. роты. Там мне письмо от мамы. В полку я получил еще два письма, одно от Иры и тети Вали¹, другое от Миши Шуркина. Спать после было уже ...

30 августа 1943 года (понедельник).

С самого раннего утра до позднего вечера дежурил на Н.П. Заступил на дежурство, как только позавтракал, а кончил перед ужином, т.е. через 12 часов. Часа в четыре приходил командир роты старший лейтенант Баландин. Посидел на Н.П., немного поговорил, так это, без особого смысла и содержания, и убрался восвояси. Он когда-то был командиром роты дивизионной разведки, а теперь на его место назначили нашего бывшего командира роты Данилина, который сейчас «заворачивает» там делами. Бойцы наблюдатели, с которыми я дежурю, говорят о нем, как о хорошем, добром командире. Ему всего-навсего 19-20 лет. Он 24 или 23-го года рождения. После ужина пошел к Саше Макарову и Волкову. Играли до темноты в домино. Болтали о всевозможных пустяках. В 11 часов ночи приходит командир взвода младший лейтенант (фамилии не знаю, т. к. он недавно прибыл) и говорит, что наши войска овладели городом Таганрог. Сколько радости! Михайлыч выбежал на улицу из землянки, было уже темно, забежал в ДЗОТ, захватил ракету с ракетницей и полез на бруствер. Было тихо с обеих сторон. И вот он закричал, что было силы и духу в легких, так, чтобы на противоположном берегу было бы слышно «Таганрог-капут» и, выстрелив из ракетницы осветительной ракетой по направлению к немецкому берегу, спрыгнул обратно в траншею. Написал днем три письма - мамочке, Ире и Мише.

31 августа 1943 года (вторник).

Канун нового месяца. Что-то он принесет? Каковы будут перемены в моей, а главным образом в жизни любимой Российской родины? Утром ходил в баню. Баню теперь перенесли в другое место, ближе к штабу батальона. Намылся, что надо. Баня жаркая. Воды много, правда, я мылся в числе последних, а поэтому вода была на исходе. После бани ходил к капитану Протасову, но его не застал дома и не нашел, как ни искал. ... Днем, говорят, была комиссия, но, к сожалению, к нам они не

дошли, вероятно, из-за начавшегося артиллерийского и минометного обстрела. Дошли до двойного ручья и повернули обратно. Видел старшего лейтенанта Орлова с начальником связи армии подполковником (имя которого я не узнал). Вот прозевал момент. Наверняка, если бы я обратился к нему с просьбой, об использовании меня по специальности, то получил бы удовлетворительный ответ. Да чего там, после драки кулаками не машут. Что было, то прошло и травой заросло. В районе Мги немцы задумали пойти в наступление. Часов в семь заиграл их Иван-долбай, а затем забили минометы с артиллерией. Но наши отбили все атаки. И немцы, понеся тяжелые потери, были вынуждены прекратить начатые ими атаки. Этим мы еще раз доказали им, что это не 41-42-е года, а лето, осень 43-го года. В союзников я совсем перестаю верить. Мы, только мы – русские, можем и должны добиться решительной и бесповоротной победы над немцами, и мы ее добьемся на земле своей. Дойдем до старых границ, а там пусть союзники думают о дальнейшем. Нам нечего беспокоиться. Мы достигнем этого, правда, огромными усилиями и не без жертв. Но победа будет за Советской Россией.

1 сентября 1943 года (среда).

Новый месяц, новые победы! Наши войска взяли г. Таганрог. Сильно! Прямо крепко! ...У нас ничего нового нет, если не считать того, что велят приготовиться к зимовке, видно, придется нам простоять здесь всю зиму. 5 кубометров дров на землянку. Поужинав, лег спать. Днем вызывали на К.П. роты. Оказывается, что я числюсь при ячейке управления роты, а не как подчиненный Жолудева. Жолудев – праздный болтун и никчемный человек. Больше болтает, чем делает и работает. Вернее, работать он совсем не работает, а делает то, что болтает слишком много о своей работе. Однако, несмотря на это, его представили к награде. Просто обидно! Вот Михайлыч, Волков и многие другие действительно заслуживают наград, а им не дают, ибо командование об этом не знает. Они простые, скромные люди и в штабы на К.П. часто не ходят, а только по вызову, а вот такие пройдохи, вроде Жолудева и Захаренко, о которых я сделал поспешное заключение, не зная их, всегда выдвинутся вперед и заградят собой путь другим, действительно честным.

¹ Валентина Поликарповна Шобырева..

Моей жизни дорога
Пока коротка.
И земли Таганрога
Не топтала нога.

На Азовское море
Этот город глядит,
Принёс ему горе
Фашистский бандит.

Но вчера разгромили
В этом месте врагов,
И за всё отомстили.

Мы не любим врагов.
Наша конница лихо
Пронесилась как смерч,
Наши руки не тихо,
Громко сеяли смерть.

Артиллерия пашет
Глубоко, как всегда,
Точно лётчики наши
Поражают врага.

1 сентября 1943 г., Л. Фирсов.

Proza

ЛЕВ ГОРЯНИН

Ермак - казачий атаман

В жарко натопленной просторной избе было душно. Вольные атаманы, один за другим снимали казачью гордость – папаху и располагали ее подле себя на видном месте. Ведь даже один вид папаху говорил о дородности самого атамана. Многие из них стали уж и охабень свой расстегивать.

– Кого ждем? – спросил атаманов Ермак, Тимофеев сын.

– Ивана Кольца, – неохотно ответил Яков Михайлов, изнывая от жаркого духа, исходящего от печи.

– В таком разе, начнем. Иван все осторожничает, боится, что здесь царская ловушка. Вот будете приговорены самим Иоанном к смерти за разбой, так и вы станете прятаться. Придет Ваш Иван.

– Так пошто звал, говори, – теребя длинный ус, спросил Ермака, главного атамана, Никита Пан.

Своими восклицаниями поддержали вопрос атамана рядовые казаки.

– А вот по какому делу. Хочу вас всех спасти от виселицы.

– Вона как?! А ну-тка, объяснись.

– Много ли вы заработали, грабя мирное население?

– О чем гутаришь? Только-только на пропитание хватило.

– А стыда сколь? С этим делом надобно кончать. Ненароком можно при этом и жизни лишиться.

– Нас ведь не чествует царь, да и на службу не берет. Считает казаков из Сибири изгоями. А как, в таком разе, жить? Поневоле на широкую дорогу выйдешь с кастетами, да с ножами. Али что придумал путевое? Коли так, то и говори, не томи.

– Здесь днями зашел я к Аникию Строганову. В доме к тому разу сыновья его сидели – Яков, Григорий и Семен.

– Эж, чего сочинил!

– К самому Аникию?

– К самому.

– Так как же тебя к нему пустили?

– Да он сам меня вызвал.

Раздался дружный хохот атаманов. От этого грома даже хозяйская кошка с печи свалилась.

– А говоришь, зашел, будто так, по пути, к своему приятелю.

Засмеялся и Ермак.

– Так вот, предложили они мне работу. Надобно охранять их рубежи.

– Так-так. А как же царь? Неужто он разрешил им нас нанимать на сию службу? Он же нас, иначе как казаками разбойниками и не признает? – с удивлением спросил Матвей Мещеряк.

– Купцы Строгановы били государю челом, – разъяснил Ермак, – умоляли они пожаловать им дикие пространства, что лежат по Каме до реки Чусовой, а заодно, хитрые лисы, просили его совета по охране этих новых земель, считая их уже своими.

– А что царь, неужто согласился с ними?

– Нет, не сразу. А повел он с ними такой разговор: «Много земли я вам успел передать в безвозмездное употребление. Ужели мало вам ее? Не верю. Поди, добрую половину Сибири захватили с моей потачкой. Никак по величине своих владений меня хотите обойти?»

– А что Строгановы купцы ему ответили? Им же палец в рот не клади. Не глянут, что с самим царем разговаривают.

– Это так. Но они ему на то разъяснили: «Вот что, царь-батюшка наш. Мы собираемся доставать из онога края руду оловянную, железную, свинцовую, медную и серную, да заводы кое-какие строить. Ежели тебе этого всего не надобно, так и не будем шевелиться. А ежели ты возгоришь к этому интересом, так и землю нам выдели. На ней города начнем возводить. В таком разе и народу сибирского нам маловато будет. Опять к тебе обратимся за помощью. Придется с России люд сгонять».

– Своим упорством они всего добьются.

– Так что ответил им царь?

– А что он ответит. Видать хорошие барыши он от них имеет. Все решает в их пользу. В этот раз земли он им дал столь, сколь просили, да еще от всяких повинностей, да платежа податей освободил на 20 лет, даже для охраны выделил купцам знаменитым пушки, пищали, а воинов повелел набрать по их желанию. Вот он что сказал: «*А на Сибирского салтана Якову и Григорию, – это он имел в виду детей Аникия, – собирать охочих людей, Остяков, Вогуличей, Киричей, Самоедов и посылать их воевать вместе с наемными казаками и с нарядом¹, брать Сибирцев в плен и в дань за нас приводить*».

– Так это ж государь имел в виду своих казаков, городских, как мы их называем. Они давно на охрану царских границ поставлены. А мы, вольные казаки, как кость в горле у царя. О нас, разбойников, там и слова нет. Не попасть бы нам в ловушку.

– Как только мы перейдем под руку Строгановых, так и мы будем казаками государевыми. Теперь уразумели свою выгоду?

– Ну, коли так, то мы согласны. Токмо надобно спросить у купцов, сколь они платить будут за труд-то наш? Не прогадать бы.

– Об этом пусть ваша душа не болит. Получать будем чистым золотом.

– Во как дорого ценят нас купцы сии. Похвально.

В этот момент открылась дверь и вместе с теплом, что пыхнул из комнаты, да соединившись с холодным воздухом, обратился в клубы пара, в распахнутом жупане, высокой черной дородной папахе из овчины и в пимах из оленьих шкур ввалился в дом Иван Кольцо. Он отряхнул пимы от снега, скинул жупан и зычным голосом гаркнул:

– Здравия желаю всем гостям и хозяевам этого дома. Небось, заждались меня? Ба, да здесь весь цвет Сибирских атаманов собран!

Иван, поправляя усы, оглядывал сидящих за столом казаков.

– Вот только тебя-то и не хватало. Уж больно долго где-то ходишь. Но мы успели до твоего прихода все решить. Сбери свою

ватагу, да становись рядом с нами на охрану Строгановских вотчин.

– Да я всегда готов. А царь отменит свое повеление лишить меня жизни?

– Здесь уж Строгановы выступят за тебя. Они-то наслышаны о твоей храбрости.

– В таком разе у меня и вопросов больше нет.

Раздался громкий голос главного атамана:

– Неделю всем на сборы и каждому атаману быть со своими сотнями у купцов Строгановых. Расположить казаков следует в шатрах напротив дворца купеческого, чтобы видели они нашу силу немереную, а летом для себя городки добрые понастроим. Чую, что не один год здесь будем куковать. А сейчас дайте хозяевам этого хлебосольного дома уставить стол яствами, нами принесенными. Пировать будем, как в старые добрые времена.

Два года, верно служа Строгановым, казаки безвыездно оставались в городках на берегу Чусовой, отбивая нападения иноверцев, а также разбойных банд Вогуличей, Остяков и Пелымцев. Но не дремало в это время Кучумское царство. Не ограничивались они малыми набегами. Самому Кучуму не нравилось такое соседство, и он задумал известить его, уничтожить полностью, чтобы быть единственным властелином необъятной Сибири.

Кучум-хан, чингизид, потомок Шибана, пятого сына Джучи от главной жены. Он был внуком Ибака – хана Тюмени и Большой Орды. Отец его, Муртаза-хан – один из последних ханов Золотой Орды. Так что, уж очень заслуженный у него род, самый, что ни на есть, старинный, единственный во всей Сибири, почитай, от самого Чингисхана исходит. Не шутка. Всеми уважаемый род. Без Кучум-хана ни одно событие не проходит в Сибири. Популярность его не знает границ. Бесстрашно в бой бросался Кучум, с любым противником дрался, не щадя жизни своей. От того и слыл он непобедимым ханом. Сейчас он чуть-чуть обмяк, не всегда участвует в битвах за цельность своей земли. Возраст не тот. Но, слава Аллаху, есть у него свои воеводы, на которых он может опереться. Однако и его рука еще не уронит в бою саблю. Не растерял

¹ Здесь имеется в виду все оружие – пушки, пищали..

он боевые навыки.

У него был уже опыт по изгнанию ненужного соседа от своих границ. В борьбе за расширение территории Кучум убил Едигера¹ и его брата Бекбулата. Это позволило ему завладеть землями по Иртышу и Тоболу да занять город Кашлык. Подчинив себе многие народы, в том числе манси и ханты, он приобщил их к исламу. Необъятные границы его ханства. На севере они достигали низовьев реки Оби. Со стороны Руси его границы доходили до пермской земли и даже на западе – кое-где переходили на европейскую сторону Урала.

Вот таким был хан Кучум – властолюбивым, самонадеянным, жестоким и алчным. Слава о нем разнеслась по всей Сибири.

Ему-то и решили Строгановы укоротить желание захвата царских земель. Знали они, что Кучум спит и видит, как бы повернуть свою Орду против русских, да оттеснить их за горы Уральские, подальше от своих сибирских границ. Все время, покуда служили казаки у купцов, готовились они к большому походу против воинственного хана. Надо было унять его аппетиты. Но, все же, не спешили они выступать, маловато было казаков против сил кочевников. Всего их было 540 человек и только, когда Строгановы добавили им 300 ратников из наемных войск – немцев да литовцев, то казаки возрадовались. Теперь можно было смело сражаться с ханом. А случилось так, что к этому времени Кучум настолько почувствовал себя неуязвимым, что против царских сборщиков дани послал войной своего племянника – хана Маметкула с войском. В его план входило их полное уничтожение. И это ему удалось. Он не только их убрал, но и посла царя при этом не пожалел. Здесь уж царь Иоанн не вынес такой наглости со стороны Кучума и повелел Строгановым пойти ратью на него, да наказать его по заслугам, чтобы впредь ему неповадно было воевать с посланниками царя. За исполнение его повеления царь в дар купцам выделил земли за Каменным поясом (Урал) по реке Тобол и его притокам.

Удобнее было бы идти на стругах. В этом

случае провизии можно было взять немереное количество, да и быстрее можно было дойти до владений Кучума. Меньше на пути будут встречаться разбойничьи люди. Так и сделали. Атаманы казаков погрузили свои сотни в струги и под звуки барабанов, сопел и труб, сурнаев и литавров, отплыли вверх по Чусовой. Провожал их в поход Максим Строганов, уж внук Аникия. Пред отплытием он молвил: *«Аще Бог управит путь нам в добыче и здравіи імамы быти, заплатим і наградим по возвращеніи нашем; аще ли же избиении будем, да помянет нас любовь твоя в вечном успеніи...»*

Ермак, вместе со своими помощниками – Иваном Гроза и Богданом Брызга, плыл на головном судне, зорко вглядываясь в даль, ища за прибрежными деревьями противника. За 4 дня плавания стругов по Чусовой², казаки не встретили воинов хана Кучума. Из основной речки струги свернули в приток Серебрянку, коя протекает у склона горы Подпора. По ней плыли вверх еще 2 дня, и дошли до перевалок, разделявший реки Камы и Оби. Через него перетасили струги на речку Жеравлю. Не все струги удалось волоком спустить к новому притоку. Часть из них, особо тяжелых пришлось оставить на берегу Серебрянки.

– Морозом пахнет, Ермак Тимофеич, – молвил дьяк бродяга, что примкнул к казакам. Ходил он без черной рясы, но, как выяснилось, службу свою знал, справно проводил круг церковный. – Худо будет, ежели реку скует льдом. Надобно здесь перезимовать. За остаток времени до зимы успеем городок малый для наших казачков срубить. Вот и добро будет.

Дьяку можно было верить. Опытный был старец. Во всем войске Ермака было 4 священника и иеромонах. Все богослужение свое они вели прямо среди войска, поддерживая у казаков дух воинственный.

Развернули казаки свой лагерь у устья ручья Кокуй, на высоком, но сильно покато левом берегу речки Серебрянки. Чтоб не окоченеть зимушкой, одни начали тепляки строить, другие – ходить на охоту, да мясо запасть, что-

¹ 1563 год.

² Сентябрь 1581 год.

бы хватило его до самой весны, третьи – стойбище свое охранять от пришлых, непрощеных людишек, а мастеровые взялись за топоры, да начали струги новые, более легкие строить. Целую верфь создали. Всем работа нашлась. Вот так и остались зимовать, да ждать, когда погода разрешит продолжить путь. Зима пришла быстро, но так же неприметно и прошла. За работой время летит птицей. Началась распутица и Ермак Тимофеевич, не дождавшись стойкого тепла, не полюбовавшись первыми, еще нежными листочками на деревьях, поплыл по холодной речке Жеравле, затем вошел в Баранчу, далее – в Тагиль, а там и в Туру выплыл, да оказался во владениях самого Кучум-хана.

Весь путь казаков, незаметно для них, по берегам рек сопровождали воины хана, соглядатаи. Как же, надобно все знать о противнике – и силу его, и вооружение, да неплохо и настроение воинов угадать. По своей ли воле движутся казаки на славного хана? Ежели по своей, то и сражаться будут, как звери лютые. Тут уж только держись. Для разведки воины Кучума дали бой пришельцам на берегу реки Туры. Да ничего не поняли, только потеряли почти всю группу воинов, с которыми сопровождали струги. Стрел у казаков не было. Только пламя вырывалось из каких-то труб, да хлопки жуткие были, а воины племени при этом падали с лошадей, как подкошенные. А тучи стрел местных воинов вовсе не испугали казаков. Они их ловили на свои щиты, да готали так, что на всех птиц нагнали страху. А ежели какая стрела и попадала в воина, так и та не пробивала надетых кольчуг. Тем временем струги дошли до берега, на котором стоял юрт Тюмень. Здесь был хозяином сродник Кучума, эмир Епанчи. Он со своим войском уже поджидал казаков Ермака и встретил их не хлебом, да солью, а тучей стрел. Но когда услышал хлопки, да увидел, как воины его мертвыми валяются со своих коней, то побежал от этой невидали так, что и ветру его было не догнать.

К этому времени казаки из Туры перешли в реку Тоболь, а уж из нее – в Тавду. И здесь казаков поджидала засада. На сей раз, это было войско хана Таузака. Все вновь повтори-

лось. Только на этот раз воины Ермака взяли хана в плен. Опросив его и получив все нужные сведения, казаки с почестями отпустили его в свой юрт.

А потом Епанчи вместе с Таузаком, ввалившись в юрту Кучума, долго сидели с ним, да в спорах обсуждали возможность уничтожения ворвавшихся в их спокойный мир сумасшедших казаков. Они с трепетом рассказывали повелителю об ужасе, который обуял их при встрече с этими русскими. Дошла до нас Строгановская летопись в коей дано описание стрельбы из ружей и ее результат, который поверг кочующее племя в шок: *«Таковы бо суть рустіи воини сильніи; егда стреляють из луковъ своихъ, тогда огонь пашетъ и дымъ великъ исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси, а стрель, исходящих от нихъ, не видати; уязвляють ранами и смертно побивають, а уцетитца отъ нея никакими ратными збруями невозможно: куяки и бехтерцы и пансыри и колчюги наши не держатъ, все пробивають на вылетъ».*

Все же желание освободить свою землю от чужаков, оказавшихся в его владениях, у хана Кучума было большим. Тем более, терять ему было нечего, поскольку его шаманы предсказали, что от рук русских падет его царство. Об этом же предупредили хана и звездочеты. Планеты между собой располагались так, что беда должна была придти к Кучуму в ближайшее время. Верил хан всем оккультным предсказаниям шаманов, кои будущее великого ханства узнавали во время общения с духами. В этот раз, оценив все, он решил опередить события и первым напасть на казаков. Только в этом он видел залог победы. Он послал ходоков за всеми эмирами, мурзами и ханами своего царства, чтобы, не мешкая, набрать большое войско и разгромить упорных пришельцев.

Собрав армию, хан поставил во главе ее своего племянника хана Маметкула и повелел ему дать бой казакам в узком месте, близ урочища Караульного Яра на берегу Тобола при впадении его в Иртыш. Три дня Ермак Тимофеевич бился с ханом в удачно выбранном для них месте и, наконец, заставил хана Маметкула отступить. Следующий бой состоялся в

урочище Бабасане. У хана было конное войско из 10 тысяч воинов. Битва проходила на берегу. Для ее ведения Ермак успел соорудить окопы, которые и сдержали конницу. Но главный успех этого сражения произошел за счет не виданных доселе кочевниками пищалей, гром которых и падение смертельно раненных воинов сеяли панику среди нападавших. И с этого места боя племянник Кучума бежал вместе с оставшимися лучниками. Проплывая по течению вблизи крутого берега Тобола, Ермак увидел впереди не обхватываемое глазом полчище ожидающих их кочевников. Их было так много, что при виде этих воинов у казаков мурашки пошли по коже.

– Стоп, Тимофеич, правь к острову. Здесь надобно передохнуть, – повелительно произнес дьяк. – Ежели будет битва, то она может стать последней. Следует Богородицу просить о помощи. Она не бросит нас в трудный час.

Так и поступили. Ладьи причалили к берегу острова. Здесь казаки передохнули и вместе с дьяком сотворили молитву Святой Троице и Пречистой Богородице. Повеселели воины. Даже шутить стали казаки. После отдыха они развернули паруса, и смело проплыли мимо стоявшей на высоком берегу урочища Долгого Яра армии кочевников. Все ладьи были облеплены стрелами, но обошлось без жертв. Видно услышала Боженька просьбу казаков и взяла их под свою защиту. Шли по реке Тобол. Доплыв до города Карачина, приняли бой с лучниками кучумского хана, одолели их, захватили город, в нем пополнили свои продовольственные запасы. Далее шли по Иртышу и у небольшого городка сразились с войском мурзы Аттика. Мурза потерпел поражение и вынужден был сдать свой город, названный в его честь – Атик-Мурза. Казаки заняли город, хотя он был полностью опустошен, однако ими он был использован, как место для отдыха.

На дворе уже стояла поздняя осень. Лес покрылся всеми яркими красками этого времени года. Глаз нельзя было от этой прелести оторвать. Здесь бы поохотиться вдоволь русскому человеку, однако долг заставлял казаков двигаться дальше, хотя к этому времени

все молодцы приустали малость. Постоянные битвы и потери своих друзей дали о себе знать.

Приближалась зима, недалече стало то время, когда все реки будут покрыты льдом, а они все еще находились вдали от своих домов, да и конца этому походу, похоже, не было видно. Многие из них заскучали по родимым местам и стали требовать от атамана возвращения в свое отечество. Ермак Тимофеевич собрал Круг, который и должен был решить их дальнейшую судьбу. Разные на нем звучали речи, но большинство из старых казаков выступило за продолжение похода. Об этом довольно подробно повествует Строгановская летопись: *«О, братія наша единомысленная, камо нам бежати, уже осени достигши, и в рекахъ ледъ смерзается; не дадимся бегству и тоя худыя славы себе не получимъ, ни укоризны на себе не положимъ, не возложимъ упование на Бога; не от многихъ бо вои победа бываетъ, но свыше от Бога помощь дается; может бо и беспомошнымъ Богъ помощи... Воспомянемъ, братие, обещаніе свое, како мы честнымъ людемъ предъ Богомъ обеты и слово свое даша, и уверившияся крестнымъ целованиемъ, елико всемогий Богъ намъ помощи подасть, а отнюдь не побежати, хотя до единого всемъ умрети, а вспять возвратитися не можемъ срама ради и преступленія ради слова своего, еже съ клятвою обещомся; аше нам всемогий, в Троицы славимый Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудеетъ в техъ странахъ, и слава наша вечно будетъ»*¹.

После такого наставления седовласых старцев Круга атаманы своих ватаг возгласили: *«Вкупе готовы умерети за святыя Божия церкви и за истинную православную веру пострадати и благочестивому государю царю І великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи послужимъ и стоимъ противъ поганыхъ твердо и до самыя смерти, и того, братие, не пренемимъ обета своего и вси единодушно на томъ станемъ непоколебими»*.

Перезимовав в городе, выдержав несколько нападений воинов Кучума, казаки двину-

¹ 22 октября 1582 года.

лись дальше.

Великий хан не расставался с мыслью разбить казаков Ермака. Для этого он собрал все свои последние силы. Воинов у хана оказалось несметное количество. Кучум нервничал, ожидая русских воинов. Он понимал, что эта битва должна быть решающей и от ее исхода зависело – быть или не быть его ханству. Ермак готовился к этой битве и знал, что она будет очень тяжелой, тем не менее, плыл ей навстречу. Впереди на берегу замаячили небольшие партии всадников – это были посланцы Кучума. Ермак высадил свою ватагу казаков у пересеченной местности берега, не очень пригодной для конницы кочевников, установил повсеместно засады и стал ждать основное войско хана. Вскоре послышался топот многочисленной конницы. Засвистели кучи стрел. Кровавый бой начался. На каждого воина Ермака приходилось десятков, а то и целых два десятка конных лучников. Победа попеременно – то воодушевляла племена, то вдруг им изменяла и радовала русских. Поле битвы было усеяно телами погибших, как той, так и другой стороны. Скоро пуля настигла храброго племянника хана, Маметкула, но не убила его, а лишь ранила. Один вид того, что его вынесли из боя, оказался достаточным, чтобы запаниковало все войско. Казаки вывели в бой последние резервы. Хан Кучум, следящий за ходом боя с вершины сопки оказался свидетелем, как его войско стало дружно отступать. Он понял, что сражение, на которое так рассчитывал хан, было проиграно. Горькие слезы полились из глаз седовласого властелина этого сибирского края. Победа Ермака была полной¹. Она была совершена в день памяти Святого апостола Иакова, брата Господня. Казаки преследовали разрозненные полчища Кучума до его главного города – Искера. В городе хана не оказалось, зато там много было золотых и серебряных украшений. Эти дары казакам значительно скрасили тяжелые военные будни.

Хан Кучум все же не оставил попытку расправиться с войском Ермака. На это надеялся и Маметкул, оправившись от ран. Ему

1 23 октября 1582 года.

хотелось быстрее отомстить за позор – бегство его армии с поля боя. Этот случай вскоре царевичу представился. Он случайно наткнулся на 20 казаков, занимающихся ловлей рыбы. Неожиданным нападением царевич уничтожил 19 воинов, а одного отпустил, чтобы тот рассказал своему атаману о свершенной царевичем мести. Ермак был расстроен смертью его товарищей. Его лазутчики быстро выяснили, где остановился Маметкул. Ермак скрытно дошел до него, напал на стойбище царевича, уничтожил в нем воинов, а самого Маметкула захватил в плен². Новыми воинами Ермак не мог пополнить свою армию, и с каждым следующим сражением ратников у него становилось все меньше и меньше. Да и съестные припасы уничтожались с невероятной быстротой. Ермак снарядил посольство к царю Иоанну с известием, что его держава, благодаря смелости казаков, приросла землями Сибири, а также просил у государя помощи в ратниках. Возглавил это посольство атаман Иван Кольцо, когда-то приговоренный царем к смертной казни. С такой же просьбой Ермак отрядил казаков и к купцам Строгановым.

Посольство к государю добралось быстро и встретило полное понимание. Царь на радостях за приобретение новых земель отблагодарил казаков дорогими подарками, а самому Ермаку с его воинами отослал ценные дары, дорогую броню с золотым орлом и шубу с царского плеча с собственноручной припиской: *«Тимошка, не насильствуй верою православною местные народы. Беда на Руси может быть»*.

В Сибирь царем были отправлены воеводы: князь Семен Болховский и Иван Глухов с полками из 300 ратников. Пленного царевича Маметкула, доставленного царю, Иоанн принял с подобающим достоинством и оставил в Москве. Царевич поступил к нему на службу, за что был пожалован вотчинами.

Царские воеводы с ратью прибыли к Строгановым, дабы через них вызнать место нахождения атамана Ермака. Получив нужные сведения, они двинулись к Иртышу, прихватив с собой еще 50 ратников, взятых у купцов.

2 Апрель 1583 год.

Поздней осенью русские воеводы с войском добрались до лагеря Ермака но, по сравнению с огромным количеством конницы Кучума, эта горстка прибывших воинов не могла даже защитить себя. Они добрались до основных войск атамана, израсходовав в пути все продовольствие и, практически, без оружия и средств передвижения. Так что Ермак, вопреки ожиданию, получил дополнительно для себя головную боль. Пришедшие царские воины оказались для него обузой.

Голод, лишения, постоянные сражения с мобильной армией хана сделали свое дело. Число казаков таяло на глазах, погибали и атаманы. На последнюю горстку воинов Кучум, в одном из рукавов Иртыша, близ устья реки Вагая, напал ночью, застав их сонных на острове, где они почти все погибли. Спаслась горстка воинов с воеводой Глуховым и атаманом Матвеем Мещеряком. Сам Ермак с охраной попытался сесть в свой струг, но он стоял на глубоком месте. Провалившись в глубину, он не смог выплыть. Тяжелые доспехи, те са-

мые, которые подарил ему царь, утянули его на дно реки¹. Только к утру, воины Кучума извлекли его из воды и, сняв с него одежду, надругались над телом, пронзая его стрелами. К их удивлению, как гласила летопись, изо рта, носа и ран атамана хлынула кровь. Их объял ужас. Небывалое дело – из мертвого тела сочится кровь. Не найдя этому объяснение, воины Кучума приняли его за Бога и, чтобы как-то умалить свой поступок, они устроили невиданные по тому времени, похороны. Для чествования Ермака они закололи 30 быков и 10 баранов.

Погиб выдающийся смелый воевода, открывший для русского государства путь в Сибирь. По его проторенной тропе пошли рати, отправленные Москвою, под командой воеводы Ивана Мансурова. Местные жители не оказывали русским воинам сопротивление. Сам Кучум не покорился царю Руси и был заколот воинами из племени Ногаев, у которых искал защиту.

¹ 12 августа 1584 года.

МАКАР АЛПАТОВ

Ломка голоса и не только...

Кому посвящается - догадается...

Вообще-то я терпеть не могу истерик. Да кто их любит?! Тем более у мужиков. Конечно, на Сан Саныча было жалко смотреть: рыдающий безутешный старик – страшное, трудно переносимое зрелище. Но чем я мог ему помочь? Налил водки. Выпили. Водка оказалась какой-то горькой и всеобжигающей. Не успокоило. Нас обоих дико трясло. Понятно, что у любой смерти нет выхода, какие тут слова поддержки?! - всё пустое! Он уже высказал, выплеснул основу горя. Слова закончились, осталось только какое-то животное вытьё. Накалённое молчание готовило новый взрыв, я это почувствовал и сказал очередную глупость: «Да, обратно не вернёшь». Он приник к своему горестному лейтмотиву: «Я во всём виноват!»

Когда автор повествования «убивает» своего героя и, может, даже не одного – один коленкор, но когда это делает жизнь, а значит Господь Бог - это совсем другое дело, да ещё если это совсем молодой, даже юный человек, на которого возлагались большие надежды.

...Сан Саныч был крутой приколист, весельчак, балагур, дамский угодник, любимец женщин, знавший в них толк, хорошо разбирающийся в их замысловатой природе. Они всегда были рядом с ним. Отца своего он не знал, его воспитывали мама, бабушка и тётка. Такие парни часто вырастают с бабским характером, но его миновала чаша сия – характер у него созрел сугубо мужской, я бы даже сказал, мужественный. И далее по жизни рядом с ним всегда царствовало женское начало – обожаемая, единственная жена Татьяна (он шутил: «что-то всё-таки взял у Онегина») и любимая дочь Ольга. Но Боженка всех постепенно отобрал у него, бросив в одиночество, что, казалось, особо его не тяготило. А, может, только казалось. У преподавателей, педагогов, воспитателей, учителей, по

себе знаю, не получается одиночества. Хотя в чужую душу глубоко не залезешь, тем более, когда к этому не стремишься. Он не был моим близким другом, скорее - приятелем и, в определённом смысле, учеником - постигал у меня азы вокального преподавания. У него был камерный баритон приятного тембра. С детства он пел в ребячем хоре, где мы и познакомились; потом закончил училище и работал в профессиональном ансамбле, где даже солировал; а уйдя на пенсию, решил заняться педагогической деятельностью и устроился в районный ДК, где долгие годы ощущал себя на своем месте и трудился до самой кончины. «Ничего выдающегося мне не удалось в жизни совершить, - говаривал он мне как-то в минуты откровения, - дом не построил, дерево не посадил, сына не родил, наград и регалий не получил». Я возражал: «Медаль «Ветеран труда» заработал, знак «Житель блокадного Ленинграда» носишь, не снимая». «Это - да, с гордостью, есть ещё мелкие цацки, но вот ты помладше меня, а званий и отличий добился». «Да брось ты, не завидуй, это ничего не даёт». «Я и не завидую, помилуй Бог, но как был рядовым, так и проживу всю жизнь, а хотелось бы в офицерство, пусть творческое, прорваться...»

Сан Саныч был высоким, осанистым, лысение обошло его стороной, и голову украшал седой ёжик до самой старости. Красавцем его назвать было нельзя из-за чересчур длинного носа, но он, как уверяли наши общие знакомые слабого полу, котировался у них как «интересный»: умел красиво, велеречиво говорить, знал много баек и анекдотов, становился душой компании, если в ней оказывалось больше женщин; и всю душу отдавал своим воспитанникам. Кстати, парней у него обучалось совсем мало, и тут на первом плане выделялось женское начало. Но у него было

жёсткое правило – со своими девчонками он не допускал даже невинного флирта, хотя бывало, в него влюблялись и молоденькие. А кто точно знает?!

И вот несколько лет назад, когда я ещё вовсю наяривал на преподавательском поприще в тогдашнем Университете культуры и искусств, одна из его учениц, которая к тому времени жила в Ломоносове и тоже учительствовала, привела к нему своего сынишку с совершенно дивным голоском – сладким дискантом, его полного тёзку – тоже Сан Саныча. Не удивляйтесь, но он тут же приволок пацанёнка ко мне. Достал пособия по детскому пению. «Зажёгся до полного офигения! – разглагольствовал он. - Наконец-то появился у меня наследник - всё, что сам я не смог, за меня делает он, продолжит меня». Называл его «Сашок», не жалел ни времени, ни сил, ни денег – баловал круто, даря всякие дорогие айфоны и прочие современные технические прибамбасы, закармливая любящего поесть детёныша разными вкусностями. Ну, пенсия-то у него блокадная да ещё зарплата, а Сан Саныч один, как перст, и вдруг цель жизни замаячила. Малой начал делать определённые успехи. Хорош был, ну прямо, ангелочек светленький и крепенький. Глазищи, что небо голубое. И от природы сценичен, двигался шикарно, пластично. Мама была первым педагогом, а Сан Саныч принял эстафету и весь без остатка отдался его воспитанию.

Практически, я казался относительно далёким от детского пения, самой молодой моей студентке было за 17, но с самого начала, как только родился Театр «Родом из блокады» моим заместителем по связям с творческой молодёжью города стала Л.И. Демидова, которая вот уже около 20-ти лет директорствует у нас. Она известный в Питере педагог-музыкант. Но ещё до неё в коллектив пришли внуки блокадников – сначала юные певцы Паша Петров и Миша Павлов, кстати, внук известного в своё время, рано ушедшего из жизни чтеца, народного артиста РСФСР, блокадника М. Павлова - такой сценический штрих очень пришёлся по душе нашим зрителям, а Демидова начала дальше развивать это направле-

ние, и появился детский хор школы «Тутти», его возглавляла тогда совсем молодая её ученица М. Архангельская. Вместе со знаменитым танцевальным ансамблем «Юный Ленинградец» они стали завсегдатаями наших выступлений. Потом появился неординарный, сначала далеко не всем понятный мальчишка-гармонист, отмеченный самим Г. Заволокиным - Игорь Шипков, тоже рвущийся к пению, умудрявшийся учиться у меня, не занимаясь, а прямо со сцены. Это тоже дар, Богом данный, - музыкант, овладевший в совершенстве не только своей любимой гармошкой, но и баяном, аккордеоном, русскими народными инструментами: гусями, балалайкой, жалейкой и прочими: гитарой, фортепиано (никогда профессионально не обучаясь, заметьте! – даже научившийся на рояле аккомпанировать себе, мне и другим певцам) и вслед за этим начавший писать не только музыку, но и стихи, давать сольные концерты, выступать на радио и ТВ, получивший высшее образование в нашем Университете, ныне народный гармонист России. Далее в Театр к нам пришёл внук блокадников, тогда юный, а сегодня уже лауреат Российских и Международных конкурсов, номинант театральной премии «Золотая маска», редкий по красоте голоса, неповторимый артист Г. Новицкий. Запел у нас и его младший брат Даниил (он теперь служит в армии). Благодаря А.Н. Пахмутовой мы получили на свою сцену лауреата многих престижных детских вокальных конкурсов, очаровательного дисканта Григория Калайду, который совершенно неожиданно для нас всех скоро станет семнадцатилетним. Радует наших зрителей и любимец публики - совсем юный певец, тоже многократный лауреат Гриша Туркин, как его называют «солнечный Григ», который теперь буквально нарасхват не только в концертах, но и в музыкальных спектаклях на лучших площадках Петербурга и уже других городов. Запели и наши дети - музыканты-пианисты Лидочка Щедрина и Роман Заславский. Особой любовью пользуется улыбчивый скрипач и певец Юрий Сувинский, исполняющий чистым искренним альтым любимые зрителями песни войны и блокады в совершенно своеобразной манере. Вот и мне пришлось теснее

познать детскую школу пения, чтобы помогать педагогам и родителям беречь такие ценные для театра «Родом из блокады» кадры, продолжателей наших.

Вот почему ко мне и пришёл Сан Саныч, когда у его ученика и тёзки вдруг неожиданно рано началась мутация – ломка детского голоса. Конечно, он внимательно изучил всю возможную литературу по данному вопросу и понял, что у всех это происходит по-разному. У меня, например, голос изменился за сутки в 14 лет – диапазон остался незаблем. Все ждали, что будет тенор, а родился-получился светлый лирический баритон. Впрочем, мне пришлось петь и тенором в телефильме Я. Фрида «Летучая мышь» - факт на киноплёнке, никуда не деться. Мне известны коллеги, которые долго мутировали, а некоторые переходили из баритонов в тенора и наоборот, метались – тому есть тьма примеров. Зураб Соткилава поступал в консерваторию баритоном, а выпустился прекрасным тенором. Кому интересно, может покопаться в музыкальной литературе и проследить вокальную судьбу одного из самых любимых моих певцов, незабвенного Юрия Гуляева. Да есть ещё уйма примеров и один из них - знаменитый бас Штоколов. В нашем Театре у ныне 33-хлетнего Игоря Шипкова, певшего с самого раннего детства (у него скорее народное воспроизведение звука, но может и поэстрадничать, если захочет), мутация - переход от детского мальчишеского голоса к взрослому, прошла совершенно незаметно и безболезненно, хотя именно в тот период безумная нагрузка ложилась на его неокрепший звук, но связки от природы, что называется, он имел лужёные, крепкие да и сам организм здоровый. У брата Новицкого - Даниила, тоже лёгкая мутация случилась, да он не сильно обращал на это внимание, может, как раз именно поэтому. Трепетно и очень бережно все мы отнеслись к мутационному периоду самого Георгия Новицкого. Далеко не все были уверены в успехе. Парню испортили нервы. А я чётко верил. И оказался прав, вложив в него свою посильную лепту. Любопытно, что специалисты-профессионалы шутят по поводу классификации его нынешнего голоса, называя его «тенобар» или «баритен» - этот редкий

вокалист от природы имеет громадный диапазон, ему легко доступны предельные ноты и верхнего, и нижнего регистров, а середина абсолютно свободна - просто рабочая, без проблем. Разумеется, он не одинок в этом своём даре, в пример можно привести, ну, скажем, П. Доминго, спевшего на сцене и тенором, и баритоном (кстати, он ещё и оперный дирижёр), но Г. Новицкий, которому нет и 30 лет, пока явно не полностью раскрыл свои голосовые возможности. Будем ждать. У наших совсем уж юных 12-13-летних мальчишек ломка голоса только грядёт. У Гриши Калайды - он постарше, вроде, уже близка к завершению, хотя припозднилась. Пожелаем им всем сохранить красоту тембра и свои замечательные вокальные возможности, данные Богом и природой.

К сожалению, бывает, что детские голоса, после ломки теряют свою прелесть, а то и вообще пропадают – вспомните, Роберттино Лоретти или нашего Серёжу Парамонова, который пел «Родина слышит, Родина знает». Для некоторых мальчишек это становится полной трагедией, особенно для избалованных громким успехом, детской славой. Так произошло и с нашими Санычами. Наученный собственным горьким опытом, старший с глубоким страхом ожидал ломки голоса своего подопечного, которая оказалась ранней и очень болезненной, что негативно сказалось и на характере парня. Добрый, отзывчивый, открытый к общению, он превратился в раздражённого, всем недовольного и замкнутого. Даже любимая мама потеряла на него благотворное влияние, а педагог-учитель стал чуть ли не врагом, потому что ничем не мог помочь вернуть красоту и блеск яркости тембра. Голос, который покорял зрителей, упрямо не хотел становиться по-новому мужским, красивым. Сашок потерял свою былую индивидуальность и стал ничем не примечательным малоинтересным вокалистом. Существует мнение, что петь может любой человек, было бы желание, скорее так оно и есть. Сколько безголосых, бестембровых артистов добились определённого успеха благодаря неимоверному желанию и неиссякаемой энергии трудо-

способности, особенно в нашей действительности. Но Сашок оказался не готов к этому - прошлый голос, прошлая любовь публики жили в его неокрепшей душе и губили её. Он продолжал обучаться пению, всё-таки надеясь стать профессионалом, получив соответствующее образование. Сменил педагога, практически убив веру в людей у Сан Саныча, потерявшего смысл жизни. Старик жёстко запил и закрылся от людей, доживая свой век, обзлившись на судьбу и весь окружающий мир. От былого весельчака не осталось и следа. Новый педагог Сашку достался откровенно плохой, неумелый, из так называемых «разговорников», якобы сильный в теории обучения, но на практике за свою жизнь не воспитавший ни одного стоящего вокалиста, а только портящий достававшиеся ему неплохие голосовые материалы. Такие болтуны сейчас в моде и составляют основу среднего звена, впрочем, как и всегда. Настоящих стоящих мастеров преподавания пения всегда было мало и это неудивительно. Сколько певцов, столько вокальных школ. К каждому необходим индивидуальный подход. Бывает совпадение, попадание, взаимопонимание, что рождает истинных профессионалов, но выдающиеся артисты-певцы - это штучный товар, как говорил великий Шаляпин, который не стал педагогом, а лишь режиссёром, что совершенно разные вещи. Всего этого неокрепший, неопытный Сашок не смог понять и оценить в полной мере. Он был далеко не глуп, но делал ошибку за ошибкой, кидаясь из крайности в крайность, да и советчики ему попадались, прямо скажем, не лучшие. Результат не заставил себя долго ждать - красавец-голос ушёл в небытие и не захотел вернуться. Тембр стал непонятно и неприятно сухой, со скрипом, звук приобрёл горловой и какой-то гнусавый оттенок. ТАК петь ему не хотелось и даже было противно, как однажды он мне признался. А я признаюсь честно, даже не пытался помочь бедолаге. Во-первых, не сумел бы, понимая безвозвратность, во-вторых, предательство по отношению к Сан Санычу меня полностью отвратило от него, и в главных, мне стало откровенно не до этого, появились и одолели до отвращения свои личные заморочки, да и старость при-

шла, не спросив разрешения, силы были уже не те, что прежде. Так что не осуждайте меня слишком. У Сашка произошла ломка не только голоса, он откровенно сломался сам, стал абсолютно другим человеком. Непроходящая мутация не пускала его в мужчины, он оставался ребёнком, хотя уже начинали расти усы и борода, но разве в этом дело?!.

...Сан Саныч не был на похоронах, лежал в больнице, да от него это дело долго скрывали, а то ведь мог и убежать. И я не был. Не знаю почему. Вообще-то это была кремация, но, как мне объяснили мои бывшие студентки - теперь это равнозначно. Бог их разберёт современную молодёжь...

Как проницательный читатель, вероятно, догадался, Сашок покончил с собой. Много версий мне поведали о сем скорбном событии, но я не уверен, что их надо выносить на ваш суд. Нет человека - и всё.

- Вот почему тебя никогда не предавали? - кипятился Сан Саныч, - значит, действительно, я сам виноват. Не сумел, как надо воспитать, слишком много позволял, избаловал в конце.

- И меня предавали, и ещё предадут не раз. Только привык, научился не реагировать, не придавать значения, не обращать внимания, научился скрывать свою реакцию, даже когда на душе кошки скребут, - но Сан Саныч не слышал и гнул своё.

- За что мне это? И главное - всё мужики: сначала отец, которого я никогда не знал, потом этот. Мне казалось, что он был у меня всегда, с его рождения, что он станет моей опорой на всю оставшуюся жизнь. А он, неблагодарный эгоист, ничего не оценил! Одни женщины были мне верны, так тут неизвестно откуда появившаяся чёртова онкология унесла моих любимых благодетельниц. Налей!

Выпили, хоть мне и не хотелось. Толку-то что - опять не помогло! - он продолжал ныть и причитать, а мне надо было работать да ещё, как назло, я в последнее время начал всё чаще падать ни с того ни с сего, вело меня и шатало. Ноги не слушались, дико болели, особенно разбитые колени, и это усиливало появившу-

юся старческую раздражительность, и я уже не мог, как раньше, быть сдержанным, тактичным и спокойным, не мог найти нужные слова утешения – меня самого надо было пожалеть.

- Вот ты ответь – может ли обычный человек, проживший больше 80 лет, умереть от любви? – он закашлялся, - нет, ты не подумай чего, но мне было приятно, когда он ещё был маленький, гладить его по головке, да и он был такой ласковый, добрый, а ласка нужна и малому, и старому. И смелый был, на сцене каков, помнишь? А оказался трусом, слабцом, не захотел бороться, жить, петь. Я вот у него на могилке, спрашиваю: зачем ты меня предал, Сашок? зачем ты наглотался этой гадости? Пришёл бы ко мне, вместе бы подумали – как решать эти проблемы и ведь придумали бы – нет безвыходных положений, кроме смерти, а он выбрал самый лёгкий путь. Надей!

- Сан Саныч, мне не жалко налить – вон почти полбутылки ещё есть, но, может, хватит, раз не помогает, а только усугубляет, да и мне работать надо, через полтора часа репетиция?

- И то верно, друг любезный, прости, что горем своим мучаю, надо и честь знать, но на посошок, в память о тебе, дорогой Сашок, попрошу пARDону, и надо бы выпить – девять дней сегодня, а мы, чай, православные христиане. Не осуждай меня, если можешь, помилуй Бог! - ну, выпили опять, и он заторопился.

- Жаль машину свою, дорогую помощницу-колымагу продал, хотел ему хоть какое наследство оставить – ни к чему теперь, а так бы подвёз... бывай!

Сан Саныч продолжал меня нещадно атаковать просьбами написать о его ученике, оправдывая это тем, что юным вокалистам будет в назидание. Да и другим тоже. Долго я сопротивлялся, но как-то ночью, когда круто не спалось, кое-что из того, что вы уже прочли, набросал. И дал ему прочесть. Его реакция меня потрясла.

- Ты что написал? – шумел он. – Ну, начало вполне нормальное, а дальше? – не литературное произведение, а какой-то трактат - кому интересно о твоих учениках, о вашем театре? Тут о судьбе данного человека писать надо. Да и я у тебя выгляжу каким-то идиотом

недоделанным и явно спившимся алкоголиком...

- Ну, и чёрт с тобой – обозлился я, - не нравится, пиши сам, а я выкину это в помойку! - в общем, разругались мы в пух и прах.

...Дней через десять он припёрся мириться. Принёс бутылочку-толстобрюшку, стал заискивать, просить продолжить повестушку.

И протянул мне толстую тетрадь, оказавшуюся его дневником, замечу, с вырванными страницами.

- Вот, ты не думай, что у меня в жизни ничего интересного не было, у меня была радость – женщины, я из ранних мужиков. Это, конечно, не напечатают, но ты ознакомься, может, тогда и поймёшь меня по-настоящему. Мне мало осталось, чего уж тут скрывать правду. Давай, брат, выпьем за истину и пойду я восвоюси. Ты меня прости, старого дурака, а повесть про Сашка закончи в мою память грешную.

- Так тебе ж не нравится, как я пишу. А у меня такая манера. Что вижу в жизни. По-другому не умею, да и не хочу. Говоришь, мол, всё про театр наш, про учеников да артистов, литературы нет, трактат?

- Это я сдуру, извиняй, больше не буду. Как Бог даст! Надо, чтоб Сашок в памяти людской остался, хоть на бумаге, а то всего десять детских записей сохранилось. Выпьем! – на этот раз полегчало...

Когда я прочёл его записки, то сказать, что остолбенел - мало. Для любителей клубнички этот неповторимый, сладкий, с редкими сексуальными подробностями материал – даже для меня во многом неожиданный – стал бы желанным, вожделенным. И сначала хотелось опубликовать всё, не меняя ни строчки, потом кое-что предполагалось подправить, да и язык его оставлял желать лучшего (мат, конечно, убрался бы). Надо было посоветоваться с Сан Санычем, я позвонил, телефон не ответил – да, читатель правильно догадался, он умер. И это всё-таки стало для меня неожиданным...

День его похорон окончательно решил судьбу моей повести, а я сам чуть не отдал концы. На поминках моё место оказалось рядом с мамой Сан Саныча-младшего, и тут

всё разрешилось как в плохом сентиментальном романе, а, может, просто вышла наружу та правда жизни, в которую всегда трудно поверить. К своему стыду я запомнил её имя, а она, несмотря на свежесть горя от своих страшных потерь, обращалась ко мне, как к своему, близкому человеку и как-то по-особенному, по-доброму, хоть понятно, что со слезами, которые не могла сдерживать. Прощаясь, Надежда обратилась ко мне:

- Не забывайте меня, я теперь совсем одна осталась – я ведь детдомовская. Инкубаторская, как нас называют. И ещё скажу вам одному, я вам верю, не надо мою тайну никому открывать. Я из его учениц была единственная с ним близка – так сама захотела и добилась своего и всего один раз. Сан Саныч не знал, что мой сынок был и его сыном, а он всю жизнь мечтал о мальчишке, о своём продолжении. Жалею, что скрыла это от своего учителя и самого любимого на свете человека – он был для меня лучшим из всех людей. Один такой. Потом сынок – моя отрада. Вот их нет, Александров Александровичей. Обоих. С именем здорово я придумала. А толку? Зачем мне теперь жить?! – я потерял дар речи и чуть не упал, она меня поддержала. - Может, вас проводить?

Я помотал головой и очнулся только в Купчино, когда надо было искать выход, и пошёл не туда...

...Из Ломоносова пришло известие: Надежда попала в психбольницу, где тихо и быстро угасла...

Ну, разве стоило писать эту повесть?

Я сам себе не хочу верить...

Сан Саныч, помню: обещание выполнено?

Добрый читатель, прости – хочу думать, что я не виноват...

Королева Марго (почти шуточный рассказик)

- Здравствуйте! Можно? – уже войдя, испросила соседская Маргарита с 13-го этажа.

- Привет! Проходи, - буркнул Жиздриков, про себя отметив, что девчонка заметно выросла и похорошела с тех пор, как он её видел последний раз. «В классе 10-м наверное?!» - подумал Василий Иванович, вопросительно глядя на незваную гостью, прервавшую работу.

Неожиданно Маргарита в несколько прищипов быстро разделась, оставшись абсолютно без ничего. Жиздриков дернулся и взмок.

- Ты чего-о?

- Вот, - заговорщицким шепотом сообщила вошедшая, - короче, девчонки из класса постановили: кто до 1 мая не станет женщиной – тому бойкот, короче... и ваще...

- Но я-то тут причём? – застонал Василий Иванович.

- Вы никогда не предадите, никому не скажете, короче, я вас столько лет знаю – вы честный, добрый, порядочный, - уговаривала юная красавица и сделала весьма нервное движение к хозяину квартиры. - Василиваныч, миленький, неужели вы бросите меня в беде? – чуть не заплакала девушка.

Жиздриков молчал, затравленно бегая глазами.

- Вы что, не можете? – голосом лопнувшей струны ухнула она.

- Я м-могу, конечно, но у меня жена, М-маша, ты знаешь. Валерка-сын, – испуганно залепетал Василий Иванович.

- Вот-вот. Поэтому я на вас и рассчитываю, - произнесла пошедшая красными пятнами соседка, неумолимо приближаясь к цели. - Я не люблю малолеток, всё должно быть солидно и точно, короче...

- Подумай: сколько тебе лет и что скажет твоя мама да и..? – почти спазматически выдохнул избранник.

- Во-первых, мама ничего не узнает, потом она вас уважает, а во-вторых – причём тут возраст? – короче, уж конечно, лучше вы, чем неопытный сопляк, и, в третьих и главных, у

вас, наверняка, нет СПИДА – вы такой положительный, любите сына, жене не изменяете и ваще, короче – помните, когда я училась в 5-м классе, вы назвали меня королевой Марго? – она стояла уже в полушаге.

Ну, что вы улыбаетесь, читатель, я ведь всё вижу, а вы – так вообще смеётесь. А представьте себя в таком положении? Как бы вы поступили? А?

Жиздриков, расширив от непередаваемого ужаса глаза, наконец, заставил себя взглянуть на говорившую и обомлел – как сумасшедше она хороша: бархат юной кожи манил до сведения челюстей, запах молодости шевелил ноздри, как у молодого бугая. Бугры Венеры у Марго сияли истинно по-королевски, ноги росли, что называется из самой лебединой шеи и отличались изумительной формой, особенно обожаемой Василием Ивановичем – тайно разумеется. Нельзя, естественно, не упомянуть обворожительную, совсем детскую мордашку с громадными, думалось, наивными (ай-яй-яй!) синими глазами и пикантной ямочкой на подбородке, эти влекущие пухлые губы и умопомрачительной красоты распущенные, позолоченные солнышком волосы... а венчик игривых кудряшек внизу казался настолько соблазнительным, что у Жиздрикова занемели нижние зубы.

- Н-ну пожалуйста-а, - прошелестел у самого уха её ветренный шепоток.

Василий Иванович неловко лобызнул девочку в щёку и, почувствовав, что всё окончательно пропало, и он проваливается в неведомую пропасть, отчаянно покраснел.

- Вы целоваться-то не умеете, - деловито констатировала претендентка в женщины,

- а я с 7-го класса – в кайф! Вот только себя берегла, как мама говорит, блюла, но теперь, короче, чего уж – раз все – век такой... ваще. Вот как надо! – девушка прильнула к нему горячими губами и это доконало беднягу: ему вспомнились Мопассан, Дюма-отец и сын, Жорж Санд, Бальзак, Флобер, его любимый современный поэт Евгений Раевский со своими эротическими сонетами, Набоков с его Лолитой и даже Боккачо-о-о!

«Боже мой, что же я делаю? Я ведь знал её отца, ещё до замужества ухаживал за её матерью!» - сам себе мысленно ужасался Василий Иванович, но поздно – дело было уже сотворено.

- Ну, вы ваще, в кайф, Василиваныч! Круто! Короче, не зря я на вас надеялась! Пасибки! – и королева Марго чмокнула его прямо в нос.

И что же вы так укоризненно качаете головой? Как не стоило про это писать? Про это – нельзя, про то – тем более, то грустно, то со смехом перебор. Я ведь врать-то не умею и излагаю факты со слов потерпевшего. А как его иначе назвать? А вы, значит, наоборот, предполагаете, что необходимо было подробнее остановиться на деталях. Ну, знаете ли, по-моему, всё и так ясно. На всех не угодишь.

К вышеизложенному хотелось бы добавить, что Королева Марго, несмотря ни на что, при любых обстоятельствах, всегда называет своего соседа Жиздрикова Василия Ивановича на «Вы» и по имени-отчеству – уважительно. Даже в постели. А о том, что между ними произошло и, может быть, продолжается до сих пор, не ведает никто, ни одна живая душа. Ваще. Короче. Тьфу, чёрт! Даже я...

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА

Динкино хулиганство

У родителей я - единственный ребёнок. Все мои просьбы о братике и сестричке ментально пресекались мамой. Так же категорично мне запрещалось даже думать о каких-либо домашних питомцах. Рыженький котёнок, однажды принесённый папой, был самым лучшим подарком, но исчез на следующий день после папиного отъезда в командировку. Помню, что я очень сильно плакала, и мы с подружками Любой и Таней долго, но безрезультатно искали его на улице во всех близлежащих дворах.

Через какое-то время я отважилась принести домой хомячка Фомку, но и ему не суждено было пожить у меня долго. Через пару недель пришлось отнести его на постоянное место жительства в школьный живой уголок, чтобы там ухаживать за ним и другими зверушками. Пришлось смириться с тем, что пушистых друзей у меня не будет.

Только через двадцать лет, имея собственную семью и получив квартиру, в нашем доме появилась Динка. Это была крохотная пушистая русская болонка палевого окраса. Любили её все, а дочка и сынишка пребывали в неопишемом восторге! Даже маме и свекрови она нравилась (жила-то не у них!).

Динка, точнее Динни, была настоящей радостью для всей семьи, да и на улице не было человека, который не сказал бы тёплого слова в её адрес или не улыбнулся, увидев эту пушисто-кудрявую красотку. Ей прощались все изгрызенные тапки и опрокинутые вещи. Подростая собачка показала себя настоящей дамой - любая неубранная помада тут же безжалостно разгрызалась и весь вечер довольная, перемазанная помадой Динкина мордашка приводила нас в восторг. Как я уже говорила, все её проделки оставались безнаказанными до одного момента.

Дело было в конце 80-х, когда в магазинах купить что-то приличное было сложно. Помню, мне очень хотелось босоножки или

туфельки красного цвета, которые подходили бы сразу к нескольким летним нарядам, но почему-то именно такого цвета обуви в магазинах купить было практически невозможно. Наверное считали, что наши женщины должны носить туфли исключительно в бело-чёрной и серо-коричневой гамме. И вот однажды вечером после работы я увидела свою мечту. После полуторачасового стояния в очереди, пара вожаделенных красненьких босоножек венгерского производства была у меня в руках! Весь вечер я примеряла платья и сарафанчики, представляя, как буду красоваться в этих нарядах летом. Уснула я счастливая и довольная.

Утром, как обычно, приготовив завтрак детям и мужу, умчалась на работу.

Естественно, я делилась своей радостью с подругами, рассказывая об удачной покупке.

Рабочий день пролетел незаметно. Поставив в разных очередях за продуктами (тогда это было нормой жизни), с полными сетками пришла домой. Кое-как открыв дверь, я остолбенела...

Первое, что попало мне на глаза вместо виляющей своим пушистым хвостиком Динки, были мои новенькие красные босоножки, изгрызенные совершенно в хлам. Это был ШОК!!!

Слёзы потекли сами собой... Забыв закрыть дверь и бросив сетки с продуктами на пол, я подняла свою, уже не новую, обувь и стала звать виновницу. Та словно испарилась. С остатками босоножек в руках я бегала по комнатам, ища собаку. Найдя её в углу за диваном, стала пытаться выудить оттуда, крича, что выкину нахалку на улицу.

Динка молчала, прижавшись к стене. Тогда я, бросив обувь на пол, стала отодвигать диван. Сообразив, что её достанут, собака выскочила, поджав хвост, в другую комнату. Я, схватив одну пострадавшую босоножку, за ней.

То, что предстало моим глазам в детской, поразило меня больше, чем испорченная обувь. Трясущаяся Динка стояла на письменном столе, и под ней растекалась большая лужа...

Весь мой гнев улетучился тут же. Бросив на пол куда-то уже не годную босоножку, я схватила Динку на руки и, прижимая к себе, стала просить у неё прощения.

Мне было стыдно, что из-за каких-то босоножек я так перепугала живое и очень любимое существо.

Новую обувь после того случая мы убрали повыше, а происшествие, о котором я рассказала, все вспоминали уже со смехом. Диночка прожила у нас ещё восемь лет. За проделки её не наказывали, да она и сама больше так не хулиганила.

До сих пор в нашем доме обитают мохнатые друзья. Все они чувствуют себя полными хозяевами, потому что рассказанный мной случай был первым и последним разом, когда я сильно сердилась на животных.

ИВАН ИЛЬИН

Страшно, аж жуть...

*В заповедных и дремучих страшных муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей и в прохожих сеет страх...*

*...В заколдованных болотах там кикиморы живут -
Защекочут до икоты и на дно уволокут.*

Стра-а-а-а-ино, аж жуть!!!

(В. Высоцкий «Сказка про нечисть»)

Об одной из туристских групп, которую я водил на лодках по Вуоксе, можно было бы процитировать ещё несколько куплетов из этой замечательной сказки Владимира Высоцкого, и всё было бы истинной правдой. Так уж зимой продали путёвки в Киеве. Я очень подозреваю, что путёвки продавали не в самом Киеве, а на легендарной «Киевской горе», где ведьмы собираются на свой шабаш. Половина группы состояла из академиков, а другая половина - из пэтэушников. Ну, академики – это слишком громко сказано. Просто путёвки реализовывались через профком Украинской Академии наук. Академиками были молодые кандидаты наук, аспиранты, и даже лаборанты обоёго пола. Четырёх молодых учёных парнями, или тем более мужиками, назвать было бы вообще сомнительно. Они с детства были воспитаны так, что руками ничего делать не умели. Родители воспитывали их для науки, а не для труда. Им не разрешали бегать, прыгать, драться, носить тяжёлые портфели. Им не разрешали брать в руки молотки, топоры, лопаты и прочие опасные и грязные инструменты ручного труда. Им доставали, конечно, за взятку, справки, освобождающие их от занятий физкультурой.

Вот иногда мы встречаем в большом городе человека, впервые приехавшего из глухой деревни. Его сразу видно не только по одежде, а ещё и по тому, как он в страхе шарается от машин, натывается на прохожих, судорожно вцепляется в перила метро и прыгает на ступеньку эскалатора, как на коня. Его бьют по лбу вращающиеся двери, он вздрагивает от телефонного звонка и здороваётся за руку с милиционером.

Так же ведут себя интеллигенты, попав-

шие в настоящий многодневный турпоход. С ними случается одно несчастье за другим. Но бывают отдельные личности, особенно предрасположенные к мелким несчастьям. У таких людей, очевидно, с детства нарушена моторика-сенсорика или психика-внимание. Намного чаще, чем у других, у них отрываются пуговицы, промокают ноги, разбиваются очки, проливается суп, прогорают у костра штаны.

В нашей группе таким несчастным интеллигентом был математик Иосиф. Многочисленные удары судьбы он принимал с мрачным юмором, пытаясь выживать там, где другие отдыхали. Неловкость и неприспособленность к практическим делам у других «научников» на фоне Иосифа была менее заметна.

Парни из профтехучилищ были попроще, поспортивнее и все умелые рукодельцы, хотя и значительно моложе научных. В советское время учеников старших классов школы иногда насильно отчисляли в ПТУ, но не самых отстающих в учёбе, а самых якобы не дисциплинированных. Это те, кто не хотел мириться с общепринятой серятиной и оболваниванием. Юношеская непримиримость и максимализм толкали этих ребят на такие формы протеста, которые школьное начальство называло мелким хулиганством, и из школы их быстро переводили в ПТУ, опасаясь того, что, не дай Бог, они ведь могут стать неформальными лидерами. Но многим ребятам в ПТУ даже нравилось. Рабочая профессия и денежки в кармане давали чувство самоутверждения и независимости.

Верховодил у пэтэушников чернявый одессит Жора. Он недавно переехал с родителями из Одессы в Киев, а его уже успели отчислить из школы в ПТУ за одесские хох-

мочки. И ПТУ ему подобрали такое, где учат на слесарей сантехников, чтобы это было дополнительным наказанием. Но в Одессе брат Жориного отца, дядя Костя, был сантехником, и хотя много пропивал, но зарабатывал ещё больше. У Жориных родителей было пятеро детей, и ещё старенькая бабушка жила с ними. Дядя Костя постоянно помогал своим родным деньгами и дарил одежду. Жора говорил, что и сам пошёл бы учиться на сантехника, как дядя Костя, и ему повезло с этим хорошим ПТУ. Но от одесских хохмочек ни школа, ни ПТУ Жору отучить не сумели.

В первый же день приехавшие группы совершают прогулку на Мраморное озеро в одном километре к северу от турбазы. Мрамора там никакого нет, но озеро очень красиво смотрится среди крутых скалистых берегов. Туристы знакомятся между собой, а инструктор потом рассказывает о геологическом строении Карельского перешейка. От моей скучной беседы Жора незаметно отвлек ребят на ловлю маленьких ужат, водившихся между камней на берегу озера. Вечером в клубе турбазы был вечер знакомств и танцы. Жора придумал изолентой приматывать ужат за хвостики к авторучкам и прятать в нагрудный карман пиджака. Девушки были в открытых платьях или сарафанах. Во время танца ужата вылезали из карманов и начинали извиваться по обнажённым плечам девушек. В клубе от истерических визгов испуганных женщин чуть не вылетали стёкла.

Но этой хохмочки с ужатами Жоре показалось мало. На следующий день ужасная хохма произошла в столовой. Ужасная - это значит, что опять притащили ужа, но уже большого. Под Жорино влияние как-то сразу попала маленькая очкастая аспирантка Оксана. Перед обедом они ходили гулять на то же самое Мраморное озеро и притащили в столовую не ужонка, а взрослого ужа. Оксана прятала его в рукаве, а Жора её прикрывал. Чтобы помещалось больше народу, столы в большой столовой стояли тесно. Перед тем, как впустить обедающих, расставляли тарелки, супницы с поварёшками, хлебницы, ложки, вилки и банки с цветами. Запускали публику, все рассаживались и начинали разливать суп по тарелкам. Вот в этот момент Оксана и выпустила

из рукава на соседний столик большого ужа. Уж пополз между тарелками, а разливающая борщ дама от испуга плеснула из поварёшки на ужа. Ошпаренный борщом уж закрутился так, что четыре дамы шарахнулись в четыре стороны и толкнули четыре соседних столика. Волна толчков и опрокидываний, как цунами, прокатилась по всей столовой. Жора с Оксаной в суматохе улизнули, но кто-то заметил, что ужа выпустила очкастая девушка в красной кофте. На счастье Оксаны, директор турбазы в этот день был в Питере, а старший инструктор - в Выборге. Мы напечатали на пишущей машинке фальшивый приказ директора о том, что за хулиганские действия в столовой такая-то туристка немедленно отчисляется с турбазы без возмещения стоимости путёвки, а в профком Киевского завода будет направлено письмо для разбирательства на товарищеском суде её ужасного проступка с целью сурового наказания виновной. На Киевском заводе киевлянка Оксана не работала и завода такого не было. Фамилию мы ей придумали Таковская, а размазанную гербовую печать приложили старым полтинником. Приказ вывесили на дверь в столовой и все были довольны тем, что виновница найдена и будет строго наказана. Перед возвращением директора приказ сняли и разорвали. Оксане пришлось снять свои большие очки и прикрыть пушистые волосы платочком. Без очков она почти ничего не видела, и Жора водил её за руку. Вместо яркой шёлковой кофты она носила Жорину линялую футболку с цифрой восемь на спине.

На третий день у нас была экскурсия в Приозерск, в древнюю новгородскую крепость Карела. Шесть километров на вёслах туда и шесть обратно. По пути надо научить грести тех, кто ещё не умеет, скомплектовать экипажи лодок и назначить капитанов. Шесть лодок по четыре человека, и я один на байдарке. Лодок шесть, а мужчин девять. Поровну не получилось. В три лодки я посадил по два интеллигента, а к ним посадил молоденьких пэтэушниц. В других трёх лодках командовали «пятнадцатилетние капитаны», а матросили научные дамочки. Вообще-то молодым капитанам было лет по семнадцать – восемнадцать. А в дежурстве по кухне научные дамочки умели готовить всё-таки лучше рабо-

чих юношей.

В Приозерске кое-что закупили в магазинах, и пошли на экскурсию в крепость Карелу. По ходу экскурсии группу привели в мрачную круглую башню. На втором этаже башни находились тюремные камеры, в которых когда-то сидели декабристы, а на первом этаже в тёмном, как склеп, каменном помещении почти пятьдесят лет просидела семья Емельяна Пугачёва. Посередине было ещё более тёмное подземелье карцера. Тусклый свет проникал через крошечное окошко в толстой стене под потолком. Туристы собрались под каменными сводами, а экскурсовод стала рассказывать о тюремных ужасах. В это время из чёрного подземелья карцера глухо раздались жуткие хриплые завывания, стоны и женский плач. Все, и даже экскурсовод, в панике шарахнулись к выходу. Некоторые ушиблись о каменные стены. Оказалось, что это Жора и Оксана пробрались в башню впереди группы и спрятались в подвале карцера. Опять эти одесские хохмачки!

Последний день перед выходом в поход был посвящён ремонту лодок, получению продуктов и снаряжения. Вот тут и проявилась разница между спесивой учёностью и примитивным практицизмом. Три лодки ремонтировали научники, а три лодки – ремесленники. Теория без практики мертва. Практика победила, и кандидаты наук шустрили на подхвате у юных умельцев. Разница между учёными дамочками и учащимися девушками была менее заметна, хотя и тут без казусов не обошлось. Математик Иосиф был назначен возглавить женскую команду по подсчёту количества продуктов для похода на двадцать пять человек и на двенадцать дней. В команде Иосифа были две юные ученицы кулинарного техникума и две кандидатки химических наук. Начинали, например, считать необходимое количество гречки. Иосиф составлял правильную формулу гречневого алгоритма. Химические аспирантки спорили о неполноценных и полноценных белках, а девушки-кулинарки хором говорили, что гречки надо взять десять килограммов. Оказалось, что они учатся уже на последнем курсе, и этой весной получили на практике по четвёртому поварскому разряду.

Кстати о гречке. В тот год гречка в нашем городе была дефицитом. Достать её в небольших количествах можно было только в продуктовых заказах на работе. Была такая закамouflированная форма полукартонной системы. А на склад турбазы привезли весной какое-то количество мешков гречки ядрицы. Увидят туристы, что на складе турбазы есть гречка и предлагают взять её больше. Я соглашался. Но следующая группа опять просит взять побольше гречки. И так всё лето. Я раньше гречку любил, но после того лета, когда ел почти только её, гречка мне обрыдла. Есть такие народы, которые питаются рисом, и он им не надоедает. И вот, эти самые китайцы, индусы, японцы, вьетнамцы, поедающие много риса, размножаются гораздо интенсивнее тех, кто риса ест мало. Гречка, очевидно, размножению не помогает даже и самим грекам.

Ну, в общем, собрались, погрузились, отдали рапорт начальству, прослушали напутствие, сели в лодки и вышли на Некрасовский плёс Вуоксы. И тут я увидел, что на передней лодке гордо развевается красный советский флаг из шерстяного флагдука с золотыми серпом, молотом и кистями. Вчера вечером я говорил, что наши лодки будут идти впереди по очереди по целому дню. У направляющей лодки будет карта и компас. Лодок и групп на Вуоксе много, и чтобы видеть за кем надо идти, на нашей передней лодке должен быть наш флаг. Флаги туристы делали из ярких женских косынок, а тут такое... Я подгрёб на байдарке и спросил капитана Иосифа, откуда у него взялся этот замечательный советский флаг? Иосиф не понял трагического смысла моего вопроса и спокойно объяснил, что флаг ему дал Жора. Я подгрёб к лодке, где сидел на корме Жора, и повторил свой строгий вопрос. Жора якобы не расслышал и отвернулся, а Оксана поправила очки и простенько доложила, что вечером они с Жорой сняли этот флаг с кормового флагштока катера, который возит пассажиров из Приозерска по всей Вуоксе. Они сами слышали, как капитан говорил со своим помощником о том, что надо бы повесить на корму новый флаг, а то этот уже выгорел на солнце. Наверное, у них есть запасной. А что, разве флаг некрасивый?

В советское время за то, что мы сняли с советского корабля советский флаг, полагалась бесплатная путёвка, но не на турбазу, а на Колыму. И не важно, что кораблик маленький, но ведь флаг-то на нём настоящий, советский! Пришлось разворачиваться и идти обратно к турбазе. Спрятались за кустами и провели тайное совещание. Решено было полтора часа ждать ближайшего рейса катера. Жора сам, не привлекая общего внимания, должен возвратить капитану свёрнутый флаг и извиниться. На всякий случай, если капитан будет очень сильно драться, мы будем поблизости. Спасать Жору решили не сразу, а пусть сперва потерпит взбучку от капитана. Авось тот сорвёт злость и не станет жаловаться куда следует. Катер причалил, и пассажиры сошли на берег. Флага на корме не было. Хмурый капитан, сутулясь, стоял у трапа, курил и плевал в воду. Жора, как ягнёнок на бойню, подошёл к капитану и молча протянул ему завернутый в полиэтилен флаг. Я, как бы невзначай, стоял за спиной капитана, чтобы предотвратить возможное убийство. Произошло неожиданное! Капитан обрадовался, заулыбался, обнял Жору, стал пожимать ему руки, хлопать по плечам и благодарить за то, что Жора такой хороший мальчик и совершил благородный поступок, вернув флаг. Капитан уже, наверное, немного свихнулся, ожидая неминуемых репрессий за потерю корабельного флага. Я так двинул Жору локтем под рёбра, что он кубарем скатился с катера на трап, а капитан получил от меня уже настоящие извинения, но не на палубе, а в капитанской каюте и под капитанский коньячок. Обратный рейс катера задержался по техническим причинам. Голодная группа ожидала меня за кустами вблизи турбазы. Я сказал, что капитан обещал быть на нашем прощальном вечере после похода. А коньяк он любит армянский и с лимоном. Потом Оксана купила в Приозерске голубых атласных лент, нашла их косым крестом на белый шелковый платок и дальше мы пошли уже под Андреевским стягом!

Конечно, в этот первый день никуда далеко отойти не удалось. Встали на первом же удобном пляже с полянкой и лесом поблизости. Уже не первый день в группе нарастало желание устроить настоящий праздник с рас-

питием спиртных напитков. О том, что такое распитие на турбазе категорически и строго запрещено, было ясно написано в приказе директора, висящем на дверях столовой. Но, во-первых, мы уже не на турбазе, а в походе. Про поход наш директор ничего не приказывал. Во-вторых, туристы сговорились, что если будет надо, то они клятвою расскажут о том, как я пытался предотвратить эту пьянку. В-третьих, спиртное нельзя пускать на самотёк. Если не можешь предотвратить пьянку, то обязан возглавить и пустить в нужное русло.

Как только выгрузились, я собрал капитанов лодок и выдал им палатки.

– Вот эти три – для джентльменов, а эти пять – для леди. Эта большая – для общих продуктов и будет кают-компанией во время дождя. В середине похода мы устроим в ней баню. Палатки ставят те, кто в них живёт, а общую палатку ставят капитаны раньше всех других работ, чтобы убирать в неё продукты при выгрузке лодок. А я больше в жилищные и прочие вопросы пока не вмешиваюсь, а срочно занимаюсь вытёсыванием колышков для палаток, которые мы забыли получить со склада.

Мне хотелось посидеть спокойно в сторонке, присмотреться к группе, как бы со стороны, подумать и кое-что понять. Мне думается гораздо лучше, если в это время я делаю простенькую ручную работу. Раньше в деревнях был кустарный промысел изготовления деревянных ложек. Заготовки для ложек назывались баклуши, а раскалывание полешек на заготовки было самым простым делом, для которого особого ума и умения не требовалось, и называлось это дело «бить баклуши». Вот и я бил баклуши, то есть вытёсывал колышки для палаток, отходил от душевного стресса с флагом, от коньяка с капитаном и посматривал на своих туристов.

В группе все были молодые и красивые. На солнышке у всех, как в конденсаторах, нарастал потенциал любовных зарядов. При случайных соприкосновениях и встречных взглядах уже сыпались искры. Очевидно, вечером, когда алкоголь снимет защитный слой изоляции моральных устоев, могут произойти короткие замыкания с возгоранием. Уже кто-то поглядывал на лодки и напевал: «Поедем,

красотка, кататься...». Надо было притормаживать ход развивающихся событий. Я достал из своего рюкзака заранее приготовленный стальной трос с петлями, пропустил его через скамейки всех лодок и вокруг толстого дерева. На петли навесил большой замок, висняк-амбарник, а ключ спрятал. Теперь хотя бы они не смогут проверить, кому море по колено, а кому оно будет с ручками. Ещё до праздника было заметно, как образуются любовные пары. Инициатива исходила от старшей половины группы, более учёной вообще, и в любовных делах тоже. Охотниками были и кавалеры, и дамы. Дичью была молодёжь. То, что учёным ловеласам нравится ловить в сети молоденьких девушек, было понятно. Но почему мальчишки попадают в такие, же сети к дамам, которые старше их лет на восемь, я понял не сразу. Был жаркий летний день, даже как-то парило, очевидно, к грозе. Все суетились, устраивая лагерь и готовя праздничный ужин. Дамы были в лёгких купальниках, а от жары периодически на минутку залезали в озеро, чтобы немного охладиться. Мокрые тела зрелых женщин мелькали со всех сторон, и в мальчишеских глазах засверкал голодный блеск. Налитые груди и округлые попы приводили мальчишек в такой ступор, что они иногда обалдело останавливались, забывая о том, что делали. Очевидно, лежащие на пляжах женщины не излучают такого магнетизма, как те, которые крутятся рядом. За девушками своего возраста надо было долго ухаживать, ожидая пока созреет ответное чувство, а эти перезревающие фрукты-овощи сами падали в руки, только раскрывай объятия. Учёным дамочкам тоже нравились молоденькие и красивые спортивные мальчишки в плавочках, которых можно было поматросить и бросить, и никаких тебе дальнейших осложнений.

Мужчин в группе было девять, а женщин пятнадцать. С каждой, вновь образовавшейся парой, у мужчин становился большой выбор, а у женщин большая конкуренция. Это вовсе не означало, что самые инициативные расхватывали сразу самых интересных. Скорее, самые интересные оказывались и самыми стойкими, а самые инициативные хватали то, что попроще и доступнее. Например, две наши кулинарки были и красивыми, и умны-

ми, и спортивными, но так дружны и остры на язык, что к ним в одиночку было не подступиться. Пока они задирали свои курносики, кавалеры пошли по линии наименьшего сопротивления. Катя и Галя обиделись, озлились и наострили свои язычки и ногти-когти на всех мужчин в группе.

Ну, вот меня и позвали произносить первый тост. Интересно было рассматривать расстановку фигур вокруг шахматной доски накрытого стола. Начиналась азартная игра. Белые начинают и выигрывают в три хода. Это я про блондинок. Пешка, на которую никто не обращал внимания, выходит в ферзи, подружившись с королём. Все фигуры играют сами за себя, а судьба, чёрт и случай - за всех.

Иосиф только в работе был последним, а в застолье претендовал на роль тамады. Сыпал еврейскими шуточками-прибауточками, кому-то давал слово, а кого-то просил пока помолчать. После третьего тоста его уже никто не слушал и не слышал. Разговор перестал быть общим. Чтобы развязавшиеся языки раньше времени не сказали чего-нибудь лишнего, я предложил петь. Когда петь надоело, перешли к танцам. Всё! Тормозить больше нечем. По законам всемирного тяготения любовная лавина кубарем покатила под уклон. Хорошо, что лодки были заперты, а природа сыпанула грозным ливнем. Пришлось в панике разбегаться по палаткам, переселение в которых из одной в другую, ещё не началось. В любви лучше не торопиться, чтобы потом не исправлять ошибки. А моё дело – всё предугадывать и предотвращать конфликты.

Утром опять светило яркое солнце на голубом небе. Все сожалели о том, что вчера не допили, не допели, не дотанцевали, не доцеловали. Не успели выяснить, кто кого уже любит, а кто кого уже ревнует. И никто никому не успел доказать свою любовь практически. Хлынувший вечером ливень охладил пыл.

– Ладно, ребята. Не переживайте о вчерашнем вечере. Впереди ещё всё те же двести километров пути, на которых «всё перекаты, да перекаты». Нам ещё придётся «долго мучиться» и проверять, «как у нас получится», а изменчивая погода и северная природа помогут правильно понять, кто и чего стоит. Вот, тогда и влюбляйтесь на здоровье и на счастье.

Душевное состояние, настроение и здоровье были, как теперь говорит Михаил Жванецкий, «после вчерашнего», поэтому опять далеко уйти не получилось, и мы встали на южном берегу Кротовского плёса на днёвку. Как известно, «туризм – лучший отдых», а самое лучшее в туризме – это днёвка, то есть «день отдыха от туризма». Переупаковывали и сушили после дождя полученные в спешке продукты и снаряжение, шили флаг, конопатили текущие лодки. Часть молодёжной команды ушла с утра за грибами. Двое наших старейшин, Тарасыч и Егоровна, ушли на лодке ловить рыбу. За то, что в нашей группе они были самыми старыми, сорокалетнего Тарасыча и тридцатидвухлетнюю Егоровну звали по отчеству, но без имени и на ты. Вот только они и были знакомы между собой до похода и приехали вместе, но фамилии у них были разные, адреса тоже разные и кое-что ещё было разное, о чём лучше не говорить в турпоходе. Ихтиолог Тарасыч ловил рыбу по-научному, но много, и учил ловить других. Вернулись грибники, и возня у костра предвещала скорый обед. Я стирал в сторонке свою пропотевшую тельняшку, когда меня позвали к костру обедать. Сполоснул тельняшку, повесил её на оттяжку своей палатки и подошёл к дежурным. Мне подали миску, в которой лежала... варёная курица.

– А это что за птица-перепелица? – задал я глупый вопрос, так как курицу сразу узнал в лицо, хотя она и была безголовая.

– А это такие грибы ребята принесли из леса. Грибов тринадцать, а людей двадцать пять. Каждому по половине гриба, то есть по два на лодку, а вы на байдарке кустарь-одиночка, и на вашу лодку достался один целый гриб, – объяснил мне Иосиф.

– Вы мне тут птичью буру-алгебру не разводите! Откуда прилетели гуси-лебеди? Что, Жора? Опять одесские хохмочки?

Жора встал в театральную позу, рванул на груди рубаху и, подняв правую руку, поклялся трагическим голосом, что он ничего не знал о пернатых грибах, пока не увидел это чудо в своей миске. Оксана поклялась, что они с Жорой всё утро отмывали от солидоловой смазки мясные консервы, выданные со склада турбазы в таком виде, что солидол мог попасть в

пищу.

– Сперва мы их тёрли травой с песком, а потом мыли в ведре с горячей водой, с мылом и с золой, – сказала Оксана и показала красные, как у гусыни, ручки. Реабилитировалась и заслужила благодарность инструктора.

Провели дознание и выяснили, что грибники набрали в лесу на стоящую на отшибе от посёлка куриную птицеферму, у которой забор был разломан в нескольких местах, и глупые куры гуляли по лесу, но возвращались на ферму, так как их там чем-то кормили. У одного из грибников случайно оказалась в кармане картонка с намотанной леской и двумя крючками, а у другого – горбушка хлеба. Срезали палки, соорудили две удочки, насадили на крючки комочки жеваного хлеба и подкинули к дырам в заборе. Вылезающая из дыры курица клевала хлеб, и после подсечки летела по воздуху в охапку к своему палачу. На ловле тринадцатой курицы хлеб кончился, и охотничий азарт тоже.

Рассказывали так красочно, как в театре. В сущности, это было многократное воровство совхозного достояния, совершённое в сговоре преступной группой, то есть бандой, с применением технических средств. Тогда ещё не были отменены строгие советские законы Уголовного Кодекса времён колхозно-совхозной борьбы с кулачеством. За грабёж частной квартиры полагался меньший срок тюремного заключения, чем за кражу совхозной курицы или пучка колосков с колхозного поля. Совершены были преступления даже не просто уголовные, а антисоветские, политические и систематические, так как куриц было украдено тринадцать. Всё это нам подробно разъяснил кандидат юридических наук Остап, но курицу в это время ел и даже с горчицей.

Тринадцать – число не счастливое. Я предложил купить на рынке тринадцать кур и отнести их в кабинет директору совхоза с извинениями, как флаг капитану. Меня не поддержали, заявив, что курица не флаг, а этих кур, гуляющих по лесу, ловят лисицы, а может быть и деревенские собаки. Следов много, одна шавка там крутилась, и морда у неё была в перьях, а значит и «рыльце в пуху». А перья от наших куриц зарыты вместе с кожей на соседнем пляже и лопата вымыта.

– Птичку жалко! – Печально сказала белокурая кулинарка Катя. – Уж если загубили живые души, то надо было приготовить как-нибудь повкусней, а то просто разварили и пересолили.

– Можно было поджарить, как цыпленка табака, сделать шашлык или чахохбили, – подержала подругу чёрненькая кулинарка Галя.

Спор из уголовины талантливо перевели в кулинарщину, и кто-то предложил, что когда мы снова наловим кур, то пусть наши Катя и Галя... Я сразу пресёк дальнейшие мечты чревоугодников и птицеловов: напомнил им мудрую цитату из кинофильма «Праздник Святого Йоргена» о том, что «главное в профессии вора – это вовремя смыться!».

В юго-западном углу озера Вуокса начинается протока, ведущая в лабиринты речек и озёр Карельского перешейка. В посёлке Горы эту протоку преграждает разрушенная плотина бывшей водяной мельницы. От плотины остались камни по берегу, водослив и стоячие волны ниже водослива. Течение очень быстрое. Вниз лодки скатываются с горки водослива и, попрыгав на стоячих волнах, попадают на тихий нижний плёс. Вверх на вёслах пройти невозможно, и лодки тянут бичевой, перелезая по валунам на берегу. В лодке должен сидеть капитан и рулевым веслом направлять её на середину протоки, подальше от береговых камней.

Три лодки мы протащили нормально, а в четвёртой сидел на корме Иосиф. Когда лодку с грузом и Иосифом тащили по стоячим волнам, то на него от страха напал столбняк. Иосиф судорожно сжал неподвижное весло и приготовился к «гибели Титаника». Неуправляемую лодку, конечно, развернуло поперёк течения, и я крикнул «Бросай!». Это была команда бурлакам тянущим бичеву. Они и бросили верёвку. Лодка с Иосифом покачалась на трёх волнах и скатилась на спокойную воду нижнего плёса. Но Иосиф, услышав мою команду о том, что нужно что-то бросить, схватил тяжёлый рюкзак с консервами и бросил его за борт. Рюкзак сразу утонул на глубоком и бурном месте. Лодку с горе-капитаном поймали за верёвку и подтащили к берегу. Выходя из лодки, Иосиф промочил ноги, но даже с мокрыми ногами он призывал всех, кто ви-

дел его подвиг, быть свидетелями того, как он спасся сам и спас лодку, выкинув этот тяжёлый рюкзак с консервами. Был очень жаркий день, но Иосиф боялся простуды и стал переобуваться. Пока Иосиф спасался от простуды, Галя села в лодку, а мы спокойно вытянули её за верёвку через водосброс Иосиф потом доказывал, что провести лодку удалось только потому, что в ней уже не было рюкзака с консервами.

Встали лагерем на острове напротив посёлка Мельниково. Для приготовления ужина натянули между деревьями мой стальной трос и на проволочных крюках повесили на него котлы, а снизу развели костёр. Иосиф связал шнурками свои мокрые лаковые штиблеты, перекинул их через трос, а сам заковылял босиком ставить палатку. Шнурки перегорели, и штиблеты упали. Один - в костёр и сгорел, а другой попал в наваристый украинский борщ.

Утром сбросились деньгами, и пошли в Мельниково покупать консервы для группы и кеды для босяка Иосифа. Пока мы были в магазине, Иосиф в женских босоножках звонил с почты своей маме в Киев и кричал так громко, что было хорошо слышно даже на улице про то, как он совершил подвиг «спасения на водах», выкинув Нептуну в подарок целый рюкзак консервов. Вечером были поминки по киевским штиблетам и обмывание обновки, настоящей туристской обуви. Овдовевший штиблет, вынутый из борща, сиротливо красовался на пеньке, как на пьедестале почёта.

Потом, уже при луне, был концерт на воде. Киевляне очень хорошо пели украинские и казачьи песни. Мы даже подошли на лодках к стоявшей поблизости встречной группе и устроили для них маленький концерт. Галя очень талантливо подражала своему коллеге из «калинарного» техникума Геннадию Хазанову. С украинским акцентом это у неё получалось особенно смешно. Встречная группа отвечала песнями из цикла «На Дерibasовской и угол Ришельевской»

Утром у туристов на соседнем острове был какой-то переполох, ругань и поиски. Оказалось, что это «таки очередные одесские хохмачки». Пока наши артисты спивали, як «скавав казак через долину...», наши настоящие казаки-разбойники и пластуны про-

брались с тыла в лагерь соседей и спрятали чисто вымытые их дежурными ложки на дно ящика с буханками хлеба. Особое коварство заключалось в том, что три ложки для утренних дежурных оставили на виду. Приглашённой к завтраку группе, есть было нечем. Дежурных обвинили в том, что ложки утопили в озере, когда мыли. Они клялись, что чистые ложки клали сушиться вот сюда, на крышку хлебного ящика. Ложки нашлись, но подозрение пало на нас. Перед уходом к водосбросу встречающая группа подошла к нам. Ребята рассказали о том, что им очень понравилась наша шуточка-хохмачка с ложками. Мы вместе посмеялись, взаимно пожелали друг другу счастливого пути, и они ушли. Потом мы помыли посуду, сняли трос и тоже стали грузить лодки. Вот тут и обнаружилось, что на наших вёслах нет уключин, а к флагу приколоты записка о том, что полинезийцы в Тихом океане хорошо умеют грести вёслами без уключин. Хохмачки умеют устраивать не только одесситы, но и сибиряки тоже. Догонять коварных мстителей на вёслах без уключин не имело смысла. Уключины нашлись через час в коробке из-под новой обуви Иосифа. Коробку хотели сжечь, но она показалась слишком тяжёлой. Поставили уключины на вёсла и пошли на Золотой пляж Любимовского озера.

На большом Золотом пляже Любимовского озера собралось несколько групп с разных турбаз. Это был год Олимпийских игр, и мы тоже устроили свою шуточную олимпиаду. От каждой группы участвовала команда на трёх лодках, то есть по двенадцать человек. Призы были общие, а собирали их в складчину. На призы выставлялись и коньяк, и шампанское, и большая банка компота из персиков, и шоколадные наборы. Участники, не выступавшие как спортсмены, были судьями. Вместо медицинских справок врачи мазали спортивные лбы зелёной. Пять олимпийских колец сплели из ивовых прутьев и украсили лесными цветами, но венки победителям были не лавровые, а из настоящих белых лилий. Группа допинг-контроля ходила по лагерям и предлагала свои услуги по уничтожению допинга, даже без закуски.

Я помню только некоторые шуточные виды спорта нашей олимпиады. Была даже

эстафета по биатлону. В качестве эстафетной палочки и оружия была рогатка. У костра с перекладной стояла большая миска с камушками, а за костром на высокий кол была надета консервная банка. Надо было обежать с рогаткой вокруг дерева, стоявшего метрах в тридцати от костра, а потом стрелять из рогатки в банку, надетую на палку, стоящую за костром в пяти шагах, до тех пор, пока камушек не звякнет по банке, и передать рогатку следующему участнику своей команды. В командах было по два парня и по две девушки. Зачёт по общему времени. Девушки стрелять из рогатки не умели и при промахах плакали, у них дрожали руки, и следующие камушки летели совсем не туда. Был конкурс на заливание бутылок ложками. В песок на пляже закапывали на половину высоты одинаковые пустые бутылки. Команды, по четыре человека от каждой группы, одновременно начинали черпать ложками воду из озера и наливать свою бутылку. Разрешалось толкаться. Та команда, которая нальёт первой полную бутылку, побеждает. Такими же азартными были соревнования по чистке картошки. Я специально для этого возил в рюкзаке несколько одинаковых картофелечисток. Сперва судьи тщательно отбирали одинаковые картошки и раскладывали их по одинаковым кучкам. Потом одинаковость проверялась участниками, и кучки разыгрывались по жребию. По команде «Марш!» начинали чистить. Чистили вдвоём и двумя руками. В руке одного участника – картошка, а в руке другого участника – картофелечистка. Один подставляет, а другой чистит. Разрешалась меняться местами и заменять игроков запасными участниками. Картошки с казулями судьи возвращали на доочистку.

На пьедестале почёта победители получали призы, медали и грамоты. Обязательно выпивали одну чарку за третье место, две чарки за второе и три чарки за первое место. За недопитые чарки начислялись штрафные очки.

Потом был общий костёр, песни и танцы. В конце вечера опять пошёл дождь, и разогнал публику по палаткам. Подул ветер, стало холодно. От холода страсти накалялись, а все палатки стояли так близко друг к другу, что создавалось впечатление, будто бы мы ночуем в одной общей комнате, и всем всё слышно.

А я лежал в своей палатке, несколько в стороне от общего лагеря, мне не спалось, и на душе было тревожно. Слишком уж густо собираются вокруг разные, и пока что почти безобидные, хохмочки. Предчувствие подсказывало, что по закону диалектики их количество должно перейти в качество. Надо быть готовым к тому, что судьба и туристы ещё подкинут не веселую хохмочку, а трагическую хохмищу.

Мы уже несколько раз теряли время на разные праздники да хохмачки и отставали от графика похода. Поэтому с Золотого пляжа вышли пораньше, намереваясь сделать полуторный переход. Погода нам помогала. Утром ветра не было, а после поворота на южное Любимовское озеро подул сильный попутный ветер, лихо погнавший лодки к Весёлой речке. Весёлой речка названа туристами за то, что из-за узости вёслами не размахнуться, и приходится не грести, а толкаться шестами. Когда Весёлая речка подходит к Балахановскому озеру, то оно начинается с большого Тростникового болота, называемого ещё и Грязевым волоком. Многочисленными туристскими лодками через тину, водоросли и камыши болота пропахана узкая канава. Тут простые шесты не помогают, так как просто проваливаются в болотную жижу. Нужны шесты с рогулинами, которые находят какой-то упор среди водорослей. На болоте есть несколько сухих кочек и больших камней. Протяженность этой канавы километра три.

При выходе из Весёлой речки в Тростниковое болото есть слева большой плоский камень с полянкой и участком сухого леса. Была уже вторая половина дня, и мы решили на этом месте пообедать перед трудностями болотного пути. Когда высаживались на камень, то от него отходила в сторону болота лодка с очень странным экипажем. Капитанила высоченная блондинка, которая сверкала на солнце, как рождественская ёлка. На ней были браслеты и перстни, кулоны и серьги, часы и какие-то сверкающие побрякушки в волосах. Матросами были два огромных мускулистых бородача в плавках. Один бородач рыжий, а другой - брюнет. Они спросили у нас, как найти правильный путь через болото. Я ответил, что они идут в правильном направ-

лении, но неправильным способом. Рассказывать про путь через болото сложно, а лучше часик подождать и пойти за нами. Но красотка взмахнула сверкающей браслетами ручкой и указала нужное направление перстами с перстнями. И они ушли в болото.

– А ну их в болото! – решил я и велел дежурным по-быстрому готовить простой обед.

Мы пообедали, нарубили шестов с рогулями и тоже «пошли в болото». Первым шёл я на байдарке, показывал правильный путь и советовал, как лучше толкаться рогулями. За мной шла лодка, в которой были Тарасыч с Егоровной и две девчушки хлипкого телосложения. Замыкающей шла лодка интеллигентов: математика Иосифа и юриста Остапа. Для усиления экипажа я попросил пойти с ними наших весёлых спортивных девчонок – поварих Катю беленькую и Галю чёрненькую.

Как только мы повернули за первый поворот канавы, так сразу же встретили идущую назад лихую тройку из красной девицы и двух добрых молодцев. Девица, всё так же сверкая яркими побрякушками, во все стороны тыкала и грозила перстом с перстнями. Добры молодцы завязали середину длинной верёвки за нос лодки, а сами ползли по болоту на карачках, с двух сторон канавы. Чтобы руки не проваливались в болотную жижу, они держали в кулаках крепкие метровые палки. Тина и водоросли облепили их так, что брюнета от рыжего было никак не отличить.

– Мы, наверное, заблудились, – сказала, красна девица, помахивая наманикюренной ручкой со сверкающими яркими камушками кольцами.

– Нет, вы шли правильным путём. Почти тем самым, по которому нам велели идти наши великие идейные вожди к светлому будущему всего человечества: «Шаг вперёд, и два шага назад!» Поворачивайтесь и опять назад, то есть туда же, откуда вернулись, то есть вперёд! Но надо в болоте не барахтаться, а рогулями толкаться. Попросите на задних лодках запасные рогули. Идите за мной и ничего не бойтесь!

Дело было к вечеру, и погода начала портиться. Небо затянула какая-то клочковатая хмарь и смурь, подул промозглый ветер. Сказывалась усталость от длинного ходового дня,

да ещё и «после вчерашнего...». Кто ворчал, кто стонал, а кто-то ругался на комаров, на погоду, на вонючее болото и даже на инструктора.

Но поворот за поворотом, и болото кончилось. На дальнем конце чистого плёса виден высокий сухой берег с поляной, на которой обогнавшие нас бородачи уже разожгли костёр. Смеркалось и моросило. Лодка за лодкой подходили к берегу, начинали выгружать вещи ставить палатки и разводить костёр. Вот подошла и замыкающая лодка с Иосифом и Остапом.

– Иосиф, а где наши кулинарки? Почему вы с Остапом только вдвоём?

– А они идут по берегу. Мы решили разгрузить лодку и высадили их в начале болота, там, где справа были сухие кочки и большой камень. Они скоро придут.

– Иосиф, ты не просто дурак – ты ещё и сволочь!

– Но мы отстаем и хотели облегчить лодку.

– Душу тебе надо будет облегчать за погубленные жизни!

Я прыгнул в байдарку и уже с воды крикнул Тарасычу, что он пока остаётся за меня, а я ухожу на спасаловку. Посоветовал Тарасычу покруче разобраться с этим дураком и сволочью Иосифом.

По жёлобу от лодок лёгкая байдарка скользит, не задевая дна. Я вложился в спурт и догрёб до этих, якобы сухих, кочек минут за тридцать пять. Темнело и моросило. Остановился и громко крикнул. Из ближних камышей со жваканьем и хлопаньем крыльев вылетели два матёрых кряковых селезня. Шуршал камышами ветер, шелестел дождик, пищали комары, квакали лягушки. Я крикнул ещё громче и прислушался. Услышал поблизости не ответный крик, а какое-то всхлипывание, даже вроде бы и не человеческое. Продвинулся вперёд на несколько метров и увидел среди болотной тины головы тонущих девушек. Слава Богу, обе были ещё живы. На байдарке к ним было не подойти, так как не пускали трясина и водоросли. Если бы я вылез из байдарки, то сразу бы провалился и завяз так же, как и девушки. Поднапрягся и упором весла сумел ещё протолкнуть байдарку на пару метров

ближе к тонущим девушкам. Лёг на байдарку и пополз на нос судна. Размотал привязанную к носу верёвку, с поплавком в виде деревянной калабашки. Стал кидать калабашку девушкам. Но от неудобной позы и волнения несколько раз промахивался, а потом попал калабашкой прямо в голову ближайшей ко мне девушке. Она заплакала, но верёвку поймала и передала деревяшку в зубы подруге. У отдаленной от меня девушки обе руки были под водой, и она там за что-то держалась. Ближняя была в воде только по грудь. Какая девушка – Катя беленькая, а какая – Галя чёрненькая, из-за грязи и темноты было не разобрать, и я различал их только по голосам. Болото долго не хотело отпускать дальнюю Катю. Я тянул за верёвку, зажатую Катей в зубах. Галя тянула её за руку. Сама Катя извивалась ужом и подгребала под себя тину свободной рукой. Тина чавкала, хлопала и пружинила, но мы втроём победили. Галя убрала ногу с коряги, на которой стояла под водой, и мне пришлось тянуть за тонкую верёвочку уже двух девушек. Пешком я бы к ним не добрался.

– Держитесь за байдарку, а я потащу вас волоком вон до того большого камня. Там будем отмываться и переодеваться.

Широкий плоский камень возвышался над водой почти на полметра. Плоская вершина имела площадь метра два. Кикиморы болотные вылезли на эту твердь и почти упали. Говорить они не могли, а только всхлипывали и вздрагивали. Сил у них не было даже на то, чтобы самим раздеться и помыться. Пришлось мне вылезать на камень, раздевать девушек и каким-то свитерочком из их одежды, как мочалкой, отмывать их от тины, пиявок и ещё каких-то ползучих и кусачих присосавшихся тварей. Покидал их грязные и мокрые вещи в байдарку, а сверху положил пробковый спасательный жилет. Надел на Галю свою свой длинный свитер, а на Катю – ковбойку и штормовку. По очереди, поднимая их на руки, посадил на спасжилет спина к спине. Достал из рюкзака свой спальный мешок, расстегнул длинную молнию и укутал девушек мешком, как одеялом, надеясь, что он под дождём сразу не промокнет насквозь за обратную дорогу к лагерю. Шёл дождь. Дул холодный ветер, кусались комары. Я был только в мокрой майке,

но грёб так, что мне было жарко, а на комаров не обращал внимания.

На берегу в плащах ждали нас Оксана и Егоровна. Они мне помогли вытащить из байдарки на берег закованных девушек и повели их в большую палатку отмывать тёплой водой и одевать в сухую одежду. Все мои вещи были ещё в байдарке, а спальный мешок был измазан грязью и намок от дождя. Костёр на старом костровище ярко горел уже часа два. Я попросил Тарасыча перенести костёр на новое место, а со старого костровища убрать дрова, подмести угли и присыпать искры песком с пляжа.

— Я поставлю на горячее костровище свою палатку и сделаю из неё баню, — объяснил я Тарасычу свой план горячих лечебных процедур.

Тарасыч меня сразу понял и принялся за дело. А я достал топорик и полез на ближайшую ёлку делать из неё «пальму». Залез повыше и стал спускаться, обрубая топориком еловые лапы. Сгоряча я залез на ёлку в одной только мокрой майке и весь исцарапался. Ребята собирали под ёлкой лапник, таскали его к горячему кострищу и выкладывали из лапника толстый еловый матрас. Подошёл помогать Иосиф, но я сразу послал его очень далеко и такими слесарно-боцманскими словами, что этот интеллигент даже заплакал и спрятался в свою палатку до утра. А я поставил на уже горячий лапник свою палатку, а Оксана с Егоровной привели ко мне уже во что-то закутанных, но ещё дрожащих и всхлипывающих Галю и Катю. Жора принёс их спальные мешки и рюкзаки. Девушки дрожали, икали и сморкались. Егоровна пришла со своей большой аптечкой, отозвала меня в сторону и стала шептать, что она простой терапевт, а тут обязательно нужна ещё и помощь психотерапевта. У девушек такой стресс и такое переохлаждение, что она не знает, чем тут можно помочь. Это может привести к тяжёлым депрессиям и даже к душевной болезни. Надо как-то выводить их из психического шока и ступора. Такое сильное нервное потрясение может перейти в хроническое расстройство психики. Они могут остаться инвалидами на всю жизнь.

— Вот, возьми. Может быть, это загранич-

ное лекарство им поможет. Егоровна подала мне красивую упаковку с десятью какими-то таблетками. Название таблеток на упаковке была густо замазано чернилами. Не надо, чтобы ты знал название этих таблеток, а то меня выгонят с работы, а могут даже и в тюрьму посадить. Это в КГБ применяют на допросах, чтобы тормоза с сознания снять. Это будет для девушек тоже очень сильный шок, но совсем в другую сторону. Клин клином вышибают, авось этот клин сработает, но ты сам держись крепче. Я таблетки взял, но ничего не понял. Почему и мне тоже надо будет крепче держаться, если я этих хитрых таблеток есть, не буду?

В палатке было уже не тепло, а жарко. Катя и Галя сидели в углу, всхлипывали и вздрагивали. Если долго работать инструктором водного туризма, то появляется опыт «вылезать сухим из воды». Но рядом со мной у воды бывает много людей, совсем не имеющих такого хитрого водного опыта. Вот и везёт мне на полуутопленниц. Уже не в первый раз приходится вытаскивать из воды молодых девушек и выводить их из стресса, шока и переохлаждения. И спиртным отпаивал, и спиртом растирал, и согревающий массаж делал. Уже вроде, как будто, и опыт появился. Труднее всего бывает бороться с истериками, сильным испугом и прочими психическими заморочками. Я не врач, но понимаю, что психотерапевтическую помощь на потом откладывать нельзя. Это как кровотечение из раны. Надо немедленно останавливать, а то будут всякие осложнения. Но раньше я вылавливал девушек по одной и из чистой воды, а тут сразу две и из гнилого болота. Тяжелый случай, как говорят врачи.

Ну, что ж, приступим. Я достал солдатскую фляжку с коньяком и налил полную кружку. Дал девушкам по таблетке из странной пачки Егоровны и велел проглотить. Запивать велел из кружки вот этим целебным чаем. Таблетки они послушно проглотили, как цитромон и стали по глоточку пить коньяк, передавая кружку из рук в руки. Фляжка и на болоте была у меня в рюкзаке, и надо было бы дать несчастным утопленницам хлебнуть из неё ещё на камне, где я их раздевал и мыл. Но я тогда растерялся, заторопился и про фляжку с коньяком просто забыл.

Пол палатки уже стал совсем тёплым. Девушки допили коньяк, и глазки у них заблестели. Что-то стало действовать - или коньяк, или таблетки, которые дала Егоровна, или гремучая смесь этого наркотика с алкоголем. Коньяк закусил шоколадом, который Жора получил как приз за чистку картошки. Снизу уже припекало. Я постелил на горячий пол палатки сперва свой мокрый спальник, а сверху спальники девушек. Мой спальник стал сохнуть, и в палатке образовалась атмосфера русской парной бани. Сказал девушкам, что Егоровна, как врач, велела мне растирать их тела спиртом и делать согревающий массаж, чтобы предупредить воспаление лёгких. Они безропотно, как на болоте, стали раздеваться. Эта безропотная покорность без стыдливости меня насторожила, но я дал девушкам проглотить ещё по одной таблетке и налил им ещё одну кружку из фляжки с коньяком. Жора с Оксаной принесли какой-то ужин и поставили миски на дощечку в тамбуре палатки. Катя и Галя есть отказались, но попросили закуску для, якобы, чая.

Намочил я спиртом чистый шерстяной носок и стал растирать им девушек. Они быстро оживали и начали разговаривать. Горевшая в банке толстая свеча от жары расплавилась, пошипела и погасла. В палатке стало темно. После растирания спиртом Егоровна велела делать девушкам массаж и дала для этого тюбик с кремом. От массажа кикиморы взбодрились и повели себя, как теперь говорят, неадекватно. Языки у них развязались, руки тоже, а под массаж они стали подставлять совсем не те части тела, где гнездится простуда, а более интересные. Так как я тоже был на болоте, то они решили, что и меня тоже надо раздевать и разогревать. Галя сказала, что у Кати старший брат – моряк заграничавания, и он привозит из рейсов журналы с интересными картинками. Вот они сейчас мне покажут, чему научились, разглядывая эти картинки.

Пришла Егоровна с чем-то вкусеньким и с горячим кофе. Девушки на время остепенились и вместо кофе взяли за фляжку под принесённую закуску. Егоровна шёпотом сказала, что, наверное, зря я дал им по второй таблетке. Это очень сильное средство, которое Егоровна даёт для возбуждения дряхлеющим

женщинам, у которых молодые любовники. Обычно взрослой дебелий даме хватало по половине таблетки, а наши юные болотные кикиморы проглотили по две, да ещё и запили коньяком. Мы решили, что действие гремучих таблеток надо перетерпеть, но это гораздо лучше, чем смерть в гнилом болоте. Егоровна ушла к Тарасычу, а атмосфера в палатке становилась всё более жаркой во всех и во всяких смыслах. После того, как девушки просидели два часа под дождём в холодном и грязном болоте, их никак нельзя было выпускать до утра из горячей палатки. Но я тоже не вытерпел жары и вынужден был раздеться, а кикиморы повели себя уже так, что мне несколько раз пришлось выскакивать из жаркой палатки под холодный дождь. Скромные утопленницы превратились не то в азартных сирен, не то в Сциллу и Харибду, не то в двух Цирцей, от которых я, как Одиссей, вынужден был спасаться, применяя различные хитрости. Но армянский коньяк, в конце концов, пересилил заграничные наркотики, и мои болотные русалки, наконец, уснули.

Таблетки Егоровны вытеснили из памяти утопленниц страшные воспоминания о двух часах, проведённых в темноте и под дождём, в тухлом болоте, без надежды на спасение. Это им вспоминалось, как туманный сон. А вот воспоминания об их, мягко говоря, странном поведении в горячей палатке, оказались более яркими, но фрагментарными. Катя и Галя отдельно отзывали меня в сторонку и пытались выпытывать пикантные подробности своего нецензурного поведения. Я отвечал, что, наверное, слишком рано приплыл их спасать. Ещё бы немножко они посидели в грязной тине и тогда навсегда превратились бы в болотных русалок. Они носили бы венки из белых лилий, а питались бы лягушками, как француженки. С проходящих лодок они заманивали бы к себе в гнилое болото мужчин, чтобы высасывать, как пиявки их кровь. Это была бы месть всем мужчинам за подлый поступок Иосифа и Остапа. Про то, что во фляжке был коньяк, а не чай мне пришлось сознаться, а про таблетки Егоровны я сказал, что это был «анальгин».

А сам я, несколько раз выскакивая из жаркой атмосферы палатки под холодный дождь

и ветер, простудился и заболел. Каждый вечер у меня поднималась температура под сорок, и я начинал бредить. Днём, как на автомате, шёл на байдарке по маршруту, но на берегу сразу ставил палатку и ложился болеть. Около меня дежурили то Жора с Оксаной, то Егоровна, а то и Катя с Галей. Группой фактически руководил Тарасыч, а кухней кулинарки. Хохм и хохмачек больше не было.

После похода киевлянки писали мне письма. Катя вышла замуж за штурмана корабля, на котором плавал её брат, и теперь работает коком на этом судне. Галя с отличием окончила «калинарный» техникум и работает шеф-поваром в маленьком ресторанчике, но ей часто снятся страшное болото и жаркая ночь в палатке. Эти сны были для неё очень мучительны, и она даже лечилась у психиатра. Психиатр ничего не понимал в болотных утопленницах и Галя сама придумала, как легко и просто можно преодолеть это проклятое ночное навождение, если я ей помогу.

Через год, весной, Галя купила путёвку на Приозерскую турбазу и в мою группу. При встрече она твёрдо заявила, что хочет идти в поход на моей байдарке и жить в моей палатке. Мы с ней обязательно должны на байдарке пойти ночью на то самое болото, где они с Катей тонули, а я их спасал.

– Вот эту бутылку настоящего французского шампанского Катя привезла Гале из своего последнего рейса и просила нас выпить за общее здоровье на том самом камне, где они снова обрели земную твердь после болотной жижи. А в море Катя ходить пока не будет, а будет нянчить маленького матросика, который скоро должен родиться.

Группа, с которой мы пошли в поход, была очень спокойная и без всяких хохмачек. Энергичная Галя, набравшаяся туристского опыта в прошлогоднем походе, стала командовать не только кухней, но и всей группой. А я отдыхал и ловил шук спиннингом. В палатке нам с Галей было не жарко, но очень тепло, и по ночам мы просто грели друг друга и молчали.

Наш маршрут на этот раз мы проложили в противоположную сторону. И вот мы пришли на ту же стоянку, где ставили палатку на горячем кострище. Мы никому в группе ничего про прошлый год не рассказывали, но после

ужина сели на байдарку и поплыли на болото искать наш заветный камень. Была весна, а белая ночь была тихая, тёплая и лунная. Всё вокруг серебрилось в лёгком тумане. Наш камень мы нашли быстро. Камыши и тина ещё не выросли. На воде серебряными бликами сверкала лунная дорожка, а комары пока ещё не кусались. Камень, днём нагретый солнцем, был ещё тёплым. Сидя на нём, мы выпили французское шампанское под соловьиные трели из ближнего леса и, как в прошлом году, закусили шоколадом.

Возвращаясь с болота в лагерь, мы молчали. В лагере все спали, даже дежурный. Я зажёл в палатке свечу, а Галя спросила, есть ли у меня фляга с прошлогодним чаем. Подавая Гале флягу, я сказал, что остались ещё и две прошлогодние таблетки «анальгина», которые давала Егоровна. Галя проглотила таблетку, отхлебнула из фляжки, завинтила пробку и задула свечу. В палатке стало очень жарко...! Ещё жарче, чем в прошлом году! После этого похода Галя вернулась в Киев и написала мне в письме, что ей теперь снятся не дурные сны, а очень даже интересные! Я, кажется, уже стал опытным профессионалом по части отогревания, растирания и прочих интересных процедур для выуженных из холодной воды девушек. А Галя звала меня в Киев насовсем. Но я не смог поменять Вуоксу, Ладогу и Балтику на Днепр, если даже и вместе с Галей.

P.S. Нереиды (греч.) – это такие нимфы моря. У них внешность красивых девушек в лёгких одеждах. Они любят кружиться в хороводах в такт волнам, а в лунные ночи выходят на берег, где поют и пляшут. Нереиды благожелательны к людям и часто им помогают. Помогали аргонавтам, Ахиллу и Одиссею.

Мне тоже они неоднократно помогали.

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Чудесная смородина

- Света, ты куда? – спрашивает меня моя маленькая сестрёнка, Алёнка, увидев, что я собираюсь уходить из дома.

- В поход, - отвечаю я.

- И я хочу в поход, и я, - хнычет она.

- Ты ещё мала

- Нет, я уже большая.

- Доча, возьми её, а то мне некогда, обед варить надо, - спрашивает бабушка.

- Ну, ладно пойдём, только не ной.

Я беру сестру за руку, и мы бежим по тропинке вниз под горку. Я вижу, что Алёнке очень хочется перегнать меня, но ноги не успевают и подскакивают всё время где-то сзади. Вперёд выдаётся лишь живот с карманом посередине передника. Я боюсь, что Алёнка упадёт и сбавляю шаг. Дойдя до мостика, мы останавливаемся. Ручей гулко звенит среди гладких камешков. Мы спускаемся к воде и бросаем туда прутики и листья. Они, как маленькие кораблики, промелькнув, устремляются к небольшому водопаду.

- Ну, что, пойдёшь в поход по ручью? – спрашиваю я сестрёнку.

Она с готовностью кивает головой, быстро вытирает о передник ладошки и через пять минут к походу становится совершенно готова.

- Мы вступаем в непроходимую чащу, - торжественно объявляю я, и первая шагаю под свод деревьев, образующих небольшую арку. Туда, куда весело бежит ручей, отправляемся и мы с Алёнкой.

- Ой, я чем- то укололась! – слышу сзади голос сестрёнки.

Но это меня остановить не может.

- Терпи, - говорю я ей. – Мы должны преодолевать все трудности походной жизни.

Чем дальше продвигаемся мы по ручью, тем ниже склоняются над нашими головами ветки кустов и деревьев. Поэтому мы ползём, почти пригнувшись к земле.

- Ну и в дебри же мы с тобой забрались, - говорю я, соображая, куда бы поставить ногу, чтобы не попасть в грязь.

- Я устала, - пищит сбоку Алёнка и присаживается на корточки.

Вдруг перед нами как из-под земли вырастает небольшой кустик. Похоже, что это смородина. Только ягод на ней нет. Приглядевшись, я всё же замечаю среди листьев одну ягодину, болтающуюся на ветке чёрным блестящим шариком. Показываю это чудо Алёнке.

- Я её съем, - говорит сестрёнка и протягивает к кустику ручонку.

- А может это и не смородина вовсе, - сомневаюсь я. – Окажется вдруг какой-нибудь вороний глаз, съешь и отравишься.

Но Алёнка быстро срывает смородину и прячет у себя в кармане.

- Дай сюда! – повышаю я голос. Алёнка крепко держится за карман. Я тем временем отрываю от кустика листок, разминаю его в руках и нюхаю. В нос ударяет терпкий чёрносмородиновый дух.

- Странно, как сюда могла попасть смородина, - продолжаю сомневаться я.

- Света, можно я её попробую?

- Нет, давай мы её сначала рассмотрим, да и потом, её же вымыть надо, - хитрю я, всячески оттягивая момент поглощения запретного плода.

Я достаю носовой платок, как можно медленнее вытираю им ягоду, потом делю её на две части. Мы с сестрёнкой сосредоточено едим каждый свою половину. Вдруг смородина над нами как-то странно вздрагивает, ноги у меня подкашиваются, и я падаю в траву, Алёнка валится рядом.

«Почему это кустик так вырос?» – думаю я.

- Света! Что это? – кричит Алёнка и хватается меня за рукав.

Оглянувшись, я замечаю, что через неизмеримо высокую траву, поднявшуюся вокруг

как зелёный забор, пролезает к нам маленький старичок в сером костюмчике и красной шапке. Он ужасно походит на гномика.

- Кто вы? – спрашивает нас старик. – И как попали в страну тростниковых гномов?

- Мы нечаянно. Мы тут гуляли с сестрёнкой.

- Следуйте за мной, девочки, - строго говорит человек.

Я беру за руку приунывшую сестрёнку, и мы идём за гномом. Медленно бредём мы среди цветов, не уставая удивляться их размерами: ромашки просто огромны, а колокольчики ни дать ни взять лиловые фетровые шляпы. Пройдя по тропинке за гномиком, мы выходим, наконец, на лужайку. Её со всех сторон окружают полевые цветы высотой не меньше яблони. Множество человечков, очень похожих на нашего спутника, суетятся на полянке, собирая в кучу какие-то осколки. Их цветные шапочки мелькают в траве, как разноцветные ромашки. А руководит всеми работами, старичок с длинной бородой. Наш провожатый подводит нас к нему. Старичок как будто не видит нас. Он продолжает стоять на высоком зелёном стуле и махать руками в разные стороны, вроде постового, который регулирует на улице дорожным движением. Наконец, главный гном замечает нас с Алёнкой, слезает со стула и сурово спрашивает:

- Как вы посмели сорвать нашу драгоценную смородину? Вот теперь мы лишились символа, благодаря которому процветал наш древний род, а вы превратились в гномов.

Чувствуя серьёзность содеянного, мы с сестрой стоим, опустив головы. Видя наше раскаяние, старик смягчается:

- Вы снова станете людьми и вернётесь домой, если до захода солнца найдёте и принесёте мне алмаз, спрятанный разбойниками под корнями старой лиственницы. Торопитесь, девочки! Если вы не выполните задания, то навеки останетесь маленькими.

Мы с Алёнкой покидаем страну тростниковых гномов, и уныло бредём, сами не зная куда. Как найти алмаз, о котором говорил старик, и где растёт лиственница?

- Не хочу больше в поход, хочу домой, я устала, - ноет сестрёнка, шагая позади меня.

- Ну, давай отдохнём, - соглашаюсь я. И мы присаживаемся на заросший мхом камень. Вокруг кипит жизнь. Несутся мимо нас блестящие жуки, стуча, будто кони ногами, скачут букашки им под стать. Похожие на змей, ото всюду лезут дождевые черви. Машут атласными крыльями огромные бабочки. Я думаю о том, что будучи большой, не замечала сколько живых существ живёт рядом с нами. Вот в паутину, шатром раскинувшуюся над нашей головой попадает мушка. Мы видим, как бьётся она в сетке, но выбраться не может. Оторвав метёлку-травинку, я сую её в паутину. Ухватившись всеми шестью лапами за метёлку, мушка выбирается из плена. Усевшись на лист подорожника, приводит она себя в порядок: моет головку, лапки, крылышки. Мы рады с Алёнкой, что помогли мушке. Она, жужжа, подлетает к нам:

- Спасибо вам, девочки. Расскажите куда вы идёте?

Мы рассказываем мушке, что ищем заветный камень – алмаз, который спрятан где-то под корнями старой лиственницы.

- Вы спасли меня от гибели. Я тоже помогу вам, - жужжит муха, указывая нам путь.

Мы поднимаемся с замшелого камня и идём вслед за мушкой. Но скоро дорогу нам преграждает зелёное бревно. Мы с Алёнкой уже собираемся через него перелезть, как бревно вдруг начинает двигаться.

- Ааа! – Кричит Алёнка.

- Это гусеница, не бойся, - успокаиваю я сестрёнку, потрогав огромное мохнатое насекомое травинкой.

Пока мы рассматриваем гусеницу мошка куда-то исчезает.

- Может быть она под лопухом? – думаю я, и пытаюсь поднять широченный лист. Но сдвинуть мне его не под силу.

- Помогай! – кричу я сестрёнке.

Вдвоём мы поднимаем край листа. На обратной шершавой его стороне пригrelась целая стайка мушек. Среди них мы замечаем и нашу знакомую.

- Сейчас, сейчас! – торопливо успокаивает она нас, - Я просто встретила тут свою приятельницу.

Немного погодя мы устремляемся даль-

ше. Но не проходит и пяти минут, как мы чувствуем, что земля под нами начинает ходить ходуном.

- Это землетрясение? – спрашивает у меня Алёнка.

Тут неожиданно какие-то серые существа, чуть не сбив нас с ног, пыхтя проносятся мимо.

- Это машинки? – удивляется сестрёнка.

- Похоже, это ёжики, - понимаю я, наконец. – Ведь мы с тобой теперь такие маленькие, что обыкновенные ежата кажутся нам слонами.

После землетрясения, устроенного ежами, тропинка вся в выбоинах. Мы с Алёнкой осторожно обходим ямы, а муха жужжит где-то уже далеко впереди.

- Вот она, лиственница! – кричит мушка.

Наконец и мы подходим к подножью старой лиственницы. Для обычных детей она бы выглядела тоже, наверно, большой. Но нам, теперешним, лиственница кажется просто зелёным великаном. Внизу, у её корней копошится великое множество разного народа: муравьи, гусеницы, букашки. По стволу дерева янтарным потоком течёт смола.

- Как они все не упадут в эту смоляную речку? – удивляюсь я.

Стоило мне так сказать, как бежавший куда-то муравей тут же увяз в смоле. Мы с Алёнкой, ухватившись за длинную сухую ветку, пытаемся ему помочь. Раньше мы бы двумя пальцами эту ветку подняли, теперь же вдвоём еле переворачиваем. Наконец, муравью удаётся зацепиться за неё. Как по мостикку он перебегает по ветке на тропинку. Тут из муравейника выбегает муравьица в халате и в шлёпанцах на босу лапку, на голове папильотки дрожат.

- Где он? Где мой любимый 1001 сынок?. Где спасители-хранители, которые помогли ему? Я хочу их видеть.

Мы с Алёнкой скромно стоим в сторонке, опустив глаза. Все муравьи указывают на нас, как на спасителей. Тогда муравьиная мама бросается к нам. Обнимает и целует.

- Милые деточки, требуйте от меня любой награды.

- Нам лично ничего не надо, - говорю я. –

Но если вы будете так добры и посмотрите не лежит ли под корнями этого дерева алмаз, то мы были бы вам очень благодарны.

Муравьица тут же срывается с места и скрывается под корнями лиственницы. Через несколько минут она вытаскивает на поверхность ореховую скорлупку. Мы очень удивлены, увидев её.

- Для чего нам орех? – думаю я.

Но муравьица приоткрывает скорлупку. Чудеса! Внутри лежит и сверкает алмаз. Не успеваем мы им налюбоваться, как какая-то тень, будто огромная туча, ложится на нас с Алёнкой. Это большая чёрная ворона. Ещё минута, и драгоценный камень у неё в когтях.

- Стой! – кричу я и бегу вслед за вороной.

Ворона летит со своей добычей в сторону ручья. С большим трудом перебираюсь на камень, вросший в землю почти у самой воды. Пытаюсь идти дальше, но застреваю в трясине. Ворона тем временем уже над самой стремниной. Что же делать?

В этот момент будто молния мелькает серебристая стрела. И ворона, выронив орех, скрывается в кустах. Всё происходит так быстро, что я ничего не могу понять. Скорлупка с алмазом плюхается в воду, а я удивлённо хлопаю глазами.

- Дай посмотреть, что с тобой случилось! – кричит с берега Алёнка.

- Что тут смотреть. Видишь, я застряла. Не ходи сюда, а то и ты увязнешь!

- Не бойся, я тебя сейчас вытащу, - слышу вдруг я чей-то голос.

Я оглядываюсь и замечаю маленького воина. В руках его лук, а за плечами колчан со стрелами.

- Меня зовут Улетай Воробьиный Коготь, - торжественно произносит он. – Я вождь индейского племени Болотного ручья.

Воин, быстро перескакивая с камня на камень, перебирается ко мне и вытаскивает из трясины. Отважный индеец оставляет на камне свой лук со стрелами и прыгает в бурлящий водяной поток. Ещё минута и заветный камень у наших ног. Но мы с сестрёнкой сильно устали и промокли. Улетай предлагает нам отдохнуть у них в деревне. Признаюсь, я никогда ещё не бывала в индейском селении.

Мы с Алёнкой конечно сразу же соглашаемся. Улетай берёт скорлупку с алмазом и водружает себе на голову. Затем по извилистой тропинке он ведёт нас туда, где среди ивовых зарослей укрылось индийское селение. Некоторое время мы идём молча. Вскоре нашему взору предстают построенные из камыша вигвамы, дымящиеся среди них костры. У одного из шалашей нас встречает жена Улетая, Окке. Она предлагает отдохнуть и обогреться у костра. Гостеприимные хозяева угощают нас печёным картофелем.

- Большое спасибо! – говорим мы новым друзьям.

Но нам надо спешить. Тогда Улетай выводит из стойла двух оседланных кузнечиков. На одного садится сам, а на второго помогает забраться нам с Алёнкой. Никогда не приходилось нам ещё ездить на кузнечике. Мы садимся ему на загривок и изо всех сил держимся за поводья. Кузнечик от нетерпения роет землю передней ножкой. Ещё одно мгновение и он переносит нас через ручей на полянку к тростниковым гномам. Мы прощаемся с вождём племени Болотного ручья и он дарит нам на память золотую бусинку из своего ожерелья. Она тут же исчезает у Алёнки в кармане. Мы слезаем с кузнечика и идём к седому гному. Торжественно несущая перед собой алмаз в скорлупке. Гномики тут же поднимают его по флагштоку к вершине смородинного куста. Как только он достигает верхушки, так сразу же превращается в огромную чёрную смородину. В это время у нас над головами сверкает ослепительная молния и так сильно грохочет, что мы с Алёнкой не сговариваясь бросаемся бежать со всех ног. Подстёгиваемые ливнем, мы даже не замечаем сначала, что мокрая от дождя трава не нависает над головой, а только хлопает по коленкам. Мы бежим к мостику, откуда началось наше путешествие. Перепрыгивая через лужи, несёмся мы к своему дому. На крыльце мы видим нашу бабушку. Она качает головой.

- Где вас носит, пострелята? Ну и вымокли же вы!

- А мы у гномиков побывали! – говорит Алёнка.

- Я вот вам таких гномиков сейчас задам!

– ворчит старушка, снимая с сестрёнки мокрый сарафан.

Вдруг из Алёнкиного кармана что-то выскальзывает и летит на пол. Я нагибаюсь и поднимаю золотую бусинку. Она блестит у меня на ладони. Я закрываю глаза и вижу перед собой далёкое индийское селение Болотного ручья.

Волшебное “Ку-ку”

Жил-был на свете один добрый волшебник. Любил тот волшебник по лесам, по полям погулять. Только он не просто так гулял, он разные звуки собирал и в мешок к себе складывал. Услышит в роще кукушку, сосчитает все её “ку-ку”, и в корзинку. Услышит, как иволга в кустах насвистывает – и в мешок. И лягушиное кваканье из болота вытащит, и писк мышинный подберёт, и ласточкино щебетанье подхватит. Не обойдёт он своим вниманием ни пенёк малиновки, ни стук дятла. На луг пойдёт, посмотреть, как там насекомые резвятся, и скорей звон комариный в банку засунет, шмелиное жужжание в пакет положит, а стрекотание кузнечика на нитку нанижет. Не забудет волшебник ни о собачьем лае, ни о кошачьем мяуканье. Обо всём заботится он, и о журчанье чистого ручья и шуме ветра придорожного. Придёт домой к себе в избушку, всё из мешка вытряхнет, все звуки по местам разложит: “ку-ку” – в мешок, стук дятла в пакет на полку, мяуканье в кадучке засолит, комариный звон в банке замаринует, стрекотание кузнечика у печки сушится повесит. Вы спросите:

- Для чего он всё это делает?

А вот для чего. Узнает волшебник, что где-то кукушки перевелись, скорей туда спешит. Придёт в лес, откроет свой волшебный мешок и выпустит “ку-ку” на свободу. Тот час в том лесу снова кукушка появится. Или услышит он, что на лугу шмели перевелись – сразу туда со своим пакетом, где у него шмелиное жужжание хранится, бежит. Выпустит он то жужжание на простор, смотришь вновь появился шмелиный рой. А где шмели, там и клевер хороший растёт. А где клевер – там и коровки сыты, молока много дают. Узнает

волшебник, что в амбаре, где хлеб хранится, крыс много развелось, сейчас туда. Выпустит поскорей в амбар кошачье мяуканье, и тут же откуда ни возьмись кошки прибегут и вмиг всех крыс переловят. Или узнает волшебник, что где-то засуха приключилась, возьмёт волшебный мешок и туда. Выпустит журчанье ручья на волю и в засушливом месте сразу вода появляется. Много добрых дел волшебник тот совершал. Да только вот что однажды с ним приключилось. Были у волшебника внуки, в школе волшебных наук учились. И учились вроде бы неплохо, да только озорные были очень и непоседливые. Вот раз ушёл волшебник пчелиное жужжание в сад выпускать и дверь в избушку не запер. Пришли внуки, видят: волшебника дома нет, дверь открыта, вошли в избушку и на лавку уселись. Нашли в углу мешок с собачьим лаем и стали им друг в друга кидаться. Тут откуда ни возьмись собаки появились, и стали за мальчишками гоняться. Бегали они, носились, всё в доме перевернули. Кадушку с солёным мяуканьем опрокинули, банку с комариным звоном разбили, кваканье на столе размазали, кастрюлю с недоваренным мышиным писком разлили, тяжёлый дятловый стук свалили, что на полке лежал, и самому маленькому внуку по голове им стукнули. Волшебник пришёл, ничего понять не может. Кругом кошки орут, за недоваренными мышами носятся, тьма комаров под потолком гудит, полу раздавленные лягушки по столу прыгают, по углам кузнечи-

ки стрекочут, под ногами псы шныряют. Всё в избушке переломано, перевёрнуто, в одну кучу свалено. Успокоил волшебник плачущего внука, которому дятловым стуком по затылку попало, достал из кладовки метёлки и велел остальным озорникам всё прибрать и на место положить. Внуки взяли веники и метёлки, быстренько всё подмели и в пакеты рассовали. Только разложили они всё не так как надо, не как у волшебника было, а кое-как. “Ку-ку” в кадушку замочили, мяуканье на печку повесили сохнуть, а в пакет с лаем шмелиное жужжание засунули. Проснулся утром волшебник, взял мешок, где у него жужжание хранилось, и на луг отправился. Выпустил он жужжание, а вместо шмелей собаки выскочили, по всему лугу разбежались. Но псы не шмели, цветы опылять не умеют. Пригорюнился волшебник и решил хоть псов сторожевых выпустить, пусть стадо охраняют. Раскрыл мешок с собачьим лаем, а оттуда шмелиный рой вылетел и ну коров кусать. Разбежались коровушки по кустам, на силу их пастух вместе собрал. Хорошо, что волшебные трели в кармане у волшебника сохранились. Он их скорей выпустил, слышит пастух, будто кто то на свирели заиграл и стадо домой идти призывает. Вернулся волшебник домой, все свои звуки перебрал, по местам разложил, успокоился, и спать лёг.

«Ну, - думает, - завтра снова на луг отправлюсь, шмелей выпускать».

НАТАЛЬЯ СОРОКИНА

Театр - Кровавое дело!

Продолжение романа «Пыль кулис», начало в № 16

В принципе, после премьеры «Занозы Джейн» Тамаре уже можно было давать диплом. Она его защитила со старшим режиссерским курсом, исполнив главную роль в мюзикле, спасая дипломный спектакль. Но Кавалер – девица, первая претендентка на роль, спешно разродившаяся накануне, отличалась особой безжалостностью к соперницам. Еще не оправившись от родов, с ошметками голоса, она поскакала по сцене, выпихнув студентку 3 курса с места под... софитами. Она устранила соперницу известным способом, родившимся еще издревле в пыли кулис. Скандал и шантаж! Мастер курса А. В. Ветров не прочь был повеселиться со своими студентками и это было его слабое место.

Тамара уступила. Ее ждала роскошная партия Розалинды из оперетты Иогана Штрауса «Летучая мышь» и роль Беатриче в шекспировской драме «Много шума из ничего». Впереди ожидалось два блестящих по своим перспективам года обучения в желанной Академии Театрального искусства (тогда ЛГИТ-МиК) у любимых педагогов.

Отдыхать во время студенческих каникул она собралась «дикарем» на юге. Сначала заехала к друзьям в Херсон, потом в Голую Пристань, - милейший городок, столицу «Арбузного царства», вблизи от заповедника «Аскания Нова». Там находилось родовое гнездо близких знакомых ее матери. Провела на Днепре пару деньков, наевшись на халяву вишни и абрикосов. А оттуда на автобусе в Скадовск... К морю... Всего-то час езды. Желание забыться и отвлечься от эмоциональных перегрузок «легкого жанра» подталкивало к быстрому принятию решений.

Ничто не пугало в юности. Такие поездки уже были: они впятером с девчонками из спецхрана библиотеки ЛГУ, еще в бытность обучения на факультете журналистики, отправились в отпуск в Анапу, Гагры и Геленджик. Черное море, Кавказ и пятеро девчонок без охраны - это риск! А ей тогда еще не исполнилось девятнадцать лет. Не смотря на скоро-

спелый возраст, ее везде принимали за лидера и называли «старшой», хотя в группе были барышни повзрослее. Просто Т. была яркой брутальной брюнеткой, а это на юге всегда ценилось дороже. Они там даже на танцы ходили, и... ничего не случилось, никто никого в горы не увез! Обошлось!

Кислов сказал, что он задержится, надо заработать денег и рванул с друзьями красить заводские трубы куда-то на север. Это тогда было чрезвычайно доходным делом. Обещал потом разыскать ее на море. Во что Тамара не сильно-то и верила. Точнее, совсем не верила, чтобы не расстраиваться.

Поэтому решила на свободе расслабиться. В первый же день она посетила остров Джарылгач. Заповедное место, где в чистейшем, с самого берега уходящем в покатую и прозрачную глубину лазурном море купались огромные и на редкость цветные медузы. По берегу, взрыхляя копытами белоснежный песок бродили такие же белые лошади, видимо, отпущенные на вольные хлеба командой «спасателей». Они занималась на острове охраной стратегических объектов, аппаратуры и контролировали сохранность локационной системы. Водилась кефаль, а спасатели варили из нее уху и угощали заблудившихся туристов. Вот где Рай-то земной!!!

Остров был в пограничной зоне с Турцией. Но, чтобы увидеть его скрытую красоту, надо было идти через всю ширину, которая составляла 4 км, на другой берег. Этот берег и выходил к открытому морю с круто уходящим в глубину чистейшим песчаным дном. Дело в том, что Джарылгач был растянут узкой полоской своей территории параллельно материковой части курорта, как тюркский ятаган. Вот тут-то и открывалась райская красота.

На кораблике Тамара переплыла разделительное водное пространство. Солнце стояло в зените и радостно бросало на землю горячие лучи. Многие, особенно семейные пассажиры, оставались тут же на пляже, ведь вода была чистейшей, по сравнению с жижей на пляже

Скадовска. И люди не хотели терять время на изнурительное путешествие под палящим солнцем, практически, по пустыне. Деревьев на острове не было. Поджимало время, ведь обратный корабль уходил через четыре часа. И все. Других рейсов на материк не было.

Тамара, рассчитав свои силы, пошла по острову пешком. В компенсацию за риск и выносливость она была награждена удивительным зрелищем: вся поверхность заповедника была покрыта редкими видами трав, как персидским ковром. Огромная разноцветная поверхность, разделенная низкорослым кустарником на полосы, в каждой из которых по форме полумесяца, словно в радуге, перемежались красные, желтые, фиолетовые, голубые мелкоцветущие растения.

Открывшийся простор бескрайнего до горизонта моря сиял глубоким цветом морской лазури. Был абсолютный штиль. Море отдыхало. По пляжу бродили неприкаянные лошади и обнаженные по пояс юноши. Двое из них уже сопровождали Тамару в походе по пустыне, шагая за ней след в след молчаливым эскортом. Она не имела комплексов и быстро познакомилась. Одного звали Серафим, другого – Борис. Серафим с длинными, до плеч светлыми кудрями. «Ну, просто Ангел», - подумала Тамара. Надо же, имечко еще точь-в-точь, как у небесного покровителя. А второй был курчавый брюнет – тоже своего рода ангел, только скиталец из перевернутого мира. Разместились рядком загорать на песке. Тамара легла между двумя «странниками». Ох уж это пляжное право на панибратство. Мальчишки начали шутить, потом стали заигрывать, бросаясь в нее мелкими ракушками, попадающими под руку, при разглаживании поверхности сыпучего царства. Тамара увораживалась, а потом, чтобы сменить игру предложила закапывать друг друга в песок... Потом они купались в хороводе с разноцветными медузами, потом опять бросались на горячий «сахар», зарывались, как устрицы в кремовую кристаллическую пудру побережья. Тамара была на каком-то пике эмоционального взлета. Из нее сыпались шутки и афоризмы, как из рога изобилия. Она будто вела конференс в каком-то квесте в реальности. Давала задания, парировала ответы. Происходила какая-то необъяснимая кульминация чувств. Странники смотрели на нее как замороженные. Она

потом всегда и везде стремилась испытать это ощущение хотя бы еще раз. Нечто похожее с ней происходило на сцене, когда роль была хорошо подготовлена и прорывалось вдохновение. Но на острове здесь и сейчас это была полная импровизация, которая может случайно проявиться, наверное, только в предвосхищении невероятного счастья.

Время поджимало, и надо было спешно преодолевать обратное расстояние, чтобы не опоздать на корабль. Смыв с себя слой драгоценного кварца, Тамара накинула воздушное облако легкого голубого платица. Она стояла на палубе словно Ассоль, которая не знает куда плывет ее шхуна-судьба, а два крылатых ангела-антипода стояли за ее спиной как проводники к счастью.

На берегу юноши не захотели прощаться. Решили вечером сходить в кино и уже купили три билета. А потом так и пошли по набережной втроем вдоль моря. Договорились гулять, пока не зажгутся вечерние огни, покрывающие в сумерках черноморское побережье мерцанием жемчужного ожерелья. Это была прощальная прогулка безоблачного счастья, родом из детства.

Так они шли и шли... Как вдруг дорогу им перегородил «Белый негр». Это было страшное привидение. Абсолютно шоколадно-ликое существо, парень с белыми, торчащими, как антенны почти седыми волосами. Он как вкопанный остановился прямо перед ними и уставился на Тамару.

И... О, ужас! Она постепенно начала узнавать в нем Кислова!

Почерневший от солнца лицом, с выгоревшими на трубопокраске и стоящими дыбом от крепкой по составу воды общественного пляжа волосами, сверкая белыми от ярости глазами, он был похож на морское чудовище.

Тамара скрепкой времени не присела, упала на замощенную фигурными кирпичиками дорожку. Серафим с Борисом мгновенно улетучились, сообразительно избежав объяснений с материализовавшимся из воздуха Отелло. Они сделали свое дело - привели ее к своей судьбе.

Итак, Кислов поразил ее своей непредсказуемостью во второй раз. Он подхватил Тамару под руку и, не скрывая ярости, потащил прочь от места встречи. Произошло бурное объяснение, закончившееся столь же бурны-

ми поцелуями. Потом они пошли по набережной дальше вместе, обнимаясь и целуясь, навстречу вечерним курортным огням, рассыпавшимся по краю черноморского закатного горизонта.

Он, конечно, поинтересовался, что это за парни были с ней... Она рассказала ему правду, что это просто случайные попутчики, ведь в детской игре не бывает ничего предосудительного. Она его любила и доверяла. А когда доверяешь - говоришь правду, не думая о последствиях. Они съездили уже вдвоем на чудный остров. Тамара захотела поделиться с ним найденным Раем. Но погода нахмурилась и впечатление не было столь ослепительным, как в день предвестья. Они купались, загорали, зарывались в песок, ели приготовленные припасы и... персики. Тамара, вспоминая этот момент своей жизни, всегда говорила, что для полного счастья ей нужно искупаться в открытом море и съесть персик. Жили они в какой-то халупе, снятой за копейки и пристроенной к побеленной миловидной хатке работающей украинской бабулечки, взявшей с них символическую плату. В этой каморке помещалась только кровать. Спать они не могли... Мешали яркие южные звезды, которые бесцеремонно заглядывали в окно. Поэтому К. завешивал его пляжным полотенцем. Внешнего мира больше не существовало. Тамара растворилась в счастье. С милым Рай и в шалаше.

Кислов ликовал, он чувствовал себя победителем. Это был реванш за все волнения уязвленного самолюбия, за досадные ошибки и промахи первых лет студенчества в постижения искусства лицедейства и закулисных запретов. Наконец, за бессонную ночь в Голлой Пристаней, на скамейке перед закрытой калиткой. Он ее тщетно, но упорно искал по оставленному адресу. Утром хозяйка, истинная украинка, баба Наташа, нашла его приютившимся на лавочке. Всплеснула руками она запричитала: «Ой, да кто ж это на нашем топчанчике ничью звезды пересчитывал?». Кислов гордо ответил: «Это я – жених Тамары Набокиной!». Тогда ему и сообщили, куда она отправилась дальше. В Скадовск. Адреса, конечно же не было! Ищи! Хлопец! Если повезет... Вот и повезло!

Через месяц после головокружительного летнего отдыха «в шалаше» с однокурсником

Тамара поняла, что беременна.

Она сказала об этом Кислову, даже не подозревая, что ее ждет.

Кислов без колебаний заявил, что «это» ему сейчас не нужно и что у него совсем другие планы. И Тамара осталась одна со своей проблемой, которая грозила позором, вылетом из любимого института и похоронами мечты всей своей жизни. С другой стороны, при устранении проблемы хирургическим путем, ситуация угрожала здоровью от возможных последствий самой небезнаказанной процедуры, на которую вынуждены решаться большинство покинутых женщин. Не говоря уже о моральной стороне вопроса. Муки совести подбираются позже, тайком, ночью, наедине с подушкой и звездами, безутешно глядящими в окно.

Т. не в силах рассказать это родителям, сообщила своему педагогу Е.П. Центровальник, что попала в ловушку. Педагоги, особенно хорошие – это те же родители. Но ремесло актера жестоко диктует расписание жизни. Вот уж поистине за кулисами нельзя и соринки друг от друга утаить. Пыль кулис оседает на всех ежедневных событиях, въедается в судьбы, сыплется на головы с потолка, как известка во время ремонта. Каким образом, но об этом тут же узнал Гном. Он вызвал Тамару на разговор.

- Ну зачем тебе этот дурак? - говорил он.
- Сходи, куда надо, сделай, что надо, и забудь. Ты что, думаешь его привязать этим?

Тамара не думала... У нее ныло все тело с ног до головы от душевной боли и унижения.

- Ты себя загубишь, - продолжал Гном. - У тебя впереди две главные роли, успех, карьера.

Тамара слушала молча.

А потом начался Шекспир...

«А... Как соловей о розе, поет в ночном саду, я говорил Вам в прозе... на песню переиду...» - плыла в мозгу фраза из арии первого тенора на «деревне», с завидной беззаботностью исполнявшего ее в студенческой постановке по пьесе Вильяма Шекспира.

Тамара решила порвать наотмашь. Чтобы потом не осталось отступных путей назад. Ведь один раз она уже простила, и ошиблась снова.

Это можно было сделать только через публичный скандал. Решиться на такое она пока

не могла. Произошло все само собой. Она ходила на занятия и репетиции, как сквозь строй. Ведь всем и так уже стало известно ее положение и отношение к этому Кислова. Болонке в первую очередь. Она по известным признакам первая определила состояние Тамары. Втайне торжествуя, она в обиходе давала ей практические советы «бывалой»: куда обратиться и что предпринять.

Шла работа над курсовым спектаклем «Много шума из ничего», мюзиклом Тихона Хренникова по пьесе вышеупомянутого англо-саксонского автора. Ставил зав. кафедры сценического движения К. Глиноземов. В обиходе – Глинозем. Вот уж где был простор для трюков и акробатических выкрутасов. Молодые артисты были в творческом экстазе. «Синие птицы по рубль двадцать», так любовно называл своих тощих студентов в трениках на занятиях по фехтованию любимый препода, порхали по сцене и делали «кикапу». Он ваял из них героев Шекспировской трагедии, как из бесформенного куска мрамора Пигмалион свою Галатею. Они и не подозревали, что проживали в бешеном темпе, пожалуй, самое счастливое время своей жизни.

Т. после операции танцевать не могла, у нее шла кровь. Гном сказал: «стой по центру и не прыгай!» Ему-то было не впервой уговаривать студенток по такому «житейскому поводу».

Тамара стояла в центре репетиционной аудитории, как у позорного столба на лобном месте, а вокруг азартным и зловещим аллюром в массовом танце кружились однокурсники, как черти в колесе. И ни одного, как ей тогда казалось, сочувствующего лица... Только маски, маски средневековых персонажей, с искаженными ртами, из которых падает окровавленная пена. «...Все просто, все сложно, в финале Дель Арте...». Тамара пошатнулась и...потеряла сознание. Ее подхватил, влюбленный в нее партнер по Шекспиру, баритон Нестерпенко.

Очнулась... уже на лавочке в передевалке, куда ее перенесли заботливые руки однокурсника. Что-то ей дали отрезвляющее или наоборот. Потом болонка сказала, что ей принесли выпить какой-то успокаивающей настойки на спирту. Может, и чего-то другого, но подействовало это зелье совсем неадекват-

но. Тамара, совсем потеряв волю, как пьяная беспомощно плакала и жаловалась склонившимся над ней лицам: «Я же хотела родить от него ребенка...». Среди нависших масок она искала его лицо. Найдя, хотела дать пощечину, но промахнулась. Потом Нестерпенко подрался в коридоре с Кисловым, или ей это только показалось... Все тонуло в какой-то серой пелене. Ее отвезли домой на такси.

После этого стресса Тамара взяла себя в руки. Больше в беспомощном состоянии ее никогда и никто не видел. Но боль не ушла. Она осталась гореть в сердце и в горле, обогащая голос новой звенящей тембровой окраской и, вопреки всему, прибавляя силы для постижения великого искусства музыкального театра. Т. еще долго вздрагивала, видя своего бывшего возлюбленного, идущего по коридору с очередной избранницей. В шекспировский период он начал роман с колоратурным сопрано. На «Летучке» он приклеился к претендентке на роль Розалинды из третьего состава, видно желая сделать Т. еще большее. Короче, пустился во все «тяжкие». Но она была недосягаема в своем творческом первенстве. Получив «кровавый урок» она закалилась надолго. Всю серию дипломных спектаклей «Летучки» было поручено исполнять именно ей. Так решила коллегия преподавателей во главе с Гномом. Т. была еще и любимицей дирижера П.А. Бубнова. Он говорил, что Т. для него находка и использовал, как учебное пособие, потому что она схватывала ритм, мелодию и нюансировку на лету. Конечно, это вызывало зависть у сокурсниц, и они в охотку шли на контакт с Кисловым, интуитивно понимая, что Тамаре это будет, как нож под ребро.

Как назло, даже другие режиссеры в отрывки на творческие показы приглашали их вместе. Результат получался эмоционально запоминающимся, поскольку вся ярость прерванных и недосказанных эмоций выливалась в подтекст исполняемых ролей. Этот жестокий метод частенько используют некоторые «кровавые» режиссеры.

Что за садизм? Вот уж поистине прав был Гном, поучительно выдвигая свой музыкально-драматичный тезис номер один: «Театр - кровавое дело!»

ВАЛЕНТИНА СИБИРЯКОВА-ГОРАК

Серебряная свадьба

Марго крутилась перед огромным, в полный рост, зеркалом, на втором этаже своего загородного дома-коттеджа. Она примеряла только сегодня пошитое платье кораллового, модного нынче, цвета. Платье обтягивало и выгодно подавало статную фигуру под названием «всёприней». Борьба с лишним весом давно закончилась, тем более, что лишнего, с точки зрения Семёна, её мужа, ничего, никогда не было. Семён вообще не мог понять, как можно любить «кожу да кости», «суп-набор», «вешалку» и так далее по списку.

А праздник будет завтра. И этот праздник называется «Серебряная свадьба»! Всё давно готово - заказан зал, приглашены гости, их джип (Маргарита, оставив зеркало, задумчивым шагом скользнула к окну, выглянула – вон он, во дворе) украшается лентами и сверху на кузов прикрепляются серебряные кольца! Вокруг машины топчутся Семён с отцом, должен приехать Данечка с семьёй. Мать со свекровью судачат, а заодно и готовят ужин на кухне, на нижнем этаже. Её отпустили ещё раз примерить платье и определиться с украшениями к завтрашнему дню.

Они будут самые молодые «серебряные» жених и невеста, как когда-то, очень-очень давно, целых двадцать пять лет назад, были самыми молодыми настоящими женихом и невестой. Им только-только исполнилось по шестнадцать... И никто - ни матери, ни отец, ни друзья-знакомые, ни директриса Любовь Прокопьевна Началова, ни классная руководительница Лидия Семёновна, ни мамыны подружки не верили ни единой секундочки, что этот брак продержится хотя бы год!

Марго вздохнула, пошевелилась и словно отмерла, вернулась в реальность, отошла от окна и снова встала перед зеркалом. Платье вышло на редкость удачное. Пошито по индивидуальному заказу, стоит уйму денег. Семён на наряды жёнушке денег не жалеет. У него интересная теория на этот счёт: он убеждён,

что самому мужику хоть голым ходи, но рядом должна находиться роскошно одетая женщина. Покупая очередную «золотинку с брюликом», он каждый раз приговаривает:

– Пойми, Марго, - это Семён её так называет, выбрал из бесконечного количества вариантов её имени самый романтический и прикипел, - твои брюлики, они не только тебя украшают, они и меня украшают, хотя и на твоей шейке, в твоих ушках и на твоих пальчиках мерцают.

Каждый раз делает паузу, и, непременно вздохнув, значительно добавляет:

– И ещё неизвестно, кого больше.

Это звучит, как мантра, впрочем, так же и работает: возможности баловать жёнушку дорогими безделушками не иссякают.

Марго, когда об этом размышляет, всегда улыбается мысленно. Хитрюга, чтобы мужёнок ни говорил, но сам-то ходит далеко не голым. Теория с практикой расходятся.

Отражение в зеркале заколыхалось, и на месте сорокаоднолетней действительно роскошной женщины, белокожей блондинки, с тонкими чертами лица, чёткими полукружьями бровей и задумчивым, глубоко ушедшим в себя взглядом, появилась растерянная, худенькая девчонка, в бедненьком, из последних сил вымученном мамкой платье невесты. Без фаты, мать даже думать запретила о ней, её заменили дурацкой шляпой.

– Шляпка красивая, лучше, чем фата, – успокаивала мать, да и остальные упорно долдонили, что шляпа супер, модно, продвинуто.

Ей было всё равно. Четыре месяца назад она родила Данечку. Где он? Ах, да, с утра отвезли к старенькой бабушке, матери свекрови, вместе со сцеженным молоком и прикормом. Долго судили-рядили, но в конце концов за свадебный стол ребёнка решили не тащить, мал и не только это. А «это» тоже была отдельная история...

Она своего Данечку отвоевала. Вон какой

красавец вымахал. Женат. На четвёртом курсе ещё поженились с Лидушей. И уже родили сына, Ванечку.

Данечка... Ванечка... А, не было бы никакого Данечки, а Ванечки и подавно. Если бы тогда она вовремя не осознала, что быть слабой... больше не имеет права!

Нет, она не осуждает мать. Она сама мать и хорошо понимает, что с ней, с матерью, тогда творилось. Она даже думает, что случись с её дочерью (если бы, конечно, она у неё была, слава богу, сын), то и она ещё неизвестно как себя повела. Годы-то какие были. Это сейчас «пробные» браки. Данечка с Лидушей тоже... прежде чем отношения оформить, на съёмной квартире жили себе, пока Лидуша не забеременела. И ведь ничего, в порядке вещей! А тогда... Тогда взрослой женщине без мужа родить – позор, а тут... дети, школьники.

Мать не видела её положения, а Марго не спешила с признаниями, почти до шести месяцев. Мать-то потом сама шутила над этой своей слепотой при каждом удобном случае. Решила, что Ритулька (а так её называла она) в отца и начала, мол, полнеть. В общем зарядку по утрам заставляла делать. Мать у неё вообще, как бы это помягче выразиться, «странная женщина». Кипучая энергия, но, как говорил иногда отец: «Александра, одним словом». Не в осуждение говорил, любя. Она его тоже любила... с перерывами. Выходила по любви, и сейчас, на старости лет, любит. А тогда у них дело к разводу шло. Пил отец. А у матери двое на руках и она, старшая, «делов наделала».

Снизу послышался звук подъезжающей машины и скрип тормозов. Марго торопливо подбежала к окну, выглянула. Точно, приехали Данечка с Лидушей. Лидуша – современная, энергичная, с чёрными, почти всегда затянутыми в бабетту, волосами, молодая женщина. Марго она нравится, ладят они с ней. Отстёгивает Ванечку от детского кресла. Поставила на землю, он сразу зазвенел, как колокольчик. А у Марго занялось сердце.

* * *

Когда мать поняла, что её дочь, ученица девятого класса советской средней школы беременна, с ней случилась истерика. Что это такое, она и не ведала раньше. Не до того было: трое детей, работа, в шесть подъём, в семь с

двумя малышами едва доплетались до дома. А там... вторая смена: прибраться, стоговить, накормить, постирать, уложить и... ждать с работы мужа. Придёт трезвый – почти праздник, пьяный – очередной надрыв, злость, граничащая с ненавистью. Нет, скандалов Марго не помнит, наоборот, густое, вязкое молчание. Отец что-то виновато бормотал, некоторое время топтался, как слон в посудной лавке, по малюсенькой кухне, довольно быстро утягивался в спальню, там бухался на кровать, не всегда успевая разуться, и по их миниатюрной квартирке начинали волнами кататься вдохи, выдохи, хрип, свист, бульканье, недолгие уходы в тишину, после которой девятым валом прокатывались мощные волны богатырского храпа.

Кошмар начинался утром. Отец ныл, выл, молил, стонал, умирал, зарекался, в общем, выпрашивал похмелиться. Но не тут-то было. Мать выливала всё, что у них скапливалось за период между запоями в раковину ещё вечером и становилась кремень. Не этим ли она и вытащила отца? Сейчас они посмеиваются оба: мол настоящим алкоголиком у них была раковина на кухне, а вовсе не отец.

Мать была сильная женщина, но тут... Она опустилась в скрипучее кресло на чёрных ножках-рожках и обмякла. Материны руки, плетями повисшие вдоль кресла, казались неестественно длинными, фаланги пальцев легли на пол, загнулись крючками и почернели. Она сидела и сидела, сидела и сидела. Марго помнит, как ей стало страшно, даже собственное чувство вины исчезло из-за навалившегося вдруг острого чувства страха за мать. Что делать, никто не знал. Один из этих «никто», то есть отец, подошёл через некоторое, бесконечно длинное время к матери, тронул за плечо и нормальным, человеческим что ли, голосом, произнёс:

– Александра, ну ты что, не умерла же она, – кивнул на дочь и добавил: – Да провёмся... как-нибудь. Отец даже приобнял неловко мать. Он хотел успокоить, но произошла обратная реакция. То ли от этого безвольного «как-нибудь», то ли от тепла рук, которые легли, наконец, ей на плечи, но мать затрясло, и она, сначала завывла, а потом и вовсе заорала... Кажется слышал весь их ветхий, деревянный восьмиквартирный дом. По крайней мере, со-

седки потом спрашивали друг у друга, да и у самой матери, что это было.

Отец схватил мать, сжал в медвежьих объятиях. Её било в конвульсиях. Решили вызвать скорую. При слове «скорая» мать стала успокаиваться. Часа через два тихим голосом произнесла:

– Будем что-то делать.

Мать прошла все круги ада, но справку-разрешение на аборт выбила. Аборт поехали делать в область. Дело нешуточное: пять месяцев, девочке пятнадцать.

Внизу нарастало веселье. Ванечка бегал по газону, его догоняла Лидуся, схватила, стала целовать. Лидуся любила годовалого сынишку любовью бешеной самки. Да и попробуй, такого не полюби. Мальчишка вышел хоть куда: красивый, как ангелочек, светленький, с огромными выразительными глазницами, в которых уже засел характер.

– В папу! – постановила Марго, а никто с ней и не спорил.

Что с ней сегодня? Почему так всё вспучилось и полезло, как тесто из кадушки? Канун юбилея? «Днюха», как говорит сегодня продвинутая молодёжь? Серебряная свадьба!

Они решили не ударить в грязь лицом, оторваться по полной, с шикарным свадебным залом, ди-джеями, уймой народа. За эту и за ту... их свадьбу. Впрочем, до неё ещё далеко.

* * *

Они с матерью стояли на крыльце областной больницы. Мать уже всё сделала: отстояла очередь в регистратуру и заняла очередь в кабинет гинеколога. Сейчас проверяла ещё раз, все ли документы-справки-разрешения при ней, не забыла ли чего. Время уходило, как вода в песок. Срок был слишком большой и каждый день его увеличивал. А надо ещё и доктора найти, что бы согласился. Мать печально смотрела внутрь себя, а заодно и внутрь своего кошелька. С деньгами было не очень, да и взятки давать она не умела, слишком сама была прямая и честная. Но когда-то начинать надо, и это «когда-то», кажется, наступило. Не согласятся ведь и – всё! Что «всё», мать объясняла Марго всю дорогу, они сутки ехали в поезде, а Марго...

В Марго что-то преворачивалось. И это

«что-то» было огромное, тяжёлое и очень неустойчивое. Оно всё время качалось: вправо-влево, вперёд-назад. Оно не стояло на месте, но и перевернуться никак не могло. Было жарко, солнце раззадорилось и палило с небес. Перед глазами Марго дрожала радуга из жары и слёз, и маячил силуэт Семёна. Накануне её отъезда в область, они встретились, проявив чудеса изворотливости и конспиративной избретательности. Встретаться в открытую им было запрещено строжайшим образом обеими матерями. Семён плакал и умолял её не ехать. Марго плакала и не понимала, как она сможет не поехать.

Подскочила мать:

– Всё, пошли, очередь подходит, – заторопила она. – Пошли, чего стоишь... да пошли же! Ритка, очередь пройдёт, опять занимать! Рит-ка! Рит-ка! Рит-ка! Ты что творишь, дурочка!

Марго слышала мать, но только ушами. Сигнал передавался в мозг, но он не спускался в ноги. Ноги вросли в тротуарную плитку и не двигались.

Как начиналось у них с Семёном? Да очень просто: в пятом классе её очень обижал один мальчишка, Васька Емельянов, нравилась она ему, видно. А он ей – нет! Емелька доводил Марго до слёз почти каждый день. Пока не появился Сёмка Кожевников. Его перевели из другой школы «за поведение». Уже через неделю Емелька отстал от Марго раз и навсегда, а Семён стал хорошим мальчиком.

Мать кричала, трясла её за плечи, бегала до кабинета: «Осталось два человека, остался один, очередь проходит! Ты жизнь свою пускаешь под откос! В училище, институт поступишь, образование, через полгода разбегитесь, а ты с хвостом останешься!»

«С хвостом? Каким хвостом? Ах, да, ребёнок, мать ещё в поезде говорила про этот «хвост». Там она соглашалась, кажется».

Полгода назад случилось «это». А через месяц они с Семёном узнали, что она беременна. Зачем он тогда повёл её на мост? Мост не особо высокий, но и не низкий, с него все подряд не прыгали. К тому же опасный тем, что надо знать, где прыгать, не везде глубоко. Был случай давно, когда один мальчик разбился, на спор прыгнул и попал на камень. Семён тогда прыгнул. Перелез через перила, сказал:

– Ты только не испугайся, тебе нельзя.

Марго помнит его побелевшие пальцы, вцепившиеся в перила, которые неумолимо разжались. Семён прыгнул. Потом он плыл к берегу, а она, как сумасшедшая, бежала вдоль моста. Они долго стояли сцепившись в объятиях, а когда оба сердца перестали вырываться из груди, он сказал:

– Я могу и по-другому прыгнуть, – и через паузу добавил, – я никогда тебя не брошу, слышишь? А... ты?

– Слышишь? Ты меня слышишь?! – в голосе матери закипало рыдание.

– Сейчас закричит, – точно знала Марго.

Вокруг собирались люди. Близко не подходили, да и особо не задерживались. Стояли, какое-то время глазели и отходили. Все тут были не просто так, областная больница. Но мать пока не кричала, пока она стояла молча, и руки... руки вытягивались вдоль туловища. Сейчас они дотянутся до земли, фаланги пальцев лягут на тротуарную плитку, загнутся крючками и почернеют.

Но она не пойдёт!

Да... если бы не та старушка. Откуда она взялась? Из толпы, наверное. Подошла к ним, светлая вся.

Когда они, уже в поезде, вспомнили про неё, мать предположила:

– Врачиха, может. Мы должны были с тобой к врачу-женщине попасть.

Что она говорила – ни Марго, ни мать вспомнить почему-то не могли. Голос лился ровно, умиротворяюще, что-то про счастье, которое они не хотят принять. Счастье... Именно это, такое несоответствующее моменту слово, кажется, и перевернуло материнское сознание. Оно было, как фантом: его самого, счастья, не было, но ощущение его вдруг появилось. Оно просто встало рядом, они его почувствовали.

Марго и мать смотрели друг на друга, пока мать не произнесла, неожиданно легко, словно груз с плеч сбросила:

– Ладно, Ритка, ты сделала выбор, да и... всё равно кругом опоздали, поехали на вокзал.

Мать ещё оглянулась, наверное, чтобы кивнуть старушке, но её уже не было.

Так она отвоевала своего Данечку.

Как они его все любили, маленького, но больше всех бабушка Александра!

А та старушка... Однажды маленький Данька, ему года четыре было, рассказал, что видел во сне старенькую бабушку, и она дала ему конфетку. Он её не успел съесть во сне и, когда проснулся, стал искать, не найдя, разревелся. Узнав в чём дело, Марго посмеялась и дала ребёнку конфетку. Но договорились, что сразу он её есть не будет, а скушает, когда проснётся. Данька зажал сладость в кулачке и проспал всё утро, даже будить пришлось... Она ещё долго мысленно посмеивалась, пока однажды не догадалась... что за старушку видел сын во сне.

* * *

Нет, мать была бы не Александра, если бы на этом их с Семёном мучения и закончились. Но она уже в поезде сообщила дочери новый план её дальнейшей жизни:

– Ребёнка мы с отцом вырастим, – мать совершенно успокоилась, она уже видела выход и из этого, только что создавшегося положения, пила чаёк из казённого стакана с витым, тяжёлым подстаканником и вещала, – где трое, там четверо. А ты – родишь и учишься! Ты меня поняла?

И стала претворять план в жизнь.

Внизу громко заговорили, слышался нервный голос Лидуши. Окно было открыто, слышно хорошо. Лидуша сердито выговаривала мужу чего-то не делать. Марго привстала, отодвинула занавеску. Ах, вот оно что: мужчины собирались кататься на квадрацикле. Эта «жуткая штука», как окрестила квадрацикл бабушка Александра, была куплена недавно Даней, непонятно, для какой цели, кажется исключительно, чтобы гонять на ней вдоль по улице их коттежного посёлка и радостно гоготать при этом. Квадрацикл прописали в родительском гараже, так как Даня с семьёй жили в городской квартире. Мужчины, на данный момент, были Даня с Ванечкой, а Лидуша запрещала мужу брать с собой годовалого сынишку, боялась.

– Вот родишь себе дочку, будешь её под юбкой держать, а Ваньке бантики завязывать не позволю...

Окончание диалога потонуло в треске заводимого агрегата, а гневная Лидуша заскочила в дом, но потом быстро выскочила и встала у калитки, контролировать процесс

катания. Семён с тестем, закончив украшать джип лентами, прикидывали, как закрепить на кузове машины кольца. Процесс подходил к концу, надо было спускаться вниз, смотреть, что там, на кухне. Скоро мужская часть населения назабавится во дворе и проголодается. Но воспоминания не отпускали, и Марго, аккуратно сняв коралловое платье, повесив его на вешалку, при этом ещё и ещё раз тщательно расправив, завтра никаких хлопот с ним не должно быть, вдруг снова подошла к зеркалу.

Фигура хоть куда. Марго привычно удовлетворённо повернулась вправо и, помедлив, плавно, влево – никаких изъянов. Ещё бы они были, она ведь так никого, кроме Данечки, и не родила больше.

«Хоть бы Данечка с Лидушей нарожали побольше внуков», – привычно помечтала Марго, накинула халат и забыв, что хотела идти на кухню, снова погрузилась в кресло.

* * *

Когда Марго, по-прежнему, благополучно беременная, с матерью возвратились домой, счастьем влюблённых не было границ. Казалось, все их проблемы закончились раз и навсегда. Ну поворчат, ну карантин устроят. Куда они теперь денутся? Алесандра действительно дочь под домашний арест посадила и запретила всякие встречи с этим «отцом ребёнка». Зачем? Всё равно Ритуля, как только родит, поступать в училище поедет, закончит его, а там и высшее образование получать надо. Ну, а мать Семёна и подавно рада, что мать Марго, как называет эту девочку сын, вполне себе адекватная женщина и не собирается женить её сына на своей дочери. Юные влюблённые не видели поначалу во всём этом большой опасности для себя, раз не случилось того, самого страшного... значит всё нормализуется, просто надо подождать, ещё немного, ещё чуть-чуть, но они просчитались.

Абсолютно логичные поначалу, действия матерей, постепенно выливались сначала в тихую войну, а потом и в открытую бойню. Дело в том, что все они жили среди людей, то есть соседей, друзей, родных и знакомых, к тому же в городском районе, под названием «Черёмушки».

Райончик этот состоял из деревянных двухэтажных домишек и пользовался дурной

славой. Однако сами жители «Черёмушек» так не считали, более того, когда им про их место проживания говорили что-нибудь нелицеприятное, обижались и считали своим долгом убедить заблуждающегося (способы убеждения были самыми различными, смотря кто заблуждался) в обратном и доказать ему, что в их районе, дома хоть и пониже, а асфальт пожиже, чем в других местах города, но зато люди прекрасные, в беде друг друга не оставят и на помощь друг другу придут.

Что касается конкретно этой интереснейшей, пикантнейшей, ставшей достоянием не только «Черёмушек», но и почти всего их маленького городка, истории местных «Ромео и Джульетты», каждый житель этого замечательного района считал, что имеет право не просто на собственное мнение, но и на прямое участие, так сказать, посильную помощь информацией или советом той или иной стороне, в зависимости от того, на чьей стороне он сам лично находился. Таким образом, всё время, оставшееся до родов Джульетты-Марго, история перемалывалась в скрипучих жерновах сплетен, догадок, предположений, а также её передавали в различных вариантах по сарафанному и армянскому радио и, конечно же, по испорченному телефону.

К моменту родов две абсолютно вменяемые и адекватно настроенные матери представляли из себя уже двух разъярённых фурий, восставших на защиту своих бедных кровинушек, которым злая «та сторона» хочет: испортить жизнь, сломать судьбу и встать на пути их светлого будущего. Не очень общительная с соседями Александра, только самым доверенным признавалась, что ни за что не позволит своей дочери выйти замуж за этого «малолетка», потому что: «толку на полгода, а год с поступлением в училище профукаем». Более контактная, обожавшая посидеть на лавочке с соседками, Наталья Викторовна, работница Дома культуры железнодорожников и мама Семёна, поставленным голосом вещала каждый вечер, что не даст задурить голову своему Сёмке, тем более неизвестно от кого ещё «она» набегала.

Встречаться новоявленным «Ромео и Джульетте» запретили под страхом всех на свете кар, но они встречались, матери же на работе целый день. Об этих встречах тут же матерям

докладывалось «доброжелателями»: где, при каких обстоятельствах, на какой улице или в каком магазине видели двух влюблённых голубков, как они смотрели друг на друга, о чём ворковали, если удавалось расслышать, и вечером распекания и угрозы матерей не заставляли себя ждать.

К моменту родов все действующие лица этой пьесы чувствовали себя уставшими, разбитыми, натянутыми как струны между двумя крайностями: от «мы всё равно поженимся», до «чёрта с два, только через мой труп». Причём слова: «чёрт» и «труп» были уже вполне себе легитимными не только для инженера-экономиста Александры Васильевны Переверзевой, но даже для филолога по образованию и работницы культуры Натальи Викторовны Кожевниковой. Единственный отец, как это часто с отцами происходит, самоустранился: «Делайте, что хотите, потом не плачьте».

Марго, вспомнив это, в который раз усмехнулась: вон она, Наталья Викторовна, на кухне с матерью, готовят плов, салаты «Цезарь» и «Греческий», подруги, по телефону могут часами болтать о своих возлюбленных деточках и не только на эти святые темы. Сами вспоминают дела те прошлые, не иначе, как посмеиваясь. Смешно им, а тогда смешно не казалось...

Как выжила тогда Марго, глубоко беременная, в обстановке всеобщей травли, она и сама не знает. Молодые были, в себя беду ещё не впускали, по поверхности она скользила, внутрь их юных, крепких пока душ не просачивалась. А души жили встречами. И эти встречи, которые им никто, ну никто уже не мог запретить, были как поток живительного воздуха, и они дышали им и надышаться не могли.

Это было какое-то чудо, что на выписку Марго из роддома, Наталья Викторовна... пришла! Семён долго не рассказывал Марго, как ему это удалось. А удалось не просто так: доведённый до отчаянья мальчишка, вечером, в канун выписки, в очередной раз выслушивал длинную, научно и социально обоснованную речь матери о том, что нужно быть разумно эгоистичным, думать о своём будущем, не подрезать крылья своей судьбы на взлёте, тем более, что неизвестно... вдруг встал, подошёл

к матери и произнёс неожиданно твёрдым голосом:

– Мам, если ты сейчас не пообещаешь, что завтра пойдёшь со мной к Марго...

– Ну и что ты сделаешь? – разгорячённая собственной праведной речью, мать, сначала подбоченилась, а потом и вовсе приняла позу «сахарницы», то есть упёрла руки в боки. – Что ты сделаешь, глупый мальчишка, который не может понять простой... – но договорить не успела.

– Прыгну с моста! У тебя времени одна минута! – и стал надевать ботинки.

Семён затянул шнурки, открыл дверь и вышел. Мать какое-то время оторопело, затравленно смотрела на хлопнувшую со всей моченьки за сыном дверь, а потом ей почему-то показалось, что она слишком долго медлит, а сын уже, возможно, на мосту и прыгает в воду, а там камни! Её окатило ледяной волной ужаса, и Наталья Викторовна, в беспамятстве рванулась в эту самую дверь, забыв обуться. Так, босиком уже в подъездной, выходной двери догнала сына и бросилась ему сзади на плечи:

– Сыно-о-ок! Сынок, остановись! – она знала своего сына.

Семён не ожидал такой реакции матери, испуганно обернулся, и они, наконец, впервые за долгое-долгое время, он уже и не помнил, когда такое было в последний раз, в детстве, пожалуй, обнялись.

– Мам, я так устал...

То, что они оба плакали, он Марго так никогда и не признался.

Пока ожидали выхода счастливой матери с новорождённым, Наталья Викторовна стояла на особицу от всех и делала вид, что она попала в это место случайно или вообще не туда попала. Поостыв и успокоившись после вчерашнего, она снова впустила в себя надежду, что ребёнок у этой легкомысленной особы всё же не от её ненаглядного сыночка, и она это сейчас развенчает. Когда принесли младенца, подошла последняя, бочком, скосила глаза на кулёчек, перевязанный голубой ленточкой и чуть не вскрикнула, потом прижала ладонь к губам, потом покачала головой и... выдохнула, наконец:

– Наш!

Ну, ещё бы не «наш». Внизу снова затре-

щал квадрацикл. Марго не поленилась, поднялась с кресла и в который раз, с удовольствием, глянула в окно. Ну, точно: счастливые, разгорячённые экстремальным действием, оба розовощёкие, с одинаковыми ямочками на щеках, отец и сын (на руках), спускались с «жуткой штуки». Ваньке годик, а уже мужик, не боится, не плачет, наоборот, герой. А вот и третий подошёл, вернее первый, Семён. Марго привычно покачала головой: «Три молодца, одинаковых с лица». На всякий случай поплевала «тьфу-тьфу-тьфу» и тут же предусмотрительно перекрестилась: «Господи, спаси и сохрани моих мужчин!»

С этого-то «наш» и началось потепление. Сначала температура начала подниматься в душах самих матерей: одна произнесла это магическое слово «наш», вторая его услышала. И это был первый огонёк, зажжённый в вязком болоте неприятия и нежелания признать за свершившийся факт появление на свет божий ещё одной, малюсенькой, но такой родной для всех участников этих событий, души. Казалось бы, ну что ещё надо, вот он, ангелочек, как две капли воды похожий на вас, с вашим набором хромосом, пресловутыми генами, с вашими глазками, ушками, носиком и даже улыбкой беззубого маленького рта. Возьми его в ладони, согрей своим сердцем. Но нет, маятник настроений всё ещё раскачивался, правда амплитуда колебаний становилась всё меньше и меньше. Через месяц появился «Дэ юро» ещё один гражданин страны, Даниил Семёнович Кожевников. А ещё через три - сыграли свадьбу.

К распахнутым воротам дома подкатили две машины. Ого, да это брат с семейством и Юлька со своим! Да они что, сегодня «начать» собрались? Юля – сестра, они-то с братом и были тогда теми «ещё двумя» на руках у матери. Вон какие вымахали: взрослые, семейные, у каждого по второй половине и по двое детей. Приехали, чтобы оставить, ну, а значит и вручить, громоздкие завтрашние подарки, не в праздничный же зал их тащить.

Внизу началось что-то невероятное: сразу пятеро детей разнообразного садовского возраста, создали обстановку этого самого детского сада на прогулке. Те, что побольше, жаждали покататься на квадрацикле, и Дане ничего не оставалось, как снова завести «жут-

кую штуку». Лидуша облегчённо подхватила на руки Ванечку, вышедшая из дома мать полуторагодовалую Дашульку, дочку брата. Остальные взгромоздились на квадрацикл и укатили. Брат с Серёгой, мужем сестры вытаскивали какую-то здоровенную коробку из багажника Серёгиной машины, отец показывал, куда поставить.

Что ж такое, почему ей сегодня так «не на месте», что за день такой, скорее бы завтра, да чего уж там, послезавтра. Стоп... альбом! Марго бросилась к книжному шкафу, нашла, стала торопливо перекидывать страницы, вот они, свадебные фотографии тех лет. И всё исчезло: весёлые голоса за окном, вкуснейшие запахи из кухни, родственники, которых надо встретить...

* * *

Что это была за свадьба? А надо знать, что это были за времена. Они поженились в конце девяносто второго. Мать с отцом оба работали на одном предприятии, на котором зарплату выдавали рыбой. У них пил отец, а у Семёна такового и вовсе не было. Наталье Викторовне, работнику культуры вообще неизвестно чем зарплату выдавали, да и выдавали ли. Но погулять на свадьбе, желающих была уйма. И свекрови удалось договориться с залом прямо в своём родном доме культуры. Гостей было со всех волостей, но и каждый нёс, что бог давал (взаимопомощь в действии), от прошлогодних банок с огурцами до изготовленных по домам винегретов. Мать испекла торт, умела она это делать, но тут даже себя превзошла. Платье тоже заказали, скромненькое, с рюшечками, в общем ничего, и шляпа. Вот она, на фотографии: хорошенькая шляпка, что она её так стеснялась тогда?

Марго смотрела на эту несчастную шляпку и не чувствовала, что по её щекам давно уже текут слёзы. Они капают на фотографию, прямо на эту шляпку, она их смахивает, а они всё текут и текут. Всю свадьбу Марго думала про Данечку, как он там, у бабушки, матери свекрови. Были ли они счастливы с Семёном в тот момент? Она не помнит, помнит только, что они, всеми забытые, тихо и отрешённо просидели всю свадьбу за столом, почему-то ничего не пили и мало ели, так жевали что-то.

И под столом держали друг друга за руки. А свадьба была шумная, бесшабашная, музыку организовали, перепились так, что «мама не горюй», ну а до торта дело не дошло, его, изрядно помятый, ели на следующий день, вместе с оставшимися от свадебного стола винегретами-огурцами-помидорами. А ещё Марго запомнила, что, когда расходились, мать с отцом дружно так шли, друг друга поддерживали, вскорости у них налаживаться стало.

Сквозь пелену воспоминаний, вдруг про rvalось:

– Мама, а тётя Рита сидит и плачет.

– Где?

– Наверху, в кресле.

С трудом доходило, что это про неё. Досиделась, уже все, и хозяйева, и гости, ввалились в гостиную, катавшиеся накатались, голодные готовились приступом брать огромный обеденный стол. Все дружно бросились наверх, окружили:

– Марго, Ритка, что с тобой? – на лицах тревога, никто ничего не может понять. – Тебя кто обидел?

Ворвался Данечка:

– Мам, мам, а ну рассказывай, что случилось? – вырвал из кресла, прижал к себе.

– Викуся пошла звать к столу, а она плачет тут, – объяснила Юлька.

Все стали смотреть на Семёна, но было видно, что он меньше всего понимает, что происходит, да он всё время внизу был. Сквозь рвущиеся из груди рыдания, Марго пыталась что-то сказать, но у неё не получалась. Она взмахивала руками, жестикулировала, делала какие-то знаки, но вымолвить ничего не могла. Подошёл Семён, и тут Марго, продолжая обнимать одной рукой сына, схватила другой мужа и хрипло, в горле комок, прорыдала на-

конец:

– Господи, какая я счастливая!

На этом месте повисла пауза, она была продолжительной, только мать, поднявшаяся последней, стояла у перил, чуть-чуть улыбалась глазами и задумчиво стирала со щеки слезинку, а потом раздался растерянно-возмущённый голос отца:

– Нет, вы посмотрите, мы тут все переполошились, а она... счаст-ли-ва-я.

– Ну да, мы-то подумали, что ты замуж выходить передумала, – поддакнул отцовскому голосу голос братика.

– А мы подарки успели, припёрли, – встала свои пять копеек и сестрёнка Юлька.

Но, когда раздался подводящий черту дурашливый голос широко известного в узких кругах юмориста, зятя Серёги:

– Нет, из-под венца она завтра надумала бежать! – этого уже никто выдержать не мог, и догадка Серёги потонула во всеобщем облегчённом хохоте, гвалте, остротах на заданную тему, и вся компания стала дружно спускаться по узенькой, не рассчитанной для такого количества народу лесенке, вниз в столовую. Марго, которая шла последней, смотрела на этот тонкий весёлый ручеек из родных ей людей и думала о том, что счастье есть, просто его не всегда видишь, но вот в такие минуты оно вдруг проявляется, оно заявляет о себе: вот я, счастье, а вы не знали, что я у вас есть?

Какой счастливый, всё-таки день... Почему сегодня? Ведь серебряная свадьба завтра. Да всё хорошо будет завтра: и праздничный зал, и серебряные кольца, и шары-цветы, и огромное количество приглашённых, и до торта... дело дойдёт! Завтра будет прекрасный день! А сегодня – счастливый!

НИНА ОЗЕРОВА

Прогулка

Среди толпы прохожих, туристов и прочей публики, гуляющей по набережной Невы, одна пара выделялась своим внешним видом. Был очень теплый августовский день, необычный для того холодного лета, да к тому же воскресенье.

Эти двое, держась за руки, о чем-то оживленно разговаривали. Иногда они останавливались, устремив свои взгляды в небо, где летал вертолет с туристами, желающими посмотреть на город с высоты птичьего полета. Он, словно огромная стрекоза, делая круги в синеве неба, кружил над Петропавловской крепостью, над Невой с ее мостами и набережными - над всей этой красотой родного и любимого города...

На эту пару, о которой пойдет мой рассказ, приятно было посмотреть... Невысокого роста дама была одета элегантно. Джинсовое летнее пальто, из-под которого виднелось платье в стиле «сафари» кораллового цвета, на ногах стильные босоножки на «платформе», на голове маленькая соломенная шляпка в синюю полоску. Ансамбль этот дополнял нежный шарф из натурального шелка. Из украшений - нитка жемчуга и такие же серьги. Легкий макияж и прическа - безупречны. Да, совсем забыла, сумочка, белая сумочка в руках...

Спутник дамы, несколько ниже ее ростом тоже производил впечатление. С модной короткой стрижкой, которую скрывала бейсболка, джинсовая курточка и брючки ладно сидели на нем и за спиной маленький рюкзачок. В модных кроссовках он очень бодро шагал рядом с ней. Петропавловская крепость была уже недалеко.

Наконец-то эти двое перешли мост соединяющий набережную с островом и очутились на его территории. Налево зеленела лужайка и на нее, снижаясь, приземлялся вертолет. Направо сквер переходящий в песчаный пляж, о берег которого с шумом бились волны Невы, посередине которой проплывали парусники.

В этот день здесь проходила «Парусная регата». Солнце ослепительно отражалось в воде и золотило купола и шпиль Петропавловского собора.

Наша пара присела на скамейку немножко отдохнуть. Они приехали сюда с Васильевского острова не только прогуляться, а также посмотреть выставку песчаных скульптур, которая была открыта только до первого сентября. Так они сидели и любовались Дворцовой набережной и Адмиралтейством, Ростральными колоннами, зданием Биржи, сверкающим вдали куполом Исакия...

Повернувшись и устремив свой взгляд на шпиль собора, молодой человек воскликнул:

- Бабушка! Почему я не вижу ангела на шпиле, а только крест? - и добавил, - Ты же моя добрая Фея и все обо всем знаешь! Сегодня ты очень похожа на Мери Поппинс, но ты лучше!

Она ответила:

- Золотко мое, ангел на шпиле является флюгером и сейчас из-за ветра так развернулся, что нам его не видно. Сейчас мы продолжим наш путь, пойдем по берегу вдоль стен крепости и может быть он нам покажется во всей своей красе!

И они пошли дальше. Это были прабабушка Елена Павловна и ее единственный и любимый правнук Ильюша шести лет, мама которого была ее внучкой и дочерью старшего сына Елены Павловны, безвременно ушедшего...

Они пошли по пляжу до того бастиона, под стеной которого расположилась выставка скульптур из песка. Народу было много, кто-то сидел на песке у самой воды, некоторые смельчаки даже купались в холодной воде Невы, несмотря на то, что Ильин день уже прошел... Дул легкий ветер и чайки с криком летали над голубым простором воды.

Купив в кассе билеты наши путешественники оказались на отгороженной территории

выставки. Здесь были персонажи из мультфильмов и фильмов и даже скульптура «Спас на Крови». Все они были в человеческий рост и выше, и производили незабываемое впечатление... Не верилось, что все это сделано из песка. Но, рассматривая внимательно скульптуру храма, они увидели, что в некоторых местах по центру песок осыпался, что очень портило его внешний вид. Елена Павловна поинтересовалась у зрителя:

- Скажит, пожалуйста, почему так выглядит эта скульптура?

На что молодой человек ей ответил:

- Вы, наверное заметили, что все скульптуры огорожены, чтобы их не трогали руками. Но в полдень, здесь по традиции стреляет пушка и возможно от этого песок осыпается, так как эта модель находится у самого подножия стены, с которой стреляет оружие, а остальные на много дальше. Устроители выставки этого не учли. На будущее это надо предусмотреть.

- Тогда скажите, откуда взяли столько мельчайшего песка для этих шедевров? - спросила Елена Павловна.

Молодой человек, видимо обрадованный любознательными посетителями, ответил:

- Песок сюда завезли с песчаных карьеров и скульпторы из разных городов трудились, создавая фигуры, смачивали их специальными растворами, чтобы не осыпались. Ваятели показали свое мастерство гостям и жителям Петербурга, и эти ежегодные летние выставки стали традицией. Я вижу, вам понравилось! - на что Ильюша, слушавший очень внимательно, утвердительно кивнул головой.

Наши путешественники продолжили свой путь и пошли дальше вдоль стен крепости, разглядывая мосты над Невой, голубое небо, чаек, речной простор сверкающий под лучами солнца, ощущая себя частью родного и любимого города...

«Как я всю жизнь восхищаюсь этим видом!» - глядя на стрелку Васильевского острова, подумала Елена Павловна. - Там за Биржей, в больнице Отга, я родилась, и дети мои тоже... Это моя Родина!» - и смахнула набравшую слезу.

И она старалась передать эту любовь к

городу не только своим сыновьям и внучке, а теперь уже и правнуку Ильюше, как некую эстафету, скорее - духовное завещание. Наследство, доставшееся от родителей, ветеранов войны, защищавших на фронте родной город - это любовь к Ленинграду и уже к Петербургу. Она не знала ни свою бабушку, ни своего дедушку: они умерли в блокаду и похоронены на Пискаревском кладбище... Родители тоже ушли в мир иной. «Царствие им Небесное!»

И, несмотря на прожитые годы, на испытания судьбой, восхищение красотой и гармонией города обязывало его соответствовать, а любовь к прекрасному - к музыке, к литературе, к поэзии, привитая ей с детства, не иссякала с годами... Она радовалась, что ребенку всегда хотелось пойти с ней в театр «Зазеркалье», в ТЮЗ, и даже в Белый зал Политехнического университета... как и его вопрос: «Бабушка, мы с тобой еще не были в Казанском соборе. Когда мы туда съездим?». И этот родной ей человек уже знал все достопримечательности города по фотографиям календаря, знал схемы метро и названия станций и мог объяснить ей как проехать от «Гражданского проспекта» до «Рыбацкой», когда она собиралась туда поехать. А однажды наши путешественники побывали на экскурсии в метро. «Путешествие крота Митрофани» для дошкольников - игра по станциям петербургской подземки, организованная экскурсионным бюро «Тэона». Детям, в сопровождении мам или бабушек, раздали яркие жилеты и каждому вручили наушники с приемником, чтобы среди шума метро они могли слушать рассказ девушки-экскурсовода. Детям и взрослым было очень интересно узнать много нового, например, что первая ветка метро была только от «Площади Восстания» до «Автово». И не только тогда, но и сейчас эти станции поражают своим величием.

И невольно мысленно Елена Павловна оказывалась в своем послевоенном детстве и в настоящем детстве правнука. Как две параллели, они все же сходились в одной географической точке на карте города - на Васильевском острове...

Путешественники - как любил называть

себя маленький Ильюша во время их совместных прогулок, она же для себя уточняла - путешественники во времени.

«Наверное, и я путешественница во времени!» - размышляла Фея, когда они с Ильей гуляли по улицам ее детства на Васильевском острове. В те далекие годы Андреевский собор, что на углу 6-ой линии и Большого проспекта, куда они с Ильюшей спешили иногда на вечернюю службу, представлял собой механическую мастерскую, тогда не многие храмы были доступны верующим... А на 5-ой линии был детский сад, куда маленькую Леночку отводила мама и вечером забирала. Вспомнился кинотеатр «Балтика», трамвай № 6, отвозящий их с мамой на остров Декабристов. И вот теперь она с правнуком гуляет по этим улицам, по набережной Невы у Сфинксов, в Румянцевском саду у Академии Художеств, на Стрелке... Но родной город с годами становился все красивее, и старинные дома выглядели теперь как новые, рождая чувство гордости и восхищения.

- Боже! Как быстро пролетела жизнь! Давно ли было детство, юность, молодость...! Любимые мама и папа... Я еще многое должна успеть передать Илье, рассказать, показать...

Фея не заметила, как они очутились на территории самой крепости. Ильюша остановился и подняв голову стал разглядывать ангела на шпиле, сверкающего золотыми крыльями на фоне голубого неба. Вокруг было много туристов, скамейки были все заняты, некоторые сидели на траве газонов. в это время часы на башне Собора зазвенели, на циферблате стрелки показывали половину пятого. Ильюша, отвернув манжет курточки, посмотрел на свои детские часы, подарок бабушки на Новый год, и сказал:

- Давай сверим наши часы, - и, убедившись, что у нее часы тоже правильные, добавил, - Хорошо, что наши часы на электронных батарейках, и их не надо заводить.

На что Фея ответила:

- Золото мое, здесь так много всего интересного, но нам надо двигаться к выходу. Пока через Александровский парк дойдем до «Горьковской», время еще пройдет, пока доберемся до дома, будет уже вечер, а мы с тобой

немножко устали.

Вдруг Ильюша воскликнул:

- Посмотри, сколько народу собралось около скамейки, на которой кто-то один сидит и развалился! Пойдем посмотрим!»

Они подошли поближе и удивились...

На скамейке сидел заяц в человеческий рост - скульптура. Он откинулся на спинку скамейки, закинув ногу на ногу как человек. И кто-нибудь из посетителей присаживался рядом и в обнимку фотографировался... Пройдя дальше, наша пара увидела такого же зайца стоящего на задних лапах, и вокруг него тоже толкались и фотографировались взрослые и дети, потом еще одного...

Посмотрев вопросительно на Фею, Илья потянул ее за руку, желая подойти к зайцу окруженному людьми, но остановившись она сказала:

- Обрати внимание, сколько здесь туристов, они приехали из других стран и городов посмотреть наш удивительный город. Возможно кто-то из них уедет или улетит сегодня вечером, а кто-то завтра. Так пусть они фотографируются на память с зайцем - это же Заячий остров, а мы с тобой еще найдем время сюда приехать, и эти зайцы от нас не убегут.

- Ладно, - согласился Илья и добавил: - Отметь у себя в календаре, бабушка, что до снега мы сюда еще вернемся с тобой.

Усталая, наша пара, наконец-то нашла местечко на скамейке. Они немного перекусили, съели по пирожку, выпили по коробочке сока и отдохали. Фея начала свой рассказ, чтобы закрепить у мальчика впечатления от увиденного.

- Санкт-Петербург - удивительный город, ты сам теперь убеждаешься в этом. Его необычная архитектура вызывает восхищение всего мира. Эту красоту создавали русские и зарубежные архитекторы, скульпторы, художники. Но прежде всего наш город возводился ежедневным, кропотливым трудом тысяч и тысяч простых людей. За три столетия город обрел свою великую историю. Петропавловская крепость, где мы сегодня с тобой прогулялись, занимает центральное место в панораме Петербурга, а находящийся в ней Собор святых апостолов Петра и Павла с воз-

несенной над островом колокольней является одним из символов города. С крепости на Заячьем острове (скульптуры зайцев напоминали нам об этом) - начиналось строительство нашего города. Теперь это государственный музей-заповедник. Здесь находится Музей истории Санкт-Петербурга.

Прислонившись к бабушке, усталый Ильюша внимательно слушал, а потом все-таки спросил:

- Моя родная Фея, мы с тобой сюда обязательно приедем и не только из-за зайцев. Мы не посмотрели Монетный двор, к скульптуре Петра было не подойти, не поднимались на стену крепости, я не видел людей наверху. Не зашли в Собор, где похоронены цари, и много чего не посмотрели... И скажи, пожалуйста, почему у нас под ногами не асфальт, а какие-то круглые камни?

- Сейчас отвечу на твой вопрос, и мы пойдем к метро, - промолвила Фея.

- Камни эти называются булыжниками, в старину ими мостили улицы и площади, укладывая каждый камень плотно один к другому, отсюда и название «булыжная мостовая». И даже на улице, на которой стоит старинный дом, где ты живешь, тоже была булыжная мостовая. Когда-то там прошло мое детство и юность. Теперь улица покрыта асфальтом, что гораздо удобнее для машин и людей. А здесь в крепости сохранилось это старинное покрытие.

- Золото мое, - продолжала Фея, обнимая своего путешественника. - Мы еще не раз будем сюда приезжать.

И они оба вспомнили, как однажды весной, Ильюше было еще пять лет, они стояли на набережной у самой воды и смотрели на Петропавловскую крепость, которая казалась издали игрушечной и фотографировались на фоне ледохода, и Ильюша мечтал, что когда-нибудь он окажется на том песчаном берегу крепости и оттуда будет смотреть на свой Васильевский остров.

Вместо эпилога

Было уже за полночь, когда такси, белый фольксваген, подъехало к дому, где на тротуаре пустынной улицы его уже поджидали. Это были Елена Павловна и отец Ильюши. Родители мальчика поздно приехали с дачи и предложили бабушке остаться ночевать, она отказалась, так как дома ее ждал муж. Тогда внучка Машенька вызвала такси и через пятнадцать минут машина уже подъезжала к дому. Это был единственный вариант в это время суток добраться с Васильевского на север города, где жила Фея. Дверь машины закрылась за нашей путешественницей, и такси плавно поехало по ночным улицам.

«Вот и прошло еще одно воскресенье, проведенное вместе с Ильюшей, который сейчас крепко спит в своей кровати, - перебирала в памяти события дня Елена Павловна. - И я так рада, что долгожданная прогулка в Петропавловскую крепость состоялась. Родители уехали на дачу без него, а для меня совместно проведенный с ребенком день был праздником, так я его люблю...» - думала она.

После ужина они с Илей сыграли три партии в домино, не в детское с картинками, а в настоящее, взрослое. Потом на магнитной доске он складывал из букв слова и предложения... А потом вслух читал любимую книжку про слона Помпона, написанную в стихах и прекрасно иллюстрированную. Автором книги была писательница и приятельница Феи О. В. Сафарова. Одну страницу читала бабушка, другую Илья, то было их любимое занятие. И теплое чувство дружбы и доверия, уважения к детской личности, все это было между ними. И ребенок, чувствуя это, неосознанно относился к Фее как к товарищу по играм.

- Извините, мадам, вы не будете возражать, если я негромко включу музыку? - улышалась она приятный голос водителя, прервавший ее мысли.

- Пожалуйста, - ответила она.

И только теперь разглядела его. Седой, широкоплечий мужчина легко и уверенно держал руль, вел машину, которая плавно, словно по воздуху несла их по ночным и пустынным улицам.

В салоне тихо заиграла музыка, это Френк Синатра бархатным и завораживающим голосом пел одну из своих вечных песен, которые она очень любила... Это был его знаменитый «Мой путь». За окном машины проплывала теплая августовская ночь с огромной желтой Луной в небе. С восторгом разглядывая волшебный сказочный город, сверкающий ожерельем огней набережных на фоне черного переливающегося платья красавицы Невы... Фея подумала: «А сейчас моя личная прогулка в ночи. В какое другое время можно увидеть это чудо и восхищаться, мысленно сбросить цифры на спидометре лет и возродить в своей душе, даже на секунду, восторг молодости!..» Но умение всегда контролировать свои желания вернуло ее в реальность. Она позвонила мужу и доложила, что едет на такси, назвав марку и номер машины. И конечно, как всегда в таких случаях, он будет ждать ее приезда у дома.

- Скажите пожалуйста, это у Вас «Ретро-FM»? - поинтересовалась Фея и добавила - А почему у Вас нет навигатора?

- А зачем мне навигатор? - послышался ответ. - Я коренной петербуржец и ленинградец, город знаю очень хорошо, автомобилист со стажем. Вот вышел на пенсию и подрабатываю в такси, машина моя личная. Работаю в основном по ночам, фирму это устраивает, не каждый день конечно.

- А почему по ночам? - спросила Фея.

- Видите ли, в это время улицы свободны, машин немного, нет пробок. Жена моя не возражает. Завтра выплыву. И будет время повидаться с внуками, мальчик и девочка - двойняшки. Что наша пенсия? Работа позволяет помочь материально детям и внукам. Раз мы с вами так разговорились, позвольте предста-

виться - Николай Иванович Петров! - ответил водитель.

- Елена Павловна - услышал он.

Потом добавил:

- А звучат у меня любимые диски: Джо Дассен, Эдит Пиаф, Далида, Джо Кокер и, конечно, же Френк Синатра. Это любимая музыка моей молодости...

«И моей тоже!» - подумала Фея.

- Не сочтите за любопытство, мадам, откуда же вы так поздно возвращаетесь домой?

На что она ответила:

- С родного Васильевского острова от правнука, с которым мы гуляли по Петропавловской крепости, тем более, что погода сегодня на радость была теплая. Я утром с Просвещения, где я живу, приехала за ним, отпустив родителей на дачу, надо же молодым отдохнуть от всего, и они уехали рано на машине. А мы с Ильей не спеша поехали открывать для себя любимый город. Нам с ним хорошо и интересно вместе, мы с ним друзья и для меня это важно. Моя жизнь продолжается на новом уровне, и я чувствую свою причастность к современной реальности и свою нужность...

- Елена Павловна, Вы молодец, и так молодо выглядите, что и не подумаешь, что у Вас правнук!

Тем временем машина тихо подъехала к дому, где от подъезда отошел мужчина. Он подошел к такси, открыл дверь и помог даме выйти. Водитель Николай Иванович посмотрел вслед уходящей паре, включил зажигание, и в то же время в салоне прозвучал голос диспетчера: «Примите заказ, я называю адрес...!» И белый фольксваген растворился в ночи.

февраль-март 2018 г.

ЮРИЙ ПАНТЕЛЕЕВ

Дом забытых снов

Философско-мистическая новелла

В небольшом уютном кафе на окраине исторической части Питера сидели двое молодых людей. Мужчина довольно приятной наружности, немного за тридцать, с проблесками ранней седины в тёмно-каштановых волосах и девушка с мягкими чертами улыбочивого лица и внимательным, но в тоже время, романтичным взглядом красивых зелёных глаз. В кафе было тихо. Барочно-приглушённо звучала клавесинная музыка. Несколько посетителей за дальними столиками вполголоса перебрасывались фразами. Недавно прошёл весенний дождь с грозой, и по окнам кафе стекали струйки воды. Девушка задумчиво разглядывала их и, как будто напивавшись этим настроением, с полуулыбкой сказала: «Егор, может пойдём на улицу, там так чудесно». Егор согласно кивнул. Инга, так звали девушку, легко поднялась и направилась к выходу. У двери она повернулась, и с улыбкой смотрела на Егора, который немного замешкался расплачиваясь.

Выйдя на улицу, они беззаботно пошли, не выбирая направления. Иногда Инга бросала на Егора кокетливый и нежный взгляд, он отвечал ей затаённо-страстным и прямым. Они совсем недавно поженились и, судя, по их нежности друг к другу, по взаимной любви. В их отношениях романтизм, первой и настоящей любви, еще не заслонял быт. Оба занимались тем, что им нравилось: Егор – журналистикой и фотографией, Инга преподавала музыку. Их союз был гармоничен. Той особой гармонией схождения характеров, темперамента и отношения к жизни, как подарку судьбы, в которой, однако, если уж ты на свет появился, постарайся оставить достойный след. Они шли обнявшись по мокрой от дождя мостовой, слева от них вдалеке, за деревьями, виднелось старое городское кладбище. Перепрыгивая лужу, Инга вскользь бросила взгляд направо и сердце у нее почему-то ёкнуло. Она

увидела небольшой старинный трехэтажный дом с центральной аркой входа во двор и стоящим там старым, ветхим полуразобранном пианино. Верхней крышки не было, крышка на клавиатуре, по всей видимости, была сорвана. Егор перехватил ее взгляд и тоже обратил внимание на эту интересную городскую композицию. Инструмент сиротливо притулился в арке двора. Редкие прохожие, проходя мимо, равнодушно и недоумённо поглядывали на пианино, так нелепо здесь находившееся. Егор и Инга стояли через дорогу, прямо напротив дома и не сговариваясь, обратили внимание на то, что окна в доме зияли, как пустые, темные глазницы. Несмотря на то, что солнце после дождя уже вышло и освещало дом, Егору вдруг ясно представился сюжет для фотографии. Он стоит немного наклонившись над фортепиано, лицо его повернуто в полупрофиль, на нём чёрное длинное пальто с высоким поднятым воротником, одна рука лежит на вывернутых клавишах, другая сжимает верхнюю доску инструмента. Егор повернулся к Инге и стал рассказывать ей о своей идее. Взгляд её заискрился: «Жалко только, что аппарат с собой не захватили». В тот момент, когда она закончила фразу, во дворе дома неожиданно образовался солнечно-пылевой столп, похожий на завихрение. И то ли из завихрения материализовались, то ли из квартиры первого этажа вышли мужчина и женщина.

Мужчина был одет в чёрный элегантный костюм с бабочкой, его спутница также в чёрное, с высоким глухим воротничком и плотно облегающим фигуру, платье. Когда они поравнялись с пианино, мужчина обратился к нему как к одушевленному предмету и, устремив взгляд на инструмент, сказал несколько отрывистых гортанных фраз. Затем достал из бокового кармана палочку, похожую на дирижёрскую, и прочертил в воздухе несколько

раз, как будто нарисовал рунические знаки. Во всяком случае, у Егора и Инги, наблюдавшими за этой сценой, возникли похожие ассоциации. Затем странная пара с абсолютно прямыми спинами механической походкой прошествовала несколько шагов и встала, как по команде, один за другим повернув головы в разные стороны. Егор, следивший за ними, почувствовал какой-то холодок под сердцем в тот момент, когда разглядел глумливое выражение лица мужчины и встретился глазами с женщиной. У женщины взгляд был пустой и тёмный, такой же, как окна в доме.

Неожиданно завихрил сильный ветер, похоже снова собиралась гроза. В этот момент из-за поворота резко вывернул тяжёлый темно-синий грузовик, с чёрными тонированными стеклами и, почти не затормозив, исчез вместе с парой в пространстве, будто испарился в дымке солнечного миража. Егор с Ингой, как будто оттаяли, как в детской игре «замри-отомри». Они простояли напротив дома не более 3 минут, а им показалось, что не меньше часа. Наконец они перебежали дорогу и подошли к ветхому покалеченному фортепьяно. Егор стал примериваться, каким образом лучше встать, а Инга уже оценивала композицию, через кадр, который составляют при помощи четырёх пальцев. Она предлагала горизонтальную композицию, чтобы захватить арку. Егор не возражал. Оба сетовали, что не захватили с собой камеру. «Может быть съездить быстро за аппаратом и вернуться, а то пропадёт куда-нибудь» - размышлял вслух Егор. «Да ладно, кому эта развилина понадобится» - откликнулась Инга, нажимая на клавиши. Некоторые клавиши западали, но звуки пианино издавало. «Ну что же, давай отложим на завтра» - соглашался Егор. Не очень хотелось ехать домой, приезжать сюда, а потом возвращаться. «Надо же гроза не собралась, только попугала», - удивилась Инга. «Это очень странно» - заметил Егор. «Завтра у нас с тобой еще выходной, давай-ка часикам к двум-трём к месту и подрулим» - подытожил Егор. Вечером дома, после чая Егор уединился в своем небольшом кабинете, рассеянно перелистывая книги и пересматривая старые фотографии. Из головы у него не выходила

жутковатая пара, возникшая так неожиданно, то ли из тёмного двора дома, то ли из столпа света и пыли. Он вспомнил лицо молодой женщины, её неприятный, тяжелый взгляд, затягивающий в пустоту.

«Она отдалённо напоминает Геллу, из свиты Воланда в романе «Мастер и Маргарита», - решил Егор. Да-а, фантазия у меня разыгралась не на шутку. Хотя почему фантазия? Откуда Булгаков, серьёзно образованный человек, врач, взял образы своих мистических персонажей. Они настолько зримы, видимы, что создается впечатление, будто он их наяву видел. Если вдуматься, Москва того времени – насквозь коммунистическая, правда ещё с элементами НЭПа, и всё же вся в лозунгах «догоним и перегоним», а тут такая рать потусторонне-изошрённая возникает, даже не верится, что это вымысел автора. Все эти Аззелло, Коровьевы, кот, понимаете ли, говорящий и прямоходящий, неужели это только буйство воображения выдающегося писателя. А, может быть, кто-то или что-то его подталкивало к написанию романа. Может быть, озарение снизошло свыше? Собственно роман «Бег» или пьеса «Дни Турбиных» абсолютно реалистические произведения.

Что-то Егора удерживало от того, чтобы поделиться своими литературными размышлениями с Ингой. Несколько раз он ловил на себе её взгляд, в котором читалась нежность, недоумение и затаённая тревога. Егор успокаивающе обнимал её и шептал мягким убаюкивающим голосом, что завтра у них выходной, и они должны провести его интересно. Похоже бурно, насыщенно проведенный день дал о себе знать. Егор уснул, как будто в яму провалился. Вначале он увидел себя в своей старой квартире. Из дальних комнат раздавались приглушённые голоса родственников, то приближаясь, то отдаляясь. Далее квартира превратилась в старый дом с аркой и пустыни тёмными окнами. Во сне он напряжённо вспоминал, где же он видел этот дом? Так и не вспомнив, Егор сделал шаг вперёд и оказался в большом, пустынном зале. Шаги гулко звучали, когда он проходил мимо двух одиноко стоящих кресел.

Он двигался дальше и дальше, проходя ан-

филады больших белых и безлюдных комнат. Откуда-то издали доносились слабые звуки музыки. Музыка звучала маняще-призывно. Егор прислушиваясь, и охваченный каким-то, доселе ему неизвестным чувством, почти побежал в направлении терзавшей его мелодии. Перед ним предстал большой парадный зал, украшенный лепниной и скульптурами, с огромным зеркалом в старинном золочёном обрамлении и великолепным концертным роялем посередине. За роялем, наклонившись вперед, стоял вчерашний господин в бабочке, а музицировала на рояле его спутница, так поразившая Егора взглядом в никуда. Она наигрывала нечто томно-слащавое и неприятное, при этом отвернув лицо и отведя взор от инструмента. Господин отрешённо смотрел мимо неё. Егор, во сне понимая, что он спит, подумал: «Эта сцена что-то ему напоминает...» В сознании хаотично крутились картинки и, наконец, выстроились в загадочный по своей структуре повествования кинофильм, в котором трудно различить правду и вымысел. Егор напряжённо искал ответ во сне, может быть, ему снится фильм? Или всё происходит наяву? В это время мелодия, которую наигрывала женщина, зазвучала визгливо, слышался неприятный диссонанс. А исполнительница, как ни странно, припадая к клавишам, будто сливалась с этой музыкой. Раскинув руки, словно чёрные ажурные крылья по всей клавиатуре она растворялась в психоделической теме. Казалось, пианистка хочет вытащить из инструмента всё нутро, все злые и фальшивые ноты. На лице господина в бабочке возникла саркастическая полуулыбка. Женщина, дрожа, была охвачена блаженством. Сознание подсказывало Егору, что некоторые сцены, которые он видит, отдаленно напоминают невероятно эстетский, с элементами сюрреализма, бессюжетный фильм «Прошлым летом в Мариенбаде». Персонажи кинодействия в неспешности своего существования, почти слились с образами загадочной пары. А он продолжает следить за этими двумя и даже следовать за ними, как будто кто-то руководит им. Далее пара оказалась в старинном кресле. Мужчина сидел, глубоко задумавшись, женщина стояла за ним, повернувшись в профиль, элегантно

положив руку на спинку кресла. Казалось, что они связаны друг с другом, но это было обманчивое впечатление. Каждый из них находился в собственном коконе вселенского одиночества. Они только на короткое время оказались здесь вдвоём. Их прислали ненадолго. Сцены, между тем, менялись одна за другой, но в них был заложен тайный смысл. Егор всё время пытался его постичь. Вот дама, находясь в кресле, в своём невероятно красивом с ажурной вышивкой черном вечернем платье, напрягла пальцы рук, будто пытаясь что-то вспомнить или изменить в своей уже состоявшейся судьбе? Её вишнёво-бархатистые глаза неожиданно потеплели.

Интерьеры дома видоизменялись. Егор очутился на ступенях красивой парадной лестницы и немного сверху, со стороны видел снова таинственные взаимоотношения пары. Мужчина поднимался по лестнице, устремив взгляд в пустоту, дама спускалась ему навстречу, их вздрагивающие пальцы легонько коснулись друг друга. Но взгляд женщины, в уже опущенной на глаза вуали, был обращён мимо. Он был словно потухший пепел. Их связывало нечто незримое, между ними лежала тайна. Души их искали успокоения, жаждали слиться, но уходили не узнанные, оставаясь одиночками. В следующем отрывке сна Егор осознал, что красивая женщина и её погружённый в себя спутник, куда-то исчезли, а ему необходимо было увидеть их, досмотреть сон до конца. Егор быстро шёл по узким, извилистым коридорам дома и обнаружил немного приоткрытую дверь. Войдя в комнату почувствовал, что он в ней не один. Действительно, у старого, покрытого патиной зеркала, стоял всё тот же импозантный мужчина. Но в его внешности произошли разительные изменения. Исчезло, стёрлось с лица глумливое выражение, а в его облике появились черты тонкого аристократизма. Он как будто хотел увидеть, ждал кого-то в отражении. И она появилась, без вуали на лице. В её взгляде теперь читалась надежда, мягкость и всепонимание. Егор проснулся. Медленно расставаясь с последней картиной увиденного, сквозь полуприкрытые веки посмотрел на Ингу. Она сидела, немного ссутулившись, на

кровати, спиной к нему. «Инга» - позвал Егор. Инга тихо повернулась к нему. Почему-то под глазами у неё залегли синие круги. «Как ты спала». «Так ничего, снилось всякое». «Мне тоже. Бог с ним, нагулялись, насмотрелись вчера всякой всячины, вот и привидится потом что-то необъяснимое». Егор вспомнил старое сломанное пианино, брошенное в подворотне дома. «Ингуля, ну что, давай позавтракаем и съездим, сделаем потрясающие фотографии у фортепьяно». «Давай, конечно» - откликнулась Инга уже повеселевшим голосом. Подъехали на общественном транспорте. Дом находился в стороне, метрах в ста от остановки. Когда шли, Егор непроизвольно ускорял шаг. Нетерпение перемешивалось у него с каким-то неприятным предчувствием. Выйдя из-за поворота, Егор ещё больше ускорил шаг, да так, что Инга уже не попевала за ним. Егора обдало жаром. Предчувствие оправдалось, пианино как не бывало. Казалось бы, чего расстраиваться из-за ерунды, ну исчезло пианино, да и шут с ним. Зря только проехали. Но эти рассуждения мало успокаивали. Егора разбирала досада. Ему так хотелось сделать, на его взгляд, выдающиеся фотографии. Он абсолютно ясно их себе представлял. В эти снимки у старого инструмента Егор вкладывал философский смысл. Инга, как всегда, прекрасно бы справилась с композицией. Возможно, даже нашла бы необычный ракурс. Но всё рухнуло. Они растерянно озирались во круг, в надежде, как ни странно, обнаружить пианино. «Может быть, кого-нибудь поспрашивать, видели ли что?» - с затаённой надеждой произнёс Егор. В это время около дома, неспешно прогуливался пожилой мужчина в шляпе. Егор обратился к нему с вопросом. «Извините, вот здесь, в подворотне, ещё вчера днём стояло старое, дряхлое фортепьяно, а сегодня его уже нет». «Вы ничего не видели?» Мужчина усмехнулся: «Как же видел». Вчера под вечер, вдруг, откуда ни возьмись, появилась компания молодых ребят. Он бросил из-под шляпы непроизвольно быстрый взгляд в сторону кладбища, и добавил: «Как черти из табакерки выскочили». «Шумные, вертлявые, странные. Обступили пианино, что-то бормотали непонятное, как заклинание произноси-

ли. Потом один из них стал наигрывать мелодию в начале даже приятную, но постепенно она переросла почти что в вой какой-то». «Звук такой, как у расстроенной фисгармонии» - сморщившись закончил незнакомец, и резко надвинул шляпу глубже на лоб, как будто хотел спрятаться в ней. «Может быть, артисты или музыканты, какие-нибудь набежали» - выдвинул версию Егор. «Не очень-то на артистов они похожи» - возразил незнакомец: «Двигались, то как на шарнирах, то будто кол проглотили. Спины прямые, словно железные. Лица корчат – вроде улыбаются, а глаза злые, неподвижные. И вот ещё, что меня удивило, одеты они были более, чем странно. Какие-то фраки, смокинги, сюртуки линиялые – всё не по размеру. Словно с чужого плеча стащено. А самое главное, все эти одежды на голое тело были напялены, как на манекенах. К тому же ещё в спешке. Бабочки болтались на голых куриных шеях, будто удавки, а цилиндры приплюснутые, на головах еле держались. Одним словом, камарилья, да и только!»

«А куда эта шарага потом делась», - решил уточнить Егор. «Так, вот я уже домой собрался, смотрю, камарилья эта оседлала фортепьяно и катится на нём, будто на машине. Я тогда ещё удивился, надо же, как здорово колесики на инструменте работают. Они всей компанией до угла дома, можно сказать, доехали и исчезли. Вон, видите на асфальте следы даже остались. Есть возможность своё расследование провести», - усмехнулся мужчина. «Большое вам спасибо за такой подробный рассказ, - обязательно проведём», - заверили Егор и Инга отзывчивого незнакомца. Несколько прибодрившись и повеселев, они двинулись вперёд, внимательно разглядывая линии на тротуаре. Отметины от металлических колёсиков, действительно доходили до угла дома. Егор и Инга прошли ещё несколько шагов и оказались в большом проходном дворе. Пристально изучая асфальтовое покрытие, с удивлением обнаружили абсолютное отсутствие следов от колёс. Нигде даже царапины не было.

«Что же получается, они его на руки подняли и на небо вознесли? Ближайший дом от угла метрах в тридцати находился. Логично

предположить, что вся эта компания до двора пианино докатила и бросила. А кто-то из ближайших домов на него позарился. Да, но при таком варианте его всё равно пришлось бы катить метров двадцать пять – тридцать. Следы должны были остаться», – вслух размышлял Егор. Они педантично осматривали, чуть ли не каждый сантиметр двора в надежде обнаружить следы от колёс. Даже заглянули в ветхую парадную, с болтающейся на одной петле дверью. Всё безрезультатно, инструмент исчез самым неожиданным образом. Кружа по двору, Егор с Ингой вышли на середину, и в это время, в нарастающем гуле мотора, в подворотню въехала тёмно-синяя машина, с тонированными стёклами, напоминающая катафалк. В открытом кузове находились три мужские фигуры. Именно, судя по одежде, мужские фигуры, потому что их внешности Егору никак не удавалось разглядеть. На лоб и глаза незнакомцев падала глухая тень, а под кожей, у скул и щёк, словно шарики от пинг-понга, двигались желваки. От этого их лица волнообразно менялись. Один из них, стоя вполоборота, повернув голову, и Егор перехватил испытующий взгляд, обращённый на него. В глубоко посаженных глазах угадывалась пустота, и возникало ощущение холодной, неземной отрешённости. Егор понял – это был посланник Декул с его присными. Он ощутил тяжёлое давящее чувство, которое затаённо сидело в нём ещё с утра, а сейчас подбиралось к самому сердцу. Егор бросил быстрый взгляд на Ингу. И увидел, что она вся как-то беспомощно съёжилась и легонько подрагивала. Волна нежности захлестнула Егора, и он обнял её так крепко, как никогда в жизни до этого не обнимал. Все чувства Егора невероятно обострились. Он напряжённо следил за стоявшей без движения беззвучной троицей. Встретившись взглядом с посланником, вздрогнул. Он всё вспомнил. В его сознании всё связалось в единую нить. Перед его мысленным взором проплыл безлюдный дом с тёмными, как пустые глазницы, окнами. И совсем неизвестно откуда возникшие во дворе, словно материализовавшиеся из света и пыли, мужчина и женщина. А потом эти двое, как наяву, жили в фантазмагорическом сне

Егора. Во всех мужских образах посланник был един! И в пыльном дворе, у разбитого пианино, взмахами дирижёрской палочки, давая указания инструменту. И там, у зеркала, когда он ждал её, страдал, хотел, возможно, вырваться и избежать своего предназначения! Егор понял, что он прикоснулся к совершенно другому измерению. Краешком коснулся иного. Невольно заглянул в замочную скважину высшего, непознаваемого. Машина, как будто в ответ на мысли Егора, тихо урча, проехала несколько метров и замерла.

Выехав из тени, все трое сдвинулись в полукруг и склонили головы, как будто с кем-то прощались. В обличии всех троих произошла разительная перемена. На их немного удлинённых, скорбных лицах появилось выражение неподдельной печали. Это действо поразительно напоминало Егору картину Эль Греко «Погребение графа Оргаса». А посланник и его присные будто сошли с полотен великого художника. Егор стоял заворожено, не замечая, не слыша даже городского шума. Но вот постепенно, из еле слышного городского фона стали вырваться, пробиваться тихие звуки музыки. В это время в сознании Егора мелькало пропавшее пианино. Звуки же постепенно нарастали, вначале они были слабыми, робкими, затем всё сильнее и сильнее. И вот в голове Егора зазвучали хоралы и орган. Егор уже неотрывно вглядывался в скорбные лики присных, в то время, как из длинного, кожаного плаща Декула вышла мертвенно-бледная брюнетка. Приоткрыла рот, но ничего не сказав, застыла в неестественной позе. Егор знал её. Эта была всё та же женщина из старого дома его снов.

Она выскользнула из плаща посланника, как будто была его вторым я, возможно самым близким для него созданием. Но сейчас, застыв в нелепой позе, напоминала трагическую сломанную куклу. Егор непроизвольно вздрогнул, на него повеяло мертвенным холодом. Стал наплывать туман. Музыка, тем временем, звучала всё мощнее и мощнее, она накатывалась волнами, будто лилась с небес. Играл оркестр. Величественно и грозно пел орган, сливаясь с пронзительным звучанием скрипок и низкими нотами виолончели. Жен-

щина, уже напоминавшая красивую куклу, отмерла и, немного закатив глаза, двинулась в сторону Инги. Девул, как обозначил для себя главного Егор, пружинисто, с невероятно прямой спиной пошёл к Егору. При этом, Егор совершенно машинально отметил, что один глаз у него поблескивает, а другой так и оставался отрешённо пустым. «Он словно в двух измерениях находится, в двух мирах» – подумал Егор. Музыка, меж тем, заполняя всё существо Егора, звучала трагично, страшно и в тоже время окутывала, очаровывала, завлекала.

В ней слышались звуки, которые накатывались подобно волнам, самой порочной сексуальной фантазии. И оправдывались самые низкие искушения. Егор почувствовал, как по всему телу разливается чувственная истома, разум туманится, блаженство заполняет всё его существо. Но неожиданно в стройном многоголосье нежнейших хоралов, которые возносились куда-то ввысь, появились визгливые ноты и зазвучали злые голоса. Они прорывались сквозь русские колокольные перезвоны, которые заполняли пространство чувством покаяния и надежды на всепрощение, а злые голоса становились всё громче, отчётливее и напористей. Они будто говорили: «Нет, есть другой счёт, иная музыка души, вера и поклонение высшему обольщению! Высшему забвению всего!» Егор безусловно осознавал, что он слышит духовную музыку Баха, Шуберта, Рахманинова, но её пытается навязчиво вытеснить музыка авторов, которых никогда не было. Авторы не существуют. Существует только злая воля. Весь ужас заключался в том, что лживая, бездуховная музыка тёмных сил «искусно рядилась в одежды» возвышенной музыки, очень тонко изменяя гармонический строй произведений, вползая в неокрепшие души людей и вкладывая в них свои, только им нужные эмоции.

Егор понял, что идёт постоянная борьба божественного и прекрасного с дьявольским и обольстительным. Оружие борьбы – музыка, а поле битвы он сам. Его бессмертная душа. Дисгармоничные звуки временами прорывались и создавали ощущение хаоса. Затем они прятались, таились, снова наседали, и

всё-таки Егор, как в плохом динамике старого приёмника, сумел различить мелодии оперы Рубинштейна «Демон». Все эти несколько секунд Егор был погружён в себя. Время с того момента, как посланник и красивая женщина-кукла двинулись к ним, спрессовалось в коротенький эпизод. Всё, что он ощутил и постиг, измерялось всего несколькими мгновениями жизни. Егор глубоко вздохнул, чтобы сбросить оцепенение и боковым зрением увидел, что подручная посланника уводит Ингу. Женщина-кукла обернулась к Егору, в её глазах застыли льдинки. Инга уходила. Слабо повернув голову, через плечо, она смотрела в глаза Егору, печально и горько, без слёз. Только сильно дрожало горло, сдерживая подступающий стон. Егор рванулся к ней, протягивая руку, но ноги его не слушались, он почти не сдвинулся с места, сделав только маленький шагок. Он всё понял! Сердце захолонуло и отчаянно забилось, в висках застучало молотками. Из этого ритма зарождалась ария Демона. Егор, прижимая пальцы к вискам, неотрывно, в упор смотрел на посланника. В лице Девула, что-то изменилось и потеплело. Казалось, он внутренне пел свою арию страдающего Демона. Егор увидел, что в нём происходит борьба. Он наклонил голову, его спина ссутулилась, и во всём его облике угадывалось что-то детское, никем не понятое и обиженное. Спустя несколько мгновений, преодолев свою слабость, посланник выпрямился, достал из фрака тонкий стилет, немного подёрнутый зелёным мхом и, бросив прощальный взгляд на Егора, взмахнул им, словно указующей дирижёрской палочкой.

Подручная посланника впервые улыбнулась и, резко сменив направление, зашагала в сторону темнеющей рощи и старого дома.

За спиной у Егора налетевший ветер поднял столп пыли, пронизанный, казалось, неземным, холодным, мерцающим светом, который исходил из самых глубин чёрной бесконечности вселенной от бездонно-далёкой и одинокой звезды. Инга, уже совсем не сдерживая слёз, шла к нему, протягивая дрожащие руки. А Егор, не оборачиваясь назад, зная, что Тот ушёл навсегда, улыбался Инге, не в силах даже двинуться ей навстречу.

*Иллюстрации к новелле «Дом забытых снов» члена Союза художников России,
Доктора изобразительных искусств Юрия ПАНШЕЛЕЕВА*

ГАЛИНА ТАРАСОВА

Сезон охоты Почти триллер

«Он шел на меня с заточкой – примитивное орудие зэка, хотя осенний камуфляж, старые берцы и лаконичные, точные движения выдавали в нем бывшего спецназовца. Солнечный луч резво вскочил на лезвие и ярко вспыхнул от боли, и стало видно, что это не заточка, а раскрытая «бабочка». Virtuозное кручение этого ножа-балисонга, впечатляюще быстрое раскрытие и складывание лезвия одной (!) рукой, является – эффектным понтом у бандитов, успокоительным средством у особых неуравновешенных личностей, а некоторым оригиналам служит чем-то вроде медитации. В ножах я разбираюсь как никто – столько перевидал их, едва появившись на свет! Поэтому понимаю, что мой противник опасен, от такого не спрячешься.

Он плавно идет, а я не могу сдвинуться с места. Вот и мой черед настал?.. Как мучительно сознавать, что ничего не можешь сделать против насилия! Я не высок, но достаточно крепок, я самый могучий из тех, кто стоит за моей спиной. Но я не могу даже тихонько повернуться и посмотреть – успели они скрыться?

Мы – вымирающее племя пацифистов. Мы безоружны и не сможем оказать сопротивления. Такова наша природа. Не умеем! Не можем! Наш род сказочно древний, но воинов среди нас нет, хотя порода повелела иметь богатырскую статью. Мы известны своей красотой, изысканным вкусом. Все социальные сети полны наших парадных портретов. Чаще смотрят только котов. Мы вызываем массу искренних восторгов, будим неподдельный интерес, но, увы, невольно разжигаем нездоровые людские страсти! Стоит нам только выйти на долгожданный сезонный бомонд или пустяшный скромный пикник, как люди разных сословий, горожане и сельчане бросают все дела и ищут нас. А сколько среди них одержимых, маньяков! На нас буквально объ-

являют охоту! Тяжело говорить, но это так (!) – больные люди, чтобы прославиться, соревнуются, кто раньше нас найдет и...

Жуть! Мы стараемся быстро скрываться. У нас скрупулезно отлажена система охраны, но порой и она бессильна. Вот и теперь, забравшись в глушь, подальше от грязных, шумных городов, недолго жили мы спокойно и безмятежно в лесной тиши. И здесь нас нашли, и сюда добрели злодеи!

По слухам, даже наши дальние сородичи – известные французские аристократы, давно перешли в режим *underground*. Но и там их отыскивают за несметные деньги, порой, как преступников, с собаками!.. «Ужасный век, ужасные сердца!»

Мы беспомощны. Но не все. Рядом с нами бывают порой красны молодцы и белы девицы совсем другого рода-племени, не столь благородного, но бесстрашного – те, кто могут воздать за ближних своих, коих мнут и топчут. Они, выходя на тропу мести, изящные и коварные, привлекают своей красотой, облачаются в ложную скромность, втираются в доверие, лезут в душу, в печенки и – бац! – был человек и – нет! Потому что от яда – древнейшего способа устранения врагов – не убежать и не спрятаться, хотя современное просвещение и осторожность способны обезопасить людей. Поэтому, увы, под меч расплаты попадают не злые преследователи, а безграмотные глупцы, самонадеянные гордецы и рассеянные верхогляды. «О сколько их упало в эту бездну!» Мы же никому не мстим, хотя неотвязно и безжалостно маньяки с горящими глазами стараются вырезать нас буквально под корень...

Он смотрит на меня из-под надвинутой на самые глаза черной шапки, и я вижу в его остром взгляде безумный восторг от встречи, терзающее желание подольше любоваться мною и болезненную страсть – скорей... отрезать голову. Вот он идет на меня, не то-

ропяясь, прищеельно, радостно поигрывая своей «бабочкой». Его тонкие лиловые губы медленно растягиваются в самодовольной улыбке, оживляя небритые щеки и обнажая парочку железных зубов. Сколько душегубов я перевидал на своем веку, но с такими ужасными зубами – вижу впервые.

И все же я прямо и без страха гляжу в глаза убийце, хотя гораздо ниже его ростом. Сейчас сразит меня. Видно, что он не раз уж это делал, он – опытный. Предчувствие смерти парализует, а он все крадетя и крадетя. Чего он медлит, скорее бы все завершил! Прощай, певучий лес! Прощай, златогривое солнышко! Прощайте, дорогие мои! Забудьте о своей славе! Уйдите в неизвестность! Живите доооолго! Я вас лю...»

«Ё-маё, ты как их здесь нашел?! Я вчера весь лес обрыскал, а ты – не успел явиться и – уже..! Твои, твои, не спорю, сам режь! Маленьких-то сколько! Ишь, как в землю вжались! Справишься? А может помочь? Молчу, молчу. Мне со своими-то всю ночь возиться. Столько их лезло на меня, да не на таковского напали, как маньяк – резал и резал, ни одного не упустил. Давай, кончай их, и пойдём водку пить!»

* * *

Подслеповатое осеннее солнце сквозь серую пенку облаков бледно освещало заросшую по краям волчьей ягодой поляну. Скатившиеся к лесу, уставшие распухшие тучи, грозили пролить свое содержимое на двух мужчин, торопливо прятавших в рюкзаки остатки закуски и тщательно убиравших за собой весь мусор. Покончив с этим, один из них подошел к молоденькой сосенке и вырезал на ее стволе малоприметные непонятные знаки. Второй провожал его затаенно-завистливым взглядом. Потом они, устало оскалившись, долго фотографировались со своими трофеями. И наконец, взвалив на спину рюкзаки и подхватив тяжелые корзины, «охотники» отправились в путь.

«Богааач ты, Эдуардыч! У тебя – все «дорогие»*, вон сколько! Почему они сейчас?.. Ого! Вот так прибавка к пенсии! Богааач! А я со своими копеечными опятами – опять только к сватье, на картошку!»

**В Пензенской и Саратовской области белые грибы (боровики) называют «дорогими».*

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Плюс-минус бесконечность

Глава I Придет вода...

Прямо в день переезда на дачу приключилось досадное недоразумение: вода подкралась совсем незаметно – и отрезала его плоский камень от берега. Илья очнулся, только когда небольшая случайная волна тяжело плеснула прямо у него под ногами – он инстинктивно подпрыгнул, едва не опрокинув шаткий этюдник, огляделся и присвистнул: берег залива оказался теперь не менее чем в пяти метрах! Сам же горе-художник стоял, словно на мокрой спине заснувшего кита, и вокруг закипала липкая, как на кружке с пивом, желтоватая пена... Винить было некого – сам увлекся первым летним этюдом, изображая поманившую классическими красками вечернюю зарю над большой водой, – а закатное солнце, зависшее над недалеким Кронштадтом, напомнило вдруг его любимый елочный шар, гладкий, золотисто-оранжеватый, который Илья сам всегда ревниво вешал на елку, выбирая ему почетное место... Ну, и не удалась сложная растушевка – слабое его место – переусердствовал с оранжевым кадмием, лихорадочно перебеливал, боясь упустить неповторимую игру света на воде и небе; упустил, конечно, дописывал по свежей памяти, злясь на себя, – и оттого еще и пропорции нарушил: угрожающе огромной и черной вышла эта странная широкая башня со срезанной верхушкой, – или что там, церковь, что ли, бывшая у них прямо в центре острова... Не съездишь, не проверишь: Кронштадт – город закрытый... В общем, холст запорол, предстояло его перегрунтовывать и писать поверх, а уж красок сколько извел...

Юноша наскоро складывал этюдник, стоя уже по щиколотку в воде, полный неприятного предощущения обратной дороги в мокрых кедах... Или босиком пойти? Ага, там на дороге острый гравий, а подошвы ног, за зиму барственно облагородившиеся, порозовевшие, загрубеют еще нескоро... На берегу пискляво хихикали две девочки-малолетки – одна городская, белая, хорошо кормленная и причесанная, другая местная, с неровными бледными лохмами, уже прихваченная неистребимым загородным загаром и обляпанная некрасивыми сероватыми веснушками – будто кто-то взял, да и потрянул ей в лицо грязной кухонной тряпкой. Холеная, залюбленная родителями дачница и периодически для порядку побиваемая отцом с матерью хозяйская дочь – дружба их продлится ровно до тридцатого августа... Видели ведь,

подлые, как подходит коварный прилив, могли бы и крикнуть ему... Закинув этюдник на плечо, Илья с размаху шагнул в воду, решив, что пуганет их как следует, лишь только выберется на твердое, – но позорно увяз обеими ногами в густой темно-зеленой тине, которой тут два часа назад и в помине не было! Пока выпутывался, сделал неловкое движение – этюдник предательски соскользнул с плеча и шлепнулся в воду. Школьницы уже откровенно корчились на песке от смеха в нескольких шагах от страдальца, ужасные и недостижимые, – и он уже не представлял, как сейчас грозно замахнется на них этюдником, заставив нахалок с визгом умчаться, а боялся, как бы они не заметили отчаянные слезы унижения, так и брызнувшие у него из глаз, и сами бы не заплакали – от жестокого хохота...

Илья подошел к своей калитке в молочно-серебристых сумерках, предшествовавших молодой еще, не созревшей к началу июня до полноценной матовой жемчужности белой ночи. Нестриженные кусты сирени за забором были сплошь покрыты гигантскими фиолетовыми гроздьями, свисали на улицу, перли наружу поверх плотно пригнанных досок, словно чудовищный черничный пирог уходил из формы, и казалось, готовы были сломать преграду, вырваться, затопить собой все вокруг... Он пригнул к себе первую попавшуюся ветвь и зарылся туда лицом, почти со сладострастной жадностью вдыхая густой, жирный и приторный дух... Рот наполнился слюной, и отчетливо наметилась эрекция. Она теперь стала подкарауливать везде, возникала на ровном месте, и толчком могло послужить что угодно – даже такое невинное занятие, как вдыхание аромата цветов... Аввакум в таких случаях зажигал три свечи и держал на них голую ладонь до тех пор, пока страсть не унималась. Илья тоже однажды попробовал, решив, правда, что на первый раз и одной свечки хватит, – и сразу взвыл – коротко, но таким дурным голосом, что мама, кормившая ночью маленького Кимку, прибежала прямо с ним на руках, одной рукой кое-как ухватив младенца, а другой сжимаемая промокший халат на груди. Экстремальный метод, правда, незамедлительно оказал желаемое действие, но воспользоваться им вторично отрок так больше и не решился... Он отбросил ветку и перевел дыхание. Ночь отрезвляюще грянула соловьиными любовными излияниями, ранее не замечаемыми, сходящими за род тишины. В мо-

крых кедах хлопала балтийская вода, холодные влажные брюки из парусины липли к тощим напряженным голеним...

Юноша распахнул калитку и пошел садом по растрескавшейся мощеной дорожке – туда, где за колючей громадой шиповниковой стены мирно горела ярко-голубым длинная кружевная веранда, затянутая старым, но изрядно отведавшим синьки тюлем. Смутно доносился глуховатый рокот мужского голоса, уютный женский курлык, детское умиротворенное лопотанье... Отчим дядя Володя, мама и двухлетний братец Кимка, отоспавшийся днем в саду под марлевым пологом, отчего и в полночь излучавший здоровую энергию, отуживав, тихонько возились на веранде. Ну, а шестилетняя сестренка Анжелочка, братнина любимица, находилась в том возрасте, когда ребенка уже можно уложить спать насильно, – мама и уложила ее, как всегда, в восемь – с педагогически строгим лицом отвергнув дочкино нытье. Илья вспомнил мимоходом, что ему-то в совсем детские его годы, летом позволялось бодрствовать на час, а то и на два дольше, чем зимой, – но ведь он долго был у родителей единственным, ему исполнилось уже девять, когда родилась сестра. А потом отец неожиданно бросил семью – просто собрал вещи и ушел к другой женщине – и маме, сразу приобретшей разительное сходство с зайчихой-подранком, стало вообще не до указаний, когда сыну спать ложиться... А тот и не ложился: сидел над альбомом рисования и ждал папу, в полной уверенности и с искренним убеждением – ведь тот так твердо и нежно, с оттенком суровой мужской без вины виноватости, сказал при прощании: я с мамой расхожусь, а не с тобой; ты мне как был сыном, так навсегда и останешься. И не пришел вообще никогда. Ни разу. Через два года Илья сжег тот альбом дома в унитазе коммунальной квартиры. Отрывал по нескольку листов, комкал на совесть и подносил спичку... Мужчина и мальчик ловили зеленую губастую рыбу, плыли на сером корабле под красным флагом, стояли на сиреневом снегу и смотрели в небо, где летел маленький и гордый шарик-спутник о трех лучах, на совесть выписанный серебрянкой; статный преподаватель рабочей изостудии, из удалых и серьезных фронтовиков, хлопывал ученика по плечу и обещал, что из того выйдет толк. В уборной летали черные хлопья обугленной бумаги, из-под двери валил горький дым, воняло гарью, и соседи грозились вызвать милицию...

Этот замечательный каменный дом с кое-где осыпающейся штукатуркой и запущенным, но самостоятельно и обильно плодоносящим садом был построен еще до войны и принадлежал дяде Володе, перейдя к нему от его собственного отца, профессора неких непроизносимых наук, – и они проводили уже второе лето здесь, в сорока километрах от Ленинграда, на берегу чистого и

теплого залива, иногда, при ярком солнце, иссиня-виридонового, но чаще все-таки цвета старого серебра с переходом в индиго ближе к горизонту. В этом году, отвратительно переболев поздней весной инфекционным гепатитом, Илья неожиданно получил будто щедро выданную кем-то добрым компенсацию за мужественно перенесенные в Боткинских бараках некрасивые муки: болящего вдруг освободили от выпускных экзаменов за неполную среднюю школу, что и позволило ему теперь с некоторым злорадством вспоминать о навеки покинутых одноклассниках, вынужденных париться сейчас в городе, трепеща от самых неприятных ожиданий. А он через две недели просто приедет за свидетельством и – да, уже есть такая договоренность! – заберет свои документы из опротивевшей школы, где будущие работяги с презрительной завистью прозвали его Мазилой, и будет принят в уважаемую сто девяностую, откуда прямая дорога в высшее художественное училище имени Мухиной...

- Опять? – стальным голосом сказала мама и подняла глаза от пальцев, где на тугом полотняном круге успели за вечер расцвести четыре ультрамариновых колокольчика.

Илья раньше не задумывался – красивая ли его мама, и только в последние пару лет как-то вдруг осознал, что нет, не очень: умытая и одетая в халат, она выглядела... Никак не выглядела. Ну, может быть, напоминала зимнюю белку: такая же серая, с маленькими темными глазками и мелкими зубками грызуна; в довершение сходства она и орехи могла бесконечно щелкать. Маму звали Анной, ей исполнилось тридцать пять – весьма зрелый, по мнению сына, возраст – родив троих детей, она не то что растолстела, а благостно округлилась с головы до ног, и, зная о своей природной невидности, практически никогда не являла себя людям в первозданном виде. Вот и теперь, поздним летним вечером в старом загородном доме, в кругу семьи, она тоже не позволила себе никакой затрапезности: в ее высоко взбитых волосах алела шелковая лента, глаза и губы были умело и тщательно подведены, а платье, хотя и дачное, ситцевое, радовало глаз ярким желто-черным узором. Создавалось впечатление, что женщина пришла в гости и непонятно почему схватила чужое вышивание...

- Опять? – еще строже повторила она.

Только на первый взгляд казалось, что на такой вопрос она не имеет права – ведь это впервые старшее ее дитя пришло домой мокрое по колено. Но мать и сын прекрасно друг друга поняли: сырые позеленевшие брюки прекрасно вставали в один ряд и с ожогом ладони, который долго гнил и мок перед тем, как затянуться, и с месяцем, непреклонно проведенным Ильей на черном хлебе и воде, что повлекло за собой тяжелый обморок на уроке физкультуры, и ужасным прошлогодним его

заплывом далеко в залив, почти к фарватеру, когда только случайно подвернувшаяся лодка с рыбаком-любителем спасла подростка от утопления, и его доставили на берег посиневшего, трясущегося, покрытого крупными частыми пупырьями от переохлаждения... Сын скупно объяснял ужасавшейся матери, что «работает над собой», мечтая полностью победить страх, выковать себе железную силу воли, искоренить малодушные порывы и само норовистое тело подчинить будущему несокрушимому характеру. Понимал ли он, что может утонуть, когда суровым кролем греб перпендикулярно берегу, держа курс на едва видимую на горизонте в хорошую погоду белую полосу Сестрорецка, комкая мокрый платок, спрашивала мама возвращенного к жизни беспечного пловца. Илья честно отвечал, что да – не дурак же он – но сознательно хотел пересечь некую «точку принятия решения» – чтобы иметь право самому себе гордо сказать впоследствии, что не сдрейфил. «Когда – впоследствии?! – не выдержал и гаркнул обычно осторожный с «не своими» детьми отчим, глядя, как его жена напрасно пытается унять нервные слезы. – И где, по-твоему?! На дне морском?!». Мальчишка часто заморгал: о таких подробностях он не подумал, находясь еще в том возрасте, когда смерть – настоящую, безвозвратную, беспросветную – на себя еще не примеряют. Примеряют – воображаемые обстоятельства смерти (а именно – героические, достойные всяческого подражания), то есть – жизнь...

- Нет, мама, это я случайно... Прилива не заметил, когда на камне этюд писал, - безошибочно ответил сразу на весь ее мгновенный внутренний монолог Ильи. – Ой, а что это с котом, а?

Заметив вошедшего на веранду Любимого Хозяина, с низкой тахты сполз их большой гладкошерстный Барс – действительно такового в лучшие свои дни напоминавший: густо-коричневого леопардового окраса, с белоснежной грудью и при богатых выразительных усах. Но сейчас он выглядел жалко и страшно, словно смертельно раненый боец, своими силами пытающийся убраться с поля своего последнего боя. Еще днем переливчато-атласная шкура стала вдруг похожа на старую линялую кацавейку, обычно благодушная морда имела вид трагический и удивленный. Кот еле нес себя к оторопевшему Ильи, едва переставляя еще сегодня утром мощные широкие лапы и волоча поникший растрепанный хвост.

- Барсик, ты чего это?! – в ужасе кинулся к нему юноша, и кот беспомощно ткнулся мокрой мордой ему в ладонь. – Он же заболел! С ним что-то случилось! Есть тут где-то ветеринар?! Мама!!! Дядя Володя!!!

- Ты бы, может, грязные кеды сначала снял?! Я с самого утра тут мыла-скребла, только сейчас присела! – отозвалась мать.

- Труд домохозяйки не всегда заметен, но это не значит, что его можно не уважать, – спокойно

поддержал отчим, на ходу понижая голос, потому что неугомонный Кимка у него на коленях как раз было притих, намереваясь уютно приступить к засыпанию в отцовских руках. – И незачем так орать, когда брат спать хочет.

- У нас Барсик умирает!!! Вы что – не видите?! – отчаянным шепотом взвыл Илья. – Надо что-то делать!

Именно в эту секунду он с ужасающей ясностью понял, что кот действительно умирает и, более того, не умер до сих пор лишь потому, что ждал хозяина, чтобы проститься: животное даже силилось замурчать из последних сил, но мешали какие-то неостановимые внутренние спазмы. Рядом случилась кошачья мисочка с водой, паренек сунул ее Барсику – благодарно глянув, тот принялся хрипло лакать...

- Мамочка... – совсем по-детски воззвал Илья, оглушенный своим таким внезапным несчастьем. – Сделай что-нибудь!

Анна подняла глаза:

- А что я могу поделать? Он, наверно, съел что-то... Не спросишь ведь... Пройдет... Молока вон налей ему... – и она, как ни в чем не бывало, перекусила шелковую нитку и принялась обзирать законченный цветок.

- Отлежи-итя, куда-а денется... – протянул дядя Володя, не отрывая умиленного взгляда от засыпавшего у него на плече ребенка.

- Барсенька, котик мой... – стоя на коленях перед упавшим на бок любимцем, бормотал мальчик, совершенно забывший в те минуты и о своем гипотетическом железном характере, и о необходимости сурово тренировать непокорную волю. – Миленький, подожди! Я сейчас что-нибудь...

Он не представлял, что может сделать спасительного, но ничего уже не потребовалось: по только что бурно вздымавшемуся и опадавшему боку животного прошла быстрая судорога, и кот застыл; глаза медленно стекленели. Несколько мгновений Илья страстно боролся с одолевавшими слезами, потерпел поражение – и бросился по голосистой деревянной лестнице наверх, двумя руками зажимая рот и нос, чтобы позорно не завыйть на весь дом.

Ни, мама, ни, тем более отчим, не знали и знать не могли, что удивительная, немальчишечья нежность к животным нежданно-негаданно сблизила Илью – безо всяких затруднений напрямик сквозь три века – с неким основательно подзабытым в новое время историческим персонажем, и менее подходящий пример для подражания даже придумать было сложно. Позапрошлой весной, в поисках старинного цейсовского бинокля, неведь куда запропастившегося, подросток сунулся в нижний ящик семейного страховидного комода, периодически выдававшего вещи самые неожиданные и порой пугающие – например, шелковый, невероятно красивый и даже неуловимо ду-

шистый бабушкин корсет, поразивший внука не столько своими сверхмалыми размерами, сколько былой принадлежностью необъятной, изжелта-седой косматой старухе в многослойных бурых одеждах. Получалось, что она когда-то – страшно сказать, еще при царе! – тоже была юной девушкой, разбивавшей сердца, как зеленоглазая Людка Васильева у них в классе; и даже еще страннее получалось – что лет через пятьдесят (это когда же? в две тысячи каком-то году, при коммунизме уже, вот когда!) Людка тоже превратится в морщинистую и бородавчатую жабу с жутко белыми вставными зубами меж холодных фиолетовых губ... и никакой коммунизм не поможет. Еще комод расщедрился на армейский (жаль, не морской, со змейкой) кортик с рукоятью из треснувшей слоновой кости, стопку журналов «Работница» за 1928 год («Врешь, бабушка, Бога нет!» – бойкая плотная девушка в полосатой футболке со шнуровкой и в красной косынке замахивается агитационной брошюрой на обреченно притихшую старушку в неизменном платке) и напоследок – толстенную, страниц навскидку около тысячи, черную книгу с витиеватым золотым тиснением: «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения».

Воспитанный на героике новейших времен, Илья бы таким книжным монстром, давно утратившим актуальность, не впечатлился, если б не таинственный старый алфавит «с ятями», всегда необъяснимым образом притягивавший его. Возникло чувство странной нереальности, будто при соприкосновении с древними письменами на исчезнувших языках, – и в то же время загадочно близкими казались насильственно изгнанные буквы. Раскрыв книгу наугад, Илья только полстраницы спотыкался о конечные твердые знаки и неожиданные «и с точкой», казавшиеся иностранными туристами, заблудившимися в толпе на первомайской демонстрации, но вскоре и сам не заметил, что читает абзац за абзацем так же легко, как и в любой современной книге... С Аввакумом он не расставался около полутора лет, потому что с первого же прочитанного эпизода самым невероятным образом почувствовал, что каждый душевный порыв этого заживо сожженного триста лет назад отталкивающего человека, непонятого почти никому из современников (горстка полубезумных почитательниц в счет не шла), до смешного идеально ложится на сердце ему – обычному питерскому школьнику, ученику рабочей изостудии... А начал он, по воле случая, с того места, где рассказывалось, как несчастный протопоп, в очередной раз избитый до полусмерти, так что многострадальная, и без того вся в рубцах спина уж гнила у него, мог только лежать на животе в Братском остроге на Ангаре – и пролежал так всю зиму на соломе, да без теплой одежды, а утешение имел лишь одно: бездомную шелудивую собачку, что приходила ежедневно поглядеть на мучени-

ка через щелочку в дощатой стене. А люди – те стороной обходили... И почему-то потрясла мальчишку именно собачка. Какая она была – беленькая, черненькая, пятнистая? Большая, маленькая? Наверно, маленькая, иначе он написал бы «пес»... Там вокруг столько людей ходило, все они давно умерли, не оставив в этой жизни ни следа, а о дворовой собачке, достоверно существовавшей в Сибири три столетия назад, можно прочитать в умном толстом фолианте, наполненном сверх меры человеческим горем... Несколько дней он думал о ней, застывая со стеклянным взглядом даже над утренним стаканом чая, чем вызвал однажды добродушный вопрос отчима из-за свежей «Правды»: «О чем задумался, детина?». Илья вздрогнул и пожал плечами, хотя его так и подмывало ответить с полной честностью: «О собаке, которая в шестнадцатом веке приходила проведать протопопа Аввакума в остроге» – и посмотреть, какое выражение лица появится в этот момент у добрейшего дяди Володи... Он ничего сказал не из боязни непредсказуемой реакции, а просто ощутив вдруг, что сами мысли о скандальном попе и обо всем, что с ним связано, каким-то образом возвышают его внутренний строй, не позволяя разминиваться на такие мелкие чувства, как наслаждение возможным идиотским выражением на лице хорошего человека.

Домашний Барсик именно с тех дней перестал быть для своего младшего хозяина просто толстым ласковым котом с плюшевыми лапами, а превратился в таинственную дружественную личность, словно вышедшую из другой системы координат; мальчик с трепетом познавал заново его, казалось бы, незатейливый мир, ужасаясь драматической зауженности котовьего сознания, ничуть не противоречившей всеобъемлющему чутью, недоступному мнимо высшим существам, уверенно попирающим землю двумя ногами. Нелепая скоропостижная смерть любимца потрясла его больше, чем это обычно позволительно допускать среди людей: мама сочла нужным сделать сыну замечание – это, мол, всего лишь кот, возьмем другого, когда вернемся в город, а отчим даже беззлобно подтрунивал – почти тактично, не желая ощутимо ранить: нарисуй, дескать, какой памятник на могилку ставить будем... Поначалу Илья несколько раз вспыхивал, защищая святость своей утраты, но скоро осознал, что служит для взрослых забавой, и притих, ревниво пряча непонятную другим тоску и все глубже ощущая пропасть, неумолимо разверзавшуюся между ним и миром...

Да, и он был замешан на той же закваске, что когда-то добавили в тесто, круто лепя гордого, смешного, неудобного Аввакума: так же упорен, вспыльчив и самолюбив, так же строго нежен и незащищен, так же готов стоять до конца в еще не обретенной, но на ощупь жадно разыскиваемой истине – потом, когда выстрадает ее и в ней утвердится...

Теперь, почти год спустя, стремительно взрослеющий Илья понимал уже, насколько наивными были его полудетские попытки самосовершенствования, вроде голодовок, самоистязаний и рискованных выходов, потому что за каждой как увенчавшейся успехом, так и потерпевшей крах попыткой неизбежно вставал роковой вопрос: зачем? Ну, добьется он способности не выть от намеренно причиняемой себе боли (хотя не вскрикнуть от неожиданной, вроде молотка по пальцу, как было невозможно, так навсегда и останется), подорвет здоровье изнурительными тренировками и недостаточным питанием – и что? Как мир делается от этого лучше? А для него самого – станет ли это ступенькой вверх, и если да, то где та вершина, к которой ведет его воображаемая лестница? Мязежный протопоп знал, за что страдает и пропадает, да и саму гибель призывал с радостью и, пожалуй, – да, достиг своего вождьленного бессмертия, если и через триста лет... А с какой радости изводить себя ему, советскому парню Илюхе Грачеву, уже не понаслышке знакомому с мучительным восторгом творчества, мечтающему о судьбе известного художника, чьи картины заставят когда-нибудь вздрогнуть сотни сердец? Но, хотя милый Георгий Юлианович (в детстве Илья мысленно запинаясь, произнося отчество своего славного педагога, воображая, что оно образовано от имени матери, а не отца, которого, наверно, не было, но потом, узнав про Юлиа Цезаря, успокоился) задал на лето фантазийную работу в любой технике на тему «Мой любимый герой, как я его вижу», подразумевая при этом, конечно, павших на минувшей войне или, на худой конец, Павку Корчагина, – студиец-бунтарь Грачев все набрасывал и набрасывал в альбоме совсем иной, пробившийся через толщу веков образ. Интуитивно он знал, что Юлич, как любовно прозвали учителя чуткие ученики, поймет, причем, даже не обязательно трактовать ему Аввакума как раннего революционера... Сначала он хотел в своей работе (уже знал, что замахнется сразу на масло!) возвести вдохновенного старовера прямоком на его смертный костер, но со смертью Барсика в душе что-то странным образом как бы оттаяло и слегка повернулось, а мысли, описав круг, закономерно возвратились к собачке, которая была, наверно, все-таки беленькая. С серым пятнышком на крутом лбу. Вот так. А гнилую солому – охрой...

Илья пока разрабатывал эскиз детской акварелью на ватмане, прикнутив лист на чей-то удачно сохранившийся на даче с незапамятных времен добротный кульман, – и тоже вся акварельная в пыльных лучах закатного солнца, ничуть не мешая творцу, благоговейно следила за его работой шестилетняя сестренка Анжела, уже знавшая от бабушки, что ее имя происходит от ангелов, и очень на них похожая общей светловидностью облика. Бледное, типично ленинградское личико с чертами, обещающими вскоре обрести чарующую

тонкость; теплые волосы цвета первого пуха цыпленка, умные сизоватые глаза, казалось, еще не совсем забывшие что-то важное; старое, списанное «на дачу» платьице белого шитья... «Ангел, а не ребенок!» – непроизвольно восклицал каждый, увидевший девочку, даже еще не зная, как ее зовут. Анжела теперь часто поднималась в комнату брата на второй этаж и, тихонько поскребя дверь, что означало у нее постучаться, входила, с порога сообщая: «Я тихонечко», – и слово свое железно держала. Любого взрослого Илья выставил бы на раз-два, не вынося неизбежно оценивающего взгляда через плечо, но сестренка уже через пару минут переставала ощущаться чем-то инородным за спиной – может быть из-за того, что взгляд ее еще не умел смотреть с критическим прищуром, и все, рождаемое братниной кистью, виделось ей совершенным, как и положено любому творению Старшего Брата. Она оказалась единственным человеком, так просто сказавшим ему недавно в его тщательно скрываемую печаль: «Мне так нашего котенку жалко...» – и совсем не мужественная соленая волна поднялась у него в душе, так что пришлось грубовато хлопнуть малышку по загривку и покровительственно пробормотать: «Ну-ну... Ты давай – это... Не маленькая уже». Хотя маленькая была – очень, и в школу только через год. Да и он в тот момент – тоже...

По вечерам Илья неизменно и почти остервенело трудился над образом Аввакума – работа шла трудно и сбивчиво, все время тянуло поддаться соблазну и выставить на первый план такими очевидными казавшиеся его черты, как безоглядный фанатизм и презрительная гордость, но как же хотелось уйти от этой поверхностности! Так много всего хотелось вместить – и ранимость его, и смущенность, и сомнения – а не слушалась неопытная, почти отроческая еще рука! Или просто не хватало собственной глубины и хорошей понятливости... Не по силам оказывалась добровольно взваленная на себя задача, когда вновь и вновь с очередного ватмана смотрели глаза косматого безумца, а не отважного ниспровергателя! Однажды, сорвав очередной испорченный лист с заляпанного кульмана, Илья даже в отчаянье сломал две хорошие беличьи кисти и пообещал себе бросить дурацкую затею с давно помершим сомнительным попом – хорошенькую темку выбрал себе, особенно сейчас, когда последний из них будет скоро показан по телевизору – во всяком случае, так уверенно обещал Хрущев. Да – и люди будут смотреть на этого последнего священника – жалкого, смешного, с какой-нибудь ошипанной бородашкой – и удивляться: как он может верить в такую чушь? Илья подобрал с пола свой погубленный ватман, расправил, взгляделся: примерно такого покажут? Ведь если он будет последний – то значит, несломленный, готовый взойти на костер, как этот протопоп, потому что стоять перед

камерой последним священником – это тоже костер, и это тоже История... Он вдруг подумал: увидев такого Последнего, многие захотят повторить его путь, потому что даже путь заблуждений может быть героическим, и тот Последний открывает дорогу новым... Он вздрогнул: сколько уже было этих последних за две тысячи лет! Считал их кто-нибудь? Сухое вечернее солнце наискось лупило сквозь завешенное легким газом окно; юноша достал из заметно похудевшего рулона новый лист и тщательно приклеил его к нагретой за вечер доске: время есть. Написать кого-нибудь из молодогогвардейцев, например, никогда не поздно – если уж совсем крах наступит, не поддастся его самонадеянной кисти этот почти уже родной упрямец...

А с самого раннего утра уже шагал Илья с веселым другом-этудником по розовой дороге – он и маленький, голосистый, залихватски щелкавший звонким кнутом мужичок-пастух, по пути которого распахивались одна за другой деревянные острозубые калитки, и каждая выпускала на улицу по черно-белой, как большинство местных котов, или гладкой, цвета молочного шоколада корове; за некоторыми из них, степенно догонявшими неторопливое стадо, вприпрыжку бежали голенастые телята с теплыми чуть пушистыми носами. Последняя, уже у самого поворота, похожая блеском, цветом и комплекцией на оживший рояль, выходила корова-предводительница Ночка, молчаливо возглавляла шествие, и никто уже не смел обгонять ее! Стадо сворачивало направо, устремляясь к неведомым пастбищам – Илья так никогда и не узнал, где паслись до вечера эти дивные животные – а юный художник неизменно шел напрямик в Заповедник, место всеобщего жадного притяжения. Он не знал, какие это «все» дороги ведут в Рим – в этих местах они вели к Голове.

И жители, и постоянные дачники знали, что до революции здесь располагалась помещичья усадьба, как положено, реквизируемая трудовым народом и обращенная на нужды трудящихся, в данном случае – ученых-биологов, блаженствовавших, однако, в этом скромном филиале рая совсем недолго: во время войны лесопарк и дворец оказались на переднем крае боев и пострадали, казалось, необратимо. Трехсотлетние дубы, правда, как стояли, так и остались, успешно залечив свои осколочные ранения, – зато небольшой, некогда изящный, как богатая, но скромная барышня, летний дворец, возвышавшийся над пологом спуском к Ориенбаумскому шоссе, пока оставался жестоко искалеченным снарядами, и сердце сжималось при взгляде на кое-как залатанные стены: было очевидно, что за ними вопреки всему теплилась незаметная, но полнокровная жизнь...

Давным-давно, когда вообще никого здесь – а может, и вообще на Земле – не было, сходящая в море ледниковая лавина волокла с собой огромный светло-серый валун, почему-то потеряла

его здесь, и он застрял на сотни тысяч лет, ожидая себе сквозь толщу времени предназначенного вдохновенного ваятеля. Говорили, он пришел в восемнадцатом веке и изобразил главу своего случайного кума – самого грозного царя Петра Великого. Но еще вспоминали, что некогда Голова носила русский шлем, во время оно украденный, – не на нужды ли колоколотейщиков? – а значит, пришла напрямик из «Руслана и Людмилы». И много чего еще рассказывали – про арийца Тевтона, про древнее заклятие, постепенно погружающее Голову под землю – и, разумеется, про то, что, скрывшись когда-то полностью, она и весь город утянет с собой... Прийти в парк и не поклониться ей было невозможно по неписанным местным законам: нет, ничего не случилось бы, просто это было – нельзя. Считать себя художником и не изобразить ее – тоже. В парке имелось несколько до тошноты живописных озер и рукотворных водопадов под темными вековыми кронами – и не особенно-то они манили к себе уже придиричвого, сторонящегося банальности Илью. Ну, написал их все по разу в прошлом году, Юлич кивнул с равнодушным узнаванием – здесь ты, братец, угол совсем перетемнил что-то – и хватит, наигрался так и выгибавшимися в нетерпении попасть на чей-нибудь холст горбатыми мостиками над иззелена-коричневой водой. А к Голове – тянуло, как к месту жертвоприношения. Мертвые каменные глаза, слегка поднятые к небу, казались странно зрячими. В твердом очерке благородного носа, рисунке высоких суровых скул чувствовалась нешуточная сила – неопасная для друзей, сокрушительная для врагов. Илья определенно знал, что кто бы ни послужил прообразом этого странного, как бы сакрального изображения, – он был человеком достойного и надежного качества. В чертах не ощущалось жестокости, присущей жадным языческим божествам, с Головой рядом человек и сам преисполнялся достоинством, а к ней чувствовал нечто сродни благоговению... Голова, при всей своей гордости, была к людям благосклонна: например, позволяла взойти к ней на мощное темя со стороны затылка – и даже теплым полднем посидеть там немножко в раздумьях, свесив ноги на ее прохладный некрутой лоб...

Так и сидела на ней в тот день худая, успешная уже загореть, но по виду городская женщина средних лет в опрятном светлом холстинковом платье и легкой косынке; из-под длинного подола видны были только тощие щиколотки и крупные ступни, обутые в старомодные полумужские сандалии. На коленях женщины лежала закрытая толстая коричневая книга и, рассеянно придерживая ее рукой, незнакомка смотрела вперед и вверх – туда, где взбегала по высокому холму древняя разрушенная лестница и просвечивали сквозь хризолитово-прозрачные на солнце листья особенно мрачные на их фоне стены расстрелянного дворца. Заметив, как очередной беспечный ху-

дожник целенаправленно устанавливает этюдник неподалеку от насиженной ею Головы, женщина легко поднялась и, подхватив подол, спустилась на тропу. Илья удовлетворенно проводил ее взглядом, так как с самого начала, педантично приготавливая все потребное для писания этюда, надеялся этим молчаливо выдать неподходящую натуру из поля зрения, – но, когда она равнодушно его миновала, отчетливо вздрогнул: книга, которую отдыхая, обхватив, несла перед собой, на миг явила темно-золотой кусочек заглавия: «...и другие его сочинения».

На следующий день с братом «на этюды» напросилась Анжела. Илья не возражал: во-первых, он искренне любил младшую сестру, а во-вторых, глубоко в душе сочувствовал ей, два года назад неожиданно превратившейся в «среднего ребенка» – то есть в человека, чье положение в семье самое по, сути, драматичное. Она еще не получила, по малолетству, той почти безграничной свободы, которой, сам того не замечая, широко пользовался «взрослый» Илья, но и нежной заботы, по праву полагающейся маленьким, ей доставалось все меньше и меньше, потому что по отношению к настоящему «малышу» – братику Кимке, она теперь и сама стала «большая». Одно время с Анжелочкой весело возился их отчим дядя Володя – высокий, очень красивый, как с этикетки на бутылочке одеколona, добродушный мужчина, инженер на самом известном ленинградском заводе, скромный герой-орденоносец, который однажды на День Победы стеснительно надел свой старый офицерский китель, заставив этим пасынка с падчерицей одинаково ахнуть при виде двух медалей за отвагу и ордена Красной Звезды. У него были удивительно большие, цепкие и ловкие руки, которыми он и подбрасывал, бывало, заходившуюся от восторга Анжелу почти в прямом смысле «до потолка», после чего, бережно поставив на пол, называл ее «своей королевичной» – но все это как-то махом прекратилось после рождения настоящего «наследника» – толстощекого бутуза Кимки. Дядя Володя сам дал ему революционное имя, потому что давно – почти сорок лет назад, в ту веселую эпоху, в существование которой Илье даже трудно было поверить, когда еще звучали на берегах Японского моря последние выстрелы гражданской войны, это передовое имя предназначалось родителями ему самому, но в последний момент было все-таки заменено другим, принадлежавшим одному из двух главнейших вождей революции... Но неполученное имя настолько интриговало сначала впечатлительного мальчика, а потом храброго юношу и мужчину, что он поклялся называть в честь Коммунистического Интернационала Молодежи будущего сына – а клятвы привык держать... После рождения Кимки родные сестра и брат, несмотря на, казалось бы, призванную необратимо разделить их разницу в возрасте, тем не менее, неожиданно сблизилась на почве своей

полноценной родственности: Илья знал доподлинно, а Анжела только чувствовала, что активно навязываемый им в любимчики младенец – всего лишь наполовину брат им обоим. А может быть, Илья просто любил детей, успешно вошедших в сознательный возраст и овладевших людской речью: страстно бабакающего и гулькающего Кима он смутно считал пока преждевременным причислять к человеческому роду.

А сестренка уже полностью к нему принадлежала... Ненадолго хватило ей силенок протаскать на себе ответственную поклажу – небольшой братнин этюдник, выпрошенный в самом начале пути, она весело вернула его владельцу, налегке без страха побежала трусцой рядом с пестрым коровьим стадом, изловчившись погладить на бегу большеглазого молочного теленочка, восхитилась – «Ух ты, какая!» – важно прошедшей мимо Ночкой, сказав, что шкура у нее, как у пантеры, которую она видела на майских праздниках в зоопарке, когда еще – «Помнишь, Илья, как тот верблюд плюнул дяденьке на шляпу?». Они вместе вспомнили и в сотый раз посмеялись – и старший брат вдруг остро подумал: «А ведь мы этого не забудем. Ни она, ни я. Никогда. Как вот сейчас идем ранним утром в Заповедник и смеемся – это очень скоро из памяти сотрется. А тот пьяненький дядечка застрянет в ней до самой смерти – и у меня, и у Анжелки... Одно гарантированное общее воспоминание – навсегда. Как странно...».

Минувшей весной трудящиеся гуляли подряд целых три дня, потому что Первое мая удачно выпало на понедельник. В воскресенье традиционно пекли (тут уж дети старались всемерно помочь исхлопотавшейся матери: сын истово крутил мясорубку, а дочка усердно катала слабенькими пальцами коричневую от времени скалку по распластанным и щедро присыпанным мукой тестяным лепешкам) торжественные прямоугольные пироги – один с мясом, другой с капустой. Их – толстых, темно-золотых, будто лаком покрытых – вынули из коммунальной духовки уже поздним вечером, и до утра поставили рядышком «отдыхать» на кухонном столе, заботливо укрыв от ревнивых взглядов соседок почти стерильной полотняной скатеркой. Только днем в самый праздник, вернувшись с демонстрации, – Кимку оставили на старорежимную бабулю из крайней комнаты – приступили к священнодействию чаепитию, и так жалко было резать первый пирог, варварски разрушая покрывавшую его идеальную, как на потолке, ажурную лепнину... Так же жаль бывает – и будет в этом году, да! – вскрывать первый звонкий августовский арбуз. А в третий и последний выходной, жаркий, будто уже пришел июнь, отправились всей семьей с родной Петроградки в недалекий зоопарк – мама обзывала его «зоосадом» по-старинке. (Кололо в боку, подташнивало, и кто-то спросил: «Ты чего такой желтый?»), и братишка бойко махал из открытой коляски вче-

рашним флажком на деревянной палочке.) Прямо напротив клетки с единственным дико косящимся на посетителей и потрясающим двумя дряблыми горбами верблюдом стоял разукрашенный по случаю праздника пивной ларек, вокруг которого царило особое летнее оживление: задорно сдувая аппетитную, зря пропадавшую пену с круглобоких кружек, граждане в сдвинутых на затылки шляпах залихватски опрокидывали в жаждущие глотки холодное, безбожно разбавленное пиво. Один из них, держа в правой руке недопитую кружку – последнюю из, скорей всего, немалого количества осиленных за сегодня, а в левой – длинную веточку, отломанную от ближайшего куста, заинтересованно приблизился к верблюжьей клетке, где прямо у ограды нервно жевало и дергало мягким носом некрупное коричневатое животное со свалившейся шерстью. Пиво, радостно бурлившее в гражданине, коварно подсказало ему, что может оказаться забавным пощекотать верблюду в носу припасенной веточкой – и доверчивый дядечка послушался подлого совета... Вот так... И поглубже... И еще раз... Надо отдать должное верблюду: он терпел долго – лишь тихонько пофыркивал, не делая ни шагу от решетки; впрочем, может быть, ему, как лишенному природой удовольствия поковыряться в носу, было приятно, кто знает, – и гражданин при попустительстве верблюда незаметно прошел точку невозврата... Все произошло мгновенно: раздался негромкий булькающий звук – и новая шляпа мужчины, и расстегнутый пиджак, и клетчатая рубашка, и даже отутюженные брюки – все в один миг оказалось покрытым густой, липкой, невероятно вонючей пузырящейся белой массой, будто его окатили из ведра с известкой. Несчастному никто не сочувствовал – просто не мог. Потому что все счастливые свидетели этой редкой ужасающей сцены по миновении короткой немой паузы дружно сложились пополам от беззвучного хохота – и так, в скрюченном положении, будто разом раненные неслышной гранатой, начали медленно расползаться в стороны, чтобы можно было поскорей расхотаться вслух на безопасном для ленинградской вежливости расстоянии... Мама при этом еще ухитрилась толкать перед собой Кимкину коляску, а Илья – тянуть за руку оцепеневшую сестренку... Этот день оказался дополнительно памятным для парня еще и тем, что на следующий вместо школы он оказался в Боткинской больнице – и, собственно, на том и закончилось его неполное среднее образование...

Вспоминая об этом, брат и сестра сами не заметили, как сквозь негустой светлый лесок вышли собственно в Заповедник; по аккуратным парковым дорожкам путь их лежал для начала к любимой обоими «Зеленке» – неглубокому озеру с песчаным у берега дном и прохладной, не как в нежашем заливе, бодрящей водой. На крошечном пятачке дикого пляжа в такую рань еще никого не было. Лишь ступив на плотный, поросший редкой

чахлой травой бережок, Ангела немедленно стоптала с босых ног, помяв друг о друга, свои смешные круглые сандалики, с еще детским наивным бесстыдством через голову сорвала с себя короткое ситцевое платьице и в одних трусиках устремилась к водоему. Она даже не притормозила, как делают другие девчонки перед заходом в любую воду, чтобы проверить ее осторожной ножкой на гипотетическую холодность, потому что предпочитала не мучить себя сомнениями и приготовлениями. Илья давно уж заметил с некоторым удивлением, что сестра его слишком решительна не только для девочки, но и, пожалуй, для мальчика тоже – а хорошо это или плохо, понять не мог... Он только еще укладывал этюдник, расстегивал, поеживаясь на утреннем холодке, рубашку, малодушно решая, не позагорать ли сначала, позволив солнцу пройти по коже горяченьким, – а она уже, не умея плавать, прыгала в ярких брызгах, взмахивая руками, как недолеток крылышками, высоко подскакивала, невинно показывая брату свою еще совершенно плоскую грудку.

– Вылезай! К Голове пойдём! – махнул он девочке, стоя на берегу.

Купаться совершенно расхотелось – может быть, на обратном пути, когда хорошенько прогреется воздух... Была и еще одна причина не задерживаться здесь: Илья смутно надеялся, что та женщина, что сидела вчера утром на каменном лбу, а потом прошла мимо с «Аввакумом» под мышкой, и сегодня пришла туда. Вдруг она и сейчас там сидит? Почему она читает такую странную, несовременную книгу? Ну, он – понятно: чтобы работать над собой, а она? Может быть, она – научный работник, историк, и знает гораздо больше, чем написано в книге? Илья еще вечером решил, что, пользуясь дачной свободой, подойдет к женщине и заговорит с ней: здесь, в Заповеднике, да еще в немом, но очень ясно ощущаемом присутствии Головы, делающей неуловимо странной саму атмосферу вокруг себя, нет ничего невежливого в том, чтобы подойти в незнакомому взрослому человеку и спросить... Зная, что застенчивость – одна из главных его болезней и может заставить некрасиво сконфузиться в ответственный момент, Илья продумал вопрос еще вчера – он скажет: «Здравствуйте! Извините, а вы – ученый?».

Но ни к какой Голове они в тот день не пошли. Крикнув девочке, Илья на миг отвернулся от озера с целью подобрать брошенные вещи – и сразу боковым зрением увидел знакомую дачницу. Все с той же книгой в руках и большим пушистым полотенцем, перекинутым через прямое острое плечо, она медленно вступала на пляж с противоположной стороны, появившись, будто прямо из яркой зелени. Юноша растерялся, как всегда теряется человек, заранее продумавший некую важную мизансцену, которая вдруг пошла совершенно наперекосяк, заставляя вдохновенного режиссера на ходу подстраиваться под нее.

- Здрасьте... – вырвалось у него от неожиданности, и он тут же в деталях увидел себя со стороны: невесть отчего смущенного вихрастого подростка, нелепо здоровающегося с посторонним человеком; Илья решительно оборотился в сторону озера, инстинктивно сгустил голос до положенного природой предела и зычно рявкнул в сторону не торопившейся выходить Анжелы: – Я кому сказал?! А ну, на берег!! Вода холодная!! Анжел-ла-а!!!

- Здравствуй, – спокойно ответила женщина и улыбнулась: – Экий у тебя голос страшный, прямо архиерейский дьякон. Любо-дорого послушать.

Кто такой дьякон, Илья примерно представлял, а насчет «архиерейского» уверен не был, поэтому лишь сбивчиво пробормотал:

- Не... не слушается... А вода-то не прогрелась еще... Не хватало ей только простудиться...

Она махнула рукой:

- Оставь сестру. Себя в ее возрасте вспомни: весело тебе было, когда ты только раскупался в свое удовольствие, а тебя уже не берег зовут? Ну вот, то-то. Ничего ей не сделается, вылезет – солнышко ее вмиг согреет. Этюд, вон, лучше пиши... В художники собрался или так – балуешься?

Его смущение как рукой сняло – так просто и тепло говорила эта высокая, угловатая, на вид хорошая и прямодушная женщина. Он кивнул:

- Собрался. С десяти лет в рабочей изостудии занимаюсь. А с осени в сто девяностую школу иду, в старшие классы. Это такая, вроде подготовительная...

- Знаю, – перебила женщина, сбрасывая с плеч бретельки застиранного сарафана и стаскивая его через низ. – При «Мухе», которая раньше была Школой технического рисования, потом какими-то мастерскими... Сейчас, говорят, очень достойное учебное заведение. Ну, пойду и я окунусь...

Она осталась в темном, очень закрытом купальнике, и, на ходу закалывая волосы повыше, точно так же, как Анжела, не притормаживая у кромки, бросилась в воду и поплыла размашистым кролем сразу на глубину. Сестренка между тем добровольно выбежала на сушу и заскакала на одной ноге, склонив набок голову и смешно колотя ладошкой по нижнему ушку: так она, подражая большим ребятам, вытряхивала из него несуществующую воду. Потом она шустро расстелила свое небольшое вафельное полотенце, подтащила его на более мягкий, жидкой травой покрытый участок – и растянулась лицом вниз, выставив еще белые треугольные лопатки, поерзала немножко, устраиваясь, – и через несколько минут уже дремала под настойчивой лаской набиравшего силу и злость солнца. Илья устанавливал этюдник – на этот раз без особого рвения к работе, и поглядывал, как новая знакомая уверенно плывет в сияющей воде: вот повернула к берегу, попала в солнечную дорожку, переплыла ее, будто рассекая гладь густого расплавленного золота. Теперь он понял,

что женщина – старая, гораздо старше его матери – может быть, в бабушки и не годящаяся, но все-таки из тех, непоправимо отставших во времени, словно не сумевших перейти некую заповедную черту, чтобы понимать что-то важное, доступное только новым поколениям. И все же к ней тянуло. Странное дело – они буквально несколькими словами перекинулись, а он уже почувствовал смутную связь между ними, некое таинственное узнавание – и по-хорошему взволновался, предощущая что-то важное и глубокое, совершенно новое в жизни.

Вот купальщица неторопливо взошла на пологий бережок, отколола намокшие волосы цвета перца с солью, отбросила их на плечи сушиться, подхватила расстеленное полотенце, обернула вокруг узких мальчишеских бедер и встала неподалеку от этюдника, подставив лицо заметно погорячевшим лучам.

- Я, наверное, мешаю тебе работать? – вдруг, прищурившись, обернулась она. – Конечно, мешаю. Ты и вчера не знал, как меня согнать с Головы, помнишь? Ты – как тебя зовут? – не беспокойся: сейчас я только чуть-чуть обсохну и отойду в сторонку, читаю в тенечке...

- Илья меня зовут! – горячо обрадовался он. – И вы мне совсем не мешаете! Наоборот, это я вчера подумал, что мешаю вам, ведь вы, наверное, ученый и читаете по работе, а я так нагло со своим этюдником прямо напротив...

- А меня – Настасья Марковна, – сказала женщина, – и я не... Неужели – читал? – изумленно перебила она сама себя, заметив, как при первых ее словах мальчик вздрогнул и быстро глянул в сторону лежащей на свернутом платье книги. – Да, именно как жену Аввакума... И что – все прочел?

- Да. Два раза, – гордо сообщил Илья. – А может быть, даже и три, потому что отдельными кусками потом еще много раз перечитывал, – и глупо добавил: – Очень понравилось.

Она, казалось, была изумлена и не могла подобрать слова, во всяком случае, всем корпусом повернулась к собеседнику и долго рассматривала его в упор; наконец, растерянно проговорила:

- Надо же, как удивительно... И что – не трудно было читать? Язык-то непривычный для тебя, наверное. Все-таки триста лет назад написано. Или родители твои какие-нибудь специалисты в этой области?

- Да нет! Мама наша – машинистка, сейчас с Кимом, братиком, сидит, не работает, а папа... – Илья запнулся, – в общем, у нас с Анжелкой отчим, дядя Володя, – он инженер на Кировском. Фронтвик, орденосец...

- Интере-есно... – протянула Настасья Марковна. – И как же дошел ты до жизни такой? – она красиво, молодо улыбнулась.

- Да вы не подумайте! – смутно испугался юноша: вдруг решит, что он какой-нибудь трону-

тый религиозник. – Я не в этом смысле, что Церковь там, староверчество или еще что-то ... Меня личность его захватила! Ведь он – борец! Какая силища – один против всех, и в таких мучениях... Кстати, и жена его тоже... Я вот понять не могу, как это она, когда еле живыми выбрались – ну, из Сибири... С детьми... Ведь там такое вытерпеть пришлось – почти как здесь в блокаду было, мама с бабушкой рассказывали... Но он опять воду мутить собрался, в первом же городе, так что их бы сразу раз – и обратно! А она ему – мол, не думай о нас, иди и обличай... Он-то понятно, фанатик и все такое, но она-то – мать, дети-то ведь ей дорожке должны быть! Или... или нет? – Илья вдруг со страхом почувствовал, что последнее его утверждение не бесспорно.

- Или нет, – сухо ответила Настасья Марковна и посурела: – Неужели, столько раз прочитав, не понял?

На пляж уже подтягивались первые отдыхающие с детьми; в трусах и панамках, а совсем карапузы – так и голышом, они звенели, подпрыгивали, топали пухлыми, в перевязочках, ножками под строгими и нежными взглядами матерей... Нет, это понять было невозможно.

- Моя мама говорила, что для женщины самое ужасное – потерять ребенка, – пробормотал он. – Вот у вас есть дети? Вы могли бы... – он не договорил, постеснялся.

- Самое ужасное – это потерять не ребенка, а себя, – четко и раздельно произнесла Настасья Марковна. – И это единственное, что нужно настоящему понять в этой книге.

- Вот это я как раз понимаю! – взволнованно заговорил Илья. – Очень хорошо понимаю! Просто я не знаю, где они силы брали на такое, вот что! Я вот тоже хотел – ну, это – воспитать в себе такую силу. Ну, не такую точно, а вообще...

И его неожиданно прорвало. На одном дыхании он вдруг вывалил так и стоявшей напротив практически незнакомой женщине в мокром купальнике все свои страхи, надежды и сомнения, одолевавшие последние пару лет, – и никому не понятные подвиги вроде геройского заплыва и бесславно обморока на физкультуре. Говорил, внутренне обмирая: вот сейчас она снисходительно улыбнется и покачает головой, демонстрируя, какой он маленький дурашка со своими детскими выкрутасами, и привычно, по-взрослому ободрит несмышленища: сейчас, мол, ты еще не понимаешь, что все это пустяки, а когда вырастешь... Илья даже не пытался разобраться, почему ему вдруг таким важным показалось мнение чужой старушки, – просто говорил и говорил в напряженно-внимательное лицо... Она была совсем некрасивая, кожа – как старый пергамент, глаза темно-серые, ничем не примечательные. Рядом с ней не ощущалось ни особого умиротворенного спокойствия, ни простой земной надежности, как рядом с мамой или бабулей, – наоборот, Настасья

Марковна создавала вокруг себя невидимую зону напряжения – но напряжения притягательного, будто родственного. Он даже представить себе не мог, что рассуждал бы о таких странных вещах с мамой, сразу начавшей бы любовно ерошить ему волосы и спрашивать об учебе, или с бабушкой, озабоченной лишь степенью готовности внуков немедленно поесть вкусенького. А тут стоял – сам полуголый перед полуголой же почти что бабкой – над крепко спавшей на животе сестренкой и сыпал вопросами без ответов, главным из которых, как ни крути, а оказывался один: зачем? Зачем все это, если все равно закончилось тюрьмой и костром, а и не костром бы – и без того ведь все умерли! Бились, словно Дон Кихот со своими мельницами, – и давно ушли в землю навсегда, как и те, кто сражался по другую сторону! Тогда – зачем? И сила была – для чего?

- Ну, а вот война была... – тихо вставила в паузу женщина. – Что же, по-твоему, выходит, надо было немцам сразу сдаваться, потому что, так или иначе – а все равно в гроб?

- Это – другое! – почти крикнул он. – Это – понятно! Тут страна, в которой детям жить, много поколений! Это – чтоб не рабами росли, за такое и умереть не жалко! И страна – вот она, пожалуйста, стоит себе! И мы с вами тут разговариваем, и дети, вон, играют! А Аввакум... и другие... Боярыня Морозова – в Москве когда с классом на экскурсии был, в Третьяковке видел... И та же Настасья Марковна – они за что? За два пальца? За какие-то буквы в старых книгах, которые теперь только в музеях? Да и церквей-то самих почти нет уже, а скоро и совсем не останется, говорят... По всему выходит, что Аввакум и страдал, и вообще жил – напрасно, а вот ведь нет – три века прошло, и я, и вы читаете, и будто прямо в сердце! Вот что мне никак не дает покоя, а вы – вы понимаете или нет?

- Понимаю, – спокойно отозвалась Настасья Марковна. – Не зря же меня, как его попадью, зовут... Только, боюсь, объяснить тебе это нелегко будет.

- Думаете, я маленький, да? – обиделся Илья. – И мне еще рано, да?

- Нет, – просто сказала она. – Потому что ты некрещеный. У тебя – там – закрыто.

Он опешил:

- В каком смысле? – И вдруг вспомнил: – А я как раз крещеный! Меня бабушка, когда я грудной был, отвезла без спросу к Николе Морскому, и меня окрестили. Ох, и задали ей, говорят, мама с папой! Соседка рассказывала, что отец мой год с тещей не разговаривал. Ну, а Анжелка и Кимка, те – да, так и остались. Старая уже бабушка стала, когда они родились, чтоб такие дела провоцировать. Да теперь-то какое это имеет значение? Крещеный, некрещеный – какая разница? Лишь бы человеком хорошим вырос!

- О, да, – усмехнулась Настасья Марковна. – Действительно, какая разница? Плюс-минус бес-

конечность.

Илья не понял, но спросить не решился, почуввав в ее словах нечто действительно «взрослое», про которое он и сам понимал, что «рано» и, более того, – вообще не для всех. Например, не для его мамы. И уж, тем более, не для отчима... Почему? Илья вздрогнул от этих мыслей, промелькнувших мгновенно, но пугающе отчетливо.

- Не задавайся пока такими вопросами, – мягко сказала Настасья Марковна. – Не все же сразу. И возраст твой тут ни при чем. Многие взрослые предпочитают до конца жизни об этом не думать...

- Это как-то связано с Аввакумом, да? – наивно спросил юноша. – Просто книга сложная, да?

Женщина чуть улыбнулась – одним уголком рта, но и эта полуулыбка таинственным образом озарила ее лицо:

- Да. Но не самая. Ты поймешь, потому что бабушка когда-то сводила тебя к Николе Морскому... Смотри, сестра твоя проснулась.

Анжела действительно уже сидела на своем полотенце, слушая разговор старших, – совершенно очаровательный ребенок: розовый после дремы, в растрепанных солнечных кудряшках... Вот сейчас Настасья Марковна не удержится и расхвалит ее, назовет привычным ангелом, потому что девочка действительно остро напоминает сейчас полусонного купидончика с какой-нибудь сладкой картины восемнадцатого века.

- Ангелой ее зовут? А брата – Кимом? Плохо, – строго сказала женщина, без всякого одобрения пристально разглядывая ребенка. – Клички собачьи, а не имена. Если крестить их, то другие давать надо, русские.

Его словно окатило водой: вот дурак-то! Она обычная религиозница, и больше никто. Никакой не ученый, а всего лишь бабка старорежимная – лет-то ей сколько? Между пятьюдесятью и шестьюдесятью? Просто одета и говорит погородскому, потому и кажется, что умная и всякое такое... Родилась до революции, а мать с отцом вообще, наверно, контра отпетая, вот и накачали ее. И Аввакумом она восхищена не как борцом и бунтарем, и даже не как интересной исторической личностью – а в прямом смысле верит всем небылицам, которые он там понаписал (читая их, Илья всегда внутренне по-доброму усмехался, делая отсталому старику скидку на то, что тот родился в темные времена) про всяких там бесов на печке, ангелов, ходящих сквозь стены... Надо же, у его брата и сестры – не имена, а клички!

- Ладно, разберемся... – сразу внутренне отгораживаясь от собеседницы, пробормотал Илья и обернулся к сестре: – Собирайся давай, наши там, небось, уже позавтракали.

Он принялся торопливо складывать так сегодня и не пригодившийся этюдник, все время ощущая на себе настороженный взгляд женщины и невольно ежась от него. Досада на себя самого не отпускала, и он буркнул в сторону:

- В крайнем случае, вырастут – сами решат... Хотя к тому времени уж и церквей-то, наверно, не будет, так что чего им решать-то...

- А если не вырастут? Маленькими умрут? – вдруг резко бросила Настасья Марковна.

Юноша выпрямился, чувствуя, как губы дрожат:

- Вы – это... Вы совсем уже... – захотелось наругать, но почувствовал, что выйдет несолидно, как у обиженного пионера, и он закончил, как мог, спокойно: – А если и так – правда ведь никто не застрахован – то, сами понимаете, тогда и по-давно все равно будет.

Она вздохнула, на сей раз действительно глядя на Илью, как на недоумка:

- Да уж, понимаю, конечно... – и непонятно добавила: – Просто минус еще одна бесконечность...

Анжелка, уже накинувшая платье, топталась на своем зеленом островке, сиюсья впихнуть ноги обратно в сандалики, не расстегивая их, – это удалось, и девчонка унеслась в ажурно-золотую тень «на подскоках», не оглядываясь на брата.

- До свиданья, – сказал он и тут же с неудовольствием понял, что теперь все лето ему придется здесь, в Заповеднике, бегать от этой полоумной тетки, прятаться, чтоб не столкнуться взглядом и снова не повестись на лишний разговор.

- А крестить их все равно надо, – словно не слыша, продолжала Настасья Марковна. – Самое страшное, если так умрут. Хуже ничего и быть не может. А ведь дети – всякое может случиться... Скарлатина, например... – и при этом слове у нее непроизвольно дернулось и потемнело лицо.

«Я – гад, – в секунду прозрел Илья. – У нее точно ребенок когда-то умер – от скарлатины. Поэтому она такая и странная. Ищет утешения в религии – как не понять человека... У тетки ее, Авакумовой жены, вообще не сосчитать, сколько детей перемерло».

- Сейчас – пенициллин изобрели... – пробормотал он, невольно смягчаясь. – Мы с Анжелкой два года назад вместе переболели... Таблеточки такие белые попили – и как рукой...

- Да это я к примеру, – с едва заметной горечью отозвалась она. – Вообще – мало ли что... Но знай на всякий случай: ты, как человек крещеный, и сам можешь окрестить кого-то, если срочно нужно, а священника нет. Например, тяжелобольного, умирающего. Неважно, ребенка или взрослого.

- Сам? – искренне удивился Илья. – Комсомолец, в рабочую изостудию хожу – и окрестить? Умирающего? Как поп? Зачем? И, главное, как?

- Ну, Илья-а!! – прогудела откуда-то из тени сестра. – Ну, пойдё-ом! Ну, мне жа-арко!

- Очень просто, – пожал плечами женщина. – Берешь любую воду, хоть из лужи, хоть из чайника. Говоришь: крещается – в смысле, крестится – раб Божий такой-то, только имя обязательно должно христианским быть, нашим то есть, русским. По-

том три раза брызгаешь на него водой. Первый раз говоришь – во имя Отца, аминь, второй – и Сына, аминь, третий – и Святого Духа, аминь. Видишь, как просто. Сложней – зачем...

- Ну, Илья-а! – требовательно раздалось с дорожки.

- Беги, – слегка подтолкнула Настасья Марковна. – Будет еще время обсудить. Пока просто запомни, и все.

- Иду-у! – отозвался он вбок и, хотя знал, что запоминать ничего не будет, потому что незачем, но, не желая обидеть старуху, повторил всю нехитрую формулу домашнего крещения от начала до конца и добавил: – Ничего сложного.

- Да. И плюс бесконечность, – с проблеском улыбки отозвалась она.

А на следующий день лето взяло и кончилось. Махом. Без предупреждения перешло в позднюю осень. В своей спартанской комнатухе со скошенным потолком Илья проснулся от влажного холода и, еще не веря себе, в полудреме натянул на голову легкое пикейное одеяло, смутно надеясь на досадную случайность, которой предстоит развеяться вместе с остатками сна. Но, когда в голове окончательно прояснилось, он убедился, что за окном стоит беспросветный ливень – упорный, равномерный, нескончаемый – и его унылый шум уже сходит за тишину. Сирень под окном словно набухла и вскипала, как пенка на смородиновом варенье, почти достигая второго этажа, – казалось, она на глазах пропитывается водой, и соблазнительно было написать ее именно такую, не праздничную средь желтого и голубого – а мокрую и ледяную, роняющую тяжелые прозрачные капли... Новый ватман уже с вечера был развернут на столе в ожидании нового эскиза, и, наскоро накинув дачную вельветовую куртку, не причесываясь и даже не вспомнив о завтраке, Илья бросился щедро мочить плотную белую бумагу под акварель – а потом долго и вкусно работал, не замечая ни сгущавшейся в комнате влажности, ни собственных нечищенных зубов.

Так внезапно и обидно испортившаяся погода, запершая дома маму с двумя младшими детьми, – из которых, впрочем, погрустнела только без дела слонявшаяся Анжела, а веселый бутуз Кимка как радовался жизни при солнце, так и продолжал любить ее и под дождем – неожиданно открыла для Ильи новые грани в нем самом. Оказалось, он любит ненастье больше, чем солнечные дни! Надежно запрятавшись с ног до головы в специально для этого доставленную когда-то на дачу фронтонную плащ-палатку уехавшего в Ленинград на работу отчима, охваченный непонятным, почти чувственным восторгом юноша убежал теперь из дома с этюдником еще до завтрака, проглотив лишь на бегу обсыпную булку со вчерашним козьим молоком. Залив можно было писать бесконечно – и этюды никогда не походили один на

другой. Илья неустанно лазал среди валунов, утверждая меж них этюдник как мог прочно, и писал с замиранием сердца, безжалостно перекручивая цинковые тубы с фиолетовым и синим кадмием, не экономя белила – и вся надежда была на то, что ко дню рождения в июле отчим привезет обещанный – и такой долгожданный – новый большой набор дорогих масляных красок.

Вечером он отвечал на озабоченные вопросы матери – не голодный ли, не простудился ли – в теплой комнате у во всю топившегося высокого обшарпанного камина с отколотой плиткой (были удачно найдены на чердаке и немедленно пущены в дело какие-то трофейные «топливные брикеты»), на первый отвечал утвердительно и рьяно наворачивал гречневую кашу с тушенкой, на второй – энергично мотал головой; потом он покровительственно трепал по мягким кудрям сестренку, теперь всегда вяло пеленавшую на кресле свою увечную куклу (фарфоровая голова ее была склеена из осколков и кое-как подкрашена заново лично Илейей) – и мчался к себе наверх, где царили холод и свобода, где можно было, подтянув ворот свитера до ушей, вновь приняться за Аввакума и его памятную собачку. Снизу доносилось протяжное канюченье сестры – «Ма-ам, ну, почитай про Айболи-ита!» – и привычные раздраженные материнские ответы: «Ты видишь, мне надо Кима на горшок сажать – иди, поиграй в игрушки!». Сквозь уже властно захватывавшую главную работу Илье вдруг приходило в голову, что надо бы собраться и самому почитать сестре, которую после рождения непрошеного брата мать с отчимом отдали два года назад в детский сад на шестидневку, и должны были со дня на день отправить с детсадом же на дачу, что не удалось им сделать весной, потому что закрутились с Кимкой и не отвели Анжеле вовремя на какую-то недостающую прививку... «Жалко малявку, – мелькало у Ильи, в то время как он тонкой беличьей кистью, густо зачерпнув из кюветы коричневой акварели, наводил Аввакуму суровые страдальческие брови. – Скоро опять ей до осени с чужими людьми мучиться... И что мама ее здесь, на даче, не оставит? Хоть бы она от детсада этого круглосуточного отдохнула... Говорит – ей, мол, там веселей с другими детьми, а здесь играть не с кем... Так-то оно так, но... Не годятся эти брови никуда! И не перебелишь, – только грязь разводиться... Какой-то старикашка полоумный получается. Может, действительно, Олега Кошевого написать и не мучиться?». Но мучиться было приятно, как и ложиться позже всех, а вставать, когда все еще спят, и наскоро пить холодное молоко на крыльце под навесом, ощущая крепчающим, вширь идущим плечом надежную тяжесть старого этюдника...

Он не знал, что это летят последние дни его юношества, туманные, дождливые, неожиданно уютные, – что их остается всего ничего, и потом уже ничто, никогда не повторится, и буйного про-

топопа он никогда не напишет, как не вернется в родную изостудию под строгий и ласковый взгляд Юлича, а из всех этюдов того лета случайно уцелее только один, самый неудачный...

Именно в тот страшный вечер, перед самым закатом, солнце, наконец, скромно явило себя отчаявшимся в ожидании дачникам – так, напомнило сквозь полегчавшие тучи, что оно, вообще-то, здесь, никуда не делось – и сразу резко переменялся цвет моря и неба, смешав все краски вдохновенному живописцу. Он поднял глаза – и тут услышал свое имя: издали, высоко вскидывая голенастые, будто у лосенка, ноги, к нему неся, проваливаясь в мокрый песок, соседский неумытый парнишка лет двенадцати, из местных.

- Скорей! – кричал он пронзительно, как голодная чайка. – Скорей! Беда у вас!

Илья на всю жизнь запомнил, как при этих словах крупно затряслись его руки, как странная, гадкая дрожь вмиг охватила все тело, и, главное, голос, его зычный красивый голос, осел куда-то внутрь, упорно не шел наверх, и только душным шепотом он смог спросить подбежавшего соседа:

- Что?.. Что?... – и горло перехватило напрочь.

- Я вам только что «скорую» с почты вызвал, – ответственно сообщил мальчик, слегка задыхаясь от бега.

- Кому?! – прорвалось, наконец, у Ильи, успевшего представить себе умирающую невесту от чего маму.

- Там братан твой, вроде, крысиного яду налопался и помирает, – важно ответил гонец, очевидно, очень гордившийся нежданно выпавшей миссией; он еще не проходил в школе, что таким же, как он, посланцам, принесшим дурные вести, в древности попросту отрубали их невольничьи головы.

Минуты побежали быстро-быстро. Сыпались в песок незакрытые полувыдавленные тубы краски, с густыми коричневыми всплесками из-под ног увертывались лужи, голова угодила на лету в сыпучий куст, сразу, словно мокрым снегом обдавший пушистыми лепестками, тугая разбухшая калитка с размаху ударила ребром по отзывчивому локтевому нерву, в нижней «большой» комнате заметалась неизвестная мать в пестром грязном халате, роняя гремящие тазы и крича на ходу без слов... На диване среди смятых пеленок и полотенец исходил хрипом и рвотой маленький мальчик, в котором старший узнал щекача и проказника младшенького только потому, что знал, что кроме него быть некому.

- Кимка... – выдавил Илья, застывая в дверях, и тут же в уме неуместно мелькнуло: – «И правда, кличка какая-то».

С этого момента что-то пошло иначе, словно мир сам собой чуть-чуть сдвинулся – лишь на градус, но это заставило глянуть на него под другим, доселе неизвестным углом. И этот ничтожный угол смещения вдруг развернул все видимое

и слышимое в совершенно новый, небывалый ракурс. Илья остолбенел, пытаясь нащупать, понять, принять. Он молчал. Мать подскочила к нему с белыми глазами:

- Где они?! Ты привел их?!!!

Он даже не сразу понял, что речь идет о врачах, и продолжал молча переводить глаза с мамы на братика и обратно.

- Дурак, дурак, дурак!!! – дико выкрикнула она в лицо сыну и принялась бешено трясти его, схватив за плечи: – Где они, я тебя спрашиваю?! Кимка умирает, понимаешь ты?! Умирает – Кимка!!!

«Так и умрет под собачьей кличкой», – кощунственно подумал Илья, но в голове сразу ошеломительно прояснилось. Он осторожно отстранил маму и уверенно глянул ей в глаза:

- «Скорую» вызвали соседи, она через минуту будет... Кима сразу увезут в больницу – его хотя бы переодеть надо, смотри, он же весь мокрый!

- Да, да... – в лице матери мелькнула осмысленность. – Сейчас... Ты посмотри пока... – и она метнулась из комнаты.

Илья шагнул к братику. Тот притих, изредка икая и почти не приоткрывая глаз. На его осунувшееся, едва узнаваемое личико уже легла сумрачная, смутно торжественная печать. Старший брат тронул страдальца за ручку:

- Маленький... Кимушка... – и это слово опять больно резануло слух.

«А какое имя – русское?» – попытался он припомнить, но в голове почему-то только судорожно крутился достоверно русский Иван-Царевич. Илья схватил с тумбочки стакан с водой и осторожно пролил немного малышу на лоб:

- Крестится раб Божий Иван, во имя Отца, аминь, – брызнул еще раз, – и Сына, аминь, – доплеснул малые остатки воды: – И Святого Духа, аминь, – и тихо поставил стакан.

Младенец Ваня открыл глаза и очень спокойно – с последним спокойствием – по-взрослому, будто сам был старшим, глянул на брата, который навис над ним сам не свой, смутно надеясь на какое-нибудь чудо. Его не произошло. В комнате в тот же миг оказалось несколько человек в коротких мятых халатах, мать что-то сбивчиво рассказывала сквозь рыдания про какие-то пустые обертки, которых не должно было быть, – ее оттащивали и заворачивали братика в голубое, младенческое его одеялко, потом они с мамой бежали по тусклому саду плечом к плечу, но ее пустили в белую с красным машину, а его – нет, он остался под грозно нависшей над забором черной сиренью – и по узкому их, тенистому переулку удалялись в матово-серой ночи два злобещих, как глаза хищника в чаще, рубиновых огня.

Глава II Мы новый мир построим

Алексей Иванович Щеглов закрыл амбарную книгу, тщательно завинтил колпачок любимой перьевой ручки и попытался встать из-за стола. Не тут-то было: ноги серьезно затекли, потому что невесть сколько времени, пока их хозяин, пожилой мужчина с абсолютно белой красивой головой и контрастно темной бородкой, увлеченно писал, были пережаты над коленями жестким ребром неудобного высокого стула. А он и не заметил – так увлекся! Мужчина осторожно поставил обе ступни в домашних мокасинах на носки – и сразу же облегченно почувствовал, как кровь торопливо и вольно хлынула по жилам вниз, оживляя его одревеневшие было конечности. С детства он любил это волшебное ощущение – возвращения к жизни онемевшей руки или ноги, когда случалось какую-то из них или сразу обе отлежать или отсидеть, любил настолько, что иногда «омертвлял» их почти специально, позволяя, например, случайно поджатой ноге дозреть до кондиции чуть ли не абсолютной нечувствительности – чтобы потом в полной мере насладиться словно бурной оттепелью, наступающей в уже почти чужом, как отможенном, куске тела...

Он часто так делал и тем самым летом – о котором сейчас писал. Странно, что вспоминались теперь такие незначительные мелочи, а крупное как-то смазывалось, выпадало не только из текста, но и из воспоминаний. Например, он пока ничего не написал – и даже в голову не пришло! – о том, что именно той, едва тогда минувшей весной, от которой в начале лета еще не успели опомниться, человек впервые в истории полетел в космос (подумать только – а теперь там, на орбите, уже целая свалка образовалась!), и все вокруг было как бы пропитано приподнятостью от осознания этого чрезвычайного события. Черета личных катастроф того лета наполняла страдальцев чем-то вроде непонятого чувства легкой вины: как они смели предаваться горю на фоне всеобщего, словно обязательного ликования!

Он слепо протянул руку в угол стола, и ладонь его приятно наполнилась: большая железная фляга с армянским коньяком была умиротворительно тяжела, содержимое гулко поплескивало внутри. Отогнал смутные сомнения: ну, какой алкоголизм – наоборот, с возрастом спиртное почти перестало действовать, и нужно было махом выпить не менее половины стакана на пустой желудок, чтобы ощутить хоть какую-то смазанность мыслей. А их хотелось иногда вообще стереть – все до одной. Хоть до утра отдохнуть от страхов, сомнений, просто суеты... Полежать, ни о чем не думая... Но сегодня он имел право на особое вознаграждение: хорошо ли, плохо ли, а первую главу он закончил. Да ладно, ладно, чего там – «плохо ли»? Хорошо, конечно, тем более, что он художник, а не писа-

тель... С почином! Алексей с удовольствием сделал несколько крупных, мягких, давно ничуть не обжигавших плотков.

Вообще-то он никогда не собирался писать о том, более чем полувековой давности лете никаких воспоминаний – слишком уж тяжело выходило, отвык от того, чтоб так себя будоражить. А вот оказался в этом доме... И зачем его сюда принесло на старости лет? Даже смутно помнил, как ехали, как устраивались – будто сквозь дымку... Это все Аля виновата... Ладно, приехал и приехал. А тут воспоминания обступили со всех сторон – словно живые. Будто не его воспоминания, а самого дома: ждали, ждали здесь кого-нибудь едва ли не шесть десятилетий – появился он, и накинудись на добычу. В старом ждановском шкафу на веранде все еще висело – страшно подумать! – то, желтое с черным мамино платье и неуловимо пахло «Красной Москвою»... Маму звали не Анна, как он написал в амбарной книге, а Елена, отчима – дядя Дима, сестру – Снежана, а братика – Вилен. Себя он обозвал Ильей – тем именем, которого всегда для себя желал, и очень гордился удачными именами, выбранными для своих героев: хотя и непохожими на слух, но внутренне идеально созвучными... Фамилию свою тоже заменил красиво – птичью на птичью. Правда, Настасью Марковну так и звали – тут уж ни убавить, ни прибавить, и Вилю он тогда с перепугу окрестил действительно Иваном – и действительно окрестил – что и подтвердил ему в Париже случайный знакомец, оказавшийся священником из Собора Александра Невского – так что записки, когда вдруг оказывался в церкви, исправно подавал за упокой младенца Иоанна. Алексей до сих пор не разгадал до конца эту давнюю загадку про себя самого: почему он вдруг такое сделал? Ведь в те дни он не успел еще по-настоящему попасть под влияние старухи Марковны! (Ага, старухи: пятьдесят один ей тем летом исполнилось, красивая была, спортивного типа сухощавая женщина, он потом в таких влюблялся; интересно, сколько она прожила, как и от чего жизнь окончила; сходить надо, посмотреть, на месте ли ее домик над футбольным полем; а вдруг жива? – тогда сколько ей теперь, сто восемь лет? – бред.) Вилю, конечно, жаль было до невозможности, такого маленького, беспомощного, ужасно мучившегося... Даже сейчас вспомнишь – и дрогнет что-то внутри. Хотелось как-то помочь ему – чтоб быстро, чтоб сразу – одним словом, чудом. И подросток Лешка, не имея в своем распоряжении ничего чудесного, кроме странного рецепта, данного незнакомой женщиной, без раздумий применил его как единственный – в смутной надежде, что непонятный ритуал немедленно исцелит братика? Нет, вряд ли: Настасья Марковна говорила, что это делается именно перед смертью, а вовсе не спасает от нее... Зачем же тогда? Из каких-то невнятных соображений про Аввакума, которым он тогда увлекался? Если толкнуло что-то, то что?

Нет, не понять. И не вернуть уже того свежего, молодого внутреннего состояния, послушного небанальным, в разрез со всей действительностью идущим побуждениям... Наверное, он просто сделал то, чего никто бы не сделал на его месте. Он и всю жизнь потом так жил: говорил то, что никто бы не сказал, любил тех женщин, которых любить было не принято, дружил с мужчинами, заведомо не годившимися в друзья, писал картины, многими презираемые, – и радостно получал по шее в прямом и переносном смысле за свою отличность, понимая, что за нее не стыдно получать. Так что превращение Вили в Ваню можно было отчасти считать одним из первых его «программных» поступков, определивших сам жизненный уклад и настрой...

Далекое радио на кухне возвестило полдень. Алексей поднялся, зябко застегнул теплую флисовую жилетку, прибавил тепла в обогревателе, рассеянно встал перед окном – тем самым, из которого писал когда-то свою чуть ли не последнюю на художественном поприще сирень: с того года он не переставал испытывать к ней тихую, ровную, очень хорошо мотивированную ненависть. По настоянию и под неусыпным руководством Али дом был недавно отремонтирован – а вот до обширного, и раньше неухоженного сада, по ее словам, еще не дошли руки, и он превратился за все эти годы заброшенности в участок глухого (сейчас осеннего, яркого) леса с участками непроходимых чащоб, живописного бурелома, так и просившегося на пейзаж, и даже непонятно, когда и откуда явившегося, но уже ряской заросшего пруда. Поодаль, на пригорке, и в его детстве не юные, а теперь и вовсе заматеревшие сосны, числом пять, как и раньше тихонько гудели на ветру, будто натянутые струны огромного невидимого контрабаса... Просто так стоять и на расстоянии угадывать их знакомый гуд, глубоко прихлебывая чуть отдающий канифолью коньяк (надо же, как быстро идет, второй стакан на исходе, ну да ладно), было одновременно мучительно и приятно.

Внизу скрипнула калитка: в пронзительно-сином коротком пальто, мелькнувшем на шафрановом лиственном фоне, Аля быстро куда-то уходила; с сумкой на плече – значит, далеко, а у него не отпросилась. Эта мысль обидчиво мелькнула в уже отяжелевшей голове – но высказать ее вслух он никогда бы не решился: эта женщина ведь не сиделка и не прислуга при нем, а помощник, вроде секретаря, – так между ними уговорено еще два года назад. А то, что она иногда добровольно выполняет что-то и по дому – то приборется немножко, то сварит что-то нехитрое, то стиральную машину запустит – все это просто потому, что отношения у них давно уж установились дружески-домашние, и вообще ему легко в ее светлом присутствии...

Жила Аля в гостевом домике с кухонькой – сама настояла на такой автономности, и он те-

перь ревниво за ней подглядывал: вдруг мужика начнет водить, ведь не может же быть, чтоб такая красивая – и без мужика обходилась! Или может? В городе помощница просто приходила к нему несколько раз в неделю, забирала его бумаги и рукописи, которые требовалось привести в порядок – то есть, перепечатать на компьютере, выправить и отослать, куда нужно, следила, чтобы все потребное для работы – краски там, кисти, холсты, рамы и прочее – всегда было закуплено в необходимых количествах; принимала заказанные им продукты и вещи, вела деловые переговоры на трех языках, встречалась с нужными людьми, согласовывала план его выставок и текущей работы... Со временем он стал доверять ей буквально все, радостно перевалив на ее плечи нудные технические заботы, всегда отвратительные сердцу творческого человека, – даже доверенности на банковские счета ей выдал, умеренно прибавив зарплату, чтоб и денежными делами его ведала. Тут несколько раз, конечно, устраивал без предупреждения тайные проверки, про себя называя их метким выражением «внезапный сыч», – так говорил в незапамятные времена злорадный математик, объявляя ученикам неожиданную контрольную. С женой приятеля, молодящейся ушлой особой, он шел по своим банкам, скрупулезно проверяя движение денег, доверенных секретарше, – и каждый раз убеждался в их полной сохранности и даже некотором плодоношении, что свидетельствовало о совершенной Алиной честности.

- Дальше так же будет, ты и сомнений не держи, – уверяла ушлая особа. – Она по мелочи не проколется. Она возьмет все и сразу. Когда женит тебя на себе и унаследует все до копейки – плюс недвижимость и работы...

- Она прекрасно знает, что все завещано моей дочери, – сухо отвечал Алексей. – Да если б и не было завещано – не убивать же она меня собирается! А без этого можно сколько угодно прождать и не дожидаться: никто же не знает, кому первому...

- Ну, значит, она в один прекрасный день отчалит со всеми твоими деньгами куда-нибудь в Австралию, – усмехалась жена приятеля, и было кристально ясно, то сама она, доведись ей оказаться на месте Али, поступила бы именно так. – И иди, доказывай, что ты не верблюд.

- То есть, в человеческую честность и искренность ты вообще не веришь? – покрываясь пятнами, пытал он.

Она усмехалась еще гаже:

- Верю... До определенного предела. Но только не в то, что красивая сорокалетняя баба с высшим образованием, языками и несколькими востребованными специальностями будет за копейки гнобить свою жизнь в качестве девочки на побегушках у, извини, старого гриба. Частным образом – без стажа, без пенсии! Из любви к искусству, думаешь, она это делает? Брось. Прекрасно знает, что завещания сколько угодно раз переписывают-

ся. А еще пишутся, например, дарственные...

- Я не дурак! – вспыхивал Алексей. – Все точки над «i» я расставил сразу же, чтобы исключить всякие поползновения! В первые же недели ее работы нашел предлог – и разъяснил. Без подробностей, конечно, но сказал, что перед дочерью серьезно виноват: из семьи ушел, когда ей два годика было, вообще после развода ею не занимался, потом слинял во Францию, создал школу своего имени, интересовался только собой и искусством, даже алиментов не платил – ее мать на них не подавала, я и радовался. Завещание написано и многое ей возместит – насколько возможно, конечно. Ясно, что детство без отца не заменишь, но все же...

- Ох, беда с вами, мужики! – тяжело вздыхала умудренная жизнью женщина. – На всю жизнь – дети. И берут вас тепленькими, как младенчиков из люльки...

Этот разговор, с вариациями, повторялся не один раз – и однажды Алексей, не выдержав, рявкнул громовым голосом:

- Хватит уже! Достала! Устраивает она меня, поняла?! А почему работает – не мое дело, и уж не твое тем более!! Значит, удобно ей так по каким-то соображениям! И закроем эту тему, иначе я не знаю, что!!!

Друг с супругой ненадолго обиделись, но через месяц уже, как ни в чем не бывало, пригласили его на свой убогий вернисажик, а к больной теме больше не возвращались – и прекрасно... Алексей проводил взглядом холодное синее пятно Алиного полупальтишка, быстро сгнувшееся в желтизне. Он очень хотел уверить себя в том, что знает о причине того, почему она с ним тут... нянчится. Аля, скорей всего, любит его, вот что. Почти тридцать пять лет разницы? Да они не чувствуются совсем! Он молод душой, широк в плечах, богат духовно, да и с лица... Алексей пододвинул к себе круглое зеркальце, давно валявшееся на подоконнике среди сосланных туда с рабочего стола безделушек. Какое счастье, что среди его здоровых генов не оказалось самого коварного – ведающего облысением! Что ни говори, а лысая голова сразу превращает самого молодявого мужика в старого хрена – у него же пышная белая шевелюра, он специально не стрижется коротко. А вот борода и усы, наоборот, не седеют, оставаясь молодо каштановыми. Не зря он почти двадцать лет прожил на юге Франции, незаметно продубив и просолив кожу на ласковых средиземноморских ветрах – и она не высохла, не сморщилась к семидесяти, а обрела замечательную гладкую плотность и красивый медный оттенок. Широкие брови ничуть не ошетинились, оставаясь густыми, темными и шелковыми, да, в добавок, с возрастом откуда ни возьмись явился некий трагический излом посередине: женщины, которым удавалось дорваться до его лица, первым делом принимались наглаживать ему брови пальчиками – и каждая счита-

ла, дура, что она первая и последняя оказывает эту утонченную ласку, – а он еле от смеха удерживался... Ну, глаза хотелось бы, при остальных впечатляющих красках, иметь голубые – хотя они бы сейчас уже, пожалуй, выцвели, стали водянистыми – а вот его классическим серым ничего не делается – зато взгляд выразительный! Старость не уродовала его, и Алексей прекрасно создавал, что и сейчас многие женщины не отказались бы от его даже мимолетных объятий! Другое дело, что в этом отношении несколько, может, излишнее в прошлом гусарство сыграло с ним злую шутку: теперь любые его поступательно-возвратные движения могли длиться не более тридцати секунд, после чего он отваливался потный, злой и мечтающий немедленно закурить... Именно поэтому Алексей и не приближал к себе Алю окончательно: та неловкость, что неизбежно возникнет между ними после подобной попытки (понятно, что деликатная Аля будет настаивать, что все очень хорошо, что для нее главное – близость с любимым, и нести прочую баюкательную чушь), постепенно изнурит их обоих, вызовет в нем чувство вины, неминуемого раздражения – и Аля окажется потерянной навсегда. А он уже привык к ее ненавязчивой заботе, к теплым лучикам, бежавшим из золотистых глаз молодой женщины, когда они, бывало, вечером пили в студии после работы чай с лимоном и рассказывали друг другу забавные истории, да и к укладу всей жизни, незаметно ею установленному, прекрасно приносившись... И вообще любовался: тонкими рыжеватыми волосами, просвечивающими на свету, традиционным пушком на скуле, хрупким запястьем с золотой цепочкой скромного девичьего браслетика, неожиданно округлыми коленями под женственным воланом... Придется менять все это не пойми на что, приспособившись... Нет, пусть уж так пока. Потом видно будет... В Петербурге он мысленно выводил за скобки собственного бытия ее туманную «личную жизнь» без него – предпочитал просто не думать об этом. Знал, что родителей своих она не помнит, что воспитали ее бабушка с дедушкой, которые уже умерли, – и оставили ей при этом большую солидную квартиру с видом на Неву, что замужем была один раз, коротко и несчастливо, что детей не нажила и не стремилась, близкими подругами не обзавелась... Но все глаголы употреблялись ею неизменно в прошедшем времени, про сегодняшний день за порогом его дома и мастерской Аля не говорила ни слова – и он стеснялся спрашивать. То есть, не стеснялся, а боялся ее гипотетического честного ответа («Живу с другом, планирую весной пожениться, а вам придется подыскивать другого секретаря» – и ясно глянет со счастливой виноватостью), который положит конец чему-то простому и доверчивому между ними, потому что станет достоверно известно: это – женщина другого; каждый вечер, проведив ее до двери, Алексей начнет представлять, как она сейчас войдет в свою

уютную квартиру, как они сядут вместе ужинать (и, может, походя высмеют его, старого хрыча, по ее наводке), а потом... Ну, разумеется, они же оба молодые и сильные!

Но теперь – хочет он того или нет – а узнать точно придется: если у Али кто-то есть, то не расстанутся же они на всю осень! Значит, она будет регулярно ездить в город или принимать своего самца здесь... Еще, пожалуй, гулять пойдут у него на глазах – к той же Голове, которая как торчала, так и торчит, говорят... И не запретишь: он всего лишь работодатель, ее проживание во флигеле со всем компьютерно-принтерным царством как бы часть секретарской работы – а личные дела в свободное время его вроде как и не касаются! Черт знает, что такое... Вот сейчас куда она отправилась так уверенно и в городском пальто?!

Руки отчетливо дрожали, когда он наливал себе третий стакан. «Все-таки многовато выпил...» – прошла неясная мысль. Сердце колотилось часто-часто, стало чуть труднее дышать. Как только Алексей осознал это последнее вполне отчетливо, из глубины души стала бурно подниматься оглушающая паника – неудержимая, как вскипающее молоко, только эту конфорку было не так просто выключить! Но если это не удавалось немедленно остановить, то происходящее быстро выходило из-под контроля полностью, сердцебиение зашкаливало за порог выносимости, появлялось страшное ощущение мягкой руки, постепенно сжимающей дыхательное горло, воздух ходил туда-сюда с ужасающим шипением, казалось, еще чуть-чуть – и доступ ему будет полностью перекрыт и начнутся настоящие смертные муки висельника... Нарастал слепой холодный ужас, занимал собой всю душу, переполнял ее, затапливал окружающее пространство – бежать было некуда, и помощи не у кого просить. Ясно работавшим в такие минуты умом Алексей понимал, что на самом деле никаких механических препятствий дыханию ни снаружи, ни внутри не существует, кислород поступает и смерть не грозит, – но реальность смещалась, раскалывалась, рушилась, исчезало время, и оставалось только страдание. Когда это случилось с ним впервые – лет пять назад поздно ночью в небольшом номере тихой гостинички захолустной Любляны – он выскочил с коридор с воем и нагишом, до полусмерти перепугав черноглазую хорватку на рецепшн, и с тех пор это повторялось с пугающей регулярностью раза три-четыре в год, а здесь, в обновленном почти что родовом гнезде у залива, грозило произойти уже второй раз за последнюю неделю. «Нет. Нет. Ты же видишь – воздух поступает свободно. Вдохнуть. Еще раз. Ну вот, ты же чувствуешь, что легкие наполнились, значит, организму вполне хватает кислорода. Вдох – выдох... – с сомнительной твердостью начал Алексей про себя. – Ничего особенного – просто паническая атака... Со многими бывает – и ничего, даже с Алей... Она го-

ворила – принять валосердин... Надо на кухню, в холодильник... Встать бы только с этого кресла... Когда я в него сел?! У окна же стоял! Скорее, пока не началось! Нет, начинается, начинается!!! Проклятье!!! А-а-а-а!!!».

Он рывком выбросил себя из уютного древнего кресла, покойного, недавно обтянутого мягкой темно-коричневой кожей, метнулся к двери, дробно посыпался по новой, с резными перилами, деревянной лестнице, сладко пахнувшей пиленой сосной, ворвался, прижав руки к груди, в просторную кухню (красота кругом: кожа сочно-бордовая, панели темного дерева, авторский кафель с акварельным узором – все та же Аля-На-Все-Руки-Мастер эскиз рисовала и подбирала материалы, так что и за дизайн-проект платить не пришлось, работа как бы вошла в ее обязанности универсальной секретарши – нет, расставаться нельзя) – распахнул холодильник – ага, вот эта коричневая, с голубой этикеткой – сорок капель – нет, лучше пятьдесят...

Обычно после этого сердце постепенно замедляло, выравнивало свой неистовый гон, дыхание открывалось, прояснялись мысли, приходило четкое осознание зряшности пережитого стресса, собственной мнительности, основанной на маниакальном страхе внезапной смерти. Но сегодня все происходило не так: рот наполнился жидкой слюной, одеревенел язык, в голове стремительно путалось и темнело, подкашивались ноги, а руки, которые Алексей специально пытался поднести к глазам, не слушались, будто лишённые костей. Он понял, что сейчас мешком оседет на пол, шагнул к дивану, не чувствуя ног, но все же кое-как переставляя их, и повалился на гладкую пахучую кожу лицом вниз, как мягкая кукла с битой фарфоровой головой... Где-то он такую видел... Давно.

В жизни он состоялся – потому что вульгарно сбежал на Запад в середине семидесятых, когда рука окрепла, но задор еще не прошел. Не пожелал двойной жизни, на которую обрекали его Советы, – как и всех пишущих, рисующих, ваяющих, поющих, играющих, сочиняющих, танцующих и прочих дирижирующих, вернее, тех из них, которые параллельно являлись еще и думающими, а, следовательно, страдающими. Сбежал в прямом смысле слова – ногами и бегом в Париже, куда (совершенно случайно, шансы на другой шанс стремились к нулю) вырвался в составе вполне себе политкорректной делегации молодых художников-соцреалистов: с еще не погасшей угодливой улыбкой на лице без предупреждения ринулся прочь от намертво, как моллюск-убийца с ядовитыми присосками, прилепившегося дружелюбного кагебешника. Тот просто не сумел догнать длинноногого невозвращенца, с риском для жизни мчавшегося на красный через оживленную улицу. Франция с равнодушным радушием приняла его – имевшего при себе два франка, но не смену белья и одежды – спасибо ей, неотразимой мировой

проститутке, великой парфюмерной державе! Нет, Алексей предателем не был: он понимал и умом, и сердцем, что покидает страну поистине великую, которой еще предстоит опомниться, но непохоже было, что это произойдет достаточно скоро, – а его время ощутимо таяло, и все естество бунтовало против того, чтобы превратиться еще в одного мученика несокрушимой Системы, на должности учителя рисования в средней школе или художника-оформителя ЖЭКа, гордящегося тем, что не изменил земле предков. И в конце нулевых – известным российским авангардистом, основателем собственной школы, не похожей ни на одну другую, и – да! – очень обеспеченным человеком – вернулся! Новой семьи не создал, хорошо понимая, что это гиря на ногу крылатому человеку, а старая... Жену он бросил за два года до побега – потому что банально остыл к ней, и жить рядом стало невмочь – аж зубы сводило. Маленькая, еще не очеловечившаяся дочка вызывала поначалу только абстрактное чувство гордости за удачное осеменение – но она быстро потускнела, съежилась под счастливым бременем тайного запойного творчества и будоражащего одиночества в мастерской за редкими, но денежными халтурами, обеспечившими не только жизненные потребности, но и сыгравшую однажды свою решительную роль благонадежность. Его открытой для худсоветов нишей стали будни модных комсомольскихстроек: разного рода венеры, вываливающие тяжелые колосья волос из-под касок электросварщиц, и обнаженные по пояс мускулистые красавцы-метростроевцы шли нарасхват – только места надо было знать...

Последние годы, по возвращении, застряла в нем одна странная, неожиданная заноза: вдруг показалось, что, привыкнув к бесконечным вольностям ставшего родным авангарда, он как бы утратил классические навыки. «Да не пиши ты меня Женщиной-Танцем! Или Женщиной-Зимой! Напиши ты мой нормальный портрет, с руками и ногами – и чтоб лицо было на голове, где ему и положено! Ты что – разучился?» – истерила молодка-любовница, красиво позируя на диване. Он хотел угодить ей, злился на нее и себя, похабно орал, швыряя кисти через всю студию, – и с ужасом видел неудачную компоновку, слишком длинные руки с не поддающимися никаким усилиям кистями, невыразительное, плоское лицо, совершенно не желавшее дать какой-нибудь убедительный рельеф или хоть проблеск жизни... «Кто разучился?! Я?! Да что ты можешь понимать! Я – Щеглов, к твоему сведенью!» – рычал Алексей и чувствовал, холодея, что именно разучился, разучился тому, что казалось раньше самой простотой, от чего бежал, презрительно кривя губы... Он рассорился с женщиной, не завершив портрет, придумал приличный предлог – она-де слишком требовательная и вздорная – и выставил вон из своего дома и жизни, причем с отчетливым сожалением,

потому что не успел переболеть ею до конца и с удовольствием еще месяц-другой повозился бы... Долго мучился, пытался делать карандашные зарисовки – собаки, деревья – как в детстве – но ни в чем не повинный зверь сам собой превращался в нечто лоскутное с множеством когтистых ног, а дерево представляло клубящимся вихрем... Он так видел. Он теперь так видел. Убеждал себя, что умеет распознать и запечатлеть суть, а работа над брэнной формой – удел посредственности, верил в это – не вешаться же! – но становилось вдруг страшно иногда, когда даже клубком свернувшаяся на диване чужая кошка отказывалась послушно перекочевать на белый лист, как была, без лишних глаз и женских волос...

Где-то сбоку послышался четкий стук острых каблучков, больной хотел позвать: «Аля!» – но с трудом выдавил лишь сиплый жеванный звук. Каблуки приблизились, в темноте над лежащим кто-то склонился – и отчетливо нависла чужая, будто незнакомая аура. Почему он сразу понял, что это не она? Запах! Да, да, запах – душный и тяжелый, женский. Алины духи он знал: они пахли весной – южным ветром, лопнувшими почками, первой легкой грозой, яблочным цветом... Эту весну она всегда носила с собой, как вечную молодость. Над ним стояла не Аля – кто-то другой.

Алексей в ужасе открыл глаза, увидел только тьму и вдруг парализующее испугался, что ослеп, – ведь только что, когда он спускался за лекарством, был замечательный пасмурный, но сухой осенний день – с листвой цвета карри и старого лимона, с высоким простоквашным небом в брызгах райских яблочек! Он вздрогнул, рванулся сесть, бурно дыша, простер руки – и будто мазнул кончиками пальцев по чему-то рыхлому, сразу отпрянувшему... Голос прорезался, и несчастный гулко протрубил: «А-алл-ю-у!!!». Шаги, приподнявшиеся с каблучков еще выше, на цыпочки, с шуршанием унеслись, ясно скрипнула туда-сюда дверь, но зато он теперь знал, что со зрением все в порядке, потому что одновременно с дверным скрипом мелькнул тусклый, будто дальний свет. Он сидел на диване, свесив ноги и едва переводя дух.

Значит, правда. Значит, не казалось. Значит, и то – тоже было. Но так отчетливо – в первый раз... Сначала у него сама собой переместилась рукопись. Обычно он раньше десяти никогда из постели не выбирался, а тут вдруг ранним утром одолело нечто вроде невнятного эротического сна – вылез босиком, потный и плохо пахнущий, на кухню за минералкой – и с изумлением обнаружил прямо на кухонном столе свою едва начатую амбарную книгу. Да, действительно, он накануне перечитывал написанное за день, нежась на упругом диване со стаканчиком арманьяка, но ведь перед сном пунктуально отнес все бумаги наверх! Или не отнес? Аля встала в своей избушке рано – ключи от дома у нее тоже есть, разумеется – прошла

за чем-то, имея твердое на то разрешение, в его кабинет – и заинтересовалась, а потом забыла вернуть? Это настолько на нее не похоже, что даже рассматривать смешно! Тогда Алексей первым делом проверил дверь – оказалась запертой... Пришлось обзвать себя маразматиком и признать, что наверх отнести все-таки лишь собирался...

Через день, возвращаясь в дом из вконец одичавшего сада, который тщетно пытался обследовать, увидел в окне привидение. Случайно поднял взгляд на свое почти чердачное оконце, как зачем-то каждый раз делал юнцом, подходя ко входу, – а там словно кто-то отскочил от окна, и отчетливо дрогнула отодвинутая занавеска! Поскольку ни в каких призраках Алексей отродясь не верил, возможность галлюцинаций у себя признать не хотел, а секретарша еще полчаса назад отправилась на рынок в Ораниенбаум, то первым делом он подумал о воре, потому что дверь за собой, выходя, не запирает. Поколебавшись, он все-таки боязливо сунулся на веранду, постоял, послушал: ни шороха, ни вдоха; повел глазами туда-сюда: ничего, чем можно было бы, если что, защититься! Осторожно глянул сквозь стекло на кухню: никого – зато, бесшумно пробравшись туда, вынул тесак поувесистей из подставки для ножей! Чувствуя себя чуть более уверенно, как и всякий мужчина, которому удалось заполучить какое ни есть оружие, двинулся в обход владений – но лишь убедился, что дом совершенно пуст и противоположная дверь, выходящая когда-то на задний двор, а теперь – прямо в заросли чубушника, заперта на четыре оборота ключа. Снова обругал себя, на этот раз – неврастеником, рухнул прямо в рабочей куртке в кресло, жажнул полный стакан чего-то крепкого из первой попавшейся бутылки – и только тогда перестали трястись руки... К слову сказать, первая паническая атака здесь, на даче, случилась именно тогда – но удалось выскочить на воздух, продышаться, отсидеться на крыльце до Алиного возвращения... И еще в кармане куртки оказался телефон – Алексей долго панически жал единицу, установленную в качестве «горячей кнопки» Алей на саму себя – и действительно, скоро услышал ее близкий, теплый, слегка мурлычущий голос, сразу вселивший надежду и покой: «Сейчас, Алексей Саныч, я уже подъезжаю...».

Вспомнились и мелочи – вроде странных шумов и шорохов – но, будучи человеком искусства, он с романтическим удовольствием думал о том, что старые дома, даже те, в которых, как в этом, внешне ничего не осталось от прежнего, все равно живут своей таинственной внутренней жизнью и может быть, тоже умеют вздыхать и плакать о былом... А может, сверчок какой-нибудь за печкой поселился, или мыши наведываются... Он взрослый нормальный мужик – и что, пугаться всего этого должен? А еще лучше – взять и сказать Але: давай уедем, мне тут страшно, и все время кажется, что в доме кто-то есть. Она решит, что старик

начал впадать в детство, – и уж точно никогда... А ему еще хотелось надеяться, что у них просто все развивается, медленно, постепенно, неторопливо, и когда-нибудь, если он сам решит попытаться...

Но теперь, постепенно приходя в себя в неожиданной тьме (выходило, что вырубился не менее чем на полсуток, хорошенькое дело!), он начал осознавать, что все странности, происходившие с момента приезда, неслучайны и зловеще связаны между собой. И другое смутно припоминалось: будто даже слышал сквозь глубокий сон что-то угрожающее, ярко осознанное, но сразу позабытое, – а потом списал на кошмар... Так, надо валить отсюда. Утром же он скажет Але, чтоб собиралась, – наплевать, что ей там покажется: она наемный работник и пусть делает, что велят! Очевидно же: по дому кто-то беспрепятственно шляется, баба какая-то, – не хватало только, чтоб его тут зарезали! Кстати, откуда он понял, что баба? Духи? Нет, что-то другое, какое-то более глубокое узнавание... Да какая разница – просто унести бы ноги!

Алексей уже достаточно окреп, чтобы подняться, уверенно шагнул к стене, нашарил выключатель... Мягко зажегся неяркий, уютный свет, все кругом выглядело надежно и дружелюбно, будто родное, – а ведь он чуть больше недели здесь прожил, вот чудеса! Во всем этом была, конечно, полная Алина заслуга: как только он рассказал ей между делом об этой давно забытой и покинутой своей недвижимости, она загорелась и сначала создала дизайн-проект от «а» до «я», потом полгода неустанно моталась на своей маленькой, красной с черным, похожей на юркую божью коровку машинёнке, между городом и этой чужой для нее дачей – контролировала каждый шаг работников, носилась в Питере по магазинам, выбирая материалы, мебель и фурнитуру – от наружной штукатурки и краски до ручек шкафчика в ванной – душу вкладывала, старалась угодить, ни копейки не взяла за эти лишние хлопоты! Конечно, она любит его, что и говорить, и нет у нее никакого другого мужика: так только о любимом заботятся! Так выют только собственное будущее гнездо! Вот уж дом-то он ей в любом случае завещает, дочери и так много всего достанется... Это Аля уговорила его приехать сюда на осень, чтобы и отдохнуть, и поработать внаглую, от души, на свободе – и (об этом, конечно, промолчала) побыть с ним наедине, еще больше сблизиться... Она уже и стряпает ему почти как мужу, и одежду его в машинке стирает... Какая же она секретарша – она почти жена, только без секса... Пока... А завтра он скажет ей, что они немедленно уезжают, бросают этот выстрадавший ею дом, быть может, навсегда, потому что ему сначала грезились в нем привидения, потом слышались странные звуки, и в конце концов спьяну померещилось, что в темноте над ним склонилась посторонняя женщина... Хорош он перед Алей окажется, нечего сказать! Нет, по-

смешаем для нее становиться Алексей не собирался. Ничего он ей не скажет. С сегодняшнего дня возьмет себя в руки, ограничит коньячок до... Ну, скажем, не больше стакана в день – но маленькими порциями. Будет дышать здоровым осенним воздухом, ходить на этюды – как там залив поживает, больше полувека его не видел! – а рано утром и по вечерам работать над воспоминаниями: ведь неплохо, черт возьми, получается, и, кажется, проглядывают не банальные мемуары, а что-то похожее на большую интересную повесть... Да и надо, наконец, выплеснуть вон из души эти мутные помои, застоявшиеся там за столько лет! И еще одну очень важную вещь предстояло Алексею обдумать и решить: надо ли встретиться с дочерью по возвращении в город? Найти ее просто – той же Але поручит, и все дела – а дальше что? Спрашивать, как там ее мать? Оправдываться? А вдруг она совсем не такая, как он вообразил, – не симпатичная питерская интеллектуалка, а, скажем, покатила по наклонной плоскости, разведенка, мужиков меняет? И что тогда – переписать завещание? На кого – на Алю? Хм, вот и получится, как та ушлая баба предупреждала: секретарша женит его на себе, уморит и все унаследует... Глупости, Аля не такая, она как не от мира сего... Но в любом случае надо найти дочь и поговорить с ней. Или не надо? Подставлять себя под какие-то вопросы, упреки, может быть... Других детей у него нет, в браке он не состоит, она бы и по закону все за ним унаследовала, так что какая, в сущности, разница...

С женой, Оксаной, и правда не очень красиво получилось, и даже теперь, через сорок пять летучих лет, пронесшихся после их болезненного развода, при мысли о том, чтобы встретиться с ней взглядом еще раз, Алексей внутренне съживался... Делал в больнице стенную роспись на тему будней медиков – заказ, добытый по чьей-то наводке, – зацепился взглядом за симпатичную ординаторшу-ровесницу... Оказалась из хорошей семьи, «честная», как тогда говорили. Хорошо быть бабой: их глупая «честь» не требует настоящей ответственности перед людьми, умения быть настоящим другом и вовремя подставить плечо, не предать в критической ситуации – и заключается только в наличии одного неповрежденного кусочка слизистой, а все остальное, как бы и обязательно – разве что хозяйственность лучше бы присутствовала... Алексей так зациклился на этой задумчивой тихоне с коровьим взглядом, что с лету женился, не видя иного способа укрощения строптивой докторицы, – а потом она надоела ему точно так же, как и прежние, охомутать его не сумевшие пассии. Только наскучившая до посинения зубов женщина стала его женой и матерью его ребенка, и потому нельзя было легко избавиться от нее в течение нескольких минут, всего лишь уронив свою коронную фразу: «Извини, но ты больше меня не занимаешь». Наоборот, бросив

жену с годовалой дочкой на руках, он мог серьезно повредить себе во всех многочисленных смыслах, опутывавших существование любого советского человека, желающего достичь успеха выше среднего на любом, даже скромном поприще. И, кроме того, объясняться с женщиной, доказывать ей очевидность ее собственной вины в мужском к ней охлаждении Алексей считал унижительным и пошлым. Еще год ушел на то, чтобы вынудить ее самой проявить инициативу развода: он почти переселился в мастерскую, не звонил и не приходил в квартиру, где они жили с престарелой, почти полностью глухой бабушкой Оксаны, занимавшей просторный чулан, лишь иногда оставлял немного денег под вазочкой на секретере, воровато заскикая домой в те часы, когда было достоверно известно, что жена гуляет с коляской или увезла дочку в детскую поликлинику. Своего он добился, причем совершенно неожиданно. Однажды Оксана решила на серьезный разговор с мужем, стремясь вовсе не разрушить, как он потом понял, а, наоборот, сохранить их обреченный брак, – и сама приехала к нему в мастерскую на Кондратьевский, с окнами на круглосуточно ревущий Металлический завод. Зная, что работает он чаще всего в дальней, специально приспособленной комнате, где нежный звук дверного замка почти не слышен, страдалница открыла дверь своим, от прежних тучных лет сохранившимся ключом – и застала его с бойкой юной барышней, охотно бравшей у мэтра урок – но не живописи, а французской любви... Никакого выяснения отношений, из тех, каких Алексей панически боялся вслед за любимыми мужчинами всех времен, не последовало: не обратив никакого внимания на нырнувшую под одеяло в ожидании, что ее сейчас будут бить, вакханку, Оксана несколько минут серьезно разглядывала своего голого мужа, стыдливо прикрывшего обеими ладонями мгновенно скукожившийся орган полета, – потом повернулась и без единого слова ушла. Алексей был оскорблен: она не имела права! Он ей не какой-нибудь, чтоб даже не удостоить обвинениями! Он не мальчишка, чтобы бежать за ней и оправдываться, как она, быть может, надеялась! В следующий раз они встретились уже в суде, куда жена подала на развод по банальной причине – не сошлись, дескать, характерами – и даже не потребовала алиментов. В клюве он носить ей не собирался, потому что воспринял это как очередной плевок в свою сторону: она, мол, чистая праведница, а он злодей и преступник. Ничего, дите кормить нечем станет – еще на коленях приползет. Да, дочь-то он что – тоже, выходит, бросает? Нет, просто это – попозже: сейчас она все равно еще не человек, а комок мяса, который никакому воспитанию не доступен – только попу подтирать, спасибо большое... А вот когда ей будет три-четыре, и она начнет понимать – тогда... Но когда дочке исполнилось четыре, Алексей уже жил в Париже, где дело с противозачаточными средствами обсто-

яло очень хорошо, и никакое внезапное отцовство ему не грозило...

Он не замечал, что, задумавшись, снова тянет руку к стойке с бутылками, рассеянно наливает себе коньяку, слегка полощет им свой гадостно воняющий спросонья рот, делает сильный теплый поток... «Сейчас не буду об этом думать... Вот повесть закончу, вспомню, как люди этюды пишут... В себя немножко приду – а то юла юлой все эти годы верчусь. В Питер зимой приеду – тогда уж... Хорошо, что никто не звонит, не лезет... Все деловые звонки Аля взяла на себя. Остальные... А где они, эти остальные?..». С легким удивлением он понял, что не только никто из многочисленных знакомых давно не звонил, но и что ему самому никому звонить не хочется.

Глава III Что в имени тебе моем

Как ее зовут на самом деле, Лёся узнала только в пятом классе, когда впервые, позволив соседке по парте Люде подбить себя на преступление, выкрала для нее после уроков классный журнал из учительской. Сама соседка – интеллигентная тихоня с кристальным взглядом, послушная незаметная хорошистка, у которой кто-то в семье «плавал», благодаря чему она с четвертого класса приносила в туалет пластмассовые шарики с глазком, сквозь который можно было лицезреть объемные порнографические картинки, – вызвалась шухерить у дверей снаружи. Увидев в конце пустого коридора пышную белую прическу директрисы, Люда безмолвно и бесшумно сбежала, предоставив незадачливой поделнице быть пойманной с поличным, – но до того, как дверь позади распахнулась, явив в проеме Самого Страшного Человека в школе, Лёся успела найти искомое, откинуть твердую коленкоровую обложку, судорожно листнуть зеленоватые линованные листы и изумленно убедиться, что под фамилией «Щеглова» в их пятом «б» числится некая неизвестная Елена.

Уже дома, как следует проплакавшись в углу, отправленная туда на целых полчаса негодующей матерью, прочитавшей в дневнике дочери убийственное, будто Лёсиной кровью написанное, краткое, но все равно занявшее почти страницу изложение сути ее преступления, девочка рассказала матери о своем случайном открытии. Мама неохотно подтвердила, что, да, именно так сразу же назвал ее отец в честь собственной покойной матери, а в Лёсю малышка случайно превратилась через год, когда над ней умилялась вторая, тоже уже покойная бабушка, без конца шепеляво вопрошавшая: «А кто это у нас тут такой холёсий?!». «Лёся! Лёся! – пускала в ответ слюни пузатенькая карапузиха – и, таким образом, сама организовала себе идиотское прозвище, приставшее на всю жизнь. Насчет отца все уже давно было навеки растолковано: его дочь твердо знала, что «он жи-

вет далеко отсюда и, наверное, давно нас забыл», никакие подробности не допускались, а вопросы пресекались матерью на корню: «Все произошло очень давно, и я ничего не помню». Это девочка прекрасно понимала: ведь если она сама, вызванная к доске отвечать заданное на дом стихотворение, вдруг обнаруживала, что не помнит ни слова, то не было на свете силы, способной вернуть его к жизни в ее поникшей головке. Так, должно быть, и ее старенькая мама забыла папу – ничего особенного: она вечно все забывала – то очки, то квартирные жировки, то оплаченные продукты на прилавке магазина... Должно быть, потому, что всегда думала о важных и сложных проблемах: как спасти жизнь очередному тяжелобольному, как убедить осторожного до трусости зав.отделением, что приговоренного неоперабельного еще можно прооперировать, как, наконец, воспитать приличным человеком свою глупую, легкомысленную и ленивую дочь...

Следующий шок поджидал ее через три года, когда в конце уже восьмого класса, на торжественном вечере, где вручили (и почти сразу отобрали) свидетельства о неполном среднем образовании, кто-то из одноклассников, увидев, как крупная седая женщина в темном платье гордо разглядывает Лёсины первые официальные «корочки» без троек, спросил ее: «А что, у тебя только бабушка пришла?». Девочка вздрогнула, глянула на маму – и как из-под воды вынырнула: та выглядела мамой не ей – а всем остальным присутствующим мамам – увлеченным аэробикой, стриженным «каскадом», с блестками на веках и в прибалтийских кофточках с рукавами «летучая мышь»; некоторые из них казались старшими сестрами своих нарядных, в платьях с рюшками, дочек! Лёся знала, конечно, что ее маме только что исполнилось сорок, но, считая десятиклассниц своей школы уже недостижимо взрослыми, она невинно и вполне искренне причисляла к старушкам всех женщин, перешагнувших роковой тридцатилетний рубеж. Привыкнув к своей спокойной и всегда занятой маме, дочка находила вполне естественным, что та годами носит с октября по апрель одно и то же темно-синее пальто с черной каракулевой полоской воротника и глубокие плоские боты на толстой несносимой подошве, а ее новые платья и кофты, изредка попадающие в их общий трехстворчатый шкаф на замену окончательно изорвавшимся, покупаются по вечному триединому принципу: просторно, немарко, прочно. Ее густые, не ведающие о существовании презренной краски, почти полностью седые волосы были коротко и ровно подстрижены и забраны с высокого умного лба простым пластмассовым гребнем; бледно-фиолетовые губы точно так же не знали помады, а крупные чуткие руки – ни лака, ни колец (находясь, правда, в тесной дружбе со спасительным детским кремом, потому что порой начинали адски зудеть и шелушиться от вечных хирургических перчаток и дезинфици-

рующих растворов). Лёся была смутно убеждена, что все женщины от сорока и старше так и должны выглядеть, что такой станет и она сама где-то в необозримом далеке своей жизни, когда, как и толстовская сорокалетняя Анна Павловна Шерер, увидит в зеркале «отжившие черты лица»... Но в тот день, когда на своем первом почти взрослом (до полной зрелости не хватало, по ее мнению, двух длинных лет, но об этом пока не хотелось думать) празднике школьница увидела совсем других сорокалетних женщин, про которых, встретив их на улице, решила бы, что им лет двадцать пять, – тоже много, конечно, но все-таки еще не старость – в ее сознании произошел внезапный и весьма болезненный переворот.

Позже, лежа белой ночью в белой постели и слушая, как через равные промежутки времени шелестят за шкафом белые же страницы скучной медицинской книги – мама готовилась к завтрашней трудной операции – Лёся потрясенно вспоминала минувший день, видя в нем только их – чужих молодых мам. Вот худенькая, со стрижкой «под мальчика», да и сама похожая на очаровательного долгоногого мальчишку, в ладном джинсовом костюме, рука об руку с такой же высокой и стремительной дочерью, летит вниз по парадной лестнице белозубая мама Жени Голубевой; вот в модных крупных клипсах в тон своим иззелена-бирюзовым глазам, в ярком шелковом брючном костюме, явно добытом «по благу», стоит, держа под руку, как кавалера, своего смущенного сына, мама красавца Генки Суворова; а вот ее собственная мама – грузная, в почти мужских полуботинках и простых, «в резиночку» чулках, в глухом темно-сером платье потертой шерсти, с неизменной гребенкой в волосах, похожая чем-то на Надежду Константиновну Крупскую в последние ее годы...

Как такое могло случиться? Ее мама – самая лучшая, самая добрая, самая умная, она не может быть неправа! Все эти пестрые дамочки, скорей всего, какие-нибудь дуры-секретарши, как та, тощая уродка из знаменитого фильма, а у нее мама – хирург, к которому люди мечтают попасть на стол и даже рискуют жизнью, месяцами ожидая своей очереди! Через два года Лёся поступит в медицинский и тоже выучится на доктора, чтобы стать такой же, как мама, уважаемой и незаменимой! Она так же станет сидеть ночами над книгами с описаниями сложнейших операций и – думать, думать, думать, как помочь несчастному человеку, а утром, с прояснившейся головой, несущей в себе готовый новаторский план, на ходу глотая обжигающий чай и пребывая умом уже там, в сверкающей операционной, рассеянно застегивать в прихожей не успевший просохнуть после вчерашнего ливня чуть влажный плащ... Стоп. Такой же плащ, как... у мамы? Коричневый, двубортный, фасона начала семидесятых, с растянутыми петлями и мощными пуговицами – зато советский, крепкий, которому «еще лет десять ничего не сделается»? А ноги

сунет не в югославские лаковые лодочки, какие были на Юлькиной матери, а в эдакие тупоносые галоши со шнуровкой, какие стоят сейчас у них в прихожей, которые зато «широкие и не промокают»? И автоматически прихватит с комода не замшевую сумочку с бахромой снаружи и изящной косметичкой внутри, а вытертую почти до белизны, с ручкой, превратившейся в жеваную тряпку, когда-то кожаную, а теперь уж неизвестно какую кошелку, куда зато «много всего влезает, даже батон можно на обратном пути запихнуть»? О, нет! Лёся села с колотящимся сердцем, и ее смятенный взгляд ее уперся в наряженную в дивное цветастое кимоно веселую гейшу, что смотрела с глянцевого привозного календаря за прошлый год, выменyanного недавно у одноклассницы на пленивший ее воображение настоящий скальпель, долго валявшийся дома без дела. «Даже эта японка – и та женственней и красивее, чем мама!» – прошла отчаянная и крамольная мысль.

- Мама! – жалобно крикнула девочка.

За шкафом послышался удрученный скрип старого венского стула, грузное шевеление большого одышливого тела, шарканье жестких кожных тапок... Вышла мама – в старом байковом халате, прихваченном внизу английской булавкой вместо сбежавшей пуговицы, утомленная, отечная, без головной гребенки – косматая... Лёся никогда не могла отождествить ее с юной хрупкой девушкой-студенткой в коротком медицинском халатике на черно-белых фотографиях с сестринской практики на акушерско-фельдшерском пункте в затерянной среди радоновых озер среднерусской деревне. С той симпатичной строгой девушкой, у которой тоже однажды случилась любовь, не хуже, чем у других, и вышла она по той любви замуж, и родилась дочка-пухленьш... Глупость какая – именно эта девушка через двадцать лет тяжело опустилась сейчас на край Лёсиной старой тахты, заставив тягуче взвять раздолбанные пружины:

- Ну, что – «не спится, няня»? – своим сильным глубоким голосом спросила мать.

Она только недавно перестала скрывать от дочери свое постоянное курение крепких мужских сигарет без фильтра: раньше утверждала, что запах дыма принесло в форточку, а ее одежду прокурили мужчины-доктора на работе. Почуввав родной табачный дух, Лёся сразу почти успокоилась:

- Мама, – привычно подставляя голову под ерошащую ласку крупной маминой ладони, сказала девочка, – а почему ты никогда не носишь красивые платья и, ну... – она смутилась и скомкала мысль: – Серьги там всякие...

- А зачем? – в первую секунду непосредственно удивилась мать, но сразу по-родительски мудро спохватилась: – Ах, да. Насмотрелась сегодня на чужих мамаш, разряженных, как новогодние елки... И обиделась на то, что твоя – не такая, застенчалась... Эх, ты... – она мягко притянула голову дочери к своей обширной, расплоснутой по

теплому животу груди. – Детка ты моя, малолетка... Ребенок ты мой, несмышленок...

Лёся уже и сама чувствовала, что вопрос ее глупый, и жалела о нем. Ведь и так все ясно: что ей какие-то чужие пестрые тетки, когда ее мама – вот она, большая, домашняя, надежная... И какая разница – модные ли у нее платья, крашенные ли волосы... Ей-то, своей любимице, она покупает и даже достает через знакомых и польские свитерочки, и вельветовые платица, а на пятнадцатилетие даже подарила золотое колечко с розовым камушком!

- Тебе-то я ни в чем не отказываю, я же понимаю, как все это для девочки важно... – неторопливо продолжала мама, не отпуская голову дочери и чуть раскачиваясь вместе с нею. – Благо зарплата позволяет – надо же на что-то тратить... Вот через месяц квартальную премию дадут – и пойдем тебе новые часики выберем, старые-то твои уж совсем какие-то замухрышистые, с четвертого класса носишь... Пока это радует – надо радоваться... Всему в жизни свой срок: ветрянкой, например, лучше в детстве переболеть, потому как не дай Бог взрослому ею заразиться – тут и откинешься. Так и с модой, с галантереей всякой. Переболеешь в девичестве – сама потом над собой посмеешься по-доброму. Эти сегодняшние тетеньки – ты на них не гляди: они своими нарядами каждая что-то маскирует или, как доктора говорят, компенсирует. Одна – какое-нибудь голодное детство с единственным платьем на трех сестричек, другая – мужа своего пьяницу и бабника, третья – ненавистную работу, четвертая еще что-то... Ты когда-нибудь поймешь, что если в жизни все хорошо, внутри у тебя гармония и ты занят любимым и полезным делом, то незачем до старости носить брачное оперение... Вот пройдет несколько лет – поверь мне, это случится так быстро, что ты и оглянуться не успеешь – и станешь ты врачом-клиницистом или серьезно увлечешься наукой – все равно – и сама удивишься, какими неинтересными тебе покажутся все эти туфельки, заколочки... Даже замечать их не будешь...

- Мама... – неуверенно отстранилась дочь и неожиданно для себя самой произнесла нечто для них обеих удивительное: – А если я стану не врачом? Если я за два года передумаю и решу поступать не в медицинский?

Женщина замерла, будто прозвучало нечто неприличное, и в матовой полутьме Лёся отчетливо увидела, как округлились материнские глаза и приподнялись густые темные брови. Девочка испугалась своей странной дерзости и уже собралась сказать, что пошутила, но мать спохватилась первой:

- Конечно, – сказала она, пожимая плечами. – Просто я как-то привыкла к мысли, что ты станешь врачом, но... Жизнь – твоя, и глупо было бы идти по стопам матери просто потому, что ей так хотелось бы... Работу свою нужно любить – это

я точно знаю. Семья может не получиться, детей может не быть – и тогда любимое дело спасет человека... Главное – не ошибиться, минутный интерес не принять за призвание. Но у тебя-то, слава Богу, целых два года в запасе. Успеешь определиться...

Лёся не посмела сказать матери, что она уже определилась, определилась еще сегодня днем, а в течение последнего часа – окончательно. Она увидела, как прекрасна может быть женщина – любая женщина, высокая и низенькая, худая и толстенькая – в красивом платье; и неважно, удачная ли у нее семья, любимая ли работа, хороший ли муж – она сама по себе восхитительна. И как мерзко, что любую мало-мальски приличную тряпку, способную успокоить и украсить, вселить уверенность в том, что в этой жизни не так уж все и плохо, даже если кругом плохо – все, приходится унижительно доставать, платя втридорога, отстаивать длинные, полжизни отнимающие очереди за красивыми, но одинаковыми для всех, кто сумел урвать их, кофточками... Как хорошо, приятно и человечно стать одной из тех, кто сам придумывает красивую, удобную, нарядную одежду и добивается, чтобы ее пошили и выпустили в продажу, – замечательным, необходимым человеком – модельером...

Лёся еще успела, с молчаливого и чуть усмешливого согласия мамы, окончить непопулярную «Тряпочку» по выбранной специальности – когда вокруг уже все рушилось, как в дурном блокбастере, когда герой – всегда с последним патроном в табельном пистолете – удачно вихляет по жестоко обстреливаемой улице среди хрупких зданий, которые бесшумно обваливаются по обе стороны, уворачивается от горящих балок, пролетающих в сантиметре от его головы, – а зритель отчетливо понимает, что лично ему бы в такой ситуации и пяти секунд не прожить. Вожделенный диплом модельера-конструктора текстильных изделий она прижимала к груди пыльным летом девяносто пятого, стоя среди обломков поверженных финансовых «пирамид», одна из которых за пару месяцев до того как раз и похоронила под собой все остатки сбережений ее трудолюбивой матери. Но в тот день того года те темно-синие корочки с гербом уже не существовавшей на карте мира страны, с той профессией, каллиграфически выписанной в них черной тушью, были самой бесполезной вещью из всех, которыми в принципе можно было владеть. А утром следующего мама сказала ей, что диагностировала у себя четвертую стадию рака поджелудочной и жить ей остается от пяти месяцев до семи.

Она прожила почти ровно два, первый из которых только и делала, что сокрушалась, что не может прооперировать сама себя:

- Я так и вижу эту операцию, будто стою у стола! – говорила, сидя с ногами на лучшей койке своего отделения, исхудавшая, желтая до мистической жути – настолько, что даже полностью седые

ее волосы приобрели оттенок спитого чая. – Здесь желчник, здесь желудок, а тут проток... Вот воротная вена... Верхнюю брыжеечную иссекаем... Лимфодиссекция улучшит прогноз, а травматичность не так уж и возрастет... Куда уж дальше... Ну, узлы – понятно... И по ходу общей печеночной – тоже, иначе зачем и огород городить... Интересно, в нижнюю полую проросла она? А в аорту? Если нет, то можно... В любом случае, отделяем и смотрим... – забываясь, она тыкала стремительно худеющими пальцами в пустоту, явно видя перед собой чье-то чужое операционное поле, и спасала – хоть на год, хоть на месяц, но спасала кого-то другого, вдохновенно импровизировала, озарялась, побеждала...

- Мама, ты так ничего и не расскажешь мне о моем... – Лёся сглотнула, – отце? Ты уверена, что это правильно, что я о нем ничего не знаю?

- А? – очнулась мать и с изумлением вместо родной операционной увидела бежевые стены отдельной палаты, в которую коллеги специально для нее превратили ранее толком не использовавшуюся «вторую бельевую». – А-а... Я думала, ты давно догадалась, просто мне не говоришь... Ну, так вот, твоя догадка – правильная.

- Какая догадка? – опешила Лёся, которой действительно редко приходили озарения, а если вдруг случались – то неудачные, вроде замены блестящего хирурга-онколога на никому не нужного при нынешнем изобилии дешевых шмоток посредственного модельера.

Мама едва заметно усмехнулась незнакомо морщинистым ртом на привычное тугодумие дочери:

- Художник Алексей Щеглов, невозвращенец, которого у нас сначала прокляли, а теперь зовут вернуться... Не однофамилец и не тезка. А именно он. Вернется – повидаетесь. Только навряд ли ваша встреча получится радостной...

- Тот самый?! – подскочила девушка, позабыв об общей скорбности ситуации. – И ты молчала! Он ведь, знаешь, как может помочь нам теперь?! Какие у него там возможности! Тебя могут прооперировать не здесь – в Париже! И спасти! И вообще убраться отсюда, пока целы! Ну, понятно – с тобой он развелся, но я ведь дочь ему родная и, если попрошу...

- Остынь, – коротко приказала мать. – Пока я жива, он ни одной жалобы от меня не услышит. От тебя – тоже. Помру – хоть в ногах у него валяйся.

Лёся вспомнила яркий толстый альбом, полный туманных женских образов о шести руках, но невероятно соблазнительных, увиденный весной на столе у любимой преподавательницы, красивое нервное лицо элегантного мужчины со снежными волосами, вальяжно гуляющего на телеэкране у Триумфальной Арки в сопровождении стриженного «под богему» интервьюера, подобострастно пятящегося с микрофоном... Мгновенно представила его в растянутой тельняшке с жирным пят-

ном на пузе, на кухне их обшарпанной однушки – наворачивающим мамин четырехдневный, как Лазарь, борщ за узким прихрамывающим столом, покрытым потертой клеенкой с цыплятами... А что, не уехал бы – почему нет...

- Мама... – прошептала она, схватившись за вспыхнувшие щеки. – А как же ты его... такого... заполучила?

Большая устало откинулась на пышную домашнюю подушку:

- И он тогда был не «такой», и я не «такая»... Иди домой. Спать буду.

Маму прооперировала ее самая толковая ученица – и, кажется, именно по тому грандиозному плану, который мама, то и дело прерываясь, чтобы жадно выпить очередные полстакана воды, жестко чертила перед ней в воздухе, усадив молодую, длинную и тощую женщину рядом на кровать. Со стороны это выглядело фантастично: словно две выпавшие из мира наркоманки, сидя на койке дурдома, разглядывали одну на двоих реалистичную галлюцинацию, не видимую более ни для кого.

- Здесь левее иду? – деловито вела пальцем вверх по пустому месту одна.

- Да, но выше и глубже, – взяв товарку за кисть своей рукой, поправляла ее жест другая.

Операция длилась семь с половиной часов и прошла блистательно.

- Оксана Михайловна, получилось! – с триумфальными слезами надрывалась ученица, семеня в согнутом положении за каталкой, перевозившей в реанимацию любимую наставницу, пребывавшую в глубоком наркотном сне. – У меня получилось, слышите?! Именно, как вы говорили, получилось!!!

Но из наркоза мама так и не вышла. Длительного и обширного, полностью ее искалечившего вмешательства не выдержало надорвавшееся на чужих операциях сердце.

Через восемь лет она услышала от подруги и тезки – та тоже звалась Еленой по паспорту, а в жизни просто и нормально: Лена, Ленуся, – что существует на свете странное слово: «придѹха». Выросшей в дальней деревеньке на заповедной Псковской земле, Лене случалось несколько раз видеть, как в крутую и снежную зиму, когда морозы заворачивали под тридцать и все до единой полыньи на их маленьком озере замерзали, что полностью перекрывало доступ туда кислорода, задыхавшиеся рыбы начинали колотиться под еще прозрачным льдом последней прихваченной проруби, стремясь пробить его своими глупыми серебряными головами... «Придѹха! Придѹха!» – раздавался на позднем рассвете тревожный мальчишый крик, и это звучало почти как «Пожар!», потому что из всех дворов начинал высыпать народ, бежали с коловоротами наперевес серьезные мужики, чтобы успеть открыть путь животворящему воздуху, не дать родному озеру превратиться в

подводное кладбище. Рыбам никогда не удавалось пробить лед снизу самим: если их почему-либо не спасали люди, они погибали от удушья и, когда их потом все-таки вылавливали, выглядели поднятыми со дна утопленниками: с синюшными ртами, мутными глазами, бледными жабрами... Утонувшие рыбы. Это было невероятно. Но, когда Лёся упомянула при Лене знаменитую поэму Кузьмина, имея в виду удачный образ их вместе взятых, потому что на тот момент казалось, что лед они все-таки пробили, – Лена помрачнела и сказала, что такого никто никогда не видел.

Две отважные «форели»-однокурсницы – Лёся и Лена – случайно встретившись голодной и страшной для обеих первой осенью после институтского выпуска и серьезно поговорив за чашкой кофе без пирожного, на которое не было денег, пришли к выводу, что терять им нечего. «В крайнем случае, расстанемся врагами», – мудро сказала Лена. Их частный модельный не дом, а всего лишь домик под говорящим названием «Helens» просуществовал до начала нулевых, расцветя аж до такого разврата, когда две разжиревшие дизайнерши позволили себе нанять одну пожилую и педантичную, помнившую чуть ли не процветание знаменитого «Смерть мужьям» закройщицу и трех молоденьких смешливых портних, а сами беспардонно наслаждались голым творчеством... Логотип их скромного бренда изображал веселую букву «эйч», составленную из двух изящных дамочек, держащихся за руки, – надо полагать, самих основательниц и хозяек этого не совсем богоугодного, но по-мирски приятного заведения.

Их не задавил безжалостный рэкет (аккуратно являвшийся за своим плотным конвертиком раз в месяц в виде улыбчивого молодого человека в жилетке, вежливо и стеснительно пивший чай в подсобке, – неизменно оттопыривая при этом совершенно девичий мизинчик, – и церемонно, с целованием ручек и взаимными пожеланиями успехов в бизнесе, отбывавший); они не просчитались, не прогорели, не проворовались; у них появился надежный костяк из верных постоянных клиенток, искренне радовавшихся тому, что все вещи, купленные и заказанные у двух Елен, можно было именно носить – долго и с удовольствием; говорить о серьезной конкуренции с кем бы то ни было обитательницам кое-как отремонтированного полуподвальчика, перед дверью которого рано утром периодически находили то уютно спящего алкаша, то дохлую ворону, было вообще неприлично... Придуху им грамотно организовало ненасытное государство, как рыболов-браконьер заваливает льдинами не успевшие замерзнуть проруби, чтобы несчастные золотистые и серебристые мученицы жадно устремлялись к одной, где ждет их не воздух, а прочные сети – и бесславная рыба смерть... Однажды после раздачи всех взяток и выплаты зарплат не хватило денег на уплату недорогой аренды – залезли в грабитель-

ские подпроцентные долги... Еще год бились они за выживание, и порой казалось, что вот-вот вытянут, колотились, как две последние усталые форели, чующие близкую спасительную оттепель... Не дотянули.

Следующий ступенькой вниз – хотя куда уж было спускаться из полуподвала? – стала секция номер 537 на втором этаже вещевого рынка. «Переждем, подкопим сил! – убеждала поникшую Лёсю неугомонная тезка. – Мы откроемся еще, вот увидишь! Но давай сразу договоримся: никаких рыночных тряпок на вес – мы не торговли, мы – дизайнеры!». Они скупали за четверть цены поза-поза-прошлогодние залежавшиеся артикулы из средней руки удачливых бутиков, латали, доводили до ума и продавали почти по тем же ценам, что и соседние секции свои оптом закупленные китайские бросовые тряпки... Дело пошло – да так быстро и слаженно, что уже через полгода им подбросили под дверь коллективный ультиматум остальных обиженных арендаторов, угрожавших сжечь небанальный бизнес двух дипломированных выскочек, если те не надумают «торговать, как все нормальные люди»...

«Дура, дура, дура!!! – кляла себя по ночам, кушая кулаки, Лёся. – Ну, что мне на доктора не училось?! Сейчас бы и при деле была, и замужем!». Она вскакивала с монументального доперестроечного дивана, зажигала хрустальную люстру – мамину гордость и подлетала к зеркалу: «Ничего от меня не осталось с этой жизнью проклятой – ничего, ничего, ничего!!!». Оттуда, правда, смотрело лицо еще не конченого человека, пока не попрощавшегося с последним шансом. Лёся теперь точно знала, что внешность унаследовала по линии своего породистого отца: та же шелковая густота темно-русых волос (там не седая ли прядь проглядывает?!), благородная овальность лица, тонкость рук, светлость глаз... Ей под тридцать; у нее было два пошлых любовника; еще лет пять – и кожа навсегда поблекнет, истончится и пожелтеет, как старый пергамент, на весь облик ляжет печать неизбывной, вечной усталости, опустятся уголки рта, лицо превратится в скорбную маску... Одинокая баба, торгующая на рынке, вот кто она. И нечего... И нечего... – тут начиналась новая придуха – слезная.

В этом отчасти срабатывал в Лёсе искусственно посаженный и заботливо взращенный в ней подругой комплекс неполноценности. Та была действительно безнадежно некрасива лицом, прекрасно знала, что никакие изыски в одежде (к которой имела страсть, как сказала бы Лёсина покойница-мать, компенсаторную) не прибавляют ей привлекательности, и подспудно мечтала найти себе товарку по некрасивости. Мужчин, естественным образом обходивших ее вниманием, она ненавидела спокойно и холодно. Единственную давнюю попытку Лёси поплакаться близкой подруге о постигшей однажды катастрофе мужского

вероломства мгновенно пресек зловещий шип Елены Ужасной: «А ты с кем связалась?! С мужиками?! Тебе что – шестнадцать лет?! Ты что – не знаешь, что все они – мразь?! И исключений нет?! Ты еще не усвоила, что они считают нас – низшими существами?! В двадцать семь лет?! Да еще и будучи при всем том некрасивой?! Если ты желаешь верить в подобный бред, то продолжай в том же духе, мешать не стану – но меня от своих жалоб уж будь добра, уволь! И чтоб я больше об этом не слышала!». У Лены была точеная, фарфорово-статуэточная фигурка, венчавшаяся огромной нелепой головой с просвечивающей среди коротких светлых лохмушек розовой кожей черепа и широкими, расплоснутыми чертами расширявшегося книзу лица, придававшими ей разительное сходство с милым, добрым, но – гиппопотамом. В Христовых невестах она, однако, тоже не числилась: оказавшись как-то раз в недоброй компании бывших одноклассников у кого-то из них дома, она стала, как потом рассказали всеведущие «девчонки», предметом нетрезвого мужского спора. Верзила и похабник Кикин убеждал заинтересованно внимавших дам, что всегда готов ублажить и крокодила, и бегемота, но опытные мужчины скептически качали головой в сторону принаряженной пьяненькой Лены и выражали громкие сомнения насчет всеядности грандиозного кикинского дара. Обидевшись на недоверие товарищей, он лихо пригласил Лену на медленный танец, без лишних сантиментов утанцевал с ней в соседнюю комнату, шуганул оттуда целовавшуюся парочку и немедленно – молчаливо и сосредоточенно – выиграл спор, прихватив после этого с собой в качестве доказательства ее оскверненные, угаженные, вдобавок, стародевичьей кровью трусики, которые парни в гостиной немедленно с гоготом пустили по рукам...

Ненависть Лены к противоположному полу казалась незыблемой и вполне простительной, и тем более странным стал факт, что именно она и познакомила у себя дома на праздновании миллиума свою все глубже и глубже никнувшую подругу с ее будущим единственным мужем.

- Вон, смотри, сидит, – кивнула она на одинокого худого мужчину лет сорока пяти в джинсовом костюме с нетипичной, очень артистической стрижкой, рассеянно листавшего в сторонке чуть ли не женский журнал мод. – Родственничек наш, седьмая вода на киселе. Тетка велела пригласить: жена его только что бросила – типа, страдает очень. Рыцарь печального образа, блин. Кстати, режиссер там какой-то, кажется. Так что, если ты еще в эти игры играешь, сейчас в два счета познакомилю.

Лёся внимательней пригляделась к мужчине, и вдруг почувствовала слабый, но отчетливый укол в сердце – так, верно, вонзается неразборчивая стрела Купидона. Он был потрясающе некрасив – почти так же, как несчастная Лена, но то

же самое, что навеки ставит крест на женщине, может сделать мужчину вечным дамским любимцем – и угодником. Длинное, классически «лошадное» лицо, рачьи глаза навывкате, неправильный нос и выпяченные губы – все это, казалось, делало из мужчины уродом! Но что-то в его раскованной позе, самоуверенном наклоне головы, даже в острой, закинутой на другую коленку, в треугольной, резко выступающей косточке тощего запястья – указывало на то, что его любили и любят, он привык к этой любви как к данности, ничуть не дорожит ею и – не тяготится. Когда их познакомили, голос Олега оказался низким и хрипловатым, но не вызывающе, а именно чуть-чуть, чтобы легко заинтриговать – и только: так стильная женщина лишь прикасается краской к губам и векам и несет в себе большую тайну, чем профессионально накрашенная подруга...

Ухаживал он идеально. Лёся каждый день поражалась тому удивительному равновесию, которое он умел сохранять, непринужденно балансируя на грани идеализма и чувственности, и своевременным отступлениям, где и когда требовалось, – с тем, чтобы чуть позже захватить территорию не в пример обширней оставленной: так Кутузов когда-то отдал доверчивым французам Москву. Были и стихи, и букеты, и восхищение ее рисунками невероятных, создававшихся когда-то без надежды на воплощение платьев, – разумеется, все они непреложно годились для костюмов главных героинь блестящих спектаклей в театре, который он мечтал в будущем создать. Решено! Когда театр появится, – быть ей главным художником по костюмам! Пока же в своей временной, увешанной по стенам пошлыми кофтами секции, на своем временном рынке, она будет страховать его – и их общее будущее: не могут же они в ожидании вульгарно сдохнуть с голоду! Любовником оказался нежнейшим – Лёся таяла, будто в ванне из розовых лепестков, а предложение делал, упав на одно колено, – правда, кольцо преподнес серебряное... Да разве можно было этим смутиться!

Его бывшая жена, невесть как вычислившая Лёсин номер, прорвалась к ней со своим неурочным звонком, будто связной, посланный отчаявшимся командиром гибнущей разведгруппы через линию фронта:

- Милая моя, если б вы только знали! Если б знали, какого демона сажаете себе на шею! Я понимаю, что сейчас вас ни в чем не убедить – двадцать лет назад сама так же попалась! Я из-за детей оказалась в этой западне – но вы хоть этой моей ошибки не повторите!

- Нам не о чем говорить, – холодно отчеканила Лёся, уже знавшая от любимого возмутительную историю о том, как ведьма-жена превратила его жизнь в кромешный ад, как лишила выстрадавшего театра, как настроила детей против отца, как отсудила их общую, но его горбом нажитую квартиру. – Все бывшие жены поливают грязью

бывших мужей: это не новость. И потрудитесь забыть наш номер.

- Знаю, что сейчас вы мне не поверите, но умоляю вас – пождите с детьми! – сорвалась на крик собеседница. – Не идите на это тотчас же, заклиная! Вы даже не представляете, во что превратится ваша жизнь уже совсем скоро! Это монстр, кровопийца, вурдалак, я не знаю, как земля его носит! Когда он померет, я ему лично кол осиновый...

Оскорбленная Лёся повесила трубку. Лучезарное счастье длилось четыре месяца.

Первым звоночком стала стеснительная просьба мужа продать Лёсину – он теперь уверенно говорил «нашу» – квартиру, с тем, чтобы купить другую в близком нарядном пригороде, где и предполагался его новый замечательный театр – и уже предпринимались к его созданию самые решительные шаги. И правда, мотаться ему туда и обратно каждый день на своем мятом и битом, но на диво выносливом «фольксвагене» было долго и сложно, а Лёся... Ну, подумаешь, покатается на электричке, они же с Ленкой три через три работают! Влюбленные супруги уже ездили смотреть бесконечные варианты, украдкой целуясь то в коридоре, то на балконе, когда не видели риелторы и продавцы, и почти выбрали, почти решились, когда до того демонстративно молчавшая подруга вдруг будто на ровном месте взорвалась прямо в их почти родной уже «секции», во время мирной ревизии нераспроданного товара:

- Дура ты, дура, дура и есть! Думала не говорить тебе, пусть бы Бог тебя наказал за твою глупость – да не могу, совесть задушила! Ты хоть соображаешь, что сделать-то собираешься?! Ты собираешься продать свою – и только свою, до брака нажитую собственность! А та, что вы теперь приобретете, на кого бы ее ни записали, будет – общая! Супружеская! И, в случае чего, делится пополам! Он уже раз разводился, а жена его, вспомни, что тебе про него говорила!

- Да она просто гадюка! – вступилась Лёся. – Она, представляешь...

- А ты откуда это узнала?! – уперев руки в боки, стала грозно наступать на нее Лена. – От него, от родного-единственного! А ей даже договорить не дала, трубку швырнула! Я одно знаю: кто раз разводился, тот и другой, и третий, если что, разведется. Я ничего плохого не хочу сказать – живите, раз живется, была б охота... Но помни: в случае развода окажешься в коммуналке, не говоря уж о том, что хорошую квартиру своих предков профукаешь... Откажись, пока не поздно, придумай что-нибудь!

- Он об этом просто не подозревает... – задумчиво прошептала Лёся. – Ему и в голову не приходит, что мы можем когда-нибудь... Фу, Ленка, глупость какая! И сказать же такое! Да ну тебя! – и облегченно махнула рукой.

Но о забавном том разговоре Лёся все-таки поздним вечером рассказала Олегу, как о нелепой

шутке, над которой предполагала вместе посмеяться, – и чуть не проглотила язык, увидев, как мгновенно посерело и пошло пятнами лицо обожаемого мужа, как по-неандертальски свирепо выдвинулась нижняя челюсть, а большие добрые и светлые глаза вдруг сузились до черных азиатских щелок, источавших звериную ненависть. Вместо любимого, словно немного простуженного голоса, из его рта вырвался хриплый свист нападающей рептилии:

- Да как с-смеет эта страш-шная з-завистливая прош-шмандовка пороч-чить наш-ши ч-чистейшие ч-чувства... З-задуш-шить ее з-за это ...

Потом Олег взял себя в руки. Ужасная, действительно демоническая маска не спала – а будто медленно ушла в глубь лица. Он перевел все в шутку, легонько приобнял оторопевшую от его непосредственной реакции жену, чмокнул в пушистый висок, взъерошил ей волосы:

- Ты моя глупенькая малышка, веришь всяким старым неудачницам...

Но она подняла на мужа глубокий, будто прозревающий взгляд и молчала. Он холодно отстранился:

- Как хочешь. Я ни на чем не настаиваю. Желаете считать меня подлецом – пожалуйста. Твое дело.

Он поднялся и, на ходу нервно вытряхивая из пачки сигарету, стремительно вышел на балкон, широко распахнув и сразу же плотно затворив за собой дверь. Апрельская ночь быстро дохнула мягкой прохладой. Где-то вдалеке пели Пасху...

Потом вроде бы, «перемололось» – а вопрос о новой квартире отпал как бы сам собой, словно табуировался. И все же Лёся чувствовала – и знала, что то же самое чувствует и муж, – что в хребте их молодого брака будто застрял с того дня зазубренный осколок, из тех, что десятилетиями носят в себе ветераны давних войн, привыкнув к ним и особо от них не страдая, но всегда подспудно держа в уме ежедневную возможность рокового перемещения смертельного железа на какой-нибудь последний миллиметр. В Олеге что-то неуловимо изменилось: его ежечасная нежная забота о жене вдруг стала на глазах принимать чудовищные, как бы извращенные формы; недоумевающая Лёся уговаривала себя списывать его странные, ни с чем не сообразные слова и действия на общую мужскую неловкость во всем, что касается тонких чувств, ставила его поступки в один ряд с детскими трогательными порывами... Не станешь же всерьез осуждать четырехлетнего мальчика, смастерившего, в надежде порадовать любимую мамочку подарком, милого и страхолюдного медвежонка из спинки ее же нового дорогого пальто... Или станешь?

В следующем месяце выпала Лёсе нечаянная надежда: бывшая их с Леной удачливая однокурсница оказалась одним из ведущих модельеров знаменитого московского модного дома Галины

Платоновой и, приехав на показ новой коллекции в Петербург, случайно позвонила прежней подружке. Выслушав о рыночной «секции» – ужаснулась, выбрав момент, переговорила со своей недоступной патронессой... И что же? Уже вечером она радостно звенела Лёсе в трубку, довольная негаданно выпавшей ролью благодетельницы:

- Представляешь, в десятку! Просто как специально! Я ей говорю: самая, мол, перспективная девчонка у нас на курсе, дизайнер от Бога, даже свой модный дом имела, просто не повезло – чего удивительного, в наше-то время... А она мне, такая: мне, типа, как раз в питерском филиале одного толкового модельера-конструктора не хватает. В общем, расклад такой: мы завтра в одиннадцать улетаем, но в девять она тебя ждет в гостинице – со всеми эскизами и, желательнее, хоть с одним готовым платьишком... На тебя отведено четверть часа – и это много! Она тетка нахрапистая, в три минуты просекает, кто перед ней, так что выложись по-максимуму! Понравишься – и с понедельника можешь на работу выходить! Я уж постаралась: описала тебя как второго по гениальности – после нее самой – модельера Земли и окрестностей, так что не подведи давай! Пиши адрес...

Лёся заметалась. Олег, как мог, помогал. В четыре руки разбирали папки со старыми и новыми эскизами, выискивали лучшие, подкрашивали, доводили до совершенства, глубокой ночью гладили, отпаривали и упаковывали Лёсин показательный шелковый костюм, когда-то побивший рекорды заказов в бесславно погибшем «Хеленсе»... В пять, дрожа от усталости, она сказала сочувственно внимавшему мужу:

- Я должна поспать хоть два часа, иначе завтра просто упаду в этой гостинице прямо на пол, – и, заведя их грозный будильник на семь, почти без чувств повалилась под одеяло.

Когда она проснулась, бойкое майское солнце в совершенной тишине рвалось в комнату сквозь тонкие занавески. Олег не спал: подперев голову ладонью, он с нежностью разглядывал спящую жену и, когда она приоткрыла глаза, чуть прикоснулся губами к ее переносице:

- Спи-спи... – и заботливо подоткнул одеяло.

- Который час? – пробормотала Лёся, смутно уловив, что солнце уже какое-то не утреннее, слишком зрелое.

Ее мгновенно подбросило: часы показывали двадцать минут первого.

- Что?!! – непостижимым образом она оказалась уже стоящей на полу – босая, лохматая, в короткой мятой рубашке. – Будильник не прозвенел?!!

- Я придушил его, – безмятежно улыбался муж. – Хотел дать тебе выспаться: ты вчера совершенно измоталась, так нельзя... А утром лежал и любовался тобой – ты спала так красиво, так женственно... И эти твои волосы на подушке... Ресницы трепетали... Интересно, что ты видела во

сне... Я смотрел на тебя и думал: как же я люблю эту женщину!

- Но... Платонова... – все еще классически не верила глазам и ушам Лёся.

- Обойдется старая карга, – небрежно махнул рукой Олег. – Подумаешь, невелика птица.

Она кричала и плакала до вечера, безобразно опухнув и почти ослепнув от слез, – такого не было даже в день похорон матери – но ничего, кроме «Да брось ты, оно тебе надо?» от мужа так и не добилась: казалось, он искренне не понимал ни своей вины, ни причины ее бурного горя...

- А что ты хочешь? Месть за квартиру, – четко определила на следующий день Лена, выслушав сбивчивый рассказ подруги. – Подожди еще: это только начало.

- Нет, нет, – цеплялась за призрак на цыпочках уходящей любви, повторяла Лёся. – Он просто боится меня потерять... Хочет, чтобы меня ничто не отвлекало от семьи... Просил о ребенке! А какой уж тут ребенок, если бы новая работа, творчество...

- Не вздумай! – крепко схватила ее за запястье товарка. – Понимаю, что и хочется, и колется, и возраст... Но только мнится мне – что-то очень нехорошее тебе в полную мощь светит...

Пристальная забота о ее благополучии продолжалась: через несколько дней случилось так, что, собравшись с мужем в гости к его родственникам, Лёся, отчаянно желая понравиться, соорудила себе с помощью старинных еще, бабушкиных щипцов, богатую, пышную, очень шедшую ей прическу – но коварный май в очередной раз прикинулся ноябрем, и к полудню едва ли не подморозило. Лёсю это ничуть не пугало: привычная к местным погодным метаморфозам, она ходила с непокрытой головой, случалось, и в нешуточные холода. Оба они уже стояли в плащах у выхода, когда Олег достал с полки какую-то случайную шапку – маленькую, тесную, вовсе не подходившую по цвету и фасону, – и ласково протянул жене:

- Надень, моя хорошая, простудишься...

Она с улыбкой отказалась:

- Ты что! Я все утро волосы накручивала – да и вообще не привыкла...

Но рука с шапкой никуда не исчезла, голос зазвучал строже:

- Надень, я сказал. В такую погоду без шапки менингит обеспечен.

Напрасно Лёся пыталась объяснить, что и зимой ее голова не мерзнет, что дойти от подъезда до машины – это две минуты, за которые и ребенок бы не простудился, что, наконец, такая заботливость ни к чему, потому что испортить прическу да и вообще надеть такую идиотскую шапочку она все равно ни за какие коврижки не согласится...

- Тогда ты остаешься дома. Лучше пусть мои тетки удивятся, что я пришел без жены, чем ты

умрешь от менингита, – и Олег быстро забрал из рук оторопевшей жены ключи от квартиры. – А чтобы ты сдуру не выскочила, тебя придется запереть, как маленького ребенка...

- Ты что, с ума сошел? – начала она в полном изумлении. – Тебя всю зиму не волновало, ношу ли я шапку, с чего вдруг в мае...

Но муж легонько оттолкнул ее, ловко выскользнул за порог – и ключ в замке, не имевшем внутренней задвижки, повернулся на два оборота. Возмущенная, обиженная, она пробовала биться в дверь, но сразу поняла всю зрящность этой затеи и оскорблено просидела взаперти до глубокой ночи...

И на этот раз они, конечно, помирились, потому что Олег вернулся милым, забавным, почти не пьяным и принес кучу гостинцев – а Лёся и без того всегда готова была простить, забыть, начать сначала: это у него ведь просто от излишней старательности, от страха за ее здоровье, за их будущее, за возможность иметь детей... Но Лена качала головой – «Смотри, подруга, коготок увяз – всей птичке пропасть!» – ах, да пусть себе бормочет: она ведь некрасивая и обиженная, от зависти сохнет, что ее слушать!

В самом начале осени, отправившись в чужой город на машине к его друзьям-артистам – они теперь общались только с его друзьями, а ее подруги были мягко, но настойчиво вытеснены из их общей жизни – супруги на обратном пути заблудились среди незнакомых проселочных дорог, уныло перетекавших одна в другую меж заброшенных полей... Карта оказалась на редкость бестолковой, человеческое жилье смутно виднелось вдалеке, за совсем уж непроезжими тропами, стрелка на датчике уровня топлива неуклонно стремилась книзу, но заправок тоже не попадалось, приближалась ночь – а дорога вдруг нырнула в бесконечный, стеной стоявший лес... В лесу случались неожиданные просветы, но уж лучше бы их не было, потому что заброшенные, полусгнившие дома, кое-как стоявшие там вдоль дороги, явно давно покинутые жителями, откровенно пугали припозднившихся путников, особенно если мелькал вдруг среди разрушенных стен совершенно неподходящий к обстановке одиночный квадрат освещенного окна... В какой-то момент обоим стало по-настоящему страшно, когда внезапно выехал откуда-то с заросшей боковой тропы темный пикап, явно стремившийся перекрыть им путь, не успевший – и с полчасика провисевший у них на хвосте, выжидая шанс для обгона... Супруги молчали: опасность была очевидной, оставалось только лететь по разбитому, щелястому и горбатому шоссе на предельно возможной скорости и молить Бога, чтобы с машиной ничего не произошло и не кончился бензин...

Но вдруг – словно Китеж поднялся со дна волшебного озера – впереди возник неизвестный, ярко освещенный город, как-то разом со всех сто-

рон замелькали попутные и встречные машины, пикап-призрак исчез в ночи, зато прямо перед ними приветливо засияла скромная бензоколонка с небольшим кафетерием по соседству. Усталые, молчаливые, на трясущихся от напряжения ногах, Олег с Лёсей ввалились в кафе и рухнули за ближайший столик.

- Кофе, ради Бога, кофе! – хором взмолились они подбежавшей доброй хозяйке, переглянулись и согласно коротко рассмеялись: страх остался позади, растаял.

Кофе подали на подносе, обставив все со знанием дела, по-европейски: кроме вместительных кофейных кружек полагались миниатюрные плоские с разными видами сахара и две небольшие нарядные чашечки с горячим молоком. Улыбаясь, Лёся пододвинула их мужу: оба они давно знали друг про друга, что она не терпит молоко, даже запах его не выносит – а ему, наоборот, подавай все молочное, без этого и жизнь не мила. Но Олег, тоже не смахивая улыбку, вдруг взял одну чашечку и быстро вылил молоко в Лёсин крепкий кофе:

- Пей с молоком: так вкуснее, – влюбленно глядя на жену, сказал он.

Лёся огорчилась: для нее кофе был испорчен безнадежно, она теперь не то что пить его не могла – даже понюхать. Но глупо было бы ссориться после пережитого нешуточного стресса, поэтому, списав поступок мужа на волнение и усталость, она осторожно протянула ему свою кружку:

- Зачем... Ты же знаешь... Сейчас я закажу себе черный, а ты выпей оба... – и поперхнулась, второй раз за их короткую совместную жизнь увидев, как быстро меняется лицо любимого человека: изнутри словно всплывало другое, вовсе ей не знакомое – не лицо, а харя...

Она отшатнулась, а в голове в этот миг пронеслось: «С ним нельзя жить, надо разводиться...». Но из-за чего разводиться? Из-за чашки молока? Из-за шапки? Из-за придушенного будильника?

- До коих пор я буду терпеть твои выкрутасы?! – низким чужим голосом произнес Олег. – Даже сейчас, когда Бог знает, что могло с нами случиться, ты не перестаешь кобениться! Другая бы за такую заботу руки-ноги мне целовала! А ну, пей сейчас же, что дают, нахалка! И пока не выпьешь – из-за стола не встанешь!

- Встану, – немедленно отодвигая грохочущий по плитками стул, поднялась Лёся, твердость характера благополучно унаследовавшая от матери. – Этот кофе – мой. Как и тот, что ты пьешь, – и молоко в нем, кстати. Как и тот хлеб, который ты ешь каждый день. Как и тот бензин, на котором ты едешь. Как и тот дом, в котором ты живешь. И даже как те подарки, которые ты даришь своим знакомым! А копеек, что ты приносишь от случая к случаю, хватает ровно на твои сигареты!

Он поднялся тоже, ужасная маска опять как бы толчками уходила внутрь:

- Ах, вот как... Ты уже дошла до того, чтобы попрекать куском хлеба... И это именно в тот момент, когда мой театр находится на грани... Когда я выкладываюсь весь, без остатка... И это по отношению к человеку, для которого ты была – божеством... Такого удара в спину я не получал – никогда. Спасибо, милая! Ты преподнесла мне хороший урок.

- Олег, я не хотела! – спохватилась, окаянная чувством вины, как кипятком, Лёся. – Я просто подумала... Мне показалось... Прости, прости, прости меня, дуру!

Он простил. Не сразу, после нескольких суток трагического молчания – но простил. Супруги снова внешне помирились, и с этого дня Олег стал яростно, почти фанатично настаивать на совместном ребенке, утверждая, что именно в нем видит залог возвращения их прежних доверительных и нежных отношений. Лёся жадно мечтала о том же, но как только она уже готова была произнести решительное «Да!», всегда происходило какое-нибудь мелкое, иногда забавное, на вид незначительное событие – и короткое словечко, способное за миг переменить весь мир, не находило выхода. Это могло быть что угодно: то непонятная истерика, устроенная однажды Олегом по поводу того, что жена отказалась есть на завтрак мерзкую, но, как он утверждал, необходимую для здоровья овсянку без соли, сахара и на воде, – хотя до того дня его никогда не интересовало, ела ли она вообще что-нибудь с утра; то пластиковая коробка с лапшой быстрого приготовления, которую Олег однажды невозмутимо поставил перед собой на стол во время празднования Лёсиного Дня рождения и стал уплетать, игнорируя блюда ее «высокой кухни», а на недоуменные вопросы окружающих ответил, что он, в отличие от гостей, видел, как и из чего Лёся готовила; торжество было испорчено, гости смущенно разбежались – а хозяин дома принялся убеждать рыдающую жену, что это с его стороны была всего лишь «добрая шутка», и он не виноват в том, что у людей отсутствует чувство юмора...

Она ловила себя на мысли, что стала заложницей постоянного ожидания его странных и страшных выходок, всегда происходивших непредвиденно и то позоривших ее, то оскорблявших, то наносивших откровенный и непоправимый ущерб... Но если представить, как пришлось бы рассказывать обо всем этом хотя бы в суде во время развода, – то оказывалось, что рассказывать-то и нечего! Это она, Лёся, выходила злой и мелочной склочницей, придирицей, отравившей жизнь пусть грубоватому, но доброму и заботливому малому, с извечной мужской неуклюжестью пытавшемуся проявить к ней любовь и по-своему позаботиться...

Незадолго до Нового года на их вещевой ярмарке отключили отопление, три дня с девяти до девяти Лёся просидела в сыром продуваемом на-

сквозь помещении, зарабатывая деньги на покрытие чудовищных мужниных долгов за аренду зала для его бесприютного театра, заработала – и на четвертый слегла под два стеганых одеяла. Горячий чай с малиной и аспирином не помогал: к утру тридцатого декабря Лёся горела и сотрясалась от постоянного кашля – лающего, грохочущего, душащего, изнуряющего... Собираясь на детский утренник, где режиссеру по совместительству приходилось скакать по сцене большим меховым зайцем, горячо сочувствовавший Олег вызвал ей на дом врача – и умчался, расстроено бормоча на ходу о том, что он сегодня не артист, а только муж своей больной жены. Юный доктор, тоже озабоченный явно не предновогодним, совершенно лишним обходом гриппующих, несколько раз небрежно приложил холодный кружок стетоскопа к вздрагивающей Лёсиной спине, велел с утра тридцать первого сделать флюорографию, после чего без очереди зайти с результатом к нему в кабинет за назначениями – и молодо посыпался вниз по лестнице, на ходу влезая в распыленный пуховик.

Последовавшая ночь оказалась для Лёси самой страшной из всех, пережитых ею раньше. «Кошмарными» когда-то считались ночи, тонувшие в жгучих слезах очередного жизненного разочарования – но никогда она не ведала, как близка бывает к человеку смерть! Приступы кашля следовали один за другим, она не могла остановиться, хрипела и стонала, едва переводя дух, цеплялась за мужа, говоря ему, что умирает, – но он, проявляя законное здравомыслие, подавал ей очередной стакан чаю с медом и убеждал держаться – иначе, мол, если вызвать «скорую», то без разговоров увезут в больничку, «и тогда Новый год точно некроется». Праздновать они собирались у очередных «нужных» знакомых Олега, и он трепетно ждал новогодней ночи, связывая с ней какие-то серьезные надежды для своего вечно буксующего театрального дела.

Утром, ни минуты не спавшая, запихнув под платок мокрые от пота, слипшиеся волосы и напялив первый попавшийся свитер, Лёся кое-как доковыляла до машины и вместе с мужем отправилась на треклятую флюорографию, от которой ничего хорошего ждать уже явно не приходилось. В поликлинике царил приподнятое, предпраздничное настроение, стеклянная стена регистратуры опутана была длинным проводом с мерцающими разноцветными лампочками, в очереди предвкушающе пошучивали.

- Мне, пожалуйста, номерок на флюорографию, – Лёся протянула паспорт в окошко.

- Вы от какой организации идете? – сурово спросила ее женщина-регистратор и глянула особым, заранее выносящим приговор взглядом мелкого чиновника, имеющего минутную, но нешуточную власть.

- Я сама по себе... Мне доктор сказал... С восьмого участка... – предсказуемо растерялась

Лёся.

- Тогда только третьего января. Сегодня до обеда у нас идут организации. А потом мы закрываемся, потому что короткий день, – с легким, почти незаметным злорадством ответила женщина.

Поделаться с этим было ровно ничего нельзя. Перед ней возвышалась стена из тех, что головой не пробиваются.

- О, Господи... – в изнеможении Лёся припала лбом к стеклянному барьеру, но сразу же, вспомнив, как в бытность свою одной из уважаемых владелиц незабвенного «Хеленса» ловко распахивала взятки по карманам пожарников, санэпидемистов и прочих рэкетиоров, она решительно раскрыла сумку: – Тогда давайте с вами договоримся... По хозрасчету или как хотите...

Женщина в окне мгновенно расцвела и протянула руку – но получить приятный подарок ей сегодня было не суждено, потому что сбоку неожиданно возник вернувшийся из гардероба Олег:

- Что тут происходит? Не дают талон? Ничего, сейчас в два счета выдадут, – он бесцеремонно отодвинул жену от окошка, углядев при этом зажатую купюру в ее руке. – Ах, она еще и деньги у тебя вымогает! – его голос загредел на весь холл; несколько голов заинтересованно повернулись в их сторону. – Только попробуйте сейчас не дать моей жене талон! Только попробуйте! Я вам устрою! Вы у меня узнаете, как требовать у больших деньги – враз с работы вылетите!

- И попробую, – спокойно и нагло сказала женщина. – Еще как попробую. Сегодня на флюорографии страховая день, а одиночные, не от организаций, посетители по распоряжению администрации не принимаются. Отойдите от окна, мужчина, вы не один: за вами очередь, между прочим, стоит... Следующий!

Напрасно он пытался просунуть в маленькое окошко всю свою большую голову – сами большие возмущенно оттеснили его, стремясь скорей покончить с собственными номерками; напрасно клялся дойти после праздников до главврача и обрушить на голову строптивницы ужасные кары – ничто не подействовало: очередь двигалась своим чередом, на них больше не обращали внимания.

- Ладно, я это так не оставляю! – сдался, наконец, перед силой Олег. – Я им третьего числа задам, будут помнить, сволочи! – он обернулся к давно упавшей в кресло жене: – Ну, что делать, иди домой. Потом разберемся.

- Как – иди? – в ужасе приподнялась она. – Отвези меня, я одна не дойду!

- Ну... Как не дойдешь... Дойдешь потихоньку... – Олег быстро глянул на часы: – Ох, блин, опаздываю! Через полтора часа на сцену выходить, а еще ехать через все пробки и гримироваться... Все, короче, полетел. Ты там, давай, не разнюнивайся. Сейчас придешь – сразу большую ложку меда съешь – и под одеяло. И смотри мне – чтоб к вечеру была огурцом! Ночью в гостях

должна на все сто выглядеть!

Он кинул ей на колени номерок от пальто и помчался к выходу.

- Девушка! – тихо окликнули Лёсю из стеклянного окошечка. – Возьмите талон, идите так, не надо ничего... На вас лица нет...

Отходя восвояси с вожделенным клочком бумаги в руках, она услышала тихий диалог позади:

- Надо же, и как живет с таким дерьмом?

- И не с такими живут, Оль... А куда денешься...

«Я – денусь, – громко прозвучало в Лёсе, и робко добавило: – Если выкарабкаюсь...».

Рентген показал двустороннюю пневмонию, а доктор, для очистки совести предложив госпитализацию, выписал новый действенный антибиотик – только вот денег на него у Лёси не хватало: лиловую пятихаточку, предназначавшуюся женщине в регистратуре, муж в праведном возмущении вырвал из рук своей негодной жены – и тихо унес с собой...

Домой Лёся двигалась перебежками от фонаря до фонаря. Мела колючая, стеклистая поземка, свирепо налетавший ветер то и дело отвешивал страдалице жгучие пощечины. Она цеплялась за шероховатый бетонный столб, стояла в изнеможении несколько минут, ища взглядом следующий – такой же серый и надежный; иногда казалось, что фонарей этих впереди – дурная бесконечность, и дом недосыгаем во веки веков... Но нет, пришла, сбросила одежду, развела в воде первый попавшийся порошок – и не почувствовала его вкуса в сухом, словно наждачкой выстеленном рту... Пришло странное безразличие: потом, все потом... Повалилась... Так и заснула лицом вниз, иногда глухо кашляя в подушку.

Уверенно выступив из Вечности, осязательно приближалось новое тысячелетие.

Олег вернулся уже около десяти – веселый и слегка пьяненький: после детского утренника провожали с коллегами старый год и слегка увлеклись.

- Как? – простодушно удивился он, глядя на распластанную, равнодушную Лёсю; она кашляла меньше, зато начала отчетливо задыхаться, на груди словно кирпич лежал. – Ты еще не готова? Ты, вообще, что себе думаешь?

- Я не смогу... – еле выговорила она. – У меня воспаление легких... Мне худо совсем...

Муж помрачнел, поджал губы как бы в глубоком раздумье, покачал головой, цокнул языком:

- Нет... Нет... Все-таки ты не русская женщина... Есть в тебе какая-то, извини, инородческая дохлость... – он закатил глаза и артистично схватился за сердце: – Аа-ах, Аб'га-ам, я уми'га-аю! Тьфу. Была бы нормальная баба, как у Некрасова, – сейчас бы пошла, выпила, закусила, побалагурила! Стопка-другая – и все как рукой... А ты тут корчишь из себя первомученицу... Противно,

честное слово! Я тебя совсем другой себе рисовал, я думал...

- Олег, сходи, пожалуйста, в аптеку, мне врач лекарство прописал, антибиотик. И я чувствую, что дальше тянуть нельзя, а завтра, сам знаешь, открытой аптеки не доищешься, – тихо перебила Лёся. – Я бы еще утром сама купила, да ты деньги забрал, а второй раз выйти у меня уж сил не было...

Муж не пошевелился:

- Вот не могу понять этого женского увлечения снадобьями! Чуть что – горсть таблеток. Одно лечат – другое калечат... Наши предки в таких случаях жарко парились в бане, потом заворачивались в овчинный тулуп, ложились на протопленную печь, а утром вставали здоровыми. В крайнем случае, пили водку с медом. И ничего, до ста лет жили.

- Олег! – взмолилась она. – Неужели мне придется самой идти в таком состоянии?! Ведь даже круглосуточные в эту ночь закроются через час!

Он с сомнением посмотрел на жену и скрипнул зубами:

- Опять сегодня опоздаю из-за тебя! Ладно, давай быстро свои рецепты...

Вернулся на удивление скоро, плюхнул объемистый белый пакет на тумбочку. Лёся жадно развернула его, жарко обрадовавшись, что лекарство начнет действовать уже сегодня, – но с изумлением обнаружила в пакете пять пузырьков сердечных капель и две огромные аптекарские бутылки микстуры от кашля. Она недоуменно шуровала в пакете в поисках заветной коробочки:

- Где мои таблетки, Олег? Что ты мне принес?

- Успеешь со своими таблетками! – махнул он рукой, скривив рот. – Сначала полечись нормально, и только если уж совсем не поможет, травись своей мерзостью... Вот послушай. Стою я в очереди с рецептом, и вдруг одна женщина – старенькая такая, приятная – через плечо мне заглядывает и говорит: «Молодой человек, вы что, с ума сошли? Вы кому хотите это купить? Жене? Не вздумайте: посадите ей печень, потом год будете на лекарства работать! Поверьте мне, я четверых детей вырастила безо всяких таблеток и прочей дряни. И врачей никогда не вызывала – что они знают, эти нынешние! А от кашля рецепт простой и проверенный: берете двадцать капель корвалола, пять столовых ложек микстуры из корня солодки, все это выливаете в стакан горячего чая с сахаром, залпом выпить – и так каждые два часа. На третий день – никакого кашля! Я только так и сама лечилась, и детей лечила, можете мне поверить!». Так что вот, держи. Попробуй сначала, проверь, а потом подумаем, глотать тебе всякую отраву или нет...

Лёся сумела удивиться даже сквозь наплывающую дурноту:

- Ты обалдел? – прошептала она. – Я тебе русским языком сказала: мне врач прописал! А не

какая-то чужая женщина. Что мне теперь делать? Я же...

- «Я, я, я!» – передразнил Олег. – Если б ты только знала, как мерзко выглядит со стороны это твоё вечное ячество! Никого не слушаешь, никаких авторитетов не признаешь, только якаешь и якаешь. Врач ей прописал, мальчишка сопливый, скажите, пожалуйста! И вместо того, чтобы слушать советы старых мудрых людей, у которых опыт всей жизни за плечами, вместо благодарности...

- Уйди, – простонала Лёся, отворачиваясь. – Уйди ради Бога... Я обойдусь... Только уйди куда-нибудь...

Горячие слезы текли по горячим щекам.

Вместо того чтобы праздновать Новый год вдвоем с одинокой матерью, как делала это уже почти тридцать лет, верная Лена носилась по городу на своем пегом «жигуленке», разыскивая единственную в этой торжественной ночи дежурную аптеку. Она привезла и требуемое лекарство, и горчичники, которые сама немедленно поставила подруге, и еще много-много цветных коробочек с вселявшими надежду капсулами, горошками, бутылочками... Капли, доставленные мужем, правда, тожегодились не однажды: Лена капала их в маленькую рюмочку, когда Лёся начинала особенно горько рыдать, и насильно вливала в нее, от всей души приговаривая:

- Ну и сволочь... Ах, какая сволочь показательная... И подумать только, что случись с тобой что, не дай Бог, и он – единственный твой наследник!

Лёся вздрогнула – и твердо отстранила добрую Ленкину руку:

- Нет. Не беспокойся, дорогая. Бывшие мужья ничего не наследуют.

Глава IV

Ходит птичка весело

Небо полностью расчистилось только через несколько дней. Воздух еще оставался густовлажным, голубоватым, плотным; казалось, его можно было кусать... Небо и земля словно обновились: Илья никогда раньше не видел в природе таких красок – свежих, будто новорожденных, хотя стояло уже вполне зрелое лето.

Теперь он чувствовал себя, да, вероятно, и был взрослым вполне – если не с момента той ночной катастрофы, то со следующего вечера – точно. С того часа, когда ему удалось дозвониться с почты в Ленинград, и трубку взяла было соседка, сразу запричитавшая, – но послышалась короткая борьба, и сквозь круглые дырочки в черном эбоните донесся совершенно – мертво – спокойный голос отчима дяди Володи. От мамы только что уехала «скорая», ей поставили сильный снотворный укол. Кимки больше нет. Незаметно ни для кого он съел не менее десяти пастилок крысиного яда

– это стало ясно, когда мама нашла в его постельке скомканые бумажки и пустую мятую коробку, которую он, верно, раздобыл на кухне и тихонько утянул к себе, когда мама отвернулась, чтобы ему же подогреть пюре с котлеткой. Да, это и правда было очень в его духе: все понравившееся, подошедшее по каким-то его собственным, очень смутным критериям, карапуз действительно умел ловко выкрадывать и тащил в нехитрые тайнички – под матрас своей детской кровати, на дно корзины с игрушками... Если добыча оказывалась вкусной – с удовольствием съедал целиком: под одеялом, когда все думали, что он спит, или тихо сидя над игрушками, чтобы казалось, что он увлечен игрой... Мама не могла понять, как он нашел коробку с ядом, – ведь подобные вещи хранились на верхних кухонных полках, куда самому бы ему ввек не добраться, но потом припомнила момент, что будто бы, при семейном отъезде с дачи, по рассеянности, одновременно занятая сотней других дел, сунула в низкий шкафчик с крупами и солью то, что осталось от предосенней травли крыс – а через год забыла, не обратила внимания... Она рвалась наложить на себя руки, отчим не знал, как жена переживет похороны. «Ты совсем уже взрослый, сынок. И ответственный не по возрасту, и рассуждаешь здраво. Оставайся пока на даче с сестрой: Анжелу, в любом случае, сейчас в город привозить нельзя, зачем ей такие переживания, слишком она маленькая еще. Пока ты с ней – за вас обоих можно не волноваться. А мы приедем через несколько дней, когда... когда...» – его голос все-таки сорвался, и помчались короткие гудки. Они приехали через неделю, в течение которой он готовил еду, ездил на Броневою за газом, доверив Анжелу соседям, возил сестру в Петергоф на фонтаны и в Ломоносов на аттракционы, мычал что-то невразумительно-ободряющее на ее простодушные вопросы о том, когда приедут «мама с братиком» – и больше не читал Аввакума, вечернюю работу над его портретом забросил. Вся надуманная озабоченность протопопа отвлеченными темами – какие книги читать и какими пальцами креститься (все те книги теперь – пыль или, в лучшем случае музейные экспонаты, а пальцами так и вовсе никакими никто давно не крестится), казались теперь мелкими и ненастоящими по сравнению с живым личным горем их семьи, утратившей крошечного, не умевшего ни говорить, ни думать, а только жадно впитывавшего в себя мир человечка, ничего не сделавшего в жизни – но успевшего подарить столько радости. Однажды Илья разыскал на верхней полке еще одну коробочку с ядом, достал и развернул одну пастилку (она была притягательно розовая, как клубничная карамелька, – какой идиот это придумал!), откусил немножко и пожевал: да, вкусная. На конфету не очень похожа, какая-то жирно-мясистой, пахучая – точно, Кимке понравилось... Юноша выплюнул ядовитую кашицу и тщательно прополоскал рот, хотя и пони-

мал, что ему, такому большому парню, от такого маленького кусочка ровно ничего не делается. Но Кимка-то съел их много, штук десять или больше за раз, а действие у них – он прочитал на коробке – замедленное, специально, чтоб крыса не успела отпиться водой или найти природное противоядие (или ребенку не успели бы сделать промывание до того, как отравы проникнет в кровь!)... Комкая проклятую картонку в руках, Илья впервые заплакал, ярко представив вдруг, как, уютно лежа под своим летним голубым одеяльцем, его братишка не торопясь, вдумчиво лакомился, разворачивая сильными пухлыми пальчиками одну «конфетку» за другой, а потом, довольный своей предприимчивостью, – соображал же он уже в два года что-нибудь! – сладко заснул, не представляя, какое его ждет пробуждение... Когда Кимка был жив, Илья не чувствовал сильной к нему привязанности, словно отложив ее «на потом», когда брату можно будет показывать что-то интересное – и слышать в ответ не «ба-ба-ба», учить его полезным вещам – и встречать пытливый взгляд... Так ничего и не удалось для него сделать: от пеленок брезгливо самоустранился, с коляской гулять стеснялся, разве что бутылочки какие-то несколько раз из молочной кухни доставлял – да вот ухитрился его, умирающего, по совету чужой странной тетки, три раза водой облить вместо того, чтобы на руки взять, поцеловать в первый и последний раз, – вот урод, хоть самому себе по морде дай... Он задвинул коробку с ядом повыше и подальше, на цыпочках прокрался по коридору, приоткрыл дверь в Анжелкину спальню у лесенки: в сизом мареве вянувшей белой ночи девчонка безмятежно спала, дыша глубоко и ровно. Хорошо хоть она миновала возраст глупых детских смертей, и сама такая разумная, чувствительная; теперь мама вряд ли отправит ее на дачу с садиком, да и он, если все-таки взрослые решат, отговорит их: как ни крути, а безопасней ребенку находиться в семье, а не среди сорока других сорванцов, в условиях, когда за всеми можно и не уследить...

Вернувшуюся маму Илья узнал не с первого взгляда: впервые на его памяти не напудренная, не завитая, в темном платье, с гладкими серыми волосами, по-старушечьи повязанными косынкой, она казалась усталой пожилой крестьянкой. Мимоходом притянула его голову к себе, прижалась лбом к виску, коротко простонала ненакрашенным, но очень ярким, пунцовым, будто кровью налитым ртом: «Он вот таким же вырос бы... Даже лучше...» – легонько оттолкнула сына, нагнулась, раскрыла объятия звонко летевшей к ней дочери, стиснула ее: «Солнышко, птичка моя...» – и тихо заплакала, еще сильнее накусывая губы... Позади них стоял дядя Володя с осунувшимся, неподвижным лицом, мимолетно приведшим на память каменную Голову.

С того дня Илья снова получил право на одинокие прогулки с этюдником на боку – толь-

ко это теперь особенно не радовало. Утренний и вечерний свет на спокойной воде залива, хвойного цвета невысокие частые волны с мохнатыми гривками в редкую непогоду, голубоватые лилии в заводи среди тростника, на твердых глянцеваых листьях, напоминавших пластмассовые подставки под яйца всмятку, – все это казалось теперь ему слащавой пошлостью, предназначенной для вечного кочевания с холста на холст. Зато простым полумягким карандашом он стремительно рисовал в альбоме мертвого темно-крапчатого баклана, выброшенного местной неопасной бурей на серый песок у кромки воды, сожженную молнией прибрежную иву, беспомощно разметавшую серебряные ветви, как женщина, жестоко убитая после надругательства, даже отброшенную дачным поездом под откос домашнюю собачку с остекленевши глазами... Смерть словно гналась за ним по пятам тем летом: Илье все время попадались мертвые кроты, растерзанные сородичами вороны, однажды поперек его пути проволокли тушу только что заколотой свиньи с глазами, похожими на внутренность двустворчатой ракушки; проходя мимо густо заросшего сорняком кладбища раза два наткнулся на похороны – один раз стеснительно-молчаливые, другой – с подобающим случаем воем. И все зарисовывал – то с натуры, то по памяти, иногда вдруг испытывая странное свербящее чувство, что необходимость соблюдения строгих правил композиции и пропорций словно отступает, выдвигая на первый план с трудом и болью нащупываемую суть предметов и событий. «Так, глядишь, импрессионистом стану, чего доброго...» – бормотал он по ночам в своей комнате, разглядывая дневные наброски со смешанным, тревожным чувством отторжения и – неодолимой приязни. Но уже очевидно было, что Юличу это показывать нельзя – да и сам Юлич теперь, с высоты горя, виделся не королем кисти, а в меру талантливым самоучкой, подрабатывающим на жизнь в детском кружке рисования...

В семье, которую он видел только поздно вечером, вернувшись из своих грустных странствий, царила теперь гнетущая, невыносимая атмосфера. Отчим взял на работе отпуск раньше времени, боясь оставлять жену наедине с несчастьем; он понимал, что уцелевшие старшие дети не заменят для нее так нелепо ушедшего малыша: подросток Илья жил своей непонятной и непростой (а дядя Володя любил все доступное и ясное) жизнью, Анжела, по малолетству, еще не могла быть полноценным другом и утешителем матери. В первый день, когда ей осторожно, с множеством отвлекающих слов и оговорок, сообщили о том, что «братика больше никогда нельзя будет увидеть», девочка горько, неутешно разрыдалась и убежала в сад – но уже через час была обнаружена там беззаботно скакавшей с красным марлевым сачком за неуловимой бабочкой-шоколадницей, что каждый раз легко упархивала из-под приближавшейся

сети, не покачнув своего цветка.

По вечерам на веранде мама с отчимом сидели рядом – его рука на ее поникшем плече – и дядя Володя успокаивающе бурчал над маминым виском:

– Мы оправимся, вот увидишь... Уже через год станет легче: мы ведь не первые и не последние потеряли ребенка, сама знаешь... Переживают это люди и идут дальше, что делать... Ты такая еще молодая, вполне сможешь родить мне девочку... Или... или мальчика... Не сейчас, позже, когда...

– Мне никто его не заменит! Никто! Как ты не понимаешь! – словно обжегшись о руку мужа, мама сбрасывала ее со своего плеча. – Он был один такой! Второго не будет – никогда, никогда!

– Конечно! – быстро соглашался он. – Мне тоже. Мы всю жизнь будем его помнить, но новый ребенок утешит, даст смысл... Ты сама увидишь – через год, два...

Мама отчаянно мотала головой, руками утирая слезы, но отчим притягивал ее к себе на грудь, женщина успокаивалась, начинала рассеянно кивать, облизывая губы...

– Ну, вот и ладно, вот и ладно... – он бережно похлопывал ее напряженную спину. – Все изменится, вот увидишь... Ну-ну, не плачь, высморкайся... Возьми платок...

– Мама, а у меня, когда я вырасту большая, тоже будет такой сыночек, как Кимка? – однажды трогательно спросила в такой вечер Анжела из своего кресла, где сидела в обнимку со своей уродиной-куклой; об отсылке ее на садиловскую дачу речь давно не шла, ее даже спать ни в восемь, ни в девять не загоняли. – Для этого обязательно нужно, чтобы был муж?

– Обязательно! – спохватилась, выпрямляясь, Анна, инстинктивно опасавшаяся рокового вопроса: «Откуда берутся дети в животе у мам?». – Ты станешь взрослой, выйдешь замуж, у тебя появится ребеночек, и ты назовешь его... назовешь его... – ее лицо начинало дрожать, губы кривились.

– Кимкой... – тихо подсказала Анжела, и все четверо, включая и наблюдавшего рвущую душу сцену Илью, заплакали каждый по-своему.

А Заповедника Илья по-прежнему избегал. Ему почему-то представлялось, что там находится своеобразная зона обитания Настасьи Марковны, а все связанные с ней воспоминания были ему теперь отчетливо неприятны. Пусть себе плавают там, ходит по аллеям, читает свою черную толстую книгу, сидя на терпеливом тевтонском лбу... Накаркала, чертова баба... Нет, ни в какую силу невольных пророчеств и прозрений Илья и не думал верить – глупо было бы предполагать, что она предвидела несчастный случай с его несмышленым братом, но в глубине души он злился на самого себя – за то, что из-за одного длинного и путаного, ни на какие другие в его жизни не похожего разговора с посторонней женщиной на-

столько попал под ее влияние, что в страшную минуту вдруг взял и произвел ряд нелепых действий, которые ни один человек из тех, которых он знал, любил и уважал, не одобрил бы. Каким он оказался податливым, впечатлительным... Ненадежным, если честно сказать. Сам виноват: нечего было читать дурацкие книги, искажившие ясный взгляд на мир. Действительно, бред какой, если вдуматься: тысячстраничную книгу почти средневекового сумасшедшего (конечно, кто еще даст сжечь себя живьем за право махать рукой перед своим лицом двумя пальцами, а не тремя!) читал запоем почти два года, а тонюсенького Печорина так и не осилил, чуть со скуки на третьей странице не помер, сочинение у соседа по квартире скатал – благо он в другой школе учится... Ну, ничего: детство кончилось, та страница жизни перевернута; да и с детской изостудией пора заканчивать, с осени – новая интересная школа, где будут профессионально учить рисунку и живописи, а там... Сердце замирало от дерзновенного взгляда за это «там», даже про Кимку в те минуты не думал.

Размышляя обо всем этом по дороге на культурный «пионерский» пляж, Илья рассеянно завернул в «нижний» магазинчик, куда утром часто завозили свежий, почти горячий хлеб с хрустящей, чувственно любимой им корочкой: он имел обычай, заплатив 14 копеек «новыми», жадно обглодать по пути коричневую буханку со всех сторон, оставив лишь неинтересную мякоть, которая немедленно скармливалась черноголовым чайкам, устраивавшим хищный гвалт вокруг дармовой еды. Он не сразу понял, что единственная покупательница, уже убирающая в клеенчатую продуктовую сумку бутылку молока и свежий загорелый батон, и есть избегаемая им Настасья Марковна. Она уже заметила входившего юношу, стояла и улыбалась глазами, поэтому развернуться и убежать было очень бы по-детски – Илье пришлось буркнуть: «Здрасьте», – и он сразу повернулся к молодой продавщице, узнавшей его и приветливо протянувшей хлеб. Женщина не уходила, досадно медлила, копаясь в своей потертой клеенчатой сумке, и тронулась к двери только вслед за Илей – ему еще и пришлось посторониться и механически, как учила мама, пропустить «даму» перед собой.

- Ну, что? – приветливо спросила она. – Проводится портрет?

Он даже не понял, о чем идет речь, но потом спохватился: ах, да, он же рассказал ей... Тогда, у озера, в начале лета... Месяца полтора прошло – а будто в прошлом веке осталось... Он начал переходить шоссе, надеясь, что противная тетка отстанет, пойдет наверх, где, должно быть, ее дача, но она медленно шла рядом, и как отделаться от этой непрошенной компании, Илья не знал. Он помотал головой – нет, мол, не продвигается.

- Что ж так? – с легкой насмешкой продолжала спутница, когда они шли по тенистой дорожке

вдоль шоссе. – Не поддается тебе упрямый старик?

Илья молчал, плотно сжав губы: что ей за дело?! Что она пристаёт к нему?! Шла бы своей дорогой! Из-за нее... И тут на глаза навернулись слезы – а женщина, как раз в этот момент глянув на юношу сбоку, их заметила. Ну, и пожалуйста, пусть любитесь! Пусть посмотрит на свою работу! Он резко остановился и развернулся к ней лицом, в отчаянье стыда отбросив всю вежливость:

- Ну, что, интересно?! Интересно, да?! Ну, смотрите, смотрите, разрешаю! – слезы уже усладительно-жгуче текли по щекам.

- Господи... – Настасья Марковна отшатнулась. – Что у тебя случилось, Илья? Дома... С родными... Все хорошо?

- Не хорошо! Не хорошо! – зло выкрикнул мальчишка. – Довольны? – увидев мелькнувший в ее глазах ужас, продолжал с изумительным удовольствием: – Мой брат три недели назад наелся крысиного яду, и его не сумели спасти в больнице в Ораниенбауме... Мать с отчимом оба черные от горя, сестренка рыдает... А я... я чувствую себя скотиной! Да, скотиной – и все из-за вас! А вы тут, вы... – потеряв голову, он подыскивал какое-нибудь сильное оскорбление и неожиданно вспомнил, как покойная бабушка ругалась на кухне с соседкой: – Кликуша вы, вот кто!

Он точно не знал, что означает это слово, но надеялся, что того, кто накликает беду. Женщина ахнула, двумя руками схватившись за лицо. Так они и стояли друг напротив друга, и смотрели друг другу в глаза, оба с отчаяньем – но разного свойства. Наконец, ее лицо смягчилось, она сделала шаг к Илье и осторожно взяла его за руку повыше запястья:

- Не надо нам стоять здесь так... Пойдем потихонечку... Пойдем, мой хороший...

После своей неприличной выходки юноша почувствовал настоящее облегчение и, не встретив ответного выпада, смутился и дал себя повести. Настасья Марковна ничего не говорила, но от нее так и веяло настоящим, а не просто приличествующим случаю сочувствием, и ему вдруг пришло в голову, что в семье-то сочувствия ждали именно от него. Илья был там как бы выведен за скобки горя скорбевших родителей, и никто отчего-то даже не спросил о том, горюет ли он по нелепо погибшему братику и не нуждается ли в утешении, как Анжела. А эта посторонняя женщина вела его бережно и чутко, как больного, не давая спотыкаться о мелкие камушки и трещины, и рука ее была так успокоительно теплая...

- Я что-то не то сказал... Вы – это... извините, – дрогнув сердцем, пробормотал Илья.

- Ничего страшного. У человека не каждый день умирают братья... – она чуть сжала его руку и указала на поваленную иву недалеко от пляжа: – Давай сядем. Потом, если захочешь, поплаваем.

Он все еще неловко нес остывающую бухан-

ку, обнимая, как щенка. Настасья Марковна улыбнулась, указывая на нее глазами:

- Можно? А ты оторви кусок моей булки...

Так, сидя на поваленном дереве и глядя на золотящийся впереди залив, они преломили хлеб и, не брезгуя друг другом, запили приятно холодноватым молоком из бутылки. Илья уже знал, что был несправедлив к Настасье Марковне, что она – хорошая, с минутку поколебался, не зная, трогать ли ее старую рану, но потом откинул сомнения, вдруг остро почувствовав, что с этой женщиной можно говорить обо всем:

- Скажите... Мне показалось... Если я ошибся, то простите... Но – у вас ведь тоже умер когда-то ребенок, да?

Она медленно кивнула:

- Да. Тридцать лет назад в спецдетдоме. От скарлатины.

Илья вздрогнул:

- Вас – что... незаконно репрессировали? – словно чьи-то шершавые лапки прошли по спине: слышать-то он слышал, и не раз, но вот так, чтобы своими глазами увидеть человека, вернувшегося оттуда...

Настасья Марковна криво усмехнулась:

- Почему незаконно? Законно, наверное. Только законен ли был сам закон – вот вопрос... – Она выпрямилась: – Я дочь расстрелянного священника и жена замученного. Отца расстреляли в двадцатом, мужа забрали – без возврата – в тридцать первом. Меня тоже арестовали – ненадолго, но этого хватило. А нашу трехлетнюю дочку бабушкам не отдали, как они ни бились. Ее отправили в специнтернат – такой, где детям меняли имена и фамилии, так чтобы они никогда не узнали, кто их родители... Но меня выпустили. Почему – не знаю, так Богу было угодно. Я бросилась искать ребенка – это было почти невозможно. Пока искала, девочка заразилась в интернате скарлатиной, а пенициллина, как ты сам мне сказал там, в Заповеднике, тогда еще не было... Поэтому, когда я туда, наконец, правдами и неправдами, добралась, меня смогли только провести на кладбище.

Теперь уже Илья потрясенно молчал какое-то время, но потом спохватился и выдал:

- Но ведь всех теперь реабилитировали... Наверно, и отца вашего, и мужа... Посмертно... Да?

Ее усмешка превратилась в горькую ухмылку:

- Нет. Хрущев реабилитирует тех, кто не совершил преступлений против власти и просто попал в конвейер. А мои близкие – совершили: они верили в Бога и призывали к тому других; это считалось преступлением, и они сознательно шли на него. Поэтому на реабилитацию папы и Геннадия я даже не подавала. Получить бумаги «об отсутствии события преступления», какие сейчас направо и налево раздают? Но они произошли – те события! Ни папа, ни муж сами не захотели бы такой реабилитации, потому что это означало бы, что я предала их смерть за веру... Их вольную

смерть, которую они приняли, как... как Аввакум. Видишь – я тоже попадаю, и имя у меня случайно или не случайно – такое же... Только вот силы не те – ни по острогам за мужем, ни по этапу... Когда со Шпалерной вышла – только и мыслей было: надо же, как легко отделалась, не калекой выхожу, не сумасшедшей!

Илья схватился за виски и сжал их, будто руками можно было собрать и аккуратно сложить в голове рвавшиеся в разные стороны мысли. Вдруг в сознании убийственно ярко всплыла веселая живая картинка: мама осторожно сажает на только что наполненный кипятком заварочный чайник странную куклу в виде толстой тряпичной бабы в платке, завязанном на макушке, – без ног, но в пышных длинных юбках. «Посиди-ка, попадья, и сама на горяченьком... Пугал, небось, твой муженек темных старух адскими сковородками...» – с улыбкой приговаривает она. Юноша быстро глянул на собеседницу: она вся словно состояла из углов: острые колени, обхваченные худыми длинными пальцами с четкими суставчиками, никакой округлости в руках, прямая мужская линия плеч, резкий скорбный профиль, косая линия коротких волос... Вот она какая, оказывается – попадья... Может быть, Хрущев и ее захотел бы показать по телевиденью – вместе с последним попом – последнюю попадью?

- Настасья Марковна... – робко сказал он. – А я ведь, ну... В общем, сделал, как вы учили, с Кимкой... Когда он... Перед тем, как его... Три раза водой полил... И сказал – ну, то самое... Но русское имя только одно вспомнил – Иван... Вот. Я и сам не понял, как так получилось.

Она стремительно обернулась:

- Что?! – и задохнулась: – Ты – окрестил – бра-тишку?! Господи... Дивны дела Твои! Илья... Ты ведь не понимаешь, что значит твой поступок?

Он помотал головой. Попадья перевела дух:

- Ну да, ну да... Я не стану тебе сейчас объяснять – да и глупо было бы. Просто – на будущее – запомни: вы с братом встретитесь. Это так же точно, как... Как вот этот залив, эта ива, этот хлеб... Нет, не спрашивай! – она жестом остановила его готовые сорваться слова. – Сейчас ты все равно не поймешь ответ. Нет, я не думаю, что ты еще маленький или что-то в этом роде... Просто до этого лета вся твоя жизнь шла иначе...

- Я понимаю, – угрюмо запротестовал Илья. – Вы говорите про «тот свет». Я читал. Вы ведь знаете, что я прочел всего Аввакума. Просто я в это не верю, понятно? Думаю, это придумано слабаками для слабаков. Если люди будут верить, что встретятся с близкими после смерти, это даст им силу не умереть от горя, вот и все. А сильный человек, даже зная, что не увидит тех, кто умер, никогда, все равно живет и работает. Так я считаю.

- Слабаки, говоришь... – задумчиво протянула Настасья Марковна. – По-твоему выходит, что мой муж – отец Геннадий, например, был как

раз одним из таких слабаков... Ладно. Он служил здесь недалеко, в Старом Петергофе – может, ты видел, стоит там у шоссе внизу старое темное здание – вроде кирпичного куба, там еще склады сейчас какие-то. Это бывшая церковь – храм святого Серафима Саровского... На подворье Дивеевского монастыря. И монахини еще оставались, только носили мирскую одежду и числились какими-то артельщицами... Отец Геннадий был там священником и, уходя служить, каждый раз прощался со мной и дочкой навсегда: аресты «служителей культа» стали к тому времени массовыми. Но пришли не в церковь – домой, в Петергоф. Культурный такой мужчина, тихий, говорил вежливо, удостоверение показал. Вас, говорит, отец Геннадий, решено не трогать: вы человек молодой, не косный, с вами власть готова сотрудничать. Опять же, жена ваша совсем молоденькая (мне только-только двадцать один год исполнился), а дочка и вовсе крошка. Так что, мол, понимать должны: не стоит с нами особенно ссориться... Говорит – а сам улыбается, кота нашего гладит, за ухом ему чешет – а он мурчит, дурак, пузо подставляет. Муж отвечает: если вы, дескать, к тому клоните, чтоб я вашим агентом стал, то об этом и речи быть не может. А тот смеется, обеими руками машет: что вы, что вы, разве ж мы не понимаем? Нам и надо-то от вас всего ничего: завтра воскресенье, в церкви служба будет, а после вы ведь, как всегда, проповедь скажете? Говорите вы красиво, убедительно, верят вам люди – этого не отнять, сам специально слушать ходил. Ну, вот и скажите – так, между делом, что Причастие, которое в церквях дают, – это хлеб и вино, а не... Словом, не та дикость, которую многие сдуру повторяют, – не человеческое мясо и не кровь. А просто старый русский обряд, вековая традиция, так сказать, или там иллюстрация к евангельскому рассказу – вам виднее... И все. Будете служить себе и служить, как раньше. И церковь закрывать не потребуется: те, где священники сознательные люди, не мракобесы, мы не закрываем, зачем? Ну, что, батюшка? Идет? Не подведете нас? – и подмигивает по-свойски. Муж спрашивает – а что, мол, если я откажусь? Тот морщится: ну, зачем такие жертвы – дом какой хороший, теплый, жена-красавица, девочка здоровенькая, да и других нарожать не заказано... Ради чего все это терять-то, не идиот же вы, простите, – с университетским образованием человек, нам такие ох, как нужны... Я и слушать ничего не стану, считаю, что мы договорились, потому что всего и дел-то – одну фразу сказать, причем, правдивую, заметьте: мы же цивилизованные люди, ха-ха, человечину не едим. А сомневаетесь – вон, с матушкой посоветуйтесь: уж она-то вам дело подскажет, будьте уверены... Дочку потрепал по макушке и ушел. Муж меня был на двадцать лет старше, папы моего – отца Марка, его расстреляли прямо на церковном дворе, когда мне десять лет было – давний товарищ, какая я ему советчица... Так и

обмерла, села на диван и пошевелиться не могу... Это она – та – Настасья Марковна своего протопопа на подвиги вдохновляла: иди, обличай, обо мне и детях не тужи... А я... Сажу на диване, слезами обливаюсь и шепчу: не вздумай... не вздумай... Я имела в виду – не вздумай ослушаться, но муж, наверное, не так понял, потому что подошел вдруг – и в ноги мне, как Аввакум своей матушке... Лицо в мои колени спрятал – и тоже: не могу, не могу... А чего не может?.. Так всю ночь и просидели – то он заплачет, то я. Утром я дочку отвела к бабушке, а сама с Геннадием – в храм. Как службу отстояла – не помню. Больше суток не спала, меня качало, слезы лились, в голове стреляло. Ждала проповедь – а о чем говорить будет, так и не знала. Наконец, вышел – спокойный, улыбается. У меня отлегло: значит, все в порядке, сейчас скажет что-нибудь длинно и непонятно – все равно никто ничего не поймет, прихожане наши – люди простые, монашки тоже... И пойдем мы вместе домой потихонечку, и капель станем слушать, и солнышко, совсем весеннее, заглянет нам в лицо, и на душе будет... И вдруг я поняла – почувствовала – как будет на душе. Как у Иуды Искариота, когда он бросил тридцать серебряников на пол и шел вешаться. И сразу решила, что скажу, когда мы выйдем: давай повесимся, теперь уж все равно... Но Геннадий заговорил – очень быстро, потому что боялся, что досказать не дадут: «Братья и сестры! Если вам какой-нибудь священник когда-нибудь скажет, что плоть и кровь Христова, которую мы принимаем, – это просто вино с хлебом и ничего больше, и что здесь исполняют просто красивый обычай, – не верьте этому человеку: он предатель и вероотступник. А меня, грешного иерея Геннадия, простите и благословите», – поклонился народу и ушел сквозь Царские Врата. Больше я мужа не видела: его взяли прямо в алтаре, там тоже были двери, через них и увели. Ни одной передачи для него ни от кого не приняли, выдали бумагу, что он, как тогда называлось, «приговорен к высшей мере социальной защиты» – но потом, уже после того, как оттуда стали возвращаться люди, меня нашел его сокамерник. Он рассказал, что Геннадия ужасно пытали, много раз приволакивали в камеру без сознания, всего изувеченного – и однажды он не вернулся с допроса, умер, вероятно, от пыток... Вот тебе, друг мой Илья, и вся история одного слабака. Правда, если хочешь, можешь считать, что фанатика.

Настасья Марковна хмуро смотрела на черную с белым, будто игрушечную баржу, гордо разделявшую вдальке одинаково кобальтовые море и небо. Илья оглушено молчал...

А поздно вечером, когда он завернул в узкий переулочек, ведущий к дому, – смяв белым боком свесившиеся за забор ветви давно отцветшей сирени, у калитки снова стояла, выключив огни, неуклюжая, казавшаяся огромной «скорая помощь».

«Мама! – ожгло Илью. – Не выдержала...». Но уже на садовой тропинке он ясно услышал ее звонкий голос с веранды и решил: «Значит, Анжела...». Взлетел по ступенькам, толкнул хлипкую дверь: крепко прижав к себе самозабвенно обхватившую ее дочку, мама полусидела на подлокотнике ветхого кресла, а напротив как раз силился подняться с затянутого холщовым чехлом дивана бледный, испуганный, но вполне целый и невредимый отчим. В центре комнаты одна девушка в белом халате застегивала внушительный медицинский чемоданище – и оставалось только мимоходом удивиться тому, как непринужденно она с ним обращается – а другая просто стояла, убрав руки в карманы, и громко, равнодушно говорила:

- В следующий раз, если вы опять ошибетесь, – умрете. Сейчас вы остались живы только потому, что приняли одну таблетку. Если бы, как обычно, две, то мы бы вас не то что здесь не откачали, но и до больницы бы не довели... Так что...

- Да все же пузырьки одинаковые – коричневого стекла... – оправдывался отчим... Наклейки похожие! Да и не думал я, что может попасться что-то опасное...

- Так что впредь – внимательно читайте названия! – неумолимо продолжала докторица. – И помните, что при определенных болезнях есть лекарства, принимать которые смертельно опасно!

- Надо же, как чувствовал, одну принял... Подумал – не очень, вроде, прихватило, можно и уменьшить... – продолжал пострадавший.

Юная врачиха усмехнулась:

- Сегодня это вас спасло, но вообще-то дозировку не нарушайте. Если врач сказал принимать две – значит, две. Только правильные...

- Клянусь! – прижимая ладони к груди, закричал он спину уже отправившейся на выход своей спасительницы.

Когда все успокоилось, мама, то и дело смагивая слезы, объяснила сыну, что дядя Володя по оплошности чуть не убил себя, приняв таблетку не из того пузырька. Она тоже теперь принимала по совету врача таблетки от сердцебиения, изводившего ее почти до тошноты весь последний страшный месяц, и держала их в той же аптечке, где и муж держал свои таблетки от астмы, подхваченной еще на фронте: воевал он почему-то только в холодных и сырых краях – то стоя по горло в ледяной воде, то сутками не вылезая из гнилых ядовитых болот... С тех пор, чуя приближение приступа удушья, он не пугался, а заблаговременно принимал две сероватые таблеточки – и с их помощью почти незаметно перемогался. Ему, конечно, и в голову не приходило, что безобидные «пилюльки», прописанные жене, стоящие в той же аптечке, в такой же маленькой баночке темного стекла, могут убить его – молодого крупного мужика, расписавшегося на Рейхстаге! Он и сейчас с трудом это постигал – но Анжела уже лезла к нему на колени, смешно бодаясь мягкой душистой

головкой, – пусть не своя кровь, но частица любимой женщины, которая тоже была здесь, у его еще крепкого плеча, и теплые слезы мочили ему рубашку...

Илья теперь не всегда таскал на себе тяжелый, все плечи оттянувший этюдник – носил иногда легкую папку с бумагой, карандашами и ластиком. Останавливался, делал скупые наброски того, что остро цепляло внимание, – но больше думал. Он уже был достаточно взрослым в свои пятнадцать, чтобы понимать, что это лето станет для него переломным, на всю жизнь значимым – и не только из-за потрясения нелепой смертью братика. Вот был он – ползал, гудел, пах собой и мамой, шкодил понемножку, смотрел весело – и нет его. И не будет. Нигде и никогда... Или... И как Илья ни запрещал себе заходить за это «или», как за пограничный столб, – все равно не раз и не два ступал туда с недоверчивым любопытством... Или он есть. Просто не здесь, будто уехал надолго-надолго... И вернется, когда станет уже взрослым, будет ему тридцать три года... Почему именно столько? Может, по аналогии с «тридцатью тремя богатырями»? Хотелось увидеть его большим и себя – большим, и отчего-то в мыслях он ощущал Кимку себе ровесником, будто им обоим по тридцать три, они идут и степенно беседуют... Илья вздрагивал и обнаруживал себя стоящим – спина вжата в мощный ствол – в дубовой роще Заповедника, и слышались сквозь резную листву и зеленый свет недалекие крики мальчишек, сгавших в пруд с высокого каменного мостика без перил. Кимка так никогда не прыгнет. Иногда во время таких скитаний юноша видел в стороне свою мать и сестру – теперь они часто совершали далекие прогулки в лесопарк, где даже набредали иногда на чистые россыпи молодых березовых белых грибов – и тогда Анжела собирала их в подол короткого платьица, а мама грустно восхищалась милыми находками дочки. Иногда две почти прозрачные фигурки – женская и девчоночья – мелькали вдалеке на побережье залива, у самой кромки мягко плескавшейся у их босых ног воды, нагибались, что-то поднимали, рассматривали... Собирали камушки, которые потом долго и серьезно вдвоем сортировали в Анжелкиной комнате, чувствуя спинами пустоту соседней.

Виделся он и с Настасьей Марковной, даже заходил к ней в большой двухэтажный дом над сливочно-сиреневым от тесно росших головок клевера и кашки полем. На нижний этаж и во времяю она пускала на все лето дачников, сама по полдня убивалась в любую погоду над огородом... Дом, войной пощаженный, достался ей от матери, к которой она прибежала, отпущенная из Большого дома, – после того как обнаружила, что в собственном ее с мужем уютном – Маленьком! – домике, где они были счастливы, где родилась их несчастная девочка (попадья так ни разу и не произнесла вслух ее имени: «Не могу: заплачу»)

уже месяц живут чужие люди, тоже считающие его своим. «Мы всегда здесь жили», – не моргнув глазом, сказала потрясенной Анастасии новая бесстыдная жилища. Как жене и дочери репрессированных, на работу ей устроиться не позволили и даже на войну добровольцем не взяли – вероятно, как она сама с кривой улыбкой поясняла, боясь, что она из мести помчится продавать военные тайны врагу. После войны добавили попадье еще один официальный грех: жила на оккупированной территории, что вдобавок к двум первым и вовсе вычеркнуло ее из списка советских людей. Получив когда-то специальность акушерки, Настасья Марковна умела ставить капельницы, принимать несложные роды и делать инъекции – тем и перебивалась, когда деньги дачников и фруктово-овощные заготовки подходили к концу. Ее помощь была неизменно востребована у простых людей, не доверявших советской медицине, но с детства знавшей бедную, рано осиротевшую поповну, дочь на глазах у всех застреленного из нагана деревенского батюшки Марка. Зато и на пенсию от государства ей, как презренной тунеядке, рассчитывать не приходилось... «Паду в оглоблях», – не радостно шутила она.

Спустя годы Илья часто задавался вопросом: а правда ли, что иногда действительно можно каким-то образом провидеть будущее? Или просто человек чего-то очень желает или опасается, а когда это действительно происходит, убеждает себя, что знал все наперед? Про то лето он мог сказать твердо: чувство, что смерть Кимки – только начало неведомых бед, не отпускало его ни на минуту, и осязаемо сгустилось, стало почти непереносимым ближе к началу жаркого, по-южному бархатного августа. Это казалось нелогичным: достигнув своего апогея, горе должно было пойти на спад, и, вроде, так и происходило – а все же, Илья подспудно ждал неотвратимого, как был втайне тоскливо убежден, повторного удара. Он всегда медлил возвращаться домой, инстинктивно боясь вновь увидеть в своем сумрачном, заросшем травой переулке страшную белую машину с красными крестами на боках и спящим водителем внутри. (Последнее его всегда оскорбляло, даже когда «скорая» стояла в городе у чужого парадного: внутри всегда либо спал, либо лениво читал газету праздный водитель, нимало не беспокоясь о том, что в тот момент кто-то жестоко страдал или вовсе прощался с жизнью.) Каждый раз юноша заворачивал за угол с остановившимся сердцем – и, облегченно выдохнув, тихо ругал себя матом за мнительность...

Но это случилось именно когда Илья уехал в Ленинград оформляться в новую школу. Он специально оттянул поездку до пятницы, зная, что дядя Володя, купив в Елисейском гостинцев, сразу помчится после работы к жене и дочери, и можно будет переночевать дома в блаженном и

слегка незаконном одиночестве. Все так и вышло: квартира была пуста и прохладна, на соседской двери висел внушительный замок, а в их двух просторных смежных комнатах (еще весной там смеялась мама, надувал щеки Кимка, прилежно склонялась над уроками Анжела, что-то упорно писал и чертил за черным от времени письменным столом дядя Володя, а Илья, почти «под ноль» остриженный после больницы, расслабленно слушал трескучее радио – и все это вместе взятое называлось «счастливая семья») пахло старой пылью, припеченной отвесно падавшими сквозь высокие окна пушистыми лучами солнца, стояла посреди усеянного крошками обеденного стола недопитая утром отчимом щербатая чашка чая, преувеличенно спокойным женским голосом никогда не выключавшееся в доме радио бесконечно склоняло два насущных слова: «космос» и «кукуруза»... Он стоял в дверном проеме, как чужой, не вполне узнавая собственный дом и медленно холодея душой от понимания, что если бы Кимка был просто на даче, живой и здоровый, то не так враждебно выглядели бы родные стены! Он думал насладиться свободой и одиночеством – но навалилась черная, будто живая тоска. Борясь с ней, Илья вымыл пол, протер мебель, задвинул шторы, долго и преувеличенно бодро жарил себе на кухне картошку с салом, хрустел купленными днем на Ситном малосолевыми огурчиками – и все это с твердым чувством, что хочется только одного: броситься лицом в подушку и заплакать. Он поборол себя – на этот раз не осознав, что одержал нешуточную победу, – полистал, лежа на кровати (почему вдруг стало некуда девать ноги? куда ни протяни – все во что-то упираются...), неинтересные страницы первой попавшейся книги, закрыл на минутку глаза... А когда открыл их, было уже совсем светло, в распахнутое окно шла волшебная свежая влажность и слышалось мерное дружелюбное шуршание: он знал, что это движется «свиньей» по Большой Пушкинской смешная маленькая армия поливальных машин...

В электричке удалось сесть только после Петергофа, когда шумно вывалилась из вагона потная толпа взрослых и детей, рвавшихся на фонтаны, – сесть и глотнуть воздуха из опущенного до предела окна. Там уж было недалеко, и от станции, еще на платформе позволив себе полностью расстегнуть рубашку, – по груди уже вились первые русые волоски, его законная гордость – Илья побежал почти вприпрыжку, решив лишь показаться матери, выпить стакан холодной воды и дунуть купаться, только не на молочно-теплый залив, а на глубокий и опасный, прослоенный отрадными ледяными течениями, карьер по другую сторону от железной дороги. В эти минуты – наверное, из-за того, что стоял дивный полдень, а не грозная ночь, – он впервые не боялся увидеть «скорую» в своем тенистом переулке, и только уже не увидев ее, вспомнил, что она могла там оказаться и

вызвать приступ тошнотворного ужаса. Впрочем, всего через несколько мгновений ему предстояло испытать кое-что похуже: на крашенных ступеньках крыльца, ведущего на веранду, спиной к распахнутой двери, за которой веяло белым тюлем, босоногий и желтоголовый, сидел и спокойно ел с голубого фаянсового блюда бледные северные вишни все тот же соседский мальчишка, чей пронзительный и жуткий крик когда-то раздался над серым песком у залива, сея страх и беду. Заметив будто на стену налетевшего при виде его Илью, он поднялся, шустро распахивая по карманам недоеденные ягоды, потом ловко выстрелил изо рта гладкой розовой косточкой в сторону кустов и недовольно сказал:

- И сколько я, по-твоему, тебя ждать должен? Притопал, наконец, слава, те... А мамаша твоя – «рано утром, рано утром...»! Ведь я как чувствовал, что продрыхнешь до обеда – соглашаться не хотел... Короче, все, вахту сдал – вон ваша малая, в саду пасется – видишь, белое платье мелькает? Ну, бывай...

- Стой! – расколдовался Илья. – Ты чего бормочешь?! Какая вахта?! Где мама?! С ней что-нибудь...

- Да не-ет... Не с не-ей... – маленький Алконост смачно отправил в рот еще одну неказистую вишенку, и трясущемуся Илье пришлось ждать, пока он ее со вкусом обсосет, и выплюнет скользкую косточку. – Этот высокий – не родной ведь тебе батя? Ну, короче, он там вчера таблетки какие-то не те выпил... Врачи понаехали, ругались – я через щель в заборе смотрел, через открытые-то окна и видно все, и слышно хорошо – что уж не первый раз он что-то там перепутал... И мамашу ругали, что не уследила. Потом в «скорую» его поволокли, а мать твоя к моей, как полоумная, кинулась – ну, чтоб за девчонкой присмотреть, пока она в больнице с ним... Сказала, ты рано утром приедешь – ага, как же, приехал ты... Маманя моя всю ночь тут на диване спала, а с утра пошла корову выгонять – и меня стеречь поставила... Да ты не бойся, я сеструхе твоей и каши с маслом разогрел, и молока парного принес – все как положено... Мы б так жрали – и сыр, смотрю, у вас в буфете лежит, и мясо в супе плавает... Ладно, пошел я... Ты давай не дрейфь, прорвемся.

Вечером пришел серьезный немолодой участковый, важности ради отравивший себе совершенно буденовские усы, попросил показать лекарство, которое принимал отчим, – Илья провел милиционера к висячей деревянной аптечке, где тот долго изучал коробочки «тройчатки», нюхал пузыречки эфедрина и йода, пробовал на вкус микстуру от кашля, подержал в руке темный флакон с мамиными таблетками, которыми отравился дядя Володя и на который молча указал Илья... Но второго, «правильного», точно такого же на вид, только с другой надписью на этикетке – ко-

ричневого, почти непрозрачного, с тусклой пластмассовой крышечкой – не нашли нигде, хотя искали и на кухне, и в тумбочке, и по всем комнатам...

- Может, твоя мама с собой взяла... – бормотал участковый, пожимая плечами и озираясь. – Машинально... А потом выронила где-нибудь... От нее сейчас проку мало – в таком состоянии женщина... – он сочувственно потрепал юношу по плечу: – Ну, держись, сынок... Он ведь не родной тебе был, да?

Илья не отвечал ничего. Ему стало понастоящему страшно.

Мама вернулась в двадцатых числах, но не одна, а с давней, со школы еще, близкой подругой, которую Илья любил, звал тетей Валею и был рад видеть всегда. Он боялся, что после повторного удара мама изменится еще больше, совсем уж необратимо, тяжело заболит или с ней случится что-то совсем уж страшное, например (Илья вздрагивал от этой мысли) она возьмет и помешается... Он с ужасом ждал ее приезда – и был поражен тем, что мама будто даже выглядела лучше, чем неделю назад. Во всяком случае, она с аппетитом съела немедленно приготовленный тетей Валею кровавого цвета борщ, положив туда неслыханное количество местной жирной сметаны, а потом спокойно заснула тут же, на веранде, обхватив рукой клубком свернувшуюся рядом дочь, под негромкое звяканье посуды, споро прибираемой со стола расторопной подругой. «Думает, хуже уже не будет... – задумчиво смотрел на нее так и не вставший из-за стола сын. – И ошибается... Да, ошибается...» – он встряхнул головой, изо всех сил надеясь, что странная злая мысль выскочит сама...

Теперь Илья спешил в Заповедник не гулять – разговаривать с Настасьей Марковной. Ее почти всегда можно было поймать там с утра – отрешенно бредущую по длинным аллеям, скульптурно застывшую с книгой на коленях в укромном, всегда неожиданном уголке леса, красиво переплывающую нижний пруд наискосок... Было видно, что женщина сдержанно радуется ему – а он неосознанно искал в ней то, чего всегда смутно недоставало в матери: серьезной заинтересованности его внутренним миром. Мама – в те, прежние, счастливые дни – педантично заботилась о сыне, следила за чистотой его скромного гардероба, сама любовно стригла «под польку», как ему нравилось, и вовремя замечала, что он «опять оброс», предлагая немедленно обновить его свидетельствовавшую о вольнодумии стрижку, готовя еду, считалась с его вкусами, заинтересованно рассматривала живописные работы и рисунки, наивно гордясь «увлечением» отпрыска, и всегда готова была приласкать, взъерошив парню волосы и бегло поцеловав в висок... До встречи с серьезной и ласковой попадшей Илья ничего большего не желал, а мир своих сложных и противоречивых

мыслей берег для смутно желанного, в жизни пока не случившегося друга, невольно представляя его ровесником и, уж конечно, не женщиной. С Настасьей же Марковной можно было говорить обо всем без утайки: о печальной гибели любимого котика, о досадных сомнениях насчет личности Аввакума, о роковом отсутствии друзей – однажды он даже на свои периодические ночные напасти, вроде тех, от которых Аввакум лечился с помощью трех свечек, осмелился намекнуть! Она поняла, пожалала плечами и рассказала, не отводя глаз, что и с ней в девичестве случалось подобное, только в те годы никто и помыслить не мог о том, чтоб спросить об этом у старших, и она уж было начала считать себя бесноватой – да вовремя вышла замуж... О несчастном случае с дядей Володи юноша тоже немедленно сообщил ей, сразу покаившись в том, что не слишком любил покойного отчима, – лишь терпел в доме пусть хорошего, но постороннего человека ради мамы – и вот, как вышло... Ученый был, рассеянный человек, весь в мыслях о работе, да еще несчастье с единственным сыном... Немудрено, что перепутал... Жаль его, а пуще – маму...

Попадья надолго задумалась, меж бровей, как отвесная игла, повисла глубокая темная складка. Они сидели рядышком на глухом берегу самого верхнего, заросшего озера; прямо перед ними совсем молодая коричневая утица, тревожно вытягивая шею, неустанно следила за мнимо безопасным небом, пока беззаботно кормился в воде ее первый в жизни выводок утят-подростков, одних только ярких селезней; вот ей почудилась в бледнеющей синеве ястребиная тень, она трижды издала короткое резкое «Кря!» – и лишь убедившись, что все ее дети немедленно исчезли под прибрежными корягами, мать и сама поспешила в безопасное место. Илья с улыбкой наблюдал за ней, руки так и тянулись к папке с бумагой, но Настасья Марковна обернулась – и он вздрогнул: лицо женщины совершенно застыло.

- Если бы я была атеисткой, то сказала бы так, – вдруг жестко произнесла попадья. – Один раз – случайность, два – совпадение, три – закономерность. Сначала кот, потом мальчик, за ним – мужчина. И все чем-нибудь отравились. Если считать кота, то выходит два с половиной.

Юноша отчетливо ощутил, как екнуло сердце.

- Вы... вы считаете... – пробормотал он, – что все это... неслучайно?..

- Я ничего не считаю, – тихим, но стальным, как нож, голосом отрезала она. – Я просто констатирую факт.

Глава V Что тебе снится...

Следующий раз Алексей открыл глаза снова в угрожающей полутьме. Что это было? Занималось утро или уж подкрадывался вечер? В любом слу-

чае, свет заставил бы пастуха бесплодно выбирать «entre chien et loup». Он точно понял, что проснулся, и даже немедленно осознал, что находится на даче, причем пробуждение странным образом произошло на кухне: прямо перед глазами слабо мерцали медные фигурные гвоздики пурпурной кожаной обивки дивана. В ту же секунду он затылком почувствовал, что в помещении кто-то есть, – более того, тот, кто находился сзади, вероятно, стоял прямо около дивана, может быть, даже наклонившись над лежащим, и это была не дружеская, ласковая Аля! От незнакомого существа – сущности! – в ужасе понял Алексей и содрогнулся – шли осязаемые токи ненависти – холодной, и безжалостной, как у готового к нападению аллигатора. Происходившее совсем не напоминало уже ставшие привычными панические атаки и, более того, в какую-то очень ясную секунду несчастный понял, что ни один пережитый им приступ не может сравниться с тем, что происходит сейчас! Из глотки рванулся крик – и не вышел наружу: только беспомощный, еле слышный сип, слабое потрескивание услышал Алексей, черное безумие захлестнуло душу, побуждая вскочить и бежать – и тут он обнаружил, что полностью, с головы до ног парализован и даже не может закрыть выпученные в смертном страхе глаза! А опасность зависала над ним все тяжелее, все ниже наклонялся тот, что стоял за спиной, живая и осязаемая жуть сгустилась вокруг – и его поразило, насколько сознательным, личным было зло, окружившее его, – сейчас он сойдет с ума, это нельзя пережить!!! А вдруг это все-таки сон?! Нет, четко слышен недалекий ветер в ветвях, а вот вдалеке проехала машина: это явь или конец, ад – ад, вот, что это такое!!! Господи, может, надо перекреститься?! Но по-прежнему не двигаются даже кончики пальцев!!!

Страдалец сделал невероятное, на пределе всех возможностей усилие, чтобы либо умереть, либо вырваться из невидимых пут – и вдруг с шумом выдохнул, освободились губы, зашевелился язык, дав возможность коряво прошептать: «Господи, помилуй...», и сразу началось медленное оживление всего тела – но ощущения не подходили на те, привычные и любимые, когда он в полушутку баловал себя, позволяя ноге или руке полностью «задеревенеть», чтоб впоследствии насладиться мощным током словно прорвавшей плотину крови... Еще пара минут – и он уже сидел, опустив ноги на пол и чувствуя ступнями прохладу рельефной плитки, мокрый с ног до головы, крупно трясущийся, и с хрипом переводил дыхание, растирал скользкую от пота грудь... В комнате, конечно, никого не было.

Он с отвращением сорвал всю мерзкую одежду, пропитавшуюся вонючим потом и еще чем-то отвратительным, что выделяет человек в моменты смертных терзаний, – просто яростно стоптал ее на пол, брезгливо швырнул в стиральную машину,

нагишом кинулся к зеркальному бару, коньяка не нашел – все равно, теперь и водка спасла бы, ша-рахнул сразу стакан без отрыва, распечатал тут же валявшуюся пачку сухариков, жадно вдохнул пря-ный дух дурного ароматизатора... И почувство-вал, как душа возвращается в тело. С полдороги в неизвестно куда, не иначе... Уже на твердых ногах направился в душ, подставил лицо, голову, плечи под упругие теплые струйки, замер, смакуя наслаждение, голова стремительно прояснялась... «Неужели кошмар? Конечно, чему еще быть?» – но что-то смущало, не давало покоя, словно вос-поминание в воспоминании или сон во сне – будто звучали в отдалении два голоса, не мужские и не женские, неузнаваемые: «Ты что наделала-то?!» – «Он сам... Откуда я знала?..» – «А если не про-снется?» – «Должен...» – «Будем надеяться...» – «В следующий раз...» – «С телефоном хорошая идея была...» – «Что телефон! Главное, чтобы полностью читать разучился...»...

Последняя фраза окончательно убедила Алек-сея в том, что все это ему пригрезилось во сне: действительно, как кто-то мог надеяться, что он разучится читать, когда он не то что читает, но и пишет, целую повесть сочиняет – да какую! Пожа-луй, надо сказать Але, чтобы уже бралась за пере-печатку и готовила почву в каком-нибудь журнале посolidней – ей виднее, разберется. А редактиро-вать... Да пусть она и редактирует, кому еще: хоть полезным делом займется, а то здесь ей и делать-то особо нечего... Он накинуд огромную махро-вую простыню, завернулся в нее, как в римское одеяние, и эдаким благородным Помпеем проше-ствовал в свой кабинет. Отыскал глазами заветную амбарную книгу, ткнул пальцем в закодированную на Алю кнопку телефона и намеренно началь-ственно, дабы совсем уж вернуть подмоченную уверенность в себе, басом велел: «Поднимитесь-ка!» – и дал отбой, чтоб не объясняться. Вот так. Правильно. Он здесь хозяин, а она – обслуга, как ни крути, и сейчас он даст указание... Дождаясь, рассеянно переворачивал страницы рукописи – и вдруг понял, что строчки расплываются перед гла-зами, сфокусировать на них взгляд никак не уда-валось... «Водку-то я напрасно... – изо всех сил тщаь проморгаться, подумал художник. – Коньяк – тот вернее... Здесь где-то должен быть, в каби-нете... Ага, вон и фляга моя... Подруга верная... – Обрадовавшись, он быстро шагнул к ней и сде-лал небольшой вкусный глоток: – Ну вот, совсем другое дело... Надо пойти закусить чем-нибудь». Но при одной мысли о еде в нем бурно восстала тошнота.

Бесшумно открылась дверь, и вошла помош-ница – красивая, тонкая, с чуть рыжеватыми во-лосами женщина лет около сорока, но одетая так, как обычно одеваются тридцатилетние, и оттого выглядывшая много моложе. В руках она держала изящную мензурку.

- Алексей Саныч, вы меня напугали. Восем-

надцать часов проспали, как убитый, – четким звонким голосом заговорила она, не посчитав нужным даже поздороваться. – И выпили... Не знаю сколько, но... Это перебор, как мне кажется...

- Мне неинтересно, что вам кажется! – сварли-во оборвал Алексей и сразу поймал ее беззащит-но-удивленный взгляд, таким тоном он никогда с ней не разговаривал, поэтому сразу до крайности устыдился и, чтоб не быть позорно раскушенным, пошел напролом: – Я вам плачу не за то, чтобы вы диктовали мне, как жить, а за работу! Вот и работайте! – он грубо ткнул в ее сторону амбар-ную книгу: – Сегодня же начинайте это перепе-чатывать – да повнимательней. И по ходу дела отредактируйте, что нужно, – я потом посмотрю. Это моя повесть – будет продолжение, так что по-думайте, в каком журнале лучше опубликовать, и спишитесь, с кем надо. Можете идти.

Получилось здорово – ни убавить, ни приба-вить. Вышколенная секретарша в таких случаях кивает хорошенькой головкой и цокает на выход.

- Вы что, уморить себя хотите? – строго сказа-ла Аля. – Скажите, как заговорили... А ну-ка вы-пейте это, быстро! – и, в ответ на его закипевший было в горле протест грациозно притопнула нож-кой: – И никаких «но»!

Укрощенный и пристыженный, он покорно глотнул из маленькой стопочки что-то горькова-то-пахучее, неловко коснулся Алиной шелковой руки:

- Вы извините... Я сам не знаю, что... Кош-мар приснился... Вы уж, пожалуйста...

Женщина повела головой из стороны в сторо-ну с прощающей, лукавой полуулыбкой:

- Смотрите мне... Я ведь и обидеться могу... Ладно, посидите пока... Пойду бутерброды вам, что ли, какие-нибудь сооружу... – она окинула босса пристальным взглядом с ног до головы, и только в этот момент до него дошло, что он так и стоит перед Алей в простыне, под которой ничего нет, и, если сейчас притянет красавицу к себе, то не будет этих всегда одинаково неуклюжих раз-деваний, губительно влияющих на мужскую силу при первом сближении.

Алексей нерешительно протянул руку, но, наткнувшись взглядом на Алину иронично дрог-нувшую бровь, тут же отдернул и описал ею воз-духе невразумительный полукруг, остановившись на бороде, которую, якобы, хотел пригладить. Аля чуть усмехнулась, но не стервозно – по-доброму, мило и завлекающе...

Со следующего дня была решительно начата новая жизнь. Во-первых, с ограничением конья-ка до одной скромной фляжки в день (придир-чиво перебрал несколько, остановился все же не на самой маленькой, но и не на пол-литровой се-ребряной бутылке). Во-вторых, с регулярными оздоровительными променадами вдоль побережья

– возможно, даже неся на отвыкшем плече облегченный этюдник, дабы в приглянувшемся уголке ностальгически тряхнуть стариною. В-третьих... Да, в третьих, за пределами этого заколдованного дома с его пугающими шорохами, шепотами и тенями он задался целью здраво обдумать дальнейшее свое повествование, может быть, даже набросать что-то в блокноте, примостившись на каком-нибудь гостеприимном, мягким мхом устеленном валуне. Все равно невозможно будет сделать это в Петербурге, где с первого же дня после приезда его сразу обложат, как охотники одинокого волка, неотложные дела – и никакая Аля не спасет. А сейчас, когда она переключила все деловые звонки на себя, и его как бы не то что в Питере, но и в России – да пожалуй, и на планете Земля не найти, – единственное время и возможность исполнить, наконец, свою давнюю мечту, вызревавшую от самого владельца незаметно, как глубоко залезший в тело, почти безболезненный абсцесс, что годами может проявлять себя только плотным сгустком, иногда случайно нащупываемым в мякоти, – и вдруг непонятно почему рванет наверх, исходя старой черной кровью и застоявшимся гноем. Так засело в нем то проклятое лето, больше полувека выжидало своего часа – теперь уж не остановить – и хорошо! Но присутствовали и странные, мучительно-хорошие воспоминания. Ведь то было первое лето, когда он не просто почувствовал себя, но и теперь, оглядываясь назад, твердо знал, что именно стал – вынужденно! – взрослым. И не испытывал ни зла, ни горя, все эти годы вспоминая кристальность воды веселого дружелюбного залива, розово-полосатые ракушки, которые так легко вдавливались босой ногой в мягкий, темно-золотой, рельефный песок на дне, старые, хрупкие серебряные ветлы, похожие на состарившихся наяд, забывших расчесать седые волосы... Пепельно-розовые закаты за недоступным Кронштадтом, палевого цвета вода в облачные дни, цветная карамель гальки в полосе неопасного прибоя – все это каким-то образом просвечивало и в его зрелых снах в добротном доме прохладного камня на изобильном Средиземноморье, чья навязчивая яркость неволью раздражала строгую северную душу...

Ну, а в-четвертых, как только допишется повесть, – сразу в Петербург. Потому что в доме страшно. Притворяйся, не притворяйся перед самим собой и Алей – страшно. Вчера опять скрипела лестница среди ночи. А чего ей скрипеть – она же новая. Он тяжело задремывал, лежа в постели, и, услышав в темноте отчетливое легкое поскрипывание (если бы в доме еще кто-то жил – голову бы дал на отсечение, что это шаги на лестнице!), одним отчаянным броском метнулся к окну, желая проверить, не открыта ли дверь в Алин домик и, стало быть, не прокрадывается ли она тайком по ночам в дом, мечтая, может быть, быть приглашенной к нему в постель, или еще что, – и увидел.

Увидел ее умную пышную головку в окошке, прилежно, как у отличницы за уроками, склоненную над клавиатурой напротив ровно горящего монитора. Пчелка-труженица... Но тут ослабели руки, подступила тошнота – еле добрался до кровати, упал вниз лицом, и – темная яма...

Обо всем этом Алексей Щеглов рассуждал неожиданно ледяным, но сухим и безветренным днем, шагая по все так же, как полвека назад, не заасфальтированной улице, в своей теплой, любимой, несносимой морской куртке, в которой ходил минувшей весной в Марселе с галльскими рыбаками за барабулькой, опыта и развлечения ради, на их неказистом на вид, но передовыми компьютерами оснащенном баркасе... Правда, куртку он почему-то надел прямо на серую домашнюю пижаму, а босые ноги всунул в резиновые боты на рыбьем меху – но об этом задумываться не хотелось. За калитку выскочил незаметно и воровато обернулся, желая убедиться, что побег не замечен с утра засевшей в своей рабочей избушке секретаршей, – обернулся и тут же одернул себя: «Да что я ей, отчитываться, что ли, обязан?! Она мне не жена, а чуть выше прислуги! Ушел и ушел, не ее дело!» – но извечный мужской страх перед женской – материнской – опекающей строгостью все равно гнезился между сердцем и желудком, заставляя вжимать голову в плечи и переходить на трусцу, чтобы скорей покинуть обширную зону видимости, – даже в ступнях нехорошо свербело, будто из тюрьмы сбежал! Однако ноги вели его правильно: они-то не забыли за мелькнувшие десятилетия не раз легко протопанный ими путь – налево из переулочка, по грунтовой дорожке, усеянной идеально круглыми, как специально выкопанными небольшими лужицами, – к узкому шоссе, круто стремившемуся вниз, к другому, широкому, по прозвищу Ораниенбаумское; за ним, помнил он, еще одна земляная неровная тропа вдоль бетонного забора, за которым что-то гудело и бахало, изгибчиво бежала уже прямо к торжественному берегу, где справа открывался изумительно желтый пляж, окруженный сочными ивами, а слева тянулась живописная темно-серая, наполовину мокрая гряда округлых валунов, издали напоминавшая лежбище усталых котиков.

Подойдя к шоссе, Алексей чуть не заплакал от мгновенного умиления: прямо перед его глазами медленно проехал невзрачный автобус, и он успел ухватить взглядом номер за стеклом: четвертый! Господи, Боже, – ходит еще, родная моя! От холодного и глубокого – такого, что низ живота сводило при осознании той бирюзовой глубины – карьера наверху, за путями, – до вокзала в Ломоносове! В тот год, когда Гагарин полетел, «четверка» была короткая, кругленькая, с хромированными поручнями, с мягчайшими коленкоровыми диванами, в жаркие дни горячими – не прикоснуться! Он, случалось, когда очень уж было лень идти вниз или вверх под горячими лучами, случалось, одну

остановку зайцем «подбрасывался», если удачно подгадывал время! Теперь автобус был, конечно, другой – безликий параллелепипед с затемненными окнами, но суть сохранилась – и это завораживало, душило внезапным счастьем... Алексей проводил степенно удаляющуюся «четверку» растроганным взглядом, полез в карман за флягой... «Будь здорова, милая!» – сделал добрый глоток, повернул на шоссе.

И замер.

Нам кажется, что в заповедные места можно вернуться и застать их прежними. Вот пройдешь сквозь тяжелую дверь старого питерского парадного, взлетишь на два пролета по широким и низким ступеням, как с ранцем за плечами взлетал, возвращаясь из первого класса, нажмешь тугую черную пупочку звонка – а за простой деревянной дверью грохнет черный чугунный крюк, и откроет тебе молодая мама в халатике – а сбоку от нее кастрюльки, кастрюльки, свои и соседские, эмалированные – меж двух дверей, ведь о холодильниках и не слышали еще... Ага, как же... От дома уцелели только стены, внутри произведена варварская перепланировка, и комната давно не ваша, а уж мама... В Петербурге он такими делами не занимался, хотя на старый свой дом на Петроградке все-таки съездил посмотреть – прилично и благоразумно, снаружи. Пожал плечами и ушел: дом стал чужой, отжил свое в его сердце и памяти, слишком многое нагромоздилось поверх. А здесь... Смешно, но ведь и вправду глубоко внутри себя ждал, что повернет голову – а там островские крыши разноцветных деревянных домиков выглядят из-за приземистых, раскоряченных яблонь... И в одном из них, может быть, до сих пор живет бессмертная попадья – потому что не могла же она взять и умереть – такая живая, цельная, стремительная, из углов состоящая, похожая – теперь он точно знал – на пражскую Цветаеву... Разумеется, она даже теперь, пусть и слепая от старости, но узнает его!

На месте целого цветника старых домиков, ютившихся некогда на пологом склоне, стояли мордатые бело-серые коробки уже немолодых пятиэтажек. Именно в этот момент он по-настоящему, не отвлеченно понял, что Настасья Марковны тоже больше нет – и быть не может – на этой земле. И на другой – той, что пишется с большой буквы. А также то, что из мира, что гораздо шире и привычной земли, и того неба, куда ворота открыл Гагарин, она никуда не исчезла, хотя бы потому, что он сейчас медленно идет вниз вдоль шоссе, думает о ней – и слышит словно слабый отклик из стремительно приближающегося далёка, где она тоже полностью о нем не забыла...

Алексей равнодушно прошел мимо знакомой типовой школы, готовившейся в его бытность к своему второму учебному году, а ныне обветшалому зданию с неуместными новыми стеклопакетами, мимо современных стеклянных магазинов,

мимо агрессивно красной бензоколонки за шоссе, подивился запущенности узкой дорожки, ведущей к пляжу, и с грустью подумал о том, что пляж, уж наверное, стандартно облагорожен, уставлен какими-нибудь, не приведи Боже, киосками – осенью, конечно, запертыми, но придающими всей местности нестерпимо унылый вид... А валуны? Может, их вообще вывезли отсюда, чтобы расширить доходную пляжную зону? Но тогда дорогу почему не окультурили – ах, Россия-матушка, ты и здесь все та же! – любая нормальная машина в два счета подвеску оставит... Хотя, теперь подъезд к пляжу, наверное, в другом месте – с парковкой, конечно, павильонами всякими... С залива рванул резкий морской ветер, Алексей остановился, достал фляжку, глотнул от души, поднял капюшон, выпрямился, взгляделся в бледный просвет между разросшимися впереди деревьями, сделал несколько неуверенных шагов – и оказался будто на руинах погибшей цивилизации.

Некогда широкая песчаная полоса сузилась до крошечного пятка, почти проглоченная вольно разросшимися сорными кустами, сквозь тусклый серый песок там и здесь пробивались седые пучки осоки. Несколько поломанных ржавых мангалов уродливо растопырилось среди угольно-грязных пятен заброшенных кострищ, усеянных пустыми пивными бутылками, мятыми жестянками и прочим убогим мусором, причем, откуда-то было ясно, что все это – остатки невеселых дешевых пиршеств озлобленных бедняков. И правда, кто и какую радость мог получить от дружеского пикника на берегу этого обросшего серыми лохматыми камышами почти стоячего водоема с густой и жирной водой болотного цвета, покрытой отвратительной маслянистой пленкой? В мертвой желто-бурой пене у полосы медленного прибоя едва колыхались две издохшие чайки...

Алексей стоял потрясенный, механически прихлебывая из неприятно отдающего металлом горлышка безвкусный, согретый под курткой напиток: он механически искал глазами три знакомых камня, которые они с Снежанкой когда-то так и называли: первый, второй и третий. Первый, стоявший немного правее, означал, что дальше можно не идти по мелководью, а почти плыть – во всяком случае, не загребая руками песок со дна. Вторых, горизонтальных, было два – «папа и ребеночек», и за них не умеющим плавать младшим ребятам заходить, как правило, не разрешалось. По третьему определяли уровень прилива – сколько видно было его темно-розового тела: много, средне или только макушечку... Ту невидимую черту переваливали только старшие – но однажды Снежана и прибывшая к ней девчонка с пляжа, в пору невысокой воды упростили Лешку взять их с собою «только обойти третий камень». Подружки осторожно, с видом отважных исследовательниц морских глубин крались рядом с ним, поднимаясь в воде на цыпочки по мере того, как она грозила

дойти обеим до вздернутых подбородков – и так мужественно перешагнули запретную воображаемую линию, а там он велел обеим немедленно возвращаться в мелкий детский «лягушатник» и, показывая пример, шустро обогнул третий камень. Под водой оказался второй, меньший, о существовании которого Леша не знал, и поэтому с размаху врезался в него беззащитной босой ногой, успев в последний момент сдержаться при детях дурное слово, заменив его на смешного «Еп-понского родового»... Превозмогая боль, он велел сестре пройти на шаг дальше, указывая на место нахождения зловредного «сыновнего» камушка, она ступила – и с криком упала в воду лицом вперед: у грозного Третьего Камня оказался и другой «сыночек»! Парень еле поднял рыдавшую от боли и чуть не захлебнувшуюся сестру, крикнув ее подружке, чтоб та отступила подальше, девчонка послушалась – и тоже громко охнула, едва удержав равновесие: под водой притаился еще и третий «отпрыск»!

Прошло почти шестьдесят лет, ничтожный срок для бессмертных по людской мерке камней, – но напрасно пытался Алексей уловить их очертания, зацепиться за них отчаянным взором, хотя перед внутренним – стояли, как наяву: простые и родные, сверху от солнца белесые, снизу с мокрой полосой отступившей волны... Нет. То ли вода поднялась и затопила их, то ли, наоборот, ушла без возврата, обнажив незнакомые раньше формы...

Его тошнило, мучительно стучало в голове, осенний свет едва заметно тускнел – сколько он простоял тут, на этом островке погибших воспоминаний, отзвучавших голосов? Неверно ступая, побрел по трескучей гальке влево, где по-прежнему громоздились вдоль бетонной стены неведомого завода вековые, скотству человеческому неподвластные валуны; стал зачем-то упорно лезть по ним, карабкаться на высокие, соскальзывать с покатых, спотыкаться о низкие, нашел неглубокую расселину, сполз туда скрючился... Что происходит? Господи, что происходит со мной?

Кромешная тьма прорезалась жалко метавшимся из стороны в сторону белым пятнышком света и далеким знакомым голосом:

- Алексей Саныч! Алексей Саныч! Отзови-тесь! Вы здесь?! Алексей Саны-ыч!

«Аля», – равнодушно понял он и тихо, тяжело простонал.

Голова жарко пульсировала, зато оледеневшие руки отказывались повиноваться, ноги ломило, в спину будто кол воткнули. «Ну, не алкоголизм же у меня – чтоб с такой маленькой фляжки... Сколько там было... Нет, не могу...». Он снова коротко взвыл, но слова не шли – язык не слушался, лежал, как чужой, – сухой и шершавый, словно у околевающего пса.

- Я слышу вас, слышу! Где вы?! – зашуршав-

шая было в противоположном направлении галька затихла – и мелкие женские шаги повернули к нему: – Вы упали? Вам больно?! Ответьте что-нибудь!!! – в Алином голосе отчетливо слышались слезы.

Он смог только протянуть на низкой ноте первую букву ее коротенького девчоночьего имени – но помощница быстро сориентировалась, и теперь пробиралась уже целенаправленно к пострадавшему, луч фонарика несколько раз мазнул его по лицу... Потом – тепло ласковых рук, мимолетные прикосновения волос, будто мягкий порыв весеннего ветра – запах духов, успокаивающее бормотание. Алексей сумел подняться, безвольным кулем навалившись на ее хрупкое надежное тело, женщина обхватила его поперек туловища, осторожно, шагком за шагком повела по крутым лбам гладких древних валунов, помнивших каменный век, и Золотой – помнивших... Онемение постепенно отпускало оживающий язык, проклевывалась полувнятная речь – «Алечка... Аленька моя...» – шептал он, стараясь причинять ей поменьше неудобств. Острый луч фонарика уверенно резал влажную безлунную ночь. За последней ветлой острие света наткнулось на ярко-алое пятно – это ждала их обоих Алина маленькая верная машина.

- Слава Богу, – с полной искренностью проговорил Алексей, бурно радуясь обретаемой власти над языком. – Похоже, выкабарали... выкарабли... – махнул рукой: – В общем, вы спасли меня, Аля...

В салоне зажегся мрачный желтый свет, и он увидел ее строгое бледное лицо.

- Да, – мрачно ответила она. – Весь вечер вас искала по всему поселку. Хотела уже полицию звать. Берег залива – это было последнее возможное место. Чуть от страха здесь, простите, не сдохла. А вы, кажется, считаете, что это тоже входит в обязанности личного секретаря...

Алексей виновато покрывал поцелуями ее руку и лепетал, как во сне:

- Никогда больше... Никогда... Больше никогда...

И тогда ее прощающая рука мягко перевернулась узкой ладонью вверх.

Он очнулся от звука далеких голосов. Да, он был у себя в постели, абсолютно голый, под тонким шерстяным одеялом, как привык... Но откуда доносились слова – снизу? Из сада? Из-за стены? Он почти уверен был, что голоса – женские, только что-то словно вибрировало и подвывало в голове, завихряясь в ушных раковинах, – никак не получалось уверенностью определить, разговаривает ли с кем-то Аля или, может, где-то просто громко работает телевизор... Его мучительно настороженным ушам удавалось разобрать только отдельные фразы: «Почти два месяца... торчим... Им-им-им-у-у-у... У-уже почти неделю под себя... А-а-а-а-е-е... Пе-ерестаралась, дура... Ра-ра-ра-

ра-и-и... Говори-ила тебе... Что делать бу-удем... Бу-у-у-у...И-и-и... Лишь бы прочитать не смог... Ок-ок-ок-о-о-о... Во-от околеет – что тогда-а...». Он разом стряхнул с себя тягучий липкий кошмар и сел с протяжным криком:

- Аля-а!!!

Частые женские шаги почти тотчас легко застучали по лестнице вверх, и Алексей поразился – как это можно по шагам определить, что у идущего маленький размер ноги, причем понять это не по тяжести, а по качеству шага. Через полминуты она уже стояла у его кровати – бледенькая, с распущенными волосами, в простом светлом трикотажном платье – взволнованная, впервые даже не пытающаяся придать себе спокойный корректный вид.

- Очнулись?! – почти выкрикнула Аля.

Вопрос несколько озадачил Алексея, потому что о своем вчерашнем приключении он имел воспоминания очень смутные и отрывистые – так, залив, камни, фляжка с коньяком, мечущийся в темноте неприятно белый луч фонаря... Значит, все-таки опять перебрал, да еще, наверно, и на голодный желудок – завтракал ли, обедал ли – Бог весть... Но что пил – это точно... Да, верно, гулял и прихлебывал, а потом завалился где-то средь камней и задрых – стыдоба какая...

- Да, я вчера... кажется... немножко... – стыдливо признал он; стыдливо – да не очень: он – мужчина, имеет право, ничего особенного, в конце концов. – Вам, наверно, повозиться... со мной пришлось, да?..

- Да уж... немножко, нечего сказать! – было видно, что Аля еле сдерживается, чтобы не наговорить резкостей, но не смеет, не желая портить пошатнувшиеся отношения.

- Там кто-то пришел? Вы с кем-то разговаривали сейчас? – со смутной ревностью спросил Алексей, потому что назойливая мысль о ее возможных тайных встречах с мужчиной никогда настоящего не покидала его.

Секретарша покачала головой:

- Вам, наверно, приснилось. Я никому не сообщила, что мы здесь, – как вы просили... Только, знаете, мне кажется... Я понимаю, что это не мое дело, но я давно у вас работаю, и вы мне не совсем посторонний... В общем, я считаю, вам надо решительно ограничить себя в отношении алкоголя. Очень решительно. Иначе вам может грозить серьезная беда, вы даже не представляете, какая!

Аля была такая красивая и серьезная, когда произносила это, такая искренняя забота отразилась на ее тонком прозрачном лице, так мягко отделились длинные русые ресницы ее матовую, чуть пушистую кожу... Конечно, она влюблена. Иначе, зачем бы все это терпела?

- Аля, идите сюда, присядьте, – сглотнув неожиданно набравшуюся слюну и неосознанно протягивая руки, попросил Алексей и, когда женщина доверчиво опустилась на край кровати, быстро и

крепко обхватил ее руками и опрокинулся назад, в подушки, увлекая ее за собой под одеяло, как старый опытный крокодил, не разжимая железной хватки, утаскивает на каменистое дно мутной реки опасливую косулю, пришедшую на водопой.

Но Аля не сопротивлялась – наоборот, подтверждая давние самоуверенные предположения своего работодателя, она сразу же обвила руками его шею и страстно ответила на требовательный поцелуй, а потом, избавив жаждущего мужчину от всегдашнего неудобства первых стеснительных расстегиваний заколдованных пуговиц и выпутываний желанной женщины из множества ее непонятных одежд, мгновенно выскользнула из своего платья, выбросила из постели еще две кружевные тряпочки – и прижалась к нему, жарко дыша и влажной кувшинкой раскрываясь навстречу. Но она не учла, что, опытный любовник и красивый мужчина, Алексей уже много лет как пресытился быстрой женской доступностью и смутно ждал нешуточного, быть может, сопротивления, чтобы торжествовать над усмирленной добычей сладкую, но нелегкую победу. Тупая Алина готовность не воспламенила, а почти разочаровала его, пресное соитие прошло по безличному кроличьему сценарию, и меньше, чем через минуту Алексей раздраженно перекатился на спину, испытал вместо ожидаемого удовольствия, лишь неясное облегчение, будто разрешившись после краткого запора. «Не баба, а оладья непропеченная! – с досадой думал он, слегка морщась и с отчетливой неприязнью уворачиваясь от нежных поглаживаний и чмоканий, с которыми она посчитала нужным немедленно к нему пристать. – И фригидная, вдобавок. Будто я не вижу, что притворялась... Изображала тут... Совсем, что ли, за идиота меня принимает? Нет уж, хватит... Сейчас повесть допишу, приеду в город – и до свидания... И вообще, пора в Европу... Хватит, пожил на Родине, спасибо... Вот и предлог – не с собой же в Париж мне эту куклу неотесанную тащить!».

- Я устал, Аля. Мне еще поспать нужно, иди к себе, пожалуйста, – сухо сказал он, и, дождавшись, пока она, шепча какие-то нежности, на цыпочках убралась, с наслаждением отвернулся к стене.

И остолбенел – если это может случиться в постели; тогда уж – «обревенел». То место, на котором он рассчитывал уютно вздремнуть еще пару часиков, было абсолютно и недвусмысленно мокрым и ледяным. Только теперь он вспомнил, что с момента пробуждения ему совсем не хотелось в туалет, – вот, почему, оказывается... И Алю он сперва именно в эту лужу завалил, она и разделалась здесь – значит, все поняла... Жгучий ужас облил Алексея с головы до ног: теперь только застрелиться! Она... Эта... чертова баба теперь будет пальцем на него показывать... Или ее задушить и закопать тут, чтобы никогда и никому?... Господи, что за мысли в голову лезут...

Он буквально скатился на пол, еле встал на

дрожащие ноги, шагнул к столу, не глядя, выдернул из ящика флягу, потряс – забулькало – приник к ней с гораздо большим рвением, чем только что к женским губам – перевел дух – вытер пот... Его прекрасно-трагический мир, соскочивший было с катурнов, стал нехотя возвращать себе былое величие. Он брезгливо сорвал с постели не только вонючее, в бурых пятнах белье, но и оскверненный матрац, и прикасавшееся ко всему этому безобразию одеяло... Просто забыть. Забыть, или жить дальше станет невозможно. Отволок все это в глухую каморку внизу под лестницей, где свалено было кое-какое сохранившееся после ремонта барахло, подлежащее разборке, до которой, знал, все равно никогда не дойдут руки. Завтра он сделает перед Алей вид, что ничего не было. Так, случайность. И велит немедленно найти людей, чтоб приехали и хлам из чулана вывезли. Скопом. И все. Белье он сейчас достанет новое, из магазина, а одеяло и матрац притащит из гостевой комнаты. Застелет – и за работу! Как там они говорили, эти голоса из кошмаров? Или не из кошмаров... Этого и того, прошлого... Ведь было же что-то подобное и раньше... Когда?.. «Главное, чтобы читать не мог» – как-то так? Это вы, милые мои, палку перегнули, да-ас... За семьдесят перевалило, и только сейчас выясняется, что есть, что сказать, по-настоящему есть, и столько мыслей, и образы, как живые! Эк, загнули, хотят, чтоб он буквы различать перестал...

Когда Алексей стал подниматься по крутой, пахнувшей лесопилкой лестнице, то, случайно подняв глаза, увидел, что наверху, на площадке, с трогательной собачьей заинтересованностью склонив благородную кудрявую голову набок, сидит крупный и статный черный пудель.

- А-а, вот и господин Мефистофель пожаловали... – бесстрашно погрозил ему пальцем повеселевший художник.

Глава VI К новым приключениям спешим, друзья

Полтора десятка лет есть полтора десятка лет. С тридцати до сорока пяти. Лучших лет человеческой жизни, когда у тех, кто в принципе небезнадежен, уже жестоко сбиты розовые очки, но еще не ушла надежда на лучшее и не утрачена способность к созиданию – как мира вокруг, так и себя самого. И, главное, не обступили болезни: словно вороны вокруг подраненной собаки, они стоят пока широким кругом поодаль, ожидая, когда потенциальная жертва еще больше ослабеет. Полтора десятка лет, которые можно прожить, а можно просрать, и большинство населения так и поступает, не заморачиваясь глобальными проблемами, когда есть же одна, но насущная: выжить любой ценой и сохранить потомство... У Лёси так и не появилось потомство, но она надеялась, что эти

пятнадцать – уже с лишком! – лет она все-таки прожила. Хотя... Можно ли считать личным достижением, что они все с той же Леной – словно застывшей навеки в возрасте около сорока и не старившейся, а как бы усыхавшей – вырвались с вещевой ярмарки и перебрались в некое блистающее сооружение из стекла и зеркал, с ресторанами и эскалаторами, и их торговая точка называлась теперь не секцией, а бутиком и торговала не мятым китайским трикотажем, а отутюженными турецкими платьями? Потому что для Вечности – какая разница... А вот для самоуважения... Хотя за что тут себя уважать?

Промелькнуло несколько активно осуждаемых мужененавистницей Леной полуинтеллигентных связей, с виду даже красивых, с подарками, театрами и средиземноморскими пляжами, но на поверку все равно унижительных... Но царило, изо всех щелей смотрело, да и в самих ее уже не таких ярких, как раньше, глазах в зеркале стояло одиночество – не женское, а просто человеческое. Когда ни отца, ни матери и ни единой родной души.

- Ну, положим, отец-то есть у тебя, – напомнила на унылом Лёсином сорокапятилетии Лена. – Уж лет, наверное, десять, как обратно на Родину прискакал. Альбом его недавно в продаже видела... По телевизору мелькает – знаешь? Может, нашла бы его, поговорили б...

- Да брось ты, какой он мне отец? Мы друг другу посторонние... – отмахнулась Лёся.

Но мысль, высказанная извне, неожиданно растопырилась в душе, сурово потеснив там давно окаменевшее решение ничего общего с этим чужим человеком не иметь. В конце концов, она не с протянутой рукой к нему пойдет – таких горьких сиротинок, через сорок лет объявляющихся перед небедным папочкой, она и сама презирала – а состоявшейся женщиной с собственным бизнесом, просто пожелавшей взглянуть в глаза тому, кто дал ей имя, отчество и фамилию. Кого, в конце концов, любила Лёсина мать, и о ком можно было составить представление только с ее слов... Но, с другой стороны... Сорок три года, если быть точной... Они с мамой обе могли остаться для этого круто сменившего свой курс человека где-то в настолько утонувшем в тумане прошлом, что он и вспоминать его не пожелал бы! Но все равно постепенно прижилась и не отпускала идеалистическая мечта, стояла перед глазами почему-то непременно осенняя их прогулка под белесым небом, среди желтых кадмиевых и охряных пятен палой листвы – пожилого отца и неюной дочери, свидетелями через столько прожорливых лет и ведущих неторопливый серьезный разговор... О чем им говорить? Может, и не о чем – тогда она просто извинится и уйдет. А может, общая кровь подскажет неиссякаемую тему?

Телефон, выставленный на официальном сайте, молчал – и тогда вездесущая Лена, уговорив

знакомого риелтора пробить телефон по таинственной «базе», принесла ей два адреса недвижимости, зарегистрированной на художника Алексея Щеглова в России: пятикомнатной квартиры на Невском проспекте в охраняемом государством реликтовом здании, и загородного дома – недалеко к югу, на заливе. Остальная – немалая, надо полагать – собственность оставалась за пределами страны и розыску не подлежала, сам же творец свободно жил меж двумя Родинами – родной и приемной.

Во второй половине осени, давно домашнему расположившейся в Лёсиных мечтах, в старинном доме, как и предполагалось, восседала холеная, похожая на школьную директрису консьержка, готовая насмерть стоять, защищая от незаконных вторжений барские владения своих работодателей.

- Я его дочь, – Лёся давно заматерела и больше уж не смущалась перед обслугой.

- Вижу, – неожиданно покладисто согласилась женщина. – Вам бы волосы осветлить – и были бы его копией, разве что без бороды... Да и ничего удивительного: на такого красивого мужчину женщины и до сих пор вешаются, так что можно быть уверенной, что вы у него не единственный ребенок, да? Уехал ваш папа. А на сколько – не сказал.

- За границу? – показала осведомленность дочка.

Консьержка покачала головой:

- А вот и не знаю. Когда за границу – тут за ним целый обоз везут всякой всячины, да не в том дело: он ко мне всегда лично подходит, дарит духи и сто евриков, прощается и просит за садом ухаживать, ключи дает... Зимний сад у него там, во двор выходит – гордость его, вроде как хобби... А тут... Чуть не полтора месяца, как последний раз его видела, с секретаршей своей выходил – или кто там она ему – и мне не кивнул даже, хотя всегда вежливый такой, сразу видно, что по женскому полу специалист. И все. Ни его, ни секретарши. Я еще подумала – может, в больнице? А с садом тогда как быть – погибнет ведь, там растения такие... деликатные попадают. И спросить не у кого...

- Подождите! – заволновалась Лёся. – Раз он бросил то, что ему дорого, значит, случилось что-то! Вы в милицию – пробовали?

- Девушка, не смешите меня! – рассердилась честная служащая. – Я консьерж здесь, а не сыщик! Мало ли, куда жилец отправился – лишь бы квартиру оплачивал, а деньги регулярно поступают, я проверяла... Да и что я там скажу? Уехал человек и не доложил? А он что мне в этом – подписывался?

«Да. И мне тем более, – подумала Лёся. – В милиции мужики, пожалуй, ухочутся: приехала дочурка богатого родителя к рукам прибирать – а он ты-тю!»

На следующее утро, как следует напоив бензином свою безотказную, лет десять без инфаркта

и паралича пробежавшую темно-синюю «Кию», Лёся упрямо выехала со двора. Путь ее лежал на южный берег Финского залива.

Дальше Петергофа она в ту сторону никогда не ездила, да и на традиционные фонтаны, вмененные в любовь каждому, хоть каплю питерской крови несущему в себе человеку, последний раз ездила с мамой лет в двенадцать – когда мама была еще самая красивая, умная и нарядная. Лёся целенаправленно копила перед такими поездками маленькие «золотые» копейки – с тем чтобы, весело постанывая от усилий, бегать вприпрыжку вокруг крошечного, круглого, неглубокого бассейна, где злобный коричневый бульдог из крашеной глины обречен был вечно гнаться в воде по кругу, среди горбатых струй за двумя неуловимыми ядовито-зелеными селезнями с широкими плоскими спинами. Под трескуче доносившуюся из усилителя магнитофонную запись тьяканья и кряканья следовало ухитриться не просто попасть монеткой в лупоглазую собаку или ее вожделенную, но во веки веков недоступную добычу, а совершить бросок настолько меткий и плавный, что копейка осталась бы на спине одной из подвижных мишеней, не отскочила бы в сторону и не была бы смыта водой... Тогда исполнялось любое желание – так все вокруг говорили! И за долгие годы прыжков вокруг «охотничьего» фонтана Лёсины монетки все-таки несколько раз торжественно уезжали на облупленных утиных спинках, а однажды удалось оставить и на округлой, застрявшими монетами небогатой песьей спине целую «двушку», предназначавшуюся для телефона-автомата и брошенную последней, в азарте отчаянья... Только желания были тогда все такие смешные – и такие в те моменты важные: написать на «отлично» контрольную по геометрии, накопить тайком на бежевые туфельки, а еще, чтоб мама разрешила посмотреть взрослый фильм после программы «Время»... Да, и «пятерка» как сама собой получалась, и на туфельки неожиданно добавляла крестная, а уж маму и без монетки стоило только попросить... Еще вдоль фонтана всегда истоиво метался какой-нибудь виртуоз, грамотно отмечавший монеткой собачий лоб, – уж он-то, наверное, загадывал что-то посущественней!

Усмехаясь, Лёся медленно ехала вдоль высокой ограды... А что – свернуть – вон туда, на тихую улочку, где никто не ездит, припарковаться на площади у касс... И спустя еще минут пять отяжелевшая тетка в середине пятого десятка, тряся пышным бюстом, начнет скакать с монетами в горсти вокруг лающего фонтанчика, мечтая попасть собаке на голову или, на худой конец, утке на хребтину легкой никелевой монеткой – чтобы загадать что-то исключительно важное... Попадет – а загадывать будет нечего. Маму не вернешь, вера в любовь кончилась, искра таланта погасла. Просить крикливых птиц и одуревшего от вечного

гона бульдожку, чтобы чужой отец стал родным?

Лёся прибавила газ и включила четвертую передачу.

Навигатор – подумать только, еще год назад она без него легко обходилась, а теперь страшна даже мысль о том, чтобы ехать, не косясь на дружелюбный экранчик и не слыша заботливого мужского голоса, – уверенно вел ее вправо и вниз, к голубому пятну залива и вдоль него, по узкому извилистому шоссе. Петергофский парк словно зацепился за что-то в ее путаных мыслях, потянул невидимую нить – и теперь быстро разматывался тугой клубок старых воспоминаний. До самой последней их поездки на фонтаны маме удалось сбегать для дочки тайну «того самого» камушка за Монплезиром – и девчонка осторожно ступала по серо-розовой площадке из круглых голышей, любопытной ножкой в лакированной туфельке отыскивая тот из них, от легкого нажатия на который вдруг брызнет вода со всех сторон – и нужно будет со счастливым визгом выпрыгнуть на мокрую земляную дорожку... Разгадку она узнала случайно – просто оказавшись в нужный момент в нужном месте. По-соседству несколько минут увлеченно отыскивала заветный камень девочка постарше, еще не совсем девушка, но все-таки уже не ребенок. Она была не с родителями, как школьница, а с мальчиком, как взрослая, – они, наверное, даже целовались. Во всяком случае, этот юноша – красивый и заносчивый с виду – чувствовал ее вполне своей собственностью, потому что, непринужденно держа в одной руке сразу два эскимо за двадцать восемь копеек, другой по-хозяйски, не спрашивая согласия, вывел подружку за линию угрожающе подросших струек. Лёся случайно выскочила одновременно с ними и, отряхивая мокрые волосы, услышала, как, вручая своей даме мороженое, будто цветок, он снисходительно пояснял ей: «Ну что ты, маленькая, что ли? Неужели до сих пор веришь? Нет, правда, – веришь в то, что надо наступить на определенный камень, чтобы вызвать воду? Ну, ты даешь! Даже я с первого класса знаю! Вон, посмотри на белые скамейки, якобы, для зрителей! Видишь, мужичок позади, скромный такой, видишь? Сидит и делает вид, что просто глазет. А на самом деле у него под ногой педалька, совсем незаметная. И он ее время от времени нажимает, чтобы брызнула вода. Работа у него такая, понимаешь? И сильно подозреваю, что она ему осточертела – смотри, какая рожа кислая!». Девушка не поверила – сунув мороженое в руки парню, на цыпочках кинулась проверять... Изумленная Лёся следила за ней жадным взглядом, парень – тоже, но презрительно посмеиваясь... Вот недоверчивая девчонка осторожно подкралась сзади к вялому толстому мужику в кепке, будто присевшему отдохнуть в холодке, глянула ему через плечо – и вдруг обеими руками зажала себе уже готовый засмеяться рот, отпрянула, огромными тихими шагами описывая полукруг, устремилась обратно...

А к застывшей Лёсе уже шла, как большая добрая слониха, мама в закрытом летнем платье неяркого ситца, и тоже несла два мороженных на палочке, в блестящих обертках – и не было душевных сил даже помахать ей рукой... «Ну, что – нашла камень?» – издали протрубила мама, еще не замечая изменившегося дочкиного лица. «Да ладно... Я уже взрослая», – убито мотнула головой Лёся. Это было похуже, чем узнать, что Дед Мороз – попросту артист-неудачник: в него она никогда по-настоящему не верила, а тут... Так постепенно не уходило, а словно на носках отступало счастливое детство.

Лёся встрепенулась. Справа пролетела темная кирпичная церковь с иконой прямо на наружной стене, слева, на высоком крутом холме проплыл невысокий желтый дворец с белыми колоннами, потом по обеим сторонам мелькнули серебрянкой крашенные солдатские мемориалы... Конечно. Здесь шли бои. Ораниенбаумский пятачок. Она ехала по костям – и очень хорошо это понимала.

«Через триста метров поверните налево», – мягко подсказал незримый приятный мужчина, и она стала взбираться на довольно крутую асфальтовую гору, венчавшуюся старой типовой школой среди корявых тополей, неопрятно, как старые проститутки несвежее белье, сбрасывавших последнюю рваную листву. Было велено снова свернуть налево, и, тяжело переваливаясь с колеса на колесо, машина покатила по ямистой грунтовке, со всех сторон, однако, окруженной вполне солидными особнячками пошлой новой постройки, а если и виднелась где-то за почти голыми уже деревьями треугольная крыша старенького дома, – то была непременно выложена безликим белым сайдингом, что делало улицу опрятной, но неуютной, как квартира в новостройке с типовой отделкой от равнодушного застройщика. Лёся послушно свернула в тенистый переулочек, почти лишенный неба сомкнувшимися наверху ветвями мощных кленов, отчего похожий на сумрачный заброшенный тоннель, и около высокого железного забора ядовито-синего, казенного цвета виртуальный попутчик сообщил, что она приехала. В этот момент где-то сбоку, будто сквозь маскировочную сеть, косо прорезался бледный солнечный луч – ноябрьский, ценный, из самых последних. Он услужливо осветил едва заметную среди рифленых железных модулей калитку, давая убедиться, что звонка на ней нет, – и наглухо, безнадежно занавешенное окно второго этажа очень добротного, каменного, идеально оштукатуренного дома – их тех, что спокойно и надежно стоят уже почти век, укрывая и успокаивая людей, храня тайны жизни и смерти, накапливая воспоминания и реликвии... Между калиткой и основной оградой оказался крошечный зазор – и Лёся немедленно прикинула к нему нетерпеливым глазом. Сверкнуло что-то алое, напомнившее вульгарный маникюр, – ну, конечно, лак. Машина! И так, в этом доме кто-то

жил, и предстояло до него достучаться.

Лёся неуверенно отступила на шаг, так что можно было бы заметить, если б дрогнули занавески на окне, набрав побольше воздуха, воззвала: «Хозяева!!!» – и сразу же ее буквально захлестнуло прямо огненное дежа вю. Когда она точно так же стояла, с надеждой задрав голову на чье-то неприступное окно, и выкрикивала какое-то слово? И тут пришло еще более странное чувство: ей совсем мало лет, она влюблена в синеглазого, с льяной головой Колю, который на самом деле Клаус Шульц, и его дразнят: «Немец-перец-колбаса-кислая-капуста»; только она стоит посреди пыльной улицы неузнаваемого дачного поселка не перед его домом, а перед домом молчаливого, темноволосого крепыша Дани, и зовет: «Данька!» с целью сделать перед всеми вид, что влюблена именно в него, потому что в Клауса – стыдно, и вообще, пусть он лучше поревнует немножко... Это озадачивающее воспоминание встало перед Лёсей – яркое, как обертка от молочной шоколадки, – только при этом она совершенно точно знала, что никаких дач ей мама никогда не снимала, а ежегодно возила на месяц «дикарем» в голодную обшарпанную Евпаторию, разбавляя зеленым морем две нудные и тяжелые лагерные смены, из-за которых она никогда не ждала летних каникул, как все нормальные дети, а, наоборот, усердно пыталась их мысленно отодвинуть. Откуда взялся этот маленький немчик в ее памяти – вкупе с мужичком-с-ноготок по имени Даня? Лёся не помнила, чтоб они с мамой ездили к кому-то погостить на столь долгое время, чтоб она успела влюбиться, – а память имела вместительную и цветную, как июльский луг с его буйным разнотравьем, пасущемся вдалеке пестрым стадом, сливочной пенкой облаков у горизонта, и даже неудачливой полевой мышью, взмывающей к небесам в когтях только что метеоритом упавшего с небес ястреба... Не было в ее жизни никакой дачи, под окнами которой она маялась бы в надежде на колебание занавески. Или была? Маму уже не спросишь... А может быть – фильм, сон? Модная ныне параллельная реальность? Помотав головой, Лёся еще раз позвала хозяев и, не дождавшись ответа, принялась колотить рукой в водительской перчатке по неприятно синей, как стена в советском общественном сортире, железной калитке. Не успела она отчаяться, как с той стороны со скрежетом отъехал засов, и в небольшой, с девичью ладонь, щели показалось спокойное женское лицо в бледно-апельсиновом облаке легких непослушных волос, а ниже, как за долгие века неизменно культивируется рыжими всех мастей, тянулась лягушаче-зеленая полоса какой-то одежды. «Блондинки с ромашковым отливом должны носить синий электрик и пепельно-розовый», – автоматически отозвался в Лёсе заживо похороненный модельер, меж тем, как она, задействовав нейтральную улыбку, уже говорила:

- Мне нужно увидеться с Алексеем Алексан-

дровичем Щегловым, я его дочь, – а рука тянулась к замку сумки, куда предусмотрительно был положен паспорт и свидетельство о рождении.

Женщина не улыбнулась, в глазах мелькнуло быстрое беспокойство:

- Он болен, лежит в постели, никого не принимает, – голос оказался красивый, богатый и теплый – он, наверняка, могла бы неплохо петь. – Когда ему станет лучше, я не знаю – болезнь тяжелая, он человек немолодой. Поэтому извините... – и без того неширокая щель начала драматически сужаться, судя по всему, исчезая навсегда.

Невесть чем вдохновленная, Лёся успела четким движением вставить в зазор тупое рыльце своего brutального лакированного ботинка:

- Вы не можете так просто выгнать меня, ничего не объяснив! – было обидно ухлопать полдня на дорогу и поиски лишь для того, чтобы ее, как школьницу, развернула у самого порога строга тетя.

- Могу, – просто ответила женщина. – Здесь частная территория, на которую вас никто не приглашал. Уберите ногу.

- Не уберу, – Лёся не зря получала у этой жизни многочисленные жестокие и дорогостоящие уроки и, разумеется, не привыкла к тому, чтобы ей указывали, что именно делать. – И не подумаю, пока вы не пойдете и не доложите вашему хозяину, что к нему пришла его дочь Елена.

Она понятия не имела, кем приходится ее отцу эта уверенная в себе особа, но по статусу ему, как будто, не полагалось управляться в доме одному, так что она могла оказаться как молодой женой, так и обнаглевшей уборщицей. Поэтому слово «хозяин» Лёся употребила со злорадным удовольствием, искренне желая оскорбить нахалку, приравняв к собаке, и с удовольствием развила свою мысль:

- Раз он не в больнице, то, значит, в сознании! А стало быть, способен самостоятельно решить, можно мне войти, или нет. Пойдите, уважаемая, выполните свою обязанность, да поживей: я не молоко приехала предлагать, а навестить родного отца.

Стрела попала в цель и вонзилась, надо полагать, больно. Лёся давно знала, что сильно обиженный человек невольно выдает больше, чем изначально собирался. Женщина вспыхнула и задохнулась:

- Да вы... Как вы смеете... Я... Я самый близкий ему человек... Немедленно уберите! Иначе...

И по тому, как она запнулась, силась мгновенно найти себе определение, стало ясно, что женщина Алексею Щеглову, во всяком случае, не законная жена, причем, скорей всего, попирает обеими ногами эту неприступную «частную собственность» еще с меньшим правом, чем круглый носок Лёсиной стильной обуви.

- Нет, – мило улыбнулась Лёся и сразу пошла

на почти беспроницаемый блеф: – Мне абсолютно точно известно, что папа в законном браке не состоит. А учитывая его личность и... внешние данные... дать себе такую характеристику, как вы, могут мечтать многие поклонницы, мимолетно им, так сказать, облагодетельствованные. Так что освободите дорогу, милочка, не злите меня. Таких, как вы, у моего отца...

- Я... я сейчас милицию вызову... – тихо, с претензией на грозность проговорила женщина, но по тому, как быстро опустили и метнулись туда-сюда ее изумительные, цвета самой первой листвы глаза, стало ясно, что этого она хочет меньше всего.

- Это я – вызову! – еще повысила голос Лёся. – Потому что не очень-то мне все это нравится! Живет себе человек, известный художник, работает, дает интервью, ездит по миру – и вдруг пропадает, никому ничего не сказав! Обнаруживается в каком-то захолустье – да и обнаруживается ли?! – а при нем чужая женщина, которая заявляет, что он никого не хочет видеть, даже родную дочь! Станный какой-то у всего этого душок, вы не находите?

На самом деле Лёсе ничего уже не хотелось – ни романтического обретения отца с трогательными взаимными излияниями, ни победы в дурацком споре над этой внезапно смутившейся дамой, ни, тем более, разборок с местной, скорей всего, дикой милицией... В один миг стало отчетливо понятно, что затеянное ею мутное дело – напрасно, просто потому, что прошло сорок три невозвратимых года, и там, за этим высоким металлическим забором, как за железным занавесом, под который когда-то ловко юркнул отец, давно и совершенно независимо, течет незнакомая и не очень-то интересная жизнь посторонних людей, вторжение в которую будет совершенно лишним как им, так и ей самой... Лёся обмякла и почти убрала ничуть не пострадавший ботинок, решив прекратить некрасивый и бесцельный скандал, и почти удивилась, когда калитка вдруг оказалась широко перед ней распахнутой.

- Ну, что ж, пожалуйста, – женщина сделала плавный пригласительный жест. – Сами хотели – теперь не жалуйтесь. Идите за мной.

Не понимая, как реагировать на внезапную капитуляцию врага, Лёся растерянно последовала за ним по мощеной серой плиткой тропинке сквозь весьма неопрятный, похожий на копну спутанных волос великана, осенний сад. Дом, однако, оказался чудесным, пережившим дорогой и тщательно продуманный ремонт, который не убил старый колорит почти вековой постройки, а лишь деликатно подновил ее, добавил удобства и разумной роскоши. Простая и красивая лестница вела на второй этаж к элегантной двери светлого дерева; напоминая расколдовавшуюся Царевну-Лягушку провожатая бесшумно распахнула ее перед Лёсей в бесцветный полумрак, та шагнула

– и остолбенела.

В комнате царил омерзительный смрад, сразу вызвавший в памяти отчего-то именно евпаторийские пляжные туалеты, где прямо вдоль ряда угаженных дырок, разделенных низкими фанерными перегородками, всегда стояла нетерпеливая очередь отдыхающих в купальниках. Поперек широкой кровати со спинкой в стиле «модерн», голый по пояс, разметавшись среди каких-то скомканных тряпок, лежал и болезненно, с перебоями, храпел седой лохматый старик. Вытянув шелковый шейный платочек, Лёся инстинктивно натянула его на пол-лица, и собственное нутряное, знакомое тепло вдруг показалось изысканно душистым... Она неловко приблизилась, наклонилась... От некогда сведших с ума ее молодую мать резких мужественных черт не осталось и следа: заплывшее, мятое лицо, усыпанное пятнами, словно забрызганное коричневой краской, отвратительно белоснежный в фиолетовых длинных губах оскал... Это ее отец, с которым она еще утром мечтала гулять по осеннему парку и высокопарно толковать о вечности.

- Я не знала... – прошептала потрясенная дочь. – Он... пьет, да? Вы... Как вас зовут... Извините меня, пожалуйста... Я абсолютно не представляла...

- Алевтина, – горько и сдавленно отозвалась в шаг позади стоявшая женщина. – Можно Аля. Да. И вы меня извините. Просто, когда... Когда ежедневно видишь, как твой... бесконечно любимый... человек губит себя, и ничего не можешь с этим поделать... Ровно ничего! Когда вот такие запои – по многу дней – и даже прислугу не наймешь, потому что он известный человек... И не хочется, чтобы узнали про... Ну, про это... И когда все приходится брать на себя – и так изо дня в день... Когда необходимо и мыть, и переодевать, и кормить с ложки – а он потом ничего не помнит... И все равно – любишь... Когда никакой надежды... – Алевтина хрипло втянула воздух, но взяла себя в руки. – И приезжает посторонняя женщина, говорит, что она – дочь, а ты – никто... Приезжает, можно сказать, на все готовое, потому что... Потому что долго так продолжаться не может!.. Послушайте, вы ведь его не знаете, как и он – вас. Если вы что-то планируете выгадать...

- Нет-нет! – ужаснулась Лёся. – Мне ничего не надо! Если что – у меня успешный бизнес, свой бутик, детей нет! Я... видите ли, я просто совсем одна, и думала, что вдруг найдется родная душа, и, может быть... Но теперь...

Еще минуту Лёся постояла над скорбным ложем, тщетно пытаясь наскоро разобраться с той пыльной бурей, что взвихрилась в душе, заслонив собою мир, – и сделала решительный шаг назад. Повернулась и бросилась вон, наплевав на никому не нужную здесь вежливость, коротко грохотнув по лестнице и в мыслях быстро прокляв себя, отца, Алевтину, этот чужой вонючий дом среди

непроходимых дебрей, в захолустном поселке с невозможным названием, годящимся лишь для африканской деревеньки... Задним ходом рванула по узкому переулку, вырулила, отчаянно крутя баранку, на земляную дорогу, нырнула вправо с асфальтовой горы – мимо школы, из которой уже валили через шоссе беспардонно, прямо на ходу курившие школьники, мимо особенно, ноябрьски безнадежно уродливых серых пятиэтажек, мимо местной убогой стеклянной торговой точки...

Инстинктивно держась ближе к обочине, погнала по извилистому шоссе, постоянно ощущая невдалеке, по левую руку, то и дело мелькавшее в просветах меж полураздетыми деревьями хмурое зеркало залива цвета серого жемчуга, – и боялась, что губительно занесет на лысоватой летней еще резине, но скорость сбавить было никак нельзя. Нельзя, потому что стоило сбросить ногу с газа – и тотчас вставало перед внутренним взглядом, требовало обдумывания и сочувствия это жалкое распростертое тело единственного по плоти родного человека, из чьей крови ровно наполовину состояла ее собственная, так жарко и настойчиво бившаяся в ней сейчас! На высокой скорости удавалось отстранять мучительное видение, игнорировать его настойчивый стук в сознание, отодвигать «на потом», с тем, чтобы, может быть, суметь постепенно избавиться от него навсегда. Для чего это все, на что ей новые мучения?! Этот человек ничтоже сумняшеся бросил ее, двухлетнюю, и, процветая в стране, при мысли о которой первым делом вспоминаешь о духах, а не о великих художниках, ни разу не поинтересовался, жива ли его дочь, не нужна ли ей отцовская помощь! Вернувшись пятнадцать лет назад, когда она торговала на рынке китайскими футболками, он и не подумал отыскать свою кровиночку, чтобы хоть любознательности ради взглянуть на то, какой она стала, красивой ли, нет ли, – ведь и внуки могли уже быть – не полюбобытствовал! Поэтому нечего тут закусывать губы и мертвой хваткой цепляться за руль – просто приехать домой, откупорить бутылку розового вина... И сказать себе, что... Да ничего – просто все, как раньше. Как до сегодняшнего дня... Что-то мешало, и Лёся долго не могла нащупать – что именно. Но, уже въехав в Новый Петергоф и застряв на светофоре, который, казалось, навеки заело на красном, вдруг наткнулась на воспоминание, как натываются беззащитным бедром на угол стола в темной комнате, – и немедленно свернула на ближайшую, оказавшуюся неожиданно уютной улицу.

На чистый капот синей машины падали лимонного цвета липовые листья. Семь лет назад было так же нарядно, только капот был серо-стальной, осыпали его листья огненно-алого цвета с породистого красавца-клена в ее дворе, машина была чужая, Ленкина, и сидело их в ней двое. На водительском месте – брат Лены, мор-

ской офицер из Владивостока, капитан второго ранга, с которым они познакомились месяц назад на печальном дне рождения у Лены же. Он только что сказал Лёсе, что подниматься к ней не будет, потому что если поднимется, – то опять останется до утра, а завтра все равно самолет, только расставаться станет гораздо невозможней, чем теперь. Она сидела на непривычном пассажирском месте, тупо смотрела на щедро валившие сверху кленовые листья, похожие на растопыренные дамские ладошки – или на пылающие следы от пощечин, которые так хотелось оставить на его бесконечно любимом, сурово-нежном лице с яркими глазами. И думала о том, что у него случайно расстегнулась вторая пуговица серой джинсовой рубашки, и если повернуть голову, то можно снова увидеть чуть выющую русую шерстку у него на груди – и тогда сойти с ума от понимания того, что на эту надежную грудь свою несчастную голову уже никогда не положишь. Не из-за того, что до Владивостока двенадцать часов лету, а потому что у него с его давно нелюбимой и нелюбящей женой – сын-подросток, больной ДЦП: недоглядели в родах – пьяная акушерка, и все такое... И еще о том, что в этой негустой поросли волнистых волос, имеющейся почти у всякого русского мужчины, – какая-то вопиющая незащищенность, от которой так больно, что хочется кричать. И Лёся не обращалась к нему – не могла, потому что знала, что взвоят – отвратительно, как простая истеричная баба, теряющая желанного мужика навсегда...

Потом, конечно, прошло. Нескоро, через несколько лет – но отпустило. Почти. Уже смутно, как сквозь толщу воды, вспоминались глаза, вкус губ, тембр голоса – все отжило в ней положенный крайний срок. Но не листья на капоте машины, не слегка седеющая шерстка на беззащитной груди, вопиющей о помощи, – такая же, как у этого омерзительного, чужого, полуголого старика, увиденного сегодня в смрадном полумраке одинокого дома... Тогда, восемь лет назад, помочь было нельзя, оставалось только желать себе скорой смерти: ведь нельзя было представить себе жизнь – после. Однако жила, и даже другие какие-то встречи порой намечались – нерадостные и ненужные. Но сейчас полуувядшее драгоценное воспоминание чудесным образом слилось с новым хрупким впечатлением, цепляло душу, как огромная заусеница, и не было тех ножниц, что отрезали бы, избавили. И не будет, поняла Лёся. Тот гнусный спившийся старик – ее отец, и как бы он ни поступил с ней, когда был в силе, подло было смести его из памяти, как крошки со стола, теперь, когда он так беззащитен. Вот если бы не было у него этой шерстки... Но она есть.

Лёся развернула машину классически – в три приема, включила у перекрестка левый поворотник и без колебаний поехала обратно, в сторону старого города Ломоносова.

Продолжение следует

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

- Виктор Орешкин 9
Андрей Маничев 11
Юлий Шагера 13
Александр Кулев 16
Евгений Смоляков 20
Ирина Ковшевая 23
Наталья Журавлева 25
Софья Дубовская 29
Татьяна Николаева 31
Лемпи Карзова-Головина 33
Александр Исаев 35
Дмитрий Удовкин 39
Виктор Кудрявцев 41
Вера Кулемина 43
Ольга Панкова-Козловская 44
Николай Димчевский 45

Проза

- Лев Горянин 90
Макар Алпатов 97
Татьяна Николаева 104
Иван Ильин 106
Светлана Панова 119
Наталья Сорокина 120
Валентина Сибирякова-Горак 128
Нина Озерова 136
Юрий Пантелеев 141
Галина Парасова 148
Наталья Веселова 150

Критика и публицистика

- Евгений Раевский 50
Виктор Орешкин 52
Михаил Усанов 57
Алексей Воронов 62
Алексей Ахматов 68
Татьяна Соренсен 70

Издание Российского Межрегионального Союза писателей
Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 15-я линия, д. 34, кв.,17
Эл. почта: igorsirena@mail.ru Контактный тел.: 8-921-908-97-16
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Палитра»
Санкт-Петербург, наб.Обводного канала, д.87
Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 14,1
Заказ № 467 Тираж 900